

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел., факс: 8 (495) 939-46-98

ПОЛЯКОВА Наталья Львовна — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора, г. Москва, Россия, e-mail: polyakova@socio.msu.ru, тел.: +7(495) 939-45-39

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinlh@socio.msu.ru

ДОБРИНСКАЯ Дарья Егоровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор сайта, г. Москва, Россия, тел.: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ПРОНЧЕВ Геннадий Борисович — кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аврин Юрий Петрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7(495)939-27-95, e-mail: aup@inbox.ru; **Антонов Анатолий Иванович** — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru; **Вельц Франк** — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at; **Бабосов Евгений Михайлович** — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru; **Водопьянов Павел Александрович** — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии и права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru; **Данилов Александр Николаевич** — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by; **Желтов Виктор Васильевич** — доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, Россия, тел.: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru; **Ильхам Мамед-Заде** — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru; **Кеничи Охashi**, профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккю, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@gikkyo.ac.jp; **Скворцов Николай Генрихович** — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru; **Тай-Лок Луи** — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tloklui@eduhk.hk; **Фарро Антимо Луиджи** — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сapienza”, г. Рим, Италия, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it; **Цинекер Хайдрун** — доктор политических наук, профессор Университета Лейпцига, г. Лейпциг, Германия, тел.: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Редактор **О.В. ИЛЬИНЫХ**

FOUNDER

Lomonosov Moscow State University; Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: **Nadezhda G. Osipova**, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: **Natalya L. Polyakova**, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Contemporary Sociology at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-45-39, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

Managing Editor: **Olga V. Ilinih**, Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

Website Editor: **Daria E. Dobrinskaya**, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

Editorial board: **Sergey A. Barkov** — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. Vershinina, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Sergey O. Elishov — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Pavel S. Kanevskiy, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Elena N. Novoselova, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Gennady B. Pronchev — Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Department of Methodology of Sociological Research, Deputy Dean for Academic Affairs at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

EDITORIAL COUNCIL

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru

Yuriy P. Averin, Doctor of Sociology, Professor, Head of Sociological Research Methodology Department at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495)939-27-95, e-mail: aup@inbox.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone: +43-512-507-73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Lui Tai-lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tlokui@eduhk.hk

Viktor V. Zheltov, Doctor of Political Science, Professor at Chair of General History and Socio-Political Sciences (Kemerovo State University), Kemerovo, Russian Federation, phone: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Heidrun Zinecker, Doctor of Political Science, Professor of International Relations at the Institute of Political Science (University of Leipzig), Leipzig, Germany, phone: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18
СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 1 • Том 27 • 2021 •
ЯНВАРЬ-МАРТ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Теория, методология и история социологии

Барков С.А. Социология как проект эпохи модерна	7
Лядова А.В. Социальное неравенство и проблемы здоровья в научном дискурсе: историко-сравнительный анализ	36
Исаева К.В. Теоретические подходы к исследованию “современности” как отражения общественного развития в социологическом знании	72

Социальная структура, социальные институты и процессы

Аверин Ю.П. Изменение качества жизни российского населения как фактор преобразования ценностной структуры	85
Новосёлова Е.Н. Физическая культура и спорт как факторы здоровья и формирования здорового образа жизни	112

Социология религии

Осипова Н.Г. Социальные аспекты ведущих религиозных доктрин: индуизм	131
Грудина Т.Н. Государственно-конфессиональные отношения в России: ключевые тенденции и перспективы	156

Социология молодежи и образования

Сушко В.А., Прончев Г.Б. Сетевое поколение растет или взросление в социальных сетях	173
Соломатина Е.Н. Новые формы социальных конфликтов в системе высшего образования России	188
Антонова Т.В. Проблемы и перспективы развития волонтерской деятельности в молодежной среде (на основе материалов регионального социологического исследования)	209

Социология города

Еременко Ю.А. Всемирное культурное наследие и устойчивое развитие. Опыт Висмара и Штральзунда	224
Абагеро Д.Д. Концепция соучаствующего проектирования Генри Саноффа	239

Политическая социология

Большаков С.Н. Политический механизм управления США в оценках общественного мнения	251
---	-----

Экономическая социология

Игумнов О.А. Внутренние факторы формирования социального капитала российских организаций	263
---	-----

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 1 • VOLUME 27 • 2021 •

JANUARY-MARCH

Four Issues per Annum

CONTENTS

Theory, methodology and history of sociology

<i>Barkov S.A.</i> Sociology as a project of modernity	7
<i>Liadova A.V.</i> Social inequality and health: the historical and sociological study	36
<i>Isaeva K.V.</i> Theoretical research approaches to “modernity” as a reflection of social development in sociological knowledge	72

Social structure, social institutions and processes

<i>Averin Yu.P.</i> Change in the quality of life of the Russian population as a factor of the value structure transformation	85
<i>Novoselova E.N.</i> Physical education and sport as factors of health and formation of a healthy lifestyle	112

Sociology of religion

<i>Osipova N.G.</i> Social aspects of main religious doctrines: Hinduism	131
<i>Grudina T.N.</i> State-confessional relations in Russia: trends and prospects	156

Sociology of youth and education

<i>Sushko V.A., Pronchev G.B.</i> Networked generation growing up or maturing on social media	173
---	-----

<i>Solomatina E.N.</i> New forms of social conflicts in the system of higher education in Russia	188
<i>Antonova T.V.</i> Problems and prospects for the development of volunteer activities in the youth environment (based on materials of regional sociological research).....	209
Sociology of the city	
<i>Eremenko Yu.A.</i> World Culture Heritage in sustainable development. The case of Wismar and Stralsund	224
<i>Abagero D.D.</i> The concept of collaborative design by Henry Sanoff	239
Political sociology	
<i>Bolshakov S.N.</i> The political mechanism of governance in the United States public opinion assessments	251
Economic sociology	
<i>Igumnov O.A.</i> Russian organizations social capital formation: internal factors	263

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-1-7-35

СОЦИОЛОГИЯ КАК ПРОЕКТ ЭПОХИ МОДЕРНА

С.А. Барков, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

Социология — необычная наука. Ее современное состояние многие авторы называют “парадоксальным”, другие авторы говорят о кризисе этой науки. В статье социология представлена как проект эпохи модерна. Такая интерпретация способна объяснить многие противоречия и эклектичные результаты ее развития.

Социология как проект, инициированный О. Контом, заключался в соединении социальной философии и эмпирики. Последняя была представлена социально-экономической статистикой и опросами населения, которые проводились в соответствии со здравым смыслом представителями государства и частными лицами. Проект был нацелен на то, чтобы из этих разных по своей природе элементов создать цельную науку, построенную по принципу естественных наук, т.е. представляющую собой единую иерархию — от самых общих идей до конкретных вычислений.

Такую единую иерархию создать не удалось. В статье рассматриваются причины такой ситуации и отдельные результаты, достигнутые в процессе реализации проекта.

Результаты социологического проекта можно условно разделить на пять групп: 1) частные закономерности, мало что говорящие об обществе в целом; 2) конкретные методы эмпирических исследований, дающие точные результаты в сфере политики, маркетинга, управления человеческими ресурсами и др.; 3) результаты, достигнутые детерминистскими теориями; 4) социологические антиномии; 5) “отрицательные результаты, которые также являются результатами” и приводят к осознанию принципиальной неприменимости научных методов к определенным областям социальной реальности. Несмотря на то что цель проекта оказалась недостижимой, к этим результатам необходимо относиться с пытетом, ведь за ними стоит труд выдающихся ученых, называвших себя социологами, а некоторые из них способны реально улучшить жизнь людей.

Сегодня социология теряет свою монополию на производование полезных знаний об обществе, а ее структура начинает представлять собой

* Барков Сергей Александрович, e-mail: barkserg@live.ru

нечто похожее на выставку идей в социальной философии и достижений в эмпирических исследованиях общества.

Ключевые слова: социология, эпоха модерна, социальная философия, эмпирика, антиномия, детерминизм, выставка идей.

SOCIOLOGY AS A PROJECT OF MODERNITY

Barkov Sergey A., Doctor of Sociology, Professor, Head of Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: barkserg@live.ru

Sociology is an unusual science. Many authors call its current state “paradoxical”, other authors speak about the crisis of this science. The article presents sociology as a project of the modern era. This interpretation can explain many of the contradictions and eclectic results of its development.

Sociology as a project initiated by O. Comte was to combine social philosophy and empiricism. The latter was represented by socio-economic statistics and surveys, which were carried out in accordance with common sense by representatives of the state and other people. The project was aimed to create from these elements, different in nature, an integral science, built on the principles of natural sciences, i.e. representing a single hierarchy — from the most general ideas to concrete calculations.

This project failed. The article discusses the reasons for this situation and different results of the project.

The results of the sociological project can be conditionally divided into five groups: 1) “small” particular laws that say little about society as a whole; 2) specific methods of empirical research that yield accurate results in the fields of politics, marketing, human resource management, etc.; 3) the results achieved by deterministic theories; 4) sociological antinomies; 5) “negative results, which are also results” and lead to the comprehension of the fact, that there are some areas of social reality, to which scientific methods are radically inapplicable. Despite the fact that the goal of the project turned out to be unattainable, these results must be treated with reverence, because they are the work of outstanding scientists who called themselves sociologists, and some of them are really able to improve people’s lives.

Today sociology is losing its monopoly on the production of useful knowledge about society, and its structure is beginning to be something like an exhibition of ideas in social philosophy and achievements in empirical studies of society.

Key words: sociology, the modern era, social philosophy, empiricism, antinomy, determinism, exhibition of ideas.

Социология представляет собой необычный микс из различных направлений исследований, методологий, личных амбиций и отдельных проектов. Порой может показаться, что под этим названием существуют совершенно разные науки и исследователи, занятые абсолютно несхожей деятельностью. Такое впечатление может в пер-

вую очередь сложиться в головах современных студентов, прослушавших курс социологии. Как и многие другие гуманитарные курсы, он условно делится на историю и современность — на эволюцию знания в данной сфере и современное его состояние, определяющее возможность использовать что-то из познанного на практике. Так вот в плане истории социологии студенты изучают множество достаточно абстрактных, непосредственно связанных с философией концепций, ставящих некие глобальные вопросы о человеке и обществе. А в рамках изучения современного состояния, как правило, они выполняют конкретное исследование, опросив своих знакомых и незнакомых людей о вполне конкретной социальной проблеме — поведении молодых водителей, употреблении наркотиков, выборе профессии и т.п. Такое странное сочетание теории и практики у вдумчивого студента может вызвать понятное недоумение.

Парадоксальное состояние современной социологии отмечали многие авторы¹, а о кризисе этой науки дискуссии ведутся уже несколько десятилетий². И все же открытым остается вопрос о том, почему у социологии такая странная структура знания? Каким образом возникла ситуация явного нарушения логики в представлении результатов, которых достигла наука, по своей природе нацеленная на соблюдение всех логических законов? Ответ на эти и многие смежные вопросы заключается в том, что социология не является наукой в привычном смысле этого слова, (наукой, рассчитанной на вечное существование), она скорее представляет собой особого рода проект эпохи модерна. Проект этот в полной мере реализовать не удалось, и сегодня социология обозначает лишь очень размытую сферу исследования и набор предметов — мыслительных и реаль-

¹ См., в частности: *Рыбкина Р.В. Парадоксы российской социологии // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 197–208; Турченко В.Н. Парадоксы и парадигмы современной социологии // Социология в Сибири: состояние и перспективы развития. Материалы межрегиональной научно-теоретической конференции, состоявшейся в Новосибирском государственном архитектурно-строительном ун-те. Новосибирск, 2003. С. 64–85; Пузиков В.Г., Турченко В.Н. Социология: кризис и парадоксы // Омские социально-гуманитарные чтения — 2015. Материалы VIII Международной научно-практической конференции / Под ред. Л.А. Кудринской. Омск, 2015. С. 119–127; Krieken R., van. The paradox of the ‘two sociologies’: Hobbes, Latour and the Constitution of modern social theory // Journal of Sociology. 2002. Vol. 38. N 3. P. 5–273; Riley D. The paradox of positivism // Commentary. 2007. Vol. 31. N 1. P. 115–126; Turner S. American sociology: from pre-disciplinary to post-normal. Basingstoke, 2014.*

² Gouldner A. W. The coming crisis of Western sociology. N.Y., 1970; Lopreato J., Crippen T. Crisis in sociology: the need for Darwin. N.Y.; L., 1999; What is wrong with sociology? / Ed. by S. Cole. New Brunswick, 2000; Summers J.H. The end of sociology? // Boston Review. 2003. N 28(6). URL: <http://bostonreview.net/BR28.6/contents.html> (accessed: 10.03.2020); Smelser N.J. Sources of unity and disunity in sociology // American Sociologist. 2015. Vol. 46. N 3. P. 303–312.

ных. Границы этой сферы определены не логикой, а тем, что удалось сделать в ходе реализации проекта.

По завершении проекта в постиндустриальную эпоху мы во многом возвращаемся к тому состоянию знания, которое было в доиндустриальном обществе, до возникновения социологии как науки. Тогда знания об обществе были распределены между множественными направлениями мыслительной деятельности — как научными, так и ненаучными. Сегодня социология, побывав в роли “вершителя судеб” социального познания, вновь становится просто частью выставки знаний об окружающем нас социальном мире наряду с философией и религией, литературой и искусством, мифологией и обыденным сознанием.

С чего все началось: философия

Понятно, что осмысление общества началось еще в первобытные времена. Еще в мифологических текстах можно найти фрагменты, описывающие и общественные процессы, и поведение личности в обществе, попытки найти некоторые закономерности истории и даже вывести нормы общественной жизни. Более глубокое проникновение в социальную материю происходило в религиозных текстах, начиная с ведических текстов и заканчивая текстами современных протестантов и приверженцев нетрадиционных религий. Здесь, правда, во главу угла был поставлен этический аспект личной и общественной жизни, но в рамках этической проблематики авторы религиозных текстов, коих в совокупности за тысячелетия наберутся миллионы страниц, пытались дать людям полезные знания об обществе и жизни в нем.

Подлинный же успех в абстрактном познании общественных законов наступил с возникновением философии. Начиная с Конфуция и Платона логическая интерпретация того, что происходит в обществе, прочно заняла умы мыслителей на Востоке и Западе. Социальная философия стала неотъемлемой частью интеллектуальной истории человечества. Она прошла с ним через многотысячелетние перипетии развития, всякий раз что-то объясняя и даже пытаясь что-то предсказать. Следует особо отметить, что, несмотря на естественное изменение социальной философии сообразно меняющейся реальности и появление все новых ее методологий и стилей изложения мыслей, ее сущность со времен Древнего мира практически не изменилась. Многие мысли Аристотеля актуальны и сегодня, их приводят в качестве подтверждения своей позиции или спорят с ними. Фактически, социальная философия стала вечным направ-

лением мыслительной деятельности людей, и на нее появление социологии (точнее провозглашение О. Контом того, что наряду и даже в противовес ей появляется новая наука) никак не повлияло.

С чего все началось: статистика, учет и опросы

Как и философия, статистическая деятельность имеет многотысячелетнюю историю. Собственно, самые древние письменные источники — клинописные таблички — содержали много именно статистической информации о выработке рабов и иных работников в Месопотамии³. В феодальном обществе актуальными стали различные описи крестьян. Это было важно, прежде всего, с точки зрения сбора налогов и иных многочисленных отчислений с крестьянских хозяйств, а также понимания размера экономических ресурсов для военных действий (рекрутирования солдат и получения материальных ресурсов для нужд армии). По тем же причинам различного рода расчетам подвергались и городские жители, и купцы. При этом многочисленные сборщики налогов и прочие лица, осуществлявшие статистическую деятельность, всегда могли вместе с вопросами о сегодняшнем состоянии семейных хозяйств, задавать и вопросы о будущем (например, сколько земли планируют распахать в следующем году, и от чего это зависит). Фактически, это было прототипом социологического опроса, построенного в соответствии со здравым смыслом (что часто имеет место и в современной “развитой” социологии).

Другим императивом развития эмпирической социологии в те времена, когда ее так никто не называл, было принятие управленческих решений. Во множестве литературных источников можно встретить такую сцену: правитель страны (или кто-то на менее высоком уровне управления) спрашивает своего советника о том, что думает народ. И тот докладывает ему о тех разговорах, сплетнях и пересудах, которые ведутся в трактирах, кабаках или на площадях. При этом тот самый советник, как можно выразиться сегодня, имел даже некоторое интуитивное представление о репрезентативности своего “интервьюирования населения”. Он не должен был знакомить своего владыку или просто начальника с тем, что кто-то один ни с того, ни с сего что-то “брякнул” на постоялом дворе. Он отбирал, хотя и весьма субъективно, именно устойчивые слухи, а также информацию, отражающую реальное положение дел. Таким образом, эмпирические методы социологии в виде наблюдения, опроса и

³См.: Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960; Дьяконов И.М. Урартские письма и документы. М.-Л., 1963.

интервью имеют незапамятную историю. Просто никто их “социологией” не называл и с какой бы то ни было наукой не соотносил.

Еще в большей степени такого рода “прото-социологические” опросы были востребованы в условиях время от времени возникавших в доиндустриальную эпоху демократий. По всей видимости, и в древнегреческих полисах с демократической формой правления, и в республиках феодальной Европы, и в отечественных боярских республиках с вечевым политическим устройством власти просто не могли обойтись без опросов населения по животрепещущим вопросам, выносимым на голосование. В противном случае они рисковали, что называется, “попасть впросак” со своими управленческими инициативами. Интересно, что в Европе для таких ненаучных, но вполне социологических исследований общественного мнения был даже придуман особый термин — “соломенные опросы” (straw polls). Считается, что его впервые предложил Джон Селден (1584–1654), английский юрист и политик, один из наиболее эрудированных людей своего времени. Он писал: “...возьмите солому и подбросьте ее в воздух — вы сможете увидеть, куда дует ветер”. С развитием демократии в Великобритании и США этот термин стал очень популярным, и им стали обозначать опросы населения перед выборами с целью выявления настроений избирателей (“направления политического ветра”). В Америке с ее стабильно функционирующей демократией регулярные “соломенные опросы” проводились с 20-х гг. XIX столетия.

Суть социологического проекта

О. Конт в первой половине XIX в. провозгласил рождение новой науки — социологии⁴. Он скрестил социальную философию и эмпирические социальные исследования. Будучи математиком, верившим в то, что образцом для всех наук являются науки естественные, он решил, что в области познания общества теоретические постулаты должны непременно “вырастать” из эмпирической базы. В физике или химии в то время самые общие закономерности, касающиеся устройства земного мира или даже Вселенной, имели своим источником эксперименты с металлическими шариками или с пробирками. Этот путь развития науки казался незыблемым и единственно возможным. Конт расположил все науки в континууме от математики до социологии, понимая при этом, что объекты у них разные, но веря в то, что их структура должна быть практически одинаковой.

⁴ См.: Конт О. Дух позитивной философии: слово о положительном мышлении. М., 2011; Он же. Общий обзор позитивизма. М., 2011.

Еще большую ясность в очертания социологического проекта внес соотечественник и последователь Конта Э. Дюркгейм. Он предложил понятие социального факта. На фактах и должна была базироваться вся социология подобно тому, как на них базируются точные науки. Он резонно полагал, что в общественной жизни наряду со всякими двусмысленностями и разными трактовками одних и тех же событий существуют непреложные истины — факты. Человек пожал руку другому человеку — это факт. В такой-то момент времени кто-то умер — это факт. В другой момент переизбрали президента — это тоже факт. Все инициаторы социологии как науки верили, что этих маленьких фактов, как кирпичиков, достаточно для того, чтобы создать большое полноценное здание науки об обществе. Именно эта вера и оказалась ложной. Из фактов социальной жизни вообще мало что можно логически вывести. И даже из “специально спровоцированных” фактов (данных опросов населения, которые инициировали ученые и которых в самом обществе без их усилий бы не было) ничего, кроме маленьких, отдельных закономерностей, создать не получилось. Вместо величественного здания появилось множество маленьких флигельков или даже собачьих будок.

Интересно, что личный опыт Конта неявным образом подтвердил нереализуемость проекта, как бы проиллюстрировав биологический закон о повторении в онтогенезе (развитии особи — в данном случае ученого) филогенеза (развития рода — в данном случае всего социологического знания). Он начал с призывов уйти в эмпирику и жесткой критики религии и метафизики, которые де изобретали свои сентенции в отрыве от практики. А закончил созданием позитивной религии — мыслительной конструкции, еще более оторванной от практики, чем то, что предлагали его талантливые предшественники, не призывающие покончить с философией и спокойно работавшие в ее русле.

В области познания общества между фактами и теорией всегда будет громадная пропасть. Построить единую логически выверенную конструкцию, в которой общие законы имели бы однозначное эмпирическое подтверждение, а эмпирические исследования со своими результатами полностью укладывались в то, что диктуют общие правила, не удалось никому. Таких попыток было множество. Кто-то создавал эту конструкцию снизу и не мог достроить верхние этажи. Кто-то строил вершину, но под ней оказывались только фрагменты фундамента. Как это происходило тысячетелетия до провозглашения социологии, теоретические размышления об обществе и эмпирические его исследования всегда шли и будут идти параллельными путями. В каждом конкретном случае теоретики и

практики будут иметь свои приоритеты, свои критерии достижения результата, свои ограничения в деятельности.

Примеры союза теории и практики

Попытка эффективно скрестить философскую теорию и данные, отражающие реальные явления и процессы в обществе, бесчисленное множество. Здесь мы приведем только несколько наиболее известных случаев, дав им соответствующую интерпретацию и показав ход мысли ученых, участвовавших в социологическом проекте.

Э. Дюркгейм постарался найти обоснование своим идеям о том, что в человеке самое важное создается общественной средой, т.е. своему методологическому социологизму в исследовании самоубийств⁵. Социологизм — это сугубо философская позиция. Кто-то верит в то, что личность порождается обществом, кто-то — в то, что общество создается людьми, а кто-то — в то, что судьба управляет и отдельными людьми, и обществами. Самоубийство в данном случае выступало в качестве практического примера, соответствующим образом проинтерпретированного. На самом деле, дискуссии о природе самоубийства идут и поныне, и очень многое из того, что накопилось в рамках таких дискуссий практически невозможно трактовать с дюркгеймовской точки зрения. Так, например, долгое время существовал (а во многом заявляет о себе и поныне) так называемый финно-угорский феномен. Финно-угорские народы (финны, эстонцы, венгры, мордва), живущие в принципиально разных социальных условиях в большей степени склонны к самоубийству в сравнении с их соседями. Но логика Дюркгейма бесчисленное количество раз воспроизводилась в рамках социологического проекта, она являет собой логику подбора к философским сентенциям примеров, якобы делающих их не просто красивыми мыслями и символами веры, а частью науки.

М. Вебер в свое время продемонстрировал другой вид союза теории и практики. В своем исследовании протестантской этики как фактора развития капитализма⁶ он оттолкнулся от статистических данных, абсолютно точно отразивших общественную реальность Германии. Согласно данным демографической статистики среди предпринимателей этой страны было непропорционально много протестантов (в сравнении с католиками). Такое начало исследования как бы ставило все дальнейшие выводы на подлинно научную основу. Но в реальности эти выводы оказались ни чем иным как

⁵ Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 2020.

⁶ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2020.

очередной социально-философской концепцией — оригинальной по содержанию и красивой по форме, но никак не доказательной. Сотни ученых после Вебера спорили и спорят о роли протестантской этики и протестантизма как такового в развитии капитализма. Многие из них вполне резонно задавали вопрос о том, что же заменило протестантскую этику в Японии, когда там очень успешно стал развиваться этот социально-экономический строй. И сегодня протестантская этика стала таким же философским символом веры, как и “тени в пещере” Платона.

Большинство примеров союза теории и практики подразумевали движение мысли от практики к теории сообразно основному познавательному пафосу социологического проекта, сформулированного Контом. Но есть весьма удачный пример обратного движения. Он касается создания качественных методов социологического исследования⁷. Жесткая критика позитивизма как методологии в философском направлении социологии вылилась в успешную попытку создать инструментарий совершенно непохожий на тот, который применялся в классических опросах и иных методах, созданных с опорой на здравый смысл. Философские инсайты относительно сложности человеческой природы, роли подсознания и многомерности коммуникаций между людьми вылились в создание совокупности методов для социологической эмпирики. В ходе их создания часто применялась неуместная научная логика, согласно которой эти методы должны стать единственными возможными, так как только они базируются на правильной, единственной верной методологии, отражающей всю сложность общественного мира. На практике выяснилось, что сфера применения качественных методов ограничена, и их существование отнюдь не отменяет применимости и эффективности традиционных позитивистских методов. Но все равно, можно констатировать, что на пути от теории к практике в рамках социологического проекта было сделано нечто вполне конкретное и действенное, хотя бы в какой-то мере напоминающее паровую машину или технологию изготовления искусственного каучука.

Чтобы завершить примеры союза теории и практики и показать, что часто такой союз способен направить мысль ученого в интересном направлении и вылиться в создание новой философии или технологии, обратимся к совсем недавнему прошлому. Американский исследователь М. Грановеттер, обобщив данные многочисленных социометрических исследований и проведя в предместьях Бостона

⁷ Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998.

свое собственное, пришел к выводу о силе слабых связей⁸. Выяснилось, что решать судьбоносные вопросы жизни (найти работу, подобрать недвижимость и др.) человеку очень часто помогали не близкие родственники или друзья, а люди, с которыми у человека было “шапочное знакомство”. Этот вывод, полученный из эмпирических данных, с очевидностью обладал философской красотой (доказательно противоречил здравому смыслу) и сегодня стал в ряд с протестантской этикой Вебера, социологизмом Дюркгема, “общиной и обществом” Тенниса и др. В данном случае важно то, что открытая закономерность не может быть названа незначительной, она вполне обоснованно претендует на глобальность и в какой-то мере оправдывает эту претензию. Но и эта концепция также уязвима с точки зрения практического использования и прогнозирования, как и все остальные философские сентенции. Любой человек может задать вопрос: а всегда ли слабые связи эффективнее сильных? И ответ на этот вопрос не будет однозначным.

В США с их индивидуализмом люди действительно обладают множеством слабых связей, некоторые из них иногда срабатывают для того, чтобы решить определенные, важные для человека проблемы. Открытая закономерность оказывается столь привлекательной потому, что западный стиль жизни сегодня стал очень быстро распространяться по планете. Сегодня многие люди и в России, и в странах Азии и Латинской Америки имеют по большей части слабые связи. Друзей очень мало, с родственниками не общаются, соседей не знают. Поэтому даже если удачный вариант покупки дома или машины предложит сосед, в современных условиях это можно считать “силой слабых связей”.

А какие слабые связи были в первобытном обществе? Да и в маленькой русской деревне почти все связи окажутся сильными, ежедневными и определяющими поведение человека. Поэтому закон о “силе слабых связей” опять-таки нельзя считать сколь-нибудь универсальным. В странах с сильным институтом семьи — Греции, Италии, мусульманских странах — картина может быть совсем иной. И даже если человек, который считает себя прежде всего представителем какого-то рода, тейпа или семейного клана, не так часто взаимодействует с его главой, он никогда не назовет эту связь слабой. А ведь часто во многих мусульманских странах (в том числе и в бывших республиках СССР) именно он, глава рода или старейшина, регулирует вопросы покупки недвижимости или трудоустройства.

⁸ Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.

О некоторых причинах общей неудачи

Как и по отношению к любому иному вопросу, имеющему философскую подоплеку, однозначного ответа на вопрос о неудаче социологии как проекта дать невозможно. Собственно, и вопрос этот имеет смысл только в рамках представленных выше рассуждений, с которыми очень многие не согласятся. Для очень многих людей социология все равно представляется полноценной наукой. А если сам вопрос вызывает возражения, то что говорить об ответах на него. Тем более, что эти ответы — и абстрактные, и конкретные — вполне очевидны.

Самое общее и в значительной степени философское объяснение того, что произошло с социологией как проектом эпохи модерна, сводится к инерциальности общественных процессов. Это объяснение созвучно эволюционизму как методологии в экономической теории и социальной мысли. Общественная реальность — это не податливая глина, из которой можно создать все, что хочется ученому (и даже правительству, менеджеру). Если теория и практика развивались параллельными, не пересекающимися путями тысячи лет, просто взять и скрестить одно с другим не получится. Существует инерция, которая в данном случае по большей части заключается в слабой востребованности одного другим. Те, кому платят за конкретные результаты исследований, не слишком заинтересованы в витиеватых теоретических построениях и выводении каких-то общих законов. Например, практикам нужно опросить избирателей в каком-то округе и точно понять, за кого люди будут голосовать на предстоящих выборах. Причем тут вопросы о том, верна ли позитивистская методология, или как, исходя из результатов, вывести вечную формулу политического поведения. А если поставить вопрос об эмпирической конкретизации методологии или формулы, то что получат от такой конкретизации политики и члены избирательной комиссии?

С такой трактовкой базовой причины общей неудачи создать интегрированную теоретико-эмпирическую социологию связано еще одно общее объяснение — отсутствие синергетического эффекта. Во всех сферах жизни он наступает непредсказуемым образом. Конт надеялся, что в области социального познания он будет всеобщим, и целостная социология состоится. Но выяснилось, что синергетические эффекты от союза теории и практики, если и есть, то носят частный характер. В принципе их много. То что-то, разработанное в теории, поможет решить некую практическую задачу, то данные опроса или наблюдения натолкнут ученого на некие общие мысли об общественной реальности, ходе истории или природе современ-

ности. Главное, что можно констатировать, универсального синергетического эффекта от союза двух направлений в социологии нет.

Более конкретные объяснения касаются конкретных параметров реализации социологического проекта. И, конечно, первое, что приходит на ум, когда речь заходит о таких параметрах, это затраты. Для того чтобы подтвердить общую закономерность, нужно проводить глобальные, буквально, всемирные исследования. Чаще всего такое исследование нужно провести не одно, лучше несколько раз подтвердить истинность закономерности в разное время. А таких денег попросту ни у кого нет. И тут возникают две ситуации. Ученый может “рискнуть” сформулировать красивую и близкую ему по духу закономерность без эмпирической базы. При этом другие ученые и простые люди, ознакомившиеся с ней, могут в нее поверить или не поверить, принять ее или не принять, что собственно свойственно всей философии. В другом случае будут произведены фрагментарные исследования, и закономерность из красивой и всеобщей превратится в частную, абсолютно истинную, но лишенную какой бы то ни было научной привлекательности. Она будет гласить, что в это время и в этом месте люди действительно поступают именно таким, а не иным образом. Очень часто ситуация с ней начинает напоминать известный анекдот про математика, который на призыв летящих на воздушном шаре сказать, где они, с абсолютной точностью отвечает: “Вы на воздушном шаре!”.

Второй параметр, тесно связанный с первым, — это бесконечное количество общественных ситуаций во времени и в пространстве. Общественный мир исключительно многообразен, а изменения в нем часто носят спонтанный характер. Тем самым подавляющее большинство, а, может быть, и все закономерности работают только на части социальной реальности. Осознание этой очевидной истины появилось у реализаторов социологического проекта давно, хотя новые реалии все время добавляли в нее дополнительные нюансы. Последней такой реалией стала глобализация, сделавшая очевидной культурное разнообразие жизни на планете. Конт и его непосредственные последователи в своих изысканиях все-таки ориентировались на европоцентрический мир. И в таких условиях их вера во “всеобщие законы” (а на деле — в законы европоцентрического мира) была в какой-то мере оправдана. Сегодня разнообразие культур и быстрое их изменение от взаимодействия друг с другом многократно умножили количество возможных ситуаций.

На исчислимое многообразие ситуаций традиционная наука всегда отвечала ситуационным или вероятностным подходами. Так было и с социологией. Еще до 1990-х гг. многие верили, что смогут

описать все возможные ситуации, скрещивая ограниченное число факторов их отличающих, и для каждой ситуации адаптировать общую закономерность. В постиндустриальную эпоху стала очевидна тщетность таких попыток. Ситуаций в обществе не просто много, их бесконечно много. А если это так, то по определению невозможно (не просто дорого, а именно невозможно) провести все сопутствующие эмпирические исследования, чтобы подтвердить общий закон.

Наконец, еще одной традиционной причиной того, что произошло с социологией, служит свободная воля отдельных людей. Эта причина может также служить и оправданием глобальной неудачи. Конечно, инициаторы проекта считали, что с социологией человечеству будет лучше, чем без нее. Она избавит людей от ошибок, сделает общество лучше, а отношения в нем более гармоничными. Время возникновения социологического проекта было временем безапелляционной и некритичной веры в силу разума. Все преобразования, которые инициировал на земле разум человека, рассматривались как преобразования к лучшему. Но уже в XX в. стало понятно, что даже воздействие на “бездушный” природный мир может иметь массу негативных последствий. Прежде всего, это касается экологических проблем, созданных “разумной” деятельностью людей и трансформацией среды обитания в угоду человеческим запросам. Еще более трагическими были последствия веры в силу и истинность социологических теорий.

В ряде случаев, не дождавшись тотального и полностью научного подтверждения той или иной социальной доктрины (или понимая, что такое тотальное подтверждение попросту невозможно), люди начинали жить в соответствии с ней. Если вскрытые этой доктриной закономерности, признаваемые такими же истинными, как законы физики или химии, по отношению к каким-то людям не работали, этих людей нужно было “исправить” или уничтожить. Понятно, что речь идет о расовой теории, воплощенной национал-социалистами в Германии и пользовавшейся популярностью во многих странах мира (в том числе и ангlosаксонских), и о теории построения коммунистического общества, опробованной в России и множестве других стран.

Выяснилось, что при всем своем благородстве социологический проект изначально был тоталитарен. Он подразумевал, что открытые закономерности будут прокладывать себе путь в истории, невзирая на свободную волю людей. В этих условиях обнаружение несостоятельности этого проекта к 1980-м гг. могло быть воспринято не только с сожалением, но и с радостью. Человек и общество остались загадочными для ученых, и в этом состоит их базовая цен-

ность. Если бы они стали прозрачными для наблюдения со стороны исследователей и понятными для науки, они бы перестали быть тем, чем являются до сих пор, несмотря на всю силу инструментов познания и контроля.

Безусловно, о причинах общей неудачи социологии можно еще много рассуждать. Одни будут представлять ее времененным явлением, другие вообще отрицать все сказанное выше как тенденциозное и не имеющее отношения к реальности. Но факт остается фактом: выстроить единую понятную теорию, которая бы объединяла философские размышления об обществе и точные данные эмпирических исследований, не удалось. И сегодня мы наблюдаем ситуацию, когда уже никто и не хочет по большому счету этим заниматься. Даже признанные мэтры социологии нашего века никогда не будут обладать амбициями Конта, Дюркгейма и всех иных реализаторов социологического проекта по части создания всеобщей доктрины, логически непротиворечиво соединяющей теорию и практику во всех сферах жизни, во все времена и во всех национально-культурных контекстах.

Результаты социологического проекта

Более полутора веков тысячи людей по всей планете реализовывали и реализуют сегодня социологический проект. Несмотря на то что он не достиг своей главной цели, за это время накоплены многочисленные результаты исследований. Одни из них явились вполне предсказуемыми, другие неожиданными, трети — вообще по своей сути противоречат изначальным замыслам авторов проекта. При этом нужно с известным пиететом и почтением относиться ко всем, ведь за ними стоит интеллектуальный труд совсем неглупых людей, ставшихся сделать что-то полезное для развития общества в целом и его отдельных сфер. Кроме того, некоторые результаты были и остаются достаточно действенными и способными улучшить жизнь людей, избавляя их от ошибок, связанных с незнанием. Просто не нужно тешить себя иллюзией относительно создания “естественнонаучной” концепции общества, в рамках которой все результаты укладывались бы в единую четкую картину и были бы связаны друг с другом непротиворечивыми логическими связями.

По своему содержанию результаты социологического проекта можно разбить на пять групп. Первые связаны с выхолащиванием из него глобального начального познавательного пафоса. Они суть “приземление” социологии до выявления маленьких закономерностей, мало что говорящих об обществе в целом. Вторые связаны

с успехами эмпирической социологии. Они активно применяются в исследованиях политического и потребительского поведения, а также в ряде других сфер общественной жизни. Третий являются результатом применения методологических принципов детерминизма. В данном случае некоторые успехи в развитии естественных наук дают возможность сказать нечто конкретное об истории и современном состоянии человеческой психики и общественной реальности. Четвертая группа результатов представляет собой неразрешимые однозначно, но хорошо описанные антиномии (в кантовском смысле этого слова). В данном случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда обе стороны антиномии являются истинными и содержат в себе логически непротиворечиво увязанные друг с другом сентенции. На практике они по-разному проявляют себя в разных обществах и культурных традициях. При этом каждая из частей антиномии может служить символом веры как для ученых, так и для простых людей. Наконец, пятая группа носит окровенено “отрицательный” характер. Но, как говорится в известной идиоме, они не престают быть от этого результатами. Просто в дальнейшем их научное исследование представляется изначально обреченным на провал.

Разберем эти результаты по порядку.

Маленькие закономерности как вырождение сути социологического проекта. Стремление увязать крепкими, нервущими узами теорию и практику никуда не исчезло. Этому во многом способствовало современное образование, превозносящее успехи в области естественных наук и однозначно нацеливающее будущих исследователей именно на такой результат. Но можно констатировать, что в сравнении с XIX в., это стремлении сильно “измельчало”. Речь уже не идет о макроуровне социальной реальности, для которого изобращаются всеобщие законы: исследователи сосредоточиваются на микроуровне, а, точнее, на микро-микроуровне. Тысячи статей в высокорейтинговых журналах представляют именно такие результаты. В качестве объектов берутся группы людей или группы организаций, и для них с помощью отработанных методов эмпирических исследований, а также математической разработки результатов создаются закономерности, по своей точности практически не уступающие тому, что есть в естественных науках. Только вот выстроить из таких мини-закономерностей что-то внушительное не получается. В отличие от результатов в физике, химии и биологии они как бы повисают в воздухе, в лучшем случае создавая новый кристалл в калейдоскопе познания. Из них никак не удается построить устойчивую многомерную конструкцию.

Объекты, а, главное, границы этих объектов для таких исследований по большей части выбираются случайным образом: это те социальные реальности, которые находятся в географической близости от исследователя, или то, что видится “актуальным” и на что можно получить грант, или вообще выбор заказчика прикладного исследования. Понятно, что “накрыть” в своей совокупности не только всю социальную реальность, но даже в какой-либо степени репрезентативную часть ее, они не могут.

Вместе с тем, ограниченное количество объектов, которые можно с достаточной точностью описать и обсчитать, дает возможность вывести закономерность (регрессию или что-то еще) с достаточно малой погрешностью. И появляются тысячи статей об эффективности стилей руководства: сначала в фармацевтических компаниях Айовы, а затем в наукоемком кластере Мумбай, а затем на сборочных предприятиях Китая.

Создание программы SPSS и многочисленных дополнительных программ, позволяющих анализировать базы данных (начиная со знакомого всем Excel-я), многократно укрепило авторов подобных исследований в правоте своего дела. С помощью этих программ всегда можно обнаружить какую-нибудь закономерность, для которой погрешность будет мала. Тут без зазрения совести можно крикнуть “Эврика!” и насладиться триумфом традиционного научного метода. Такой результат воспринимается как подлинно научное знание.

Стиль описания таких результатов представляет собой нечто особенное и стал сегодня по истине “каноническим”. Первая половина статьи всегда посвящена описанию подобных маленьких исследований, проводившихся по данной теме ранее. Читателя, который никак не может “дождаться” самих результатов автора, при этом не покидает ощущение, что тот всем этим текстом хочет сказать только одно: “Я не один такой! Это не мне пришло в голову опросить работников минимаркетов в Нижнем Новгороде. Это запрос современной науки. Тем же самым занимались и в Москве, и в Норвегии, и даже в США!” Сами результаты обязательно должны быть представлены в таблицах, диаграммах и схемах, напоминающих то, что делается в естественных науках. А далее следует несколько пассажей о том, что автор осознает ограниченность своего исследования и ни в коем случае не хочет распространить его результаты на какую-нибудь “большую” социальную реальность — даже на всю Нижегородскую область, а тем более на всю Россию. Тут перечисляются многочисленные ограничения, допущения, возможные корректировки, которые одновременно как бы задают вектор будущих исследований, которые непонятно кто, непонятно где, непонятно когда, непонятно

на какие деньги будет проводить. Самое удивительное, что всеми этими рассуждениями автор отдаляет себя от результатов, столь ценимых в науках естественных. Он как бы заявляет, что яблоко не обязательно падает, вполне возможно, могут найтись случаи, когда оно может и взлететь!

Еще одним каноническим моментом, подчеркивающим научную “аккуратность” и квалификацию автора, служит абсолютное отрицание чисто аналитических методов. Даже те положения, которые можно логически вывести безо всякой эмпирики, кажутся в рамках такого стиля изложения подозрительными и требующими в обязательном порядке подтверждения на практике. Вот вполне достойный пример такого подхода. Авторы одной статьи изучали роль семейных династий в политике⁹. Они эмпирически доказывали, что “наследники”, обладающие той же фамилией, что и их политические предшественники, имеют ряд преимуществ перед другими политиками. Но далее они пускаются в рассуждения об ограничениях истинности доказанной ими закономерности. Выясняется, что фамилия играет существенную роль в условиях, когда политическая система страны в большей мере ориентирована на личности. Это характерно в частности для США и Филиппин. В том же случае, когда более важную роль играют не личности, а партии, имя политика менее значимо. Это, в частности, можно наблюдать в Великобритании и Норвегии. Казалось бы, все логично и можно на этом успокоиться. Но нет, авторы тут же говорят, что этот вполне логичный вывод требует математического подтверждения посредством множества будущих исследований. Без них он якобы вообще ничего не стоит. Вот так боятся абстрактной логики авторы, создающие “социологические результаты”, относящиеся к первой группе.

Результаты эмпирической социологии — массовых опросов и других методов. Это те результаты, которыми может безо всякого стеснения гордиться социологический проект и его реализаторы. Они целиком лежат в русле эмпирики. Полная отстраненность от какой бы то ни было философии дала возможность социологам сделать что-то неопровергимое. Символом таких достижений являются экзитполы на выборах и референдумах. Они дают удивительно точную информацию еще до объявления самых первых результатов. Эту точность реально сравнить с естественнонаучной. Иногда и другие эмпирические методы, используемые для решения очень узкой конкретной задачи (в политике, маркетинге, HR-менеджменте и др.), могут приблизиться по истинности и действенности полученных

⁹ Fiva J.H., Smith D.M. Political dynasties and the incumbency advantage in party-centered environments // American Political Science Review. 2018. Vol. 112. N 3. P. 706–712.

результатов к технике и технологии, для которых лозунг можно взять из известной песни: “Нажми на кнопку — получишь результат!”

За такой точностью стоит труд многих людей. Отработка методов, дающих точные результаты, требовала таких же усилий, как и изобретение паровой машины, паровоза, самолета и др. Но если о Ватте и Ползунове, отце и сыне Черепановых, Тревике и Стефенсоне, братьях Райт хорошо известно, то о тех людях, которые довели до совершенства социологические технологии, практически не упоминается в учебниках по истории социологии, целиком отданых на откуп философствующим социальным мыслителям. В лучшем случае в курсе статистики или методов социологических исследований упоминается о Дж. Гэллапе. В реальности такое положение вещей полностью противоречит самому духу социологического проекта и подчеркивает неудовлетворенность его результатами со стороны тех, кто видел в эмпирике только базис созидания полноценной “естественной” науки об обществе.

Результаты применения детерминизма. Позитивизм как методология, наилучшим образом отразившая изначальный замысел социологического проекта, поначалу давал и самые впечатляющие результаты его осуществления. Это относится к детерминистским теориям или, как их еще называют, теориям одного фактора. К концу XIX столетия были выявлены многочисленные факторы, влияющие на развитие общества. По своей природе они очень разные, и некоторые из них только запутывали поиск реальных причин социальных явлений и процессов, а также невольно уводили ученых в русло чистой философии, не прибавляя никакого точного знания (например, психологический детерминизм, или детерминация исторического развития ролью великих личностей). Но были и те факторы, изучение которых давало и истинные, и, что не менее важно с сегодняшней постмодернистской точки зрения, интересные результаты. Это относится к тем факторам, которые сами по себе изучаются естественными науками. Такие виды детерминизма в некотором скрытом виде существуют и поныне и время от времени предоставляют очень важную информацию о человеке и обществе. Наиболее значимы и востребованы два вида детерминизма — биологический и географический (он же климатический, территориальный, пространственный), хотя могут возникать и некоторые другие, связанные с развитием соответствующих отраслей науки.

Сразу следует оговориться, что некоторые из видов детерминизма, связанных с естественными науками, опять-таки уводили социальных мыслителей в дебри чистой философии и были столь мало доказательными, что работали во многом против детерминиз-

ма как такового. Здесь стоит упомянуть попытку объяснить самые разные исторические события — массовые перемещения народов, “всплески пассионарности” — взрывами больших звезд и другими астрономическими событиями у Л.Н. Гумилева¹⁰. При всей наукообразности таких объяснений они сводили на нет все усилия выявить в общественном пространстве неопровергимые вещи, во многом уподобляя социологию астрологии (столько популярной на Востоке, но по всей своей сути противоречащей естественнонаучному базису, который подводили инициаторы модернистского проекта под социологию).

Но вернемся к двум наиболее важным типам детерминизма. Биологический детерминизм представлен множеством вариантов, определяемых развитием различных подотраслей биологии как науки. Его историческое развитие было омрачено прямым перенесением принципов естественного отбора на людей (ранние варианты социал-дарвинизма) и примыкающей к нему расовой теории. В результате биологический детерминизм на какое-то время снискал себе репутацию антигуманного и даже в какой-то мере “живодерского”, “человеконенавистнического”. Почти всюду социологи стали утверждать, что от природы все равны, личность — это продукт исключительно социальных отношений, психические расстройства имеют прежде всего общественную природу. И это было сделано несмотря на то, что в каждом поколении появлялись миллионы людей, имевших умственные отклонения от рождения, и эти отклонения не давали им нормально обустроить социальную жизнь. Даже это сугубо отрицательное, но очевидное влияние биологии на общество должно было бы подтолкнуть к тому, чтобы более внимательно отнестись к этому виду детерминизма.

В современных реалиях новое дыхание он обрел благодаря расшифровке генома человека и пристального изучения роли отдельных генов, исследований гормонов, высших приматов, многолетних наблюдений за близнецами и др. Выяснилось, что в русле естественнонаучного изучения следствий биологических различий можно вывести ряд вполне точных закономерностей. Они опять же будут небольшими, но несравненно более эвристичными, чем результаты первой группы. Вот хороший пример. Как ни пытались сторонники принципиального отрицания социальных различий между мужчинами и женщинами развеять стереотип о том, что в большинстве случаев “топографическим кретинизмом” страдают женщины, этого не получилось. Исследования только подтверждали это. А исследо-

¹⁰ Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994; Он же. Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2001.

вания проводились именно в духе биологического детерминизма. Выяснилось, что ключевые зрительно-пространственные функции у мужчин сосредоточены в правом полушарии, а у женщин распределены по двум полушариям, а это не так эффективно. Кроме того, оказалось, что ориентация в пространстве связана и с количеством тестостерона в крови. Социальное оказалось неразрывно связано с биологическим. Понятно, что это связь частная, и некий социальный отбор мог в свое время повлиять на биологию. Женщинам в древности никогда не приходилось охотиться, отправляться в дальние походы и искать долгий путь домой — в пещеру. Это были мужские задачи, в то время как женщины сидели в своих жилищах и прекрасно ориентировались в них. Понятно, что этих навыков как раз не хватает большинству мужчин, способных часами искать носки и тратящих несколько дней в году на поиски пультов от телевизора, кондиционера и др. Но факт остается фактом, в настоящее время во многом именно биология детерминирует существующее социальное различие. И это только один пример.

Географический детерминизм столь же разнообразен, как и биологический. Он возник еще до провозглашения Контом социологического проекта. И до сих пор закономерности, выведенные ранними его сторонниками (в частности, Ш. Монескье) безо всяких эмпирических исследований и анализа глобальных баз данных, не теряют своей привлекательности. Так, никто не отрицает, что именно благоприятные природные и климатические условия Балканского полуострова позволили именно там развиться такой важной для всего человечества Древнегреческой цивилизации. И, действительно, вряд ли она могла возникнуть за полярным кругом или у экватора. При этом следует отметить, что целенаправленные исследования климата имеют не столь давнюю историю. Только сейчас и во многом благодаря суперкомпьютерам удается проникнуть в тайны изменения климата в разные эпохи на планете. Соотнесение их с общественными событиями уже сегодня прояснило ряд исторических явлений.

Более понятный, что называется “бытовой”, детерминизм можно наблюдать в потребительском поведении. Так, в США молодой человек или девушка уже в достаточно раннем возрасте может иметь недвижимость, взятую в ипотеку. Это связано, прежде всего, с относительно невысокой ценой земли в большой по территории стране. В Японии же, чтобы купить самую маленькую квартиру, нужно работать десятилетия. В результате американцы в молодости не могут расходовать большие деньги на одежду, обеды в дорогих ресторанах, экзотические развлечения. Все средства уходят на оплату дома. А японцы как раз в молодости активно приобретают

одежду и аксессуары самых дорогих брендов и тратят деньги на разного рода удовольствия. Они понимают, что даже если будут во всем себе отказывать, сэкономят только на полметра площади. Во многих европейских странах, где земельные ресурсы ограничены, и недвижимость стоит дорого, многие представители среднего класса так же, как и в Японии, проживают в съемном жилье. Такая географическая особенность определяет важнейший параметр рынка труда. Съемное жилье увеличивает территориальную мобильность населения, что положительно сказывается на уменьшении безработицы. Европейцы легко перебираются туда, где есть работа, ведь им не нужно при этом продавать и покупать квартиру или дом.

Очевидно, что в будущем нехватка ряда природных ресурсов — в частности воды — на определенных территориях способно существенно повлиять на развитие общинностей, сформировавшихся и живущих на них.

Примеры “научно верифицируемого” влияния географии и пространства на то, что происходит с людьми, можно продолжать и продолжать.

Почему же все это опять-таки не находит должного места в структуре современного социологического знания? Виной всему глобальный исследовательский пафос, с которым был начат социологический проект и о котором уже говорилось ранее. Убедившись в том, что ни один из факторов “в одиночку” не сможет объяснить перипетии общественного развития, социологи стали предлагать теории, в которых сочетались несколько факторов, а порой и все. В свое время к этому призывал П. Сорокин. В результате получилась полностью ненаучная, но совершенно истинная картина про-исходящего. На общество влияет все — и климат, и географическое положение, и генетика людей, и их психология, и войны, и даже “вожди народов”. Все абсолютно истинно, но абсолютно бесполезно.

В свое время социологи не увидели эвристической природы подлинного детерминизма или теорий одного фактора. Сегодня в эпоху постмодерна трезво мыслящие ученые возвращаются к этим направлениям исследований¹¹. Но они идут не столько в русле, сколько вопреки общему тренду, заданному социологическим проектом. Поэтому социология очень неохотно вбирает в свою структуру междисциплинарные наработки, хотя понятно, что именно они обладают той степенью истинности, которую требовали от социологии ее основатели. Исследования генетиков, биологов и климатологов

¹¹ Орланов Г.Б. Социальный детерминизм. Методологические основания теории и практики управления. М., 2012.

очень редко включаются в курсы социологии, их социологи изучают, что называется, на досуге и часто в тональности, которую задают современные СМИ и социальные сети: “Британские ученые доказали... Ну и молодцы!”

Социологические антиномии. Развитие социологии имело своим результатом формирование множества антиномий. Сама по себе антиномия представляет собой подлинно диалектическое представление об истине. Если в соответствии с обыденным сознанием, здравым смыслом и формальной логикой реальность может быть либо черной, либо белой, то, согласно антиномии, реальность и черная, и белая одновременно. Разные люди уделяют внимание одной из противоположных сторон антиномии. В этом случае на одном полюсе антиномии можно построить абсолютно логичную концепцию, части которой будут тесно увязаны друг с другом. Но при этом нужно понимать, что в то же самое время такая же не-противоречивая концепция будет формироваться на другой стороне антиномии.

Антиномии¹² представляют собой важнейшие результаты философского направления в социологии. Это существенным образом отличает их от результатов, рассмотренных ранее. Классические антиномии в философии были сформулированы И. Кантом¹³. Г. Гегель, развивая идеи Канта, справедливо отметил, что антиномий великое множество, и они существуют в самых разных сферах бытия и разума. В рамках социологического проекта подавляющее большинство ученых разрабатывало определенные стороны антиномии, веря в то, что им удастся доказать истинность именно этой стороны. Но по прошествии известного времени стала очевидной бесперспективность такой позиции. Вместе с тем, содержащие в себе непреодолимое противоречие, но при этом точно описывающие части общественной реальности, социальные (или социологические) антиномии могут быть причислены к важнейшим наработкам ученых, полученных в рамках социологического проекта.

Коллективизм/индивидуализм, этатизм/анархизм, социальный реализм/социальный номинализм, общество как целостность/общество как конфликт — все эти и множество других антиномий социологии достаточно четко сформировались к концу XX в. Каждая из их сторон была, что называется, “отработана”, приобрела концепту-

¹² В самом общем виде, антиномии — это ситуация, в которой противоречавшие друг другу высказывания об одном и том же объекте имеют логически равноправное обоснование, т.е. невозможно доказать или опровергнуть истинность ни исходного положения, ни положения, противоположного исходному.

¹³ Кант И. Критика чистого разума. М., 2017.

альное совершенство и своих сторонников. Объективный взгляд на развитие социальной мысли не может не отметить принципиальную невозможность доказать истинность одной из сторон антиномии и ложность другой. Они вечно будут сопровождать познание общественной реальности, подчеркивая присутствие в нем элементов не только и не столько науки, сколько философии и искусства. Подобно последнему, антиномическое мышление утверждает, что мир можно рисовать черно-белым или цветным, в синих тонах или в розовых, сообразуясь с принципами кубизма или реализма. Никто не сможет сказать, что тот или этот рисунок “неправильный”, а даже если кто-то и попытается, у художника всегда есть отточенный веками ответ: “Я так вижу!” Точно так же никто не сможет сегодня сказать, что индивидуалисты правы, а колективисты неправы, что те, кто пре-возносят в обществе слаженность и скоординированность правы, а те, кто видит в нем противоборство различных социальных сил и постоянную конкуренцию, неправы. Истина находится в самой антиномии, а не в отдельных частях ее.

Границы социального познания — объекты, принципиально не познаваемые научными методами. В своих изысканиях участники социологического проекта в философской его части вольно или невольно пытались затронуть вопросы, которые невозможно решить даже антиномическим способом. Это и смысл жизни, и природа счастья, и сущность добра, гуманизма, творчества. Иногда высшее предназначение социологического проекта виделось в том, чтобы социология с ее точными научными результатами стала базисом для этики. Но этого не случилось, более того, к настоящему времени сформировалось достаточно точное представление о том, что этого не случится никогда. Все попытки научно обосновать этический выбор провалились. Расширение прав ЛГБТ-сообщества — это добро или зло? Кто лучше строит свои социальные взаимодействия — религиозные люди или те, кто придерживается атеистического мировоззрения? Лучше живут страны, где разрешена или запрещена смертная казнь? Подобные вопросы как бы подразумевали возможность нахождения некой важной научной информации для ответа, но на практике решения, в основе которых лежат этические представления, оказалось невозможным принять, опираясь на данные науки. Мало того, что данные экзитполов или опросов работников нижегородских минимаркетов ничего не дают для формулировки научного взгляда на этический выбор, но и сложные философские построения, содержащие в себе логически выверенный переход от суждения к суждению, в данном случае бессильны.

Ни одна наука, в том числе и социология, не может сделать человека счастливым или добрым. Это важнейший вывод эпохи постмодерна. Он во многом умерил пыл тех, кто считал, что стоит еще чуть-чуть напрячься для получения неких данных о глубинных закономерностях природы и общества, и множество проблем, с которыми сталкиваются отдельные люди и их сообщества, будут решены. Родившаяся по историческим меркам совсем недавно социология во многом именно поэтому может сегодня восприниматься как проект. Его можно сравнить с проектом строительства лифта через центр Земли, если бы тот остался не на бумаге и вызвал бы мощный поток инвестиций в разведывательную и инженерную деятельность. Такой проект мог бы стимулировать активное изучение строения земной коры и более глубоких слоев, из которых состоит наша планета; в процессе разработки технического оснащения могли быть сделаны очень полезные открытия по части механики, гидравлики и др. Примерно такая же участь была уготована социологии. Главное, что своей цели она не достигла, но приведенные выше результаты говорят о том, что проект не был бесполезен. Он многое дал человечеству, но в эпоху постмодерна интерпретировать и представлять эти данные нужно иным способом, совсем непохожим на тот, который существовал, когда проект только начинал реализовываться¹⁴.

Будущее социологии

Несмотря на неудачу социологии как проекта эпохи модерна социология не перестанет существовать в эпоху постмодерна¹⁵. Причин тому множество, им можно посвятить отдельную статью, которая опять-таки многим, кто не разделяет проектный взгляд на эту науку, покажется излишней. Важно то, что людям нравится называться социологами. А ведь если бы Вебер, Парсонс, Белл и некоторые другие предпочли бы называться философами или экономистами, социология была бы совсем другой, а, может быть, и завершила бы уже свое существование.

Представленные выше результаты социологического проекта во многих сферах и ситуациях востребованы до сих пор. Эти результаты

¹⁴См.: Козловский В.В. Оправдание социологического суждения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 1. С. 5–9; Паутова Л.А., Фигура А.О. Проблема сознания и социологическое призвание // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 4. С. 5–21; Романовский Н.В. Дискурс кризиса(в) современной социологии // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 3–12.

¹⁵Подойница И.И. На подступах к социологии постмодерна // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 4. С. 547–551; Мнацаканян М.О. Модерн и постмодерн в современной социологии// Социологические исследования. 2008. № 12. С. 46–51.

суть нечто конкретное, ощутимое и полезное даже без общей претензии на доскональное научное объяснение общества. Экзитполы и опросы будут проводить всегда, в новых обстоятельствах люди будут обращаться к социологическим антиномиям, укладывая все новые гирыки фактов и концепций на чаши их интеллектуальных весов.

В эпоху постмодерна ненужными, устаревшими и неистинными будут выглядеть амбиции социологов по части того, что они способны дать очень точное объяснение общественным явлениям и процессам, прогнозировать их развитие, учить политиков и простых людей принимать судьбоносные решения. Социология станет одним из многих других способов познания общества. Наряду с ней, как это было в доиндустриальном обществе, будут вполне уверенно чувствовать себя искусства, религии, обыденное сознание и др. Даже во время реализации социологического проекта в России литература была активным и эффективным конкурентом социологии¹⁶. Таксисты и учителя, врачи и официанты — все они по природе своей обыденные социологи. Эпоха модерна отказывала личности в том, чтобы иметь свою собственную социологию. Теперь это дозволено. Но такая личная социология никогда не будет обладать пафосом классической науки, хотя для конкретного человека она может предоставлять очень важные и полезные сведения.

Принципиально важным в современных условиях становится вопрос о презентации самой социологии и ее результатов. Как уже говорилось в начале статьи, такая презентация присутствует в курсах и учебниках социологии. Но до сих пор она строится по законам, выработанным еще в начале реализации социологического проекта. В результате тут, грубо говоря, все свалено в кучу — эмпирика и философия, красивые сентенции и описания фактов. Нужно четко отделить эмпирическое направление социологии с соответствующими именами и достижениями от философствования на общественные темы, показать двуединую природу социологии, четко соотнося ее отдельные части не с абстрактными научными постулатами, а со здравым смыслом. При этом нужно показать не только, как формировались идеи об обществе, но и как изобретались принципы и методы эмпирики. Сегодня все интересующиеся социологией знают, что П. Бурдье изобрел габитус¹⁷, а Э. Гидденс — структурацию¹⁸. Но никто не говорит, что эти “изобретения” имеют связь с изобретениями в технических науках. Это просто введение в оборот новых терминов, коих философия за свою историю ввела

¹⁶ См.: Бизнес в литературе / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2014.

¹⁷ Бурдье П. Структуры, Habitus, Практики. Новосибирск, 1995.

¹⁸ Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации. М., 2005.

тысячи. А вот об изобретениях эмпириков никто не рассказывает. Например, нужно точно знать, какая компания и когда изобрела SPSS¹⁹, и как это изобретение сказалось на количестве, стоимости и качественных характеристиках опросов. То же самое нужно делать и с другими инструментами, используемыми в социологии. История социологии должна подводить к современному ее состоянию не только в рамках философского, но и эмпирического направления. Дж. Гэллап с его определением выборки и репрезентативности, Э. Роутер с его опросами-омнибусами, А. Кроссли с его методами анализа аудитории СМИ должны встать вровень с Дюркгеймом, Вебером, Парсонсом, Бурдье и др.

Завершение социологии как проекта эпохи модерна и фрагментарность достигнутых социологами результатов не должны смущать или пугать ученых в эпоху постмодерна. Бывают и такие науки! Тем более, что некоторые ее черты можно наблюдать у вполне сформировавшихся наук. Фрагментарность свойственна множеству элементов медицины, одной из древнейших наук, которая сопутствовала всему развитию человечества и чей глобальный познавательный пафос кажется даже более оправданным, чем пафос социологии. Физика и биология сегодня постоянно вторгаются в философские сферы, а в этих сферах всегда присутствуют неразрешимые вопросы и антиномии. В социологии кризис традиционных представлений о науке просто стал более очевидным. Ее современная структура начинает разительно отличаться от иерархии, скрепленной единой логикой идей (а именно так думали о структуре любой науки полтора века назад), и с необходимостью начинает представлять собой нечто похожее на выставку идей и достижений, которые создали люди, называющие себя и признаваемые социологами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бизнес в литературе / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2014.
Бурдье П. Структуры, Habitus, Практики. Новосибирск, 1995.
Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2020.
Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации. М., 2005.
Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.
Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2001.

¹⁹ На всякий случай для справки скажем здесь, что первая версия этой программы появилась в 1968 г. в Чикагском университете, а с 1975 г. проект выделился в отдельную компанию SPSS Inc. Первая версия пакета для Windows вышла в 1992 г. А в 2009 г. компания SPSS произвела ребрендинг своего статистического пакета, который теперь стал называться PASW Statistics (Predictive Analytics SoftWare), и в том же году была приобретена фирмой IBM.

- Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994.
- Дьяконов И.М. Урартские письма и документы. М.-Л., 1963.
- Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 2020.
- Кант И. Критика чистого разума. М., 2017.
- Козловский В.В. Утраты и обретения социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 1. С. 25–40.
- Козловский В.В. Оправдание социологического суждения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 1. С. 5–9.
- Конт О. Дух позитивной философии: слово о положительном мышлении. М., 2011.
- Конт О. Общий обзор позитивизма. М., 2011.
- Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.
- Мнацаканян М.О. Модерн и постмодерн в современной социологии // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 46–51.
- Орланов Г.Б. Социальный детерминизм. Методологические основания теории и практики управления. М., 2012.
- Паутова Л.А., Фигура А.О. Проблема сознания и социологическое призвание // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 4. С. 5–21.
- Подойницына И.И. На подступах к социологии постмодерна // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 4. С. 547–551.
- Пузиков В.Г., Турченко В.Н. Социология: кризис и парадоксы // Омские социально-гуманитарные чтения — 2015. Материалы VIII Международной научно-практической конференции / Под ред. Л.А. Кудринской. Омск, 2015. С. 119–127.
- Романовский Н.В. Дискурс кризиса (в) современной социологии // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 3–12.
- Рывкина Р.В. Парадоксы российской социологии // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 197–208.
- Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998.
- Турченко В.Н. Парадоксы и парадигмы современной социологии // Социология в Сибири; состояние и перспективы развития. Материалы межрегиональной научно-теоретической конференции, состоявшейся в Новосибирском государственном архитектурно-строительном ун-те. Новосибирск, 2003. С. 64–85.
- Щербина В.В. О современном состоянии социологической науки. Ч. 1 // Личность. Культура. Общество. 2013. Т. 15. № 1(77). С. 60–71; Ч. 2 — там же, 2013, Т. 15. № 2(78). С. 65–74.

REFERENCES

- Biznes v literature [Business in literature] / Pod red. S.A. Barkova, V.I. Zubkova. M., 2014 (in Russian).
- Bourdieu P. Le sens pratique. P., 1979.
- Bourdieu P. Struktury, Habitus, Praktiki [Structures, Habitus, Practices]. Novosibirsk, 1995 (in Russian).
- D'yakonov I.M. Urartskie pis'ma i dokumenty [Urartian letters and document]. M.-L., 1963 (in Russian).
- Dyurkgeim E. Samoubiistvo. Sotsiologicheskii etyud [Suicide: a study in sociology]. M., 2020 (in Russian).
- Giddens E. Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii [The organization of society. Essay on the theory of structure]. M., 2005 (in Russian).
- Gouldner A.W. The coming crisis of Western sociology. N.Y., 1970.

Granovetter M. Sila slabikh svyazei [The strength of weak ties] // *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2009. T. 10. N 4. P. 31–50 (in Russian).

Gumilev L.N. Etnogenез i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the Earth biosphere]. SPb., 2001 (in Russian).

Gumilev L.N. Konets i vnov' nachalo [The end and the beginning again]. M., 1994 (in Russian).

Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. M., 2017 (in Russian).

Kont O. Dukh pozitivnoi filosofii: slovo o polozhitel'nommyshlenii [Positive philosophy]. M., 2011 (in Russian).

Kont O. Obshchii obzor pozitivizma [General overview of positivism]. M., 2011 (in Russian).

Kozlovskii V.V. Utraty i obreteniya sotsiologii [The Losses and Acquisitions of Sociology] // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 1998. N 1. P. 25–40 (in Russian).

Kozlovskii V.V. Opravdanie sotsiologicheskogo suzhdeniya [Justification of a socio-logical judgment/] // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2000. N 1. P. 5–9 (in Russian).

Krieken R., van. The paradox of the ‘two sociologies’: Hobbes, Latour and the Constitution of modern social theory // *Journal of Sociology*. 2002. Vol. 38. N 3. P. 5–273.

Melikishvili G.A. Urartskie klinobraznye nadpisi [Urartian wedge-shaped inscriptions]. M., 1960 (in Russian).

Mnatsakanyan M.O. Modern i postmodern v sovremennoi sotsiologii [Modern and Postmodern in Contemporary Sociology/] // *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2008. N 12. P. 46–51 (in Russian).

Orlanov G.B. Sotsial'nyi determinizm. Metodologicheskie osnovaniya teorii i praktiki upravleniya [Social determinism. Methodological bases of management theory and practice]. M., 2012 (in Russian).

Pautova L.A., Figura A.O. Problema soznaniya i sotsiologicheskoe prizvanie [The problem of consciousness and sociological vocation] // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2005. T. 8. N 4. P. 5–21 (in Russian).

Podoinitsyna I.I. Na podstupakh k sotsiologii postmoderna [On the approaches to postmodern sociology] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psichologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*. 2008. N 4. P. 547–551 (in Russian).

Puzikov V.G., Turchenko V.N. Sotsiologiya: krizis i paradoksy [Sociology: crisis and paradoxes] // *Omskie sotsial'no-gumanitarnye chteniya — 2015. Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* / Pod red. L.A. Kudrinskoi. Omsk, 2015. P. 119–127 (in Russian).

Riley D. The paradox of positivism // *Commentary*. 2007. Vol. 31. N 1. P. 115–126.

Romanovskii N.V. Diskurs krizisa (v) sovremennoi sotsiologii [Crisis Discourse in Modern Sociology] // *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2016. N 4. S. 3–12 (in Russian).

Ryvkina R.V. Paradoksy rossiiskoi sotsiologii [Paradoxes of Russian sociology] // *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 1997. N 4. P. 197–208 (in Russian).

Semenova V.V. Kachestvennye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sotsiologiyu [Qualitative Methods: Introduction to Humanistic Sociology]. M., 1998 (in Russian).

Shcherbina V.V. O sovremenном sostoyanii sotsiologicheskoi nauki [On the Modern State of Sociological Science] P. 1, 2 // *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2013. Vol. 15. N 1(77). P. 60–71; *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2013. Vol. 15. N 2(78). P. 65–74 (in Russian).

Smelser N.J. Sources of unity and disunity in sociology // *American Sociologist*. 2015. Vol. 46. N 3. P. 303–312.

Summers J.H. The end of sociology? // *Boston Review*. 2003. N 28(6). URL: <http://bostonreview.net/BR28.6/contents.html> (accessed: 10.03.2020).

Turchenko V.N. Paradoksy i paradigmy sovremennoi sotsiologii [Paradoxes and Paradigms of Modern Sociology] // *Sotsiologiya v Sibiri; sostoyanie i perspektivy raz-*

vitiya. Materialy mezhregional'noi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, sostoyavshiesya v Novosibirskom gosudarstvennom arkhitekturno-stroitel'nom universitete. Novosibirsk, 2003. P. 64–85 (in Russian).

Turner S. American sociology: from pre-disciplinary to post-normal. Basingstoke, 2014.

Veber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. M., 2020 (in Russian).

What is wrong with Sociology? / Ed. by S. Cole. New Brunswick, 2000.

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-1-36-71

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И ПРОБЛЕМЫ ЗДОРОВЬЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А.В. Лядова, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии, социологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1 стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье дается анализ основных исследовательских подходов к категории “социальное неравенство в отношении здоровья”. Автор указывает, что данное понятие, отражающее одно из актуальных направлений научного дискурса, вошло в исследовательское поле относительно недавно, со второй половины XX в. Хотя формирование проблемного поля, связанного с ним, происходило в более ранний период, когда оформляется научный интерес к теме здоровья как социального феномена. На основе историко-сравнительного подхода и метода качественного анализа научных работ, посвященных проблеме социального неравенства в сфере здоровья, автором выделены основные этапы, подходы и направления ее изучения в зарубежном и отечественном исследовательском поле. На основе их типологизации в работе показано, что социальное неравенство в отношении здоровья рассматривается как комплексный феномен, детерминируемый различными факторами, которые рассматриваются как ключевые причины, вызывающие различия в состоянии здоровья среди населения. Исходя из этого, автором предложен интегративный подход, основанный на понимании здоровья как комплексного, социально обусловленного, динамичного конструкта, формируемого в процессе совокупного влияния различных факторов, которые образуют сложные системы взаимодействия, улучшающие или ухудшающие его состояние. В рамках данного подхода социальное неравенство в отношении здоровья выступает как комплексный социальный феномен, детерминируемый особенностями функционирования социальных институтов и распределения ресурсов в рамках существующей стратификационной модели общества, влияние которых имеет динамичный характер и определяется конкретными историческими условиями.

Ключевые слова: социальное неравенство в отношении здоровья; здоровье как социальный феномен; факторы, детерминирующие социальное неравенство в сфере здоровья; социальные различия в статусе здоровья.

* Лядова Анна Васильевна, e-mail: annaslm@mail.ru

SOCIAL INEQUALITY AND HEALTH: THE HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL STUDY

Liadova Anna V., PhD in Sociology, Associate Professor, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, e-mail: annaslm@mail.ru

The article examines the main research approaches to the category of “social inequality in health”. The author points out that this term, which reflects one of the topical areas of scientific discourse, has been involved into the studies relatively recently, up the second half of the XXth century. It has became the subject under study when scientific interest to the health problems was started among researchers. Used the historical-comparative approach and the qualitative analysis method of publications devoted to the problem of social inequality in health, the author highlights the main stages, approaches and directions of its study in foreign and domestic research fields. Based on their typology, this study shows that social inequality in health is considered as a complex phenomenon determined by various factors, which are considered as key causes of differences in health status among the population. Taking this argument into consideration, the author proposes an integrative approach that is found on the definition of health as a complex, socially conditioned, dynamic construct formed in the process of the combined influence of various factors which improve or worse its condition. As it is pointed out by the author within the framework of this approach, social inequality in health is considered as a complex social phenomenon determined by the peculiarities of the functioning of social institutions and the distribution of resources within the framework of the existing stratification model of society, the influence of which is dynamic and determined by specific historical conditions.

Key words: social inequalities in health; health as a social phenomenon; social differences in health status; factors determining social inequality in health.

Впервые в новейшей истории человечество оказалось в ситуации кризиса, причиной которого стали не противоречия геополитики, различия в экономических интересах, а заболевание — COVID-19, распространение которого обернулось настоящим потрясением для населения практически всего мира. Однако главная проблема заключается не только в том, что пришедший вирус оказался малознакомым, что вызвало сложности в лечении: поставив новые вопросы, пандемия обострила уже существующие противоречия, обусловленные социальным неравенством, и прежде всего, в отношении здоровья. Люди, не имеющие средств для оплаты лечения, покупки необходимых средств защиты, лекарственных препаратов, проживающие в отдаленных регионах, сельской местности, где оказание в полном объеме медицинских услуг ограничено местными ресурсами, в условиях пандемии испытывают серьезные трудности в борьбе с этой новой витальной угрозой.

По мнению шведского социолога Г. Тернборна¹, социальные различия в уровне здоровья представляют собой особую, относительно новую, по сравнению с традиционным экономическим, форму неравенства, которую ученый обозначает как витальное, приобретающее в современном мире, в условиях стремительных социальных трансформаций, устойчивый, глобальный характер. Так, эксперты указывают на значительный уровень младенческой смертности среди населения Африки по сравнению с аналогичным в европейских странах, на диспропорции в уровнях продолжительности жизни в этих регионах². Острым остается вопрос предоставления различным социальным группам равного доступа к ресурсам для поддержания и сохранения их здоровья, причем не только в развивающихся странах Африки, Латинской Америки, но и в государствах с устойчивой системой социального страхования³.

В этой связи социальное неравенство в сфере здоровья признается значимой мировой проблемой. Учитывая важность здоровья как необходимой составляющей успешной жизнедеятельности индивида и социума, преодоление существования значимых различий в уровне здоровья населения как между странами, так и между отдельными социальными группами, является одной из задач “Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года”⁴.

Социальное неравенство в сфере здоровья признается серьезной проблемой и для России. Более того, в последние годы, в условиях коммодификации сферы здоровья, а также крайней динаминости системы национального здравоохранения, находящейся в активном “поиске” наиболее эффективной модели развития, данная тема приобретает широкое звучание в отечественном научном дискурсе, что подтверждает ее актуальность и дискуссионность.

¹ Тернборн Г. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения // Социологические исследования. 2005. Т. 4. № 1. С. 31–62.

² 10 фактов о несправедливости в отношении здоровья и ее причинах. Информационный бюллетень Всемирной организации здравоохранения // Сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: http://www.who.int/features/factfiles/health_inequities/facts/ru/index5.html (дата обращения: 03.04.2020).

³ World Health Organization. The world health report: health systems financing: the path to universal coverage. Genève, 2010; Marmot M. Health inequalities in the EU. Final report of a consortium. Genève, 2013; Bernd R., Mladovsky Ph., Devill W. Migration and health in the European Union. L., 2011. P. 105–106; Kristiansen M., Razum O., Tezcan-Güntekin H., Krasnik A. Aging and health among migrants in a European perspective // Public Health Reviews. 2016. Vol. 37. N 20. P. 1–14; Malmusi D. Immigrants’ health and health inequality by type of integration policies in European countries // European Journal of Public Health. 2015. Vol. 25. N 2. P. 293–299.

⁴ United Nations. Sustainable Development Goals. 17 Goals to transform our world. URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/health/> (accessed: 12.09.2020).

Понятие “социальное неравенство в отношении здоровья” введено в научный дискурс относительно недавно, во второй половине XX в. На наш взгляд, становление научно-исследовательского интереса к этой теме связано с разработкой концепта здоровья как социального феномена.

Изучение здоровья имеет давнюю традицию в научном дискурсе, уходящую своими корнями во времена античности⁵. На протяжении эпох в зависимости от времени, уровня познания и развития общества, представления о здоровье, менялось содержание самого понятия, отражая факторы, его обуславливающие. Так, если в эпоху Средних веков состояние здоровья оценивалось сквозь призму греховности человека, уровня праведности его жизни, то в Новое время под влиянием идей просветителей получает развитие понимание здоровья в аксиологическом аспекте. “Здоровье — это драгоценность, и притом единственная, ради которой стоит не только не жалеть времени, сил, трудов и всяких благ, но и пожертвовать ради него частицей самой жизни, поскольку жизнь без него становится нестерпимой и унизительной”, — пишет в своих “Опытах” французский философ Мишель Монтень⁶.

В этот же период формируются и различия в понимании здоровья, основанные на восприятии его в субъектном аспекте: здоровье общественное и здоровье индивидуальное. По-разному рассматриваются и факторы, оказывающие влияние на их формирование. Так, по мнению английского философа Ф. Бэкона, индивидуальное здоровье обусловлено поведением индивида, его субъективным опытом, вытекающим из отношения к своему здоровью⁷.

С промышленным переворотом и становлением индустриального общества происходит переосмысление значимости здоровья в развитии государства, что обусловлено возрастанием роли производительных сил и их влиянием на экономическую эффективность. Исследователей привлекают вопросы общественного здоровья, в частности, низкий уровень его состояния, структура заболеваемости, способы преодоления эпидемий, которые по-прежнему остаются в этот период ключевой причиной смертности среди населения. Так, в конце XVII — начале XVIII вв. итальянский врач Б. Рамаццини в трактате “О болезнях ремесленников” (“De Morbis Artificum Diatriba”), изучая особенности труда ремесленников из Модены и Падуи, обратил внимание на взаимосвязь между условиями их работы и теми болезнями, которые были распространены

⁵ Гиппократ. Избранные труды. М., 1936.

⁶ Монтень М. Опыты. Избранные произведения: В 3-х т. Т. 2. М., 1992. Гл. XXXVII.

⁷ Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1971–1972. С. 45.

в их среде⁸. Российский ученый М.В. Ломоносов в своем письме к графу И.И. Шувалову от 1 ноября 1761 “О сохранении и размножении российского народа” отмечает негативное влияние на здоровье и численность российского народа таких социальных факторов, как условия жизни, качество питания, отсутствие общественного здравоохранения в городах и деревнях, недостаток медицинских кадров⁹. В середине XIX в. немецкий врач Рудольф Вирхов (Rudolf Virchow) (1821–1902), по результатам своего исследования вспышки тифа в Верхней Силезии (“Сообщения о распространении эпидемии тифа в Верхней Силезии” (“*Mittheilungen Über die in Oberschlesien Herrschende Typhus-Epidemie*”)), приходит к выводу о влиянии социальных факторов на распространение этой болезни, указывая среди них такие, как условия проживания, качество жизни, питания, особенности культурных практик¹⁰. В Бразилии в рассматриваемый период возникает особое общественное движение — Санитариста, (Movimento Sanitarista), активисты которого впервые обратили внимание общественности на проблемы здоровья местного населения, указав на социальную обусловленность эпидемиологических заболеваний¹¹. Развитие этого движения связано с деятельностью бразильского врача Хосе Франсиско Ксавье де Сигауда (Jose Francisco Xavier de Sigaudo) (1796–1856), одного из основателей Медицинской Академии Бразилии. Изучая географию распространения тропических болезней на территории Бразилии, он выявил, что не только природные особенности и этническое разнообразие страны влияют на состояние здоровья ее населения, но и социальные условия жизни, качество питания, бедность¹².

Таким образом, очевидно, что с развитием социума здоровье общества и индивида как его части приобретает новое содержание, ключевым аспектом которого является понимание его социальной значимости и обусловленности.

Наряду с этим становление исследовательского интереса к социальным аспектам здоровья связано с развитием гуманистической

⁸ Ramazzini B. *De Morbis Artificium Diatriba* (Diseases of Workers) // American Journal of Public Health. 2001. Sept. Vol. 91 (9). P. 1380–1382.

⁹ Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. М., 1950. С. 598–614.

¹⁰ Virchow R. *Mittheilungen Über die in Oberschlesien Herrschende Typhus-Epidemie* in German. Berlin, 1848.

¹¹ Tamano O., Tleko L. The sanitary movement in Brazil: the vision of illness as a “national harm” and health as a redeemer // Khronos. 2017. N 4. P. 102–115; Lima T.L. Public health and social ideas in modern Brazil // American Journal of Public Health. 2007. Vol. 97. N 7. P. 1168–1177.

¹² Sigaudo J.F.X. *Du climat et des maladies du Bresil ou statistique medicale de cet empire*. Р., 1844; Курбанов А.Р., Лядова А.В. Здравоохранение Бразилии: трудный путь к преодолению неравенства // Латинская Америка. 2018. № 9. С. 56–68.

парадигмы в послевоенный период, когда впервые в истории мирового сообщества здоровье каждого человека провозглашается в принятом в 1946 г. Уставе Всемирной организации здравоохранения как важнейшая ценность, а “обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья устанавливается как одно из основных прав всякого человека без различия расы, религии, политических убеждений, экономического или социального положения”¹³.

В этой связи со второй половиной XX в. тема индивидуального здоровья становится предметом активного социологического дискурса, что находит отражение в разработке теоретико-методологических основ ее исследования в рамках ведущих социологических теорий данного периода: структурного функционализма, интеракционизма, социального конструктивизма, постструктурализма¹⁴.

Американский социолог Т. Парсонс в своей работе “Социальная система” рассматривает здоровье как особую систему отношений индивида и социума, анализируя его через противоположное состояние болезни в рамках концепции “роли больного”¹⁵.

Представляя здоровье как результат взаимодействия врача и пациента в рамках интеракционизма, С. Блум и П. Саммер отмечают, что “такие факторы, как социально-экономический статус и культура врача и пациента, в конечном счете, определяют... здоровье”¹⁶.

Роль субъективного восприятия здоровья и болезни находит отражение в исследованиях И. Гофмана¹⁷, А. Страусса, Б. Глейзера¹⁸.

П. Бергер и Т. Лукман обосновывают социальную детерминированность здоровья индивида в рамках социального конструктивизма¹⁹. В этой связи следует обратить внимание на интерес к проблеме социального контроля над здоровьем и жизнью индивида в соци-

¹³ Устав Всемирной Организации Здравоохранения. URL: http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

¹⁴ Лядова А.В. Особенности становления социологии медицины как междисциплинарного научного направления // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 1. С. 45–64.

¹⁵ Parsons T. The social system. N.Y., 1951. P. 301.

¹⁶ Bloom S.W., Summey P. Models of the doctor-patient relationship: a history of the social system concept // The doctor-patient relationship in the changing health scene / Ed. by E.B. Gallagher. Washington, 1978. P. 17–48.

¹⁷ Goffman E. Stigma. Notes on the management of spoiled identity. N.Y., 1963.

¹⁸ Glaser B.G., Strauss A.L. Time for dying. Chicago, 1968.

¹⁹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

уме²⁰. Анализируя взаимовлияние биологического и социального начала в человеке, П. Бергер и Т. Лукман указывают, что "...общество детерминирует длительность и способ жизни индивидуального организма. Эта детерминация может быть институционально запрограммированной посредством операций социального контроля, например, с помощью законов... Своей властью над жизнью и смертью оно заявляет о своем высшем контроле над индивидом"²¹.

В контексте постструктураллистских идей здоровье рассматривается как результат воздействия медицины и ее технологий, что находит отражение в исследованиях феномена медикализации²². Так, французский социолог М. Фуко сравнивает влияние медицины и врачей с политической властью: "...медицинское пространство совпадает с социальным или, скорее, его пересекает и полностью в него погружается. Начинает постигаться обобщенное присутствие врачей, чьи пересекающиеся взгляды образуют сеть и осуществляют во всех точках пространства и в каждый момент времени постоянное, лабильное и дифференцированное наблюдение"²³. Отмечая положительный эффект развития медицинского знания, исследователь констатирует негативное влияние институциональных факторов на здоровье индивида и общества через введение инструментов социального контроля над жизнью и смертью²⁴.

В концепции габитуса, развиваемой французским социологом П. Бурдье в контексте структураллистского конструктивизма, здоровье выступает как индикатор социального статуса индивида, который обусловливает определенный паттерн поведения в отношении здоровья, воспроизведимый через соответствующие социальные практики индивида²⁵.

Со второй половины XX в. в социальных прикладных исследованиях наряду с изучением влияния на здоровье социально-экономических факторов (дохода, социального статуса), особенностей

²⁰ Лядова А.В. Социология медицины: грани взаимодействия в XXI в., в поисках новой парадигмы // Современная социология: ключевые направления и векторы развития / Под ред. Н.Г. Осиповой. М., 2018. С. 310–335.

²¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности... С. 122.

²² Illich I. Medical nemesis // Journal of Epidemiology and Community Health. 2003. Vol. 57 (12). P. 919–922; Szasz T. The myth of mental illness // The American Psychologist. 1960. N 15. P. 133–138; Zola I.K. Socio-medical inquires. Philadelphia, 1982. P. 49.

²³ Фуко М. Рождение клиники. М., 2014. С. 55.

²⁴ Фуко М. Рождение биополитики // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. С. 152.

²⁵ Bourdieu P. Distinction: a social critique of the judgement of taste. L., 1984; Бурдье П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I. Вып. 2.

поведения в ситуации болезни, роли системы общественного здравоохранения, все чаще ставятся вопросы о том, что эти факторы не только детерминируют здоровье человека, а формируют именно различия в уровне его состояния среди сельских и городских жителей, представителей разных социальных групп и стран.

Одной из первых работ, вызвавших широкое обсуждение проблемы социального неравенства и здоровья, можно считать публикацию американского социолога израильского происхождения А. Антоновски “Социальный класс, продолжительность жизни и общая смертность”²⁶. Ее автор показал, что принадлежность к определенному социальному классу оказывает влияние на продолжительность жизни индивида²⁷. А. Антоновски отмечает, что из всех рассмотренных социальных классов почти всегда среди представителей низшего наблюдается самый высокий уровень смертности²⁸. В заключении своего исследования этот социолог указывает, что “несмотря на достигнутые успехи в предотвращении эпидемий инфекционных заболеваний вследствие развития медицинской науки и улучшении качества жизни населения в целом, все-таки в условиях преобладания хронических заболеваний проблема социального неравенства в уровне здоровья все более обусловлена доступностью медицинской помощи, а также информированностью о существующих рисках”²⁹.

Идею обусловленности различий в состоянии здоровья у представителей социальных групп разного экономического статуса доказывает и американский исследователь Д. Салкевер³⁰. Исследуя в своей работе “Экономический класс и различия в доступе к системе здравоохранения: сравнительный анализ” уровень доступности среди населения медицинских услуг в пяти странах (Канада, Великобритания, Финляндия, Польша, США), автор приходит к выводу, что социальные группы с более высоким доходом имеют более широкие возможности по удовлетворению своих потребностей в медицинской помощи.

Аналогичные выводы представлены и в работах основателя известной американской системы “Медикэр”, профессора факультета глобальной и социальной медицины Гарвардской медицинской

²⁶ Antonovsky A. Social class, life expectancy and overall mortality // The Milbank Memorial Fund Quarterly. 1967. Vol. 45. N 2. Part 1. P. 31–73.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. P. 67.

²⁹ Ibid. P. 68.

³⁰ Salkever D.S. Economic class and differential access to care: comparisons among health care systems // International Journal of Health Services. 1975. N 5(3). P. 373–395.

школы Р. Фейна³¹. Исследователь, рассматривая неравный доступ к медицинским услугам среди разных социальных групп американского общества, затрагивает более глубокую проблему — вопрос справедливости такого распределения. В заключении своей статьи Р. Файн высказывает сомнения в возможностях рыночной модели здравоохранения реализовать право каждого на охрану своего здоровья, предлагая создать национальную систему здравоохранения³².

Комплексное исследование влияния бедности на здоровье представлено в монографии “Бедность и здоровье: социологический анализ”³³. Ее авторы, в число которых вошли известные социологи медицины И. Зола, Дж. Коза, А. Антоновски, на основе тщательного анализа статистических данных о здоровье различных социальных групп приходят к выводу о глубоком дефиците здоровья, выявленном среди бедного населения, причина которого кроется в нехватке ресурсов (причем не только экономических, но и социальных) для его поддержания и улучшения, что связано с их неравным распределением в рамках существующей социальной системы.

Проблема реализации равного права на охрану здоровья является центральной темой и в работах американского социолога Т. Шаца³⁴. Оригинальность его подхода заключается в проекции проблемы неравенства на отношения между врачом и больным. Рассматривая особенности терапии психических заболеваний, автор отмечает, что в условиях по сути принудительного лечения реализация пациентом права выбора отсутствует, что создает дисбаланс в системе социального взаимодействия в рамках медицинской практики. Также автор указывает, что в условиях коммерциализации медицины врачи выступают не только как поставщики услуг, но и как маркетологи, определяя уровень их стоимости, что опять создает ситуацию неравного доступа. Анализируя возможности человека реализовать свое право на охрану здоровья в современном обществе, Т. Шац приходит к выводу, что данная проблема гораздо глубже простых

³¹ Fein R. On achieving access and equity in health care // Medical Cure and Medical Care: Prospects for the Organization and Financing of Personal Health Care Services. Proceedings of the Sun Valley Forum on National Health. 1972. N 1. P. 157–190.

³² Ibid. P. 178–179.

³³ Poverty and health: a sociological analysis / Ed. by J. Kosa, A. Antonovsky, I. Zola. Harvard, 1969.

³⁴ Лядова А.В. Особенности становления социологии медицины как междисциплинарного научного направления // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 1. С. 45–64; Szasz T. The right to health // Georgetown Law Journal. 1969. March. N 57. P. 734–751.

экономических расчетов, так как ее решение связано с трансформацией общества индивидуализма и потребления³⁵.

Поворотной вехой в изучении социального неравенства и здоровья в международном научном поле становится 1976 г., когда в английском социологическом журнале “Новое общество” была опубликована статья Р. Уилкинсона, тогда еще стипендиата Совета по санитарному просвещению на факультете общественного здравоохранения Ноттингемского университета, а впоследствии известного профессора социальной эпидемиологии и общественного здравоохранения, адресованная Дэвиду Энналсу, который в тот период занимал пост Государственного секретаря по здравоохранению и социальному обеспечению Великобритании³⁶. Собственно, статья так и называлась “Дорогому Дэвиду Энналсу” (“Dear David Ennals”). В своем обращении молодой исследователь, опираясь на анализ статистических данных, представляет результаты проведенного сравнительного исследования уровня заболеваемости и смертности среди разных социальных групп населения Великобритании по двадцати различным показателям. В их числе: условия жилья, работы, уровень образования, доходов, состояние окружающей среды (загрязненность воздуха), состав потребительской корзины. Автор приходит к выводу о том, что распространенность заболеваний и, как следствие, уровень смертности, находятся в прямой зависимости не столько от доступности медицинских услуг, сколько от общего уровня качества жизни. Хотя Р. Уилкинсон обосновывал свои выводы на основе анализа данных о рационе питания различных социальных групп, что в аспекте современных исследований представляется несколько ограниченной доказательной базой, тем не менее, он затронул важнейшую проблему ресурсного неравенства, когда из-за низкого дохода, под влиянием средств массовой информации, люди покупают менее качественные продукты, товары, по сути, своими руками наносят вред своему здоровью. По мнению автора статьи, ее решение — не в дополнительных субсидиях, а в социальной ответственности производителей продуктов питания.

Для того, чтобы оценить тот “взрыв”, который породила статья Р. Уилкинсона в общественно-политических кругах Англии того периода, стоит вспомнить послевоенные социальные мероприятия, развернутые в рамках “Отчета Бевериджа” или программы создания всеобщей системы социального обеспечения, разработанной

³⁵ Szasz T. Op. cit. P. 750.

³⁶ Wilkinson R. Dear David Ennals // New Society. 1976. 16 Dec.

английским экономистом Уильямом Бевериджем в 1942 г.³⁷ Один из пунктов этого документа предусматривал создание системы всеобщего национального здравоохранения (так называемая модель Бевериджа), основанной на равном бесплатном всеобщем медицинском обслуживании всех граждан, независимо от их экономического статуса (“не по доходу, а по потребности”)³⁸.

Однако спустя тридцать лет выяснилось, что обеспечение доступности медицинских услуг населению хотя и привело к улучшению состояния общественного здоровья, но не ликвидировало различий в уровне здоровья представителей разных социальных классов. Более того, как указал в своей статье Р. Уилкинсон, произошел переворот в статистике заболеваний: если в предыдущие периоды ожирением, и, как следствие, сердечно-сосудистыми заболеваниями страдали богатые, что было связано с перенасыщением жирной пищей, то во второй половине XX в. болезнь лишнего веса и все сопутствующие ей проблемы стали “достоинством” представителей низших классов из-за употребления некачественных продуктов питания, содержащих вредные рафинированные жиры и углеводы. И это вызвало огромный общественно-политический резонанс. Проблема социального неравенства и здоровья стала еще серьезнее, что вызвало необходимость ее дальнейшего изучения и разработки соответствующих решений.

В целом, анализ зарубежных исследований социального неравенства в отношении здоровья позволяет выделить следующие этапы разработки данной темы в научном дискурсе:

- 1) подготовительный (XIX в. — до середины XX в.);
- 2) зарождения (1960–1975 гг.);
- 3) актуализации темы (1976–1980-е гг.);
- 4) институциональный (формирование теоретико-методологической базы) (1990-е — начало 2000-х гг.);
- 5) современный (начало 2000-х гг. — по настоящее время).

Таким образом, очевидно, к началу XXI в. социальное неравенство в отношении здоровья становится одной из актуальных тем научного дискурса.

Несмотря на относительно небольшой временной период, следует подчеркнуть, что накоплен значительный объем научных исследований, посвященных изучению социального неравенства в отношении

³⁷ Social insurance and allied services. Report by Sir William Beveridge. L., 1942. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2560775/pdf/10916922.pdf> (accessed: 02.04.2020).

³⁸ Ibid. P. 853.

здравья. Их анализ позволяет выделить несколько исследовательских направлений, сформировавшихся вокруг данной темы.

Первое направление объединяет работы, посвященные анализу состояния здоровья населения разных стран и выявлению факторов, детерминирующих существующие различия. Это исследования голландских социологов А. Кунста и Й. Макенбаха, британских исследователей М. Уайтхед, Р. Вилкинсона, испанского социолога В. Наварро, американского социолога В. Коккерхема³⁹. На глобальный характер социального неравенства в отношении здоровья указывает в своих работах шведский социолог Г. Тернборн, рассматривая его как витальное неравенство⁴⁰.

В рамках второго направления получает разработку само понятие “социальное неравенство в отношении здоровья”. В этом аспекте следует отметить вклад английских ученых М. Уайтхед, М. Мармота, Г. Скамблера и др., в трудах которых представлен анализ данного концепта⁴¹.

Третье направление связано с изучением трансформации социальных детерминант здоровья в условиях современного социума, когда наряду с традиционными (материальными и социально-структурными) факторами социального неравенства в сфере здоровья происходит формирование новых. Так, в работах американского исследователя И. Кавачи поднимается вопрос о гендерном аспекте социального неравенства в отношении здоровья⁴². Другой американский ученый Д. Уиллимс исследует влияние расового фактора

³⁹ См.: *Whitehead M. The concepts and principles of equity and health // International Journal of Health Services. 1992. N 22(3). P. 429–445; Wilkinson R.G. Income distribution and life expectancy // British Medical Journal. 1992. N 304. P. 165–168; Mackenbach J., Kunst A. Measuring the magnitude of socio-economic inequalities in health: an overview of available measures illustrated with two examples from Europe // Social Science and Medicine. 1997. N 44(6). P. 757–771; Kunst A.E., Groenhof F., Mackenbach J.P. Mortality by occupational class among men 30–64 years in 11 European countries // Social Science and Medicine. 1998. N 46(11). P. 1459–1476; Navarro V. Health and equity in the world in the era of “globalization” // International Journal of Health Services. 1999. N 29(2). P. 215–226; Cockerham W., Bauldry S., Hamby B., Shikany J., Bae S. A comparison of black and white racial differences in health lifestyles and cardiovascular disease // American Journal of Preventive Medicine. 2017. Vol. 52. N 1. P. 56–62.*

⁴⁰ См.: Тернборн Г. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения // Социологические исследования. 2005. Т. 4. № 1. С. 31–62.

⁴¹ См.: *Whitehead M. The concepts and principles of equity and health // International Journal of Health Services. 1992. N 22(3). P. 429–445; Scambler G. Health inequalities // Sociology of Health & Illness. 2012. Vol. 34. N 1. P. 130–146.*

⁴² См.: *Kawachi I., Kennedy B.P., Gupta V., Prothrow-Stith D. Women’s status and the health of women and men: a view from the States // Social Science and Medicine. 1999. N 48(1). P. 21–32.*

как значимой причины социальных дифференций, отмечая его негативное влияние на состояние здоровья⁴³.

В рамках четвертого направления получает разработку методология изучения социального неравенства в отношении здоровья, в частности, выбор методов измерения и необходимых индикаторов. Это работы британского социолога М. Мармота, финского исследователя Т. Валконена, шведского ученого П. Карлсона, экспертов Всемирной организации здравоохранения Э. Гакиду, К. Мюррея, Дж. Френк⁴⁴.

В работах отечественных социологов изучение социального неравенства в отношении здоровья получает развитие в 1990-е гг. Анализ научных публикаций по данной теме в базе российского индекса научного цитирования указывает на рост исследований социального неравенства в сфере здоровья с 2000-х гг. На наш взгляд, это объясняется тем, что внимание к этой проблеме среди отечественных исследователей формируется позже, так как в начале 1990-х гг. еще сохранялось влияние наследия советской системы здравоохранения, а дисбаланс в уровне здоровья населения стал проявляться только к концу перестроечного периода.

Особый вклад в разработку данной темы внесли такие отечественные ученые, как К.Р. Амлаев, А.И. Антонов, Ю.П. Аверин, А.Ш. Викторов, Н.А. Вялых, Е.В. Дмитриева, В.И. Добреньков, И.В. Журавлева, Н.Г. Осипова, Н.М. Римашевская, Т.К. Ростовская, Н.Л. Русинова и др.⁴⁵

⁴³ См.: *Williams D. Race, socioeconomic status, and health. The added effects of racism and discrimination // Annals of the New York Academy of Sciences. 1999. N 3. P. 173–188.*

⁴⁴ См.: *Marmot M., Wilkinson R. Psychosocial and material pathways in the relation between income and health: a response to Lynch et al // British Medical Journal. 2000. N 322. P. 1233–1236; Valkonen T. Adult mortality and level of education: a comparison of six countries // Health Inequalities in European Countries. Aldershot, 1989. P. 142–172; Carlson P. Educational differences in self-rated health during the Russian transition. Evidence from Taganrog 1993–1994 // Social Science & Medicine. 2000. Vol. 51 (9). P. 1363–1374; Gakidou E., Murray C., Frenk J. World Health Organization. Global Programme on Evidence for Health Policy. A framework for measuring health inequality // World Health Organization. Geneve, 1999.*

⁴⁵ См.: Амлаев К.Р., Курбатов А.В. Современное состояние проблемы неравенства в здоровье (обзор) // Профилактическая медицина. 2012. Т. 15. № 1. С. 10–15; Аверин Ю.П., Добреньков В.И., Добренькова Е.В. Неравенство российского населения в отношении качества жизни и предпочтаемый социальный порядок // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 12–35; Антонов А.И. Проблемы изучения самосохранительного поведения населения в демографии // Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма. М., 1986; Викторов А.Ш. Введение в социологию неравенства. М., 2015; Вялых Н.А. Методология социологического исследования неравенства в доступе к медицинской помощи: Научно-методическое пособие. Ростов-н/Д., 2013; Дмитриева Е.В. Социология здоровья: методологические

Анализ публикаций отечественных исследователей позволяет выделить следующие аспекты в изучении социального неравенства и здоровья:

а) влияние социально-экономического статуса на уровень здоровья⁴⁶;

б) особенности организации здравоохранения и доступность медицинских услуг⁴⁷;

подходы и коммуникационные программы. М., 2002; *Журавлева И.В., Лакомова Н.В.* Российская система здравоохранения как фактор неравенства // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Международная научная конференция “Сорокинские чтения-2018”. Сб. мат-в. М., 2018. С. 876–878; *Осипова Н.Г.* Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4. С. 119–141; *Ростовская Т.К., Шимановская Я.В.* Здоровье и качество жизни как основные жизненные ценности современной молодежи // Стратегии будущего в меняющемся мире: вопросы, ответы и ответственность. Материалы XXIII Социологических чтений РГСУ. Сб. М., 2018. С. 22–25; *Ростовская Т.К., Шимановская Я.В.* Роль самосохранительного поведения как фактора, обуславливающего состояние здоровья россиян // Социально-демографический потенциал России: состояние и перспективы. М., 2019. С. 248–264; *Римашевская Н.М., Мигранова Л.А., Молчанова Е.В.* Факторы, влияющие на состояние здоровья населения России // Народонаселение. 2011. № 1 (51). С. 38–49; *Браун Д., Русинова Н.Л.* Социальные неравенства и здоровье // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 1. С. 103–114.

⁴⁶ См.: *Аверин Ю.П., Добреньков В.И., Добренькова Е.В.* Неравенство российского населения в отношении качества жизни и предпочтаемый социальный порядок // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 12–35; *Канева М.А., Байдин В.Б.* Неравенство в доходе и самооценка здоровья в России // ЭКО. 2019. № 12. С. 105–123; *Кислицына О.А.* Влияние социально-экономических факторов на состояние здоровья: роль абсолютных или относительных лишений // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 289–302; *Римашевская Н.М., Мигранова Л.А., Молчанова Е.В.* Факторы, влияющие на состояние здоровья населения России // Народонаселение. 2011. № 1 (51). С. 38–49.

⁴⁷ См.: *Амлаев К.Р., Курбатов А.В.* Современное состояние проблемы неравенства в здоровье (обзор) // Профилактическая медицина. 2012. Т. 15. № 1. С. 10–15; *Бузин В.Н., Михайлова Ю.В., Чухриенко И.Ю., Бузина Т.С., Шикина И.Б., Михайлов А.Ю.* Российское здравоохранение глазами населения: динамика удовлетворенности за последние 14 лет (2006–2019): обзор социологических исследований // Профилактическая медицина. 2020. Т. 23. № 3. С. 42–47; *Журавлева И.В., Лакомова Н.В.* Российская система здравоохранения как фактор неравенства // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Международная научная конференция “Сорокинские чтения-2018”. Сб. мат-в. М., 2018. С. 876–878; *Новосёлова Е.Н.* Снижение уровня бедности как способ повышения эффективности системы здравоохранения в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. № 2. С. 111–129; *Осипова Н.Г.* Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4. С. 119–141; *Панова Л.В.* Доступность медицинской помощи: Россия в европейском контексте // The Journal of Social Policy Studies. 2019. Т. 17. № 2. С. 177–190; *Семина Т.В.* Парадигма взаимоотношений врача и пациента // Безопасность и этические аспекты деятельности медицинских работ-

в) вопросы методологии исследования социального неравенства в отношении здоровья⁴⁸;

г) сравнительный анализ состояния здоровья различных социальных групп⁴⁹.

Авторы обращают внимание на депривацию под влиянием уровня дохода самосохранительных практик в отношении к своему здоровью⁵⁰. Особое внимание ученые уделяют анализу состояния отечественной системы здравоохранения. По мнению исследователей, российское здравоохранение характеризуется растущим неравенством в уровне здоровья жителей России, что находит отражение в статистике заболеваний по регионам и социально-экономическим группам⁵¹.

Таким образом, как показывает историко-сравнительный анализ социологического дискурса о социальном неравенстве в отношении здоровья, в изучении данной проблемы накоплен значительный исследовательский опыт. Сегодня эта тема является одной из актуальных в работах и социологов, и демографов, и экономистов, и работников общественного здравоохранения и социальной гигиены и в России, и за рубежом.

Однако акцентируя внимание на ее разработке в социологическом поле, следует отметить на ее относительную новизну. Как было показано выше, становление этого направления происходит с конца прошлого столетия, что обусловлено значительными трансформациями современного социума, влияние которых на здоровье человека имеет амбивалентный характер.

ников. Правовое обеспечение. Управление библиотечных фондов (Парламентская библиотека). М., 2016. С. 12–16.

⁴⁸ См.: Вялых Н.А. Методологические основы исследования социального неравенства в сфере доступности услуг здравоохранения // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2012. № 2; Он же. Методология социологического исследования неравенства в доступе к медицинской помощи: Научно-методическое пособие. Ростов-н/Д., 2013.

⁴⁹ См.: Козырева П.М., Смирнов А.И. Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 70–81; Ростовская Т.К., Карповская Е.Е., Абдрашитова А.Х. Здоровье молодежи Казахстана и России как залог решения демографических проблем // Вопросы управления. 2018. № 6(55). С. 204–210; Русинова Н.Л., Панова Л.В., Сафонов В.В. Здоровье и социальный капитал (опыт исследования в Санкт-Петербурге) // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 87–100.

⁵⁰ Амлаев К.Р., Курбатов А.В. Современное состояние проблемы неравенства в здоровье (обзор) // Профилактическая медицина. 2012. Т. 15. № 1. С. 10–15.

⁵¹ Журавлева И.В., Лакомова Н.В. Российская система здравоохранения как фактор неравенства // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Международная научная конференция “Сорокинские чтения-2018”. Сб. мат-в. М., 2018. С. 876–878.

Анализируя накопленный исследовательский опыт в изучении социального неравенства в отношении здоровья, следует указать, что представленные точки зрения ученых на природу социальных различий в состоянии здоровья населения не однородны. Их сравнение позволяет объединить их по следующим направлениям (подходам): стратификационный, институциональный, расово-гендерный, поведенческий, глобальный.

В рамках наиболее распространенного подхода, стратификационного, в качестве первопричины социального неравенства в отношении здоровья обосновывается влияние социально-экономического статуса⁵². По мнению американских исследователей Б. Линка и Дж. Фелан, такие социальные факторы, как условия жизни, работы, благополучие семьи, могут иметь положительный или негативный эффект на состояние здоровья человека: "...чем дольше люди живут в стрессовых экономических и социальных условиях, тем больше у них физиологический износ ... и тем менее вероятно, что они будут наслаждаться здоровой старостью"⁵³. В данном аспекте социальное неравенство в отношении здоровья предстает как результат отношений, формирующихся в рамках заданного социального поля, что позволяет его интерпретировать через призму структурного конструктивизма П. Бурдье и его теорию габитуса⁵⁴.

Согласно подходу французского социолога, социальный мир, хоть и является объективно существующим, тем не менее предстает как поле активных действий проживающих в нем индивидов⁵⁵. Однако их конструирование не определяется только в ходе субъективного восприятия самого актора, а детерминировано параметрами его существования или габитусом, которое автор трактует как "...системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т.е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления"⁵⁶.

⁵² Lago S., Cantarero D., Rivera B., Pascual M., Blázquez-Fernández C., Casal B., Reyes F. Socioeconomic status, health inequalities and non-communicable diseases: a systematic review // Zeitschrift Fur Gesundheitswissenschaften. 2018. Vol. 26. N 1. P. 1–14.

⁵³ Link B., Phelan J. Social conditions as fundamental causes of disease // Journal of Health and Social Behaviour. 1995. N 35. P. 80–94.

⁵⁴ Bourdieu P. *Le sens pratique*. Р., 1979; Бурдье П. Формы капиталов // Экономическая социология. Электронный журнал. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74; Бурдье П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 40–58.

⁵⁵ Бурдье П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 43.

⁵⁶ Там же. С. 44.

П. Бурдье рассматривает габитус как продукт истории и разделяет производимые им практики на два типа: индивидуальные и коллективные, что указывает на “присутствие прошлого опыта” в субъективном опыте индивида через определенные схемы восприятия, мышления, стиля жизни⁵⁷. Поэтому вкусы, предпочтения, поведение людей, структурированные в рамках данного социального пространства, определяющего их образ жизни, можно рассматривать как маркер их социальной позиции, детерминирующей соответствующие модели поведения. Однако эти паттерны обусловлены не только субъективными целями, но и имеющимся уровнем экономического, социального и культурного капитала в рамках данного социального класса.

В процессе проецирования данной концепции на проблему социального неравенства в отношении здоровья становится понятным, что эти различия являются следствием ограничения возможностей индивида рамками заданных социальной структурой моделей поведения и практик в сфере здоровья. Так, установлена положительная связь между уровнем экономического капитала и здоровьем, что объясняется большей доступностью необходимых для поддержания своего здоровья ресурсов для людей с высоким доходом, по сравнению с теми, чей материальный статус гораздо ниже⁵⁸.

Если влияние уровня дохода (экономического капитала) на состояние здоровья подтверждается многочисленными исследованиями, уже рассмотренными ранее в данной работе, то связь здоровья и социального капитала является предметом активного обсуждения, особенно в последние годы, что, возможно, обусловлено множественностью самих форм социального капитала в современном социуме⁵⁹.

По определению П. Бурдье, социальный капитал есть “...сокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с об-

⁵⁷ Бурдье П. Практический смысл. С. 45.

⁵⁸ Prandy K. Class, stratification and inequalities in health: a comparison of the Registrar-General's social classes and the Cambridge scale // Sociology of Health & Illness. 1999. N 21. P. 466–484; Mirowsky J., Ross C. Education, social status and health. N.Y., 2003; Pinxten W., Lievens J. The importance of economic, social and cultural capital in understanding health inequalities: using a Bourdieu based approach in research on physical and mental health perceptions // Sociology of Health & Illness. 2014. N 20. P. 11.

⁵⁹ Kawachi I., Kennedy B.P., Lochner K. Long live community: social capital as public health // The American Prospect. 1997. Vol. 35. P. 56–59; Harpham T., Grant E., Thomas E. Measuring social capital within health surveys: key issues // Health Policy and Planning. 2002. Vol. 17. N 1. P. 106–111; Turner B. Social capital, inequality, and health: the Durkheimian revival // Social Theory and Health. 2003. Vol. 1. N 1. P. 4–20; Silva M.J., Huttly S.R., Harpham T., Kenward M. Social capital and mental health: a comparative analysis of four low income countries // Social Science and Medicine. 2007. Vol. 64. P. 5–20.

ладанием устойчивой сетью... более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе”⁶⁰.

Если исходить из данного понятия, то становится очевидно, что влияние социального капитала на здоровье следует рассматривать на нескольких уровнях. На институциональном уровне оно прослеживается через степень доверия членов общества тем учреждениям, которые призваны обеспечить охрану здоровья и, как следствие, влияют на степень комплаентности в поведении индивида. На уровне социальных групп здоровье определяется системой их ценностных ориентаций и норм, а также степенью сплоченности и уровнем взаимной поддержки. Поэтому, как показывают результаты проведенных исследований, зачастую в условиях ограниченности экономического капитала крепкие социальные связи способствуют нивелированию действия негативных факторов на уровень здоровья членов сообщества, когда благодаря поддержке других происходит перераспределение ресурсов, необходимых для решения проблем со здоровьем, в пользу нуждающихся членов⁶¹.

Так, согласно исследованиям, проведенным социологами О. Мартинес-Мартинесом и А. Родригес-Брито из Иberoамериканского университета (Факультет социальных и политических наук) среди населения Мексики, установлено, что социальный капитал представляет собой важный инструмент решения проблем со здоровьем. Как отмечают авторы, социальные сети как один из видов социального капитала становятся основным ресурсом решения проблем, связанных с доступом к системе здравоохранения, лекарствам в условиях высокого уровня маргинализации. Также социальные связи помогают в сборе средств на оплату медицинских услуг. Для маргинализированных групп социальный капитал выступает в качестве инструмента эмоциональной поддержки, снятия стресса, способствуя позитивному настрою в состоянии болезни⁶².

Также отмечается, что в обществах с высоким уровнем коллективной солидарности реже наблюдается проблема социальной изоляции индивидов, которая негативно влияет как на психическое, так и на

⁶⁰ Бурдье П. Формы капиталов // Экономическая социология. Электронный журнал. 2002. Т. 3. № 5. С. 66.

⁶¹ Morgan A., Swann C. Health development agency. Social capital for health: issues of definition, measurement and links to health. L., 2004.

⁶² Martínez-Martínez O.A., Rodríguez-Brito A. Vulnerability in health and social capital: a qualitative analysis by levels of marginalization in Mexico // International Journal of Equity Health. 2020. N 3. P. 19–24.

физическое здоровье⁶³. Так, по данным, полученным в ходе исследования среди жителей Китая, установлена прямая корреляция между уровнем общественной солидарности и доверия и субъективной оценкой здоровья: чем крепче доверие, тем люди выше оценивают свое самочувствие, и, наоборот, в условиях социальной изоляции, когда индивиды склонны не доверять окружающим, их самооценка своего здоровья снижается⁶⁴.

Таким образом, “ментальный” вид социального капитала, выражющийся через уровень доверия, обусловлен особенностями самого общества, его историей, традициями и уровнем развития.

Тем не менее, как подтверждают исследования, проведенные среди жителей европейских стран, данная связь прослеживается и на микроуровне при исследовании влияния друзей, семьи на здоровье их близких⁶⁵. В этом аспекте интересно обратиться к работе норвежских социологов, посвященной изучению данного вопроса среди населения Норвегии, стране, относящейся к государствам социального типа с высоким уровнем благосостояния, социального равенства и обеспечения⁶⁶. На основе многомерного анализа, проведенного авторами, можно сделать вывод о значимости социального капитала для хорошего самочувствия, что проявляется в эмоциональной и материальной поддержке со стороны близких людей. Однако в состоянии болезни, особенно хронического типа, роль социального капитала снижается, что, по мнению авторов, может свидетельствовать о его меньшем влиянии на макроуровне, на котором более значимым является экономический капитал, обуславливающий доступ индивида к необходимым ресурсам для поддержания своего здоровья⁶⁷.

По мнению отечественных исследователей Н.Л. Русиновой и В.В. Сафонова, влияние социального капитала оказывается сильнее

⁶³ Suhrcke M., McKee M., Rocco L. Инвестиции в здоровье: ключевое условие успешного экономического развития стран Восточной Европы и Центральной Азии // Европейское региональное бюро ВОЗ. Копенгаген, 2008.

⁶⁴ Meng T., Chen H. A multilevel analysis of social capital and self-rated health: evidence from China // Health Place. 2014. Vol. 27. P. 38–44; Lee S., Jung M. Social capital, community capacity, and health // The Health Care Manager. 2018. Vol. 37(4). P. 290–298.

⁶⁵ Mansyur C., Amick B.C., Harrist R.B., Franzini L. Social capital, income inequality, and self-rated health in 45 countries // Social Science of Medicine. 2008. Vol. 66 (1). P. 43–56; Backhaus I., Kawachi I., Ramirez A., Jang S. Social capital and students’ health: results of the splash study // European Journal of Public Health. 2019. Vol. 29. P. 313; Annahita E., Hannah S.K., Alexander B., Dario S. Social capital and health: a systematic review of systematic reviews // Population Health. 2019. Vol. 8. P. 1–15.

⁶⁶ Dahl E., Malmberg-Heimonen I. Social inequality and health: the role of social capital // Social Health and Illness. 2010. Vol. 32(7). P. 1102–1119.

⁶⁷ Ibid. P. 1117.

в развитых странах, что связано с депривацией и стрессами при сравнении с благополучным большинством, хотя, в целом, социальный капитал оказывает благоприятное воздействие на здоровье людей во всех общественных стратах⁶⁸.

В работах, посвященных изучению этой проблемы среди населения России, также указывается на значимость социальной интеграции и поддержки для хорошего самочувствия⁶⁹. Однако авторы отмечают, что его распределение имеет неравномерный характер, и во многом, обусловлено социально-экономическим статусом индивида, в частности, уровнем образования и дохода⁷⁰. По мнению Н.А. Лебедевой-Несевря, обладание социальным капиталом тесно связано с уровнем социально-экономического статуса, который раскрывается в контексте здоровья с позиций доступа к безопасному жилью, качественному питанию, квалифицированной медицинской помощи, возможности заниматься физическими нагрузками и в целом вести здоровый образ жизни⁷¹.

Влияние культурного капитала также носит амбивалентный характер, хотя следует отметить, что до начала 2000-х гг. в исследованиях, посвященных проблеме здоровья и социального неравенства, данный аспект не рассматривался⁷².

Согласно П. Бурдье, культурный капитал выступает в трех состояниях: инкорпорированном, объективированном и институ-

⁶⁸ Русинова Н.Л., Сафонов В.В. Проблема социальных неравенств в здоровье: сравнительное исследование России в европейском контексте // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 1. С. 140–141.

⁶⁹ Русинова Н.Л., Панова Л.В., Сафонов В.В. Продолжительность жизни в регионах России: значение экономических факторов и социальной среды // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. № 1. С. 140–161; Русинова Н.Л., Панова Л.В., Сафонов В.В. Здоровье и социальный капитал (опыт исследования в Санкт-Петербурге) // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 87–100; Белов В.Б., Роговина А.Г. Социальный капитал и здоровье населения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. № 6. С. 3–5; Лебедева-Несевря Н.А., Елисеева С.Ю. Социальный капитал как фактор формирования здоровья населения: аналитический обзор // Анализ риска здоровью. 2018. № 3. С. 156–164.

⁷⁰ Русинова Н.Л., Панова Л.В., Сафонов В.В. Здоровье и социальный капитал (опыт исследования в Санкт-Петербурге) // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 98–99.

⁷¹ Лебедева-Несевря Н.А., Елисеева С.Ю. Социальный капитал как фактор формирования здоровья населения: аналитический обзор // Анализ риска здоровью. 2018. № 3. С. 156–164.

⁷² Pampel F.C. Does reading keep you thin? Leisure activities, cultural tastes, and body weight in comparative perspective // Sociology of Health & Illness. 2012. N 34. P. 396–411; Veenstra G., Patterson A.C. Capital relations and health: mediating and moderating effects of cultural, economic and social capitals on mortality in Alameda County, California // International Journal of Health Services. 2012. N 42. P. 277–291.

ционализированном⁷³. В обобщенном виде культурный капитал представляет собой символические и информационные ресурсы индивида, которые формируются главным образом в процессе социального научения через усвоение норм, ценностей, паттернов поведения и в ходе образовательной деятельности. По мнению социолога Т. Абеля, в аспекте влияния на здоровье культурный капитал может выступать как фактор формирования определенного образа жизни в отношении здоровья, проявляясь в соответствующих моделях поведения, ценностных ориентациях и знаниях, в частности, через уровень санитарной грамотности, приверженность здоровому образу жизни⁷⁴.

Накапливаясь в течение социальной жизнедеятельности индивида, культурный капитал во многом обусловлен социально-экономическим статусом и также может выступать как фактор социального неравенства в отношении здоровья. Как показывают исследования, респонденты с более высоким уровнем образования, включая доступ к более широким информационным ресурсам о здоровье, имеют более высокую самооценку их самочувствия, проявляют больше заботы о здоровье, что объясняется их большими возможностями в обладании необходимыми ресурсами в результате конвертирования на определенном уровне культурного капитала в экономический и социальный⁷⁵. Так, по данным, полученным в ходе масштабного исследования корреляции уровня смертности и образования среди населения Австралии, установлено, что уровень смертности среди мужчин, не имеющих высшего образования, в два раза превышает этот показатель среди тех, кто окончил высшее учебное заведение.

⁷³ Бурдье П. Формы капиталов // Экономическая социология. Электронный журнал. 2002. Т. 3. № 5. С. 60.

⁷⁴ Abel T. Cultural capital in health promotion // Health and Modernity. The Role of Theory in Health Promotion. N.Y., 2007. P. 43–73; Abel T. Cultural capital and social inequality in health // Journal of Epidemiology and Community Health. 2008. August; Abel T., Hofmann K., Ackermann S., Bucher S., Sakarya S. Health literacy among young adults: a short survey tool for public health and health promotion research // Journal: Health Promotion International. 2015. Vol. 30. N 3.

⁷⁵ Shim J.K. Cultural health capital: a theoretical approach to understanding health care interactions and the dynamics of unequal treatment // Journal of Health and Social Behavior. 2010. N 51(1). P. 1–15; Mackenbach J.P. The persistence of health inequalities in modern welfare states: the explanation of a paradox // Social Science & Medicine. 2012. N 75(4). P. 761–769; Kamin T., Kolar A., Steiner P. The role of cultural capital in producing good health: a propensity score study // Zdrav Var. 2013. N 52. P. 108–118; Oude Groeniger J. Socioeconomic inequalities in health: a life-course perspective on social stratification, cultural capital and health-related behaviors. Rotterdam, 2019.

Среди женского населения эта тенденция также имеет место, но несколько с меньшим разрывом (1,6 раза)⁷⁶.

Прямая корреляция наблюдается и при соотнесении различий в структуре заболеваний в пространственном аспекте, что также обусловлено устоявшейся системой практик в отношении здоровья среди населения различных по пространственному признаку социальных групп (например, сельские и городские жители)⁷⁷.

Таким образом, в рамках стратификационного подхода социальное неравенство в отношении здоровья предстает как результат социальной стратификации, в рамках которой формируются модели поведения в отношении здоровья, определяемые следующими факторами: а) уровнем дохода, б) социальным статусом, в) уровнем образования, г) наличием социальных связей, д) степенью социальной интеграции, е) доступностью материальных и нематериальных (информационных) ресурсов для реализации потенциала в отношении своего здоровья.

В основе следующего, институционального, подхода лежит идея о том, что социальное неравенство в отношении здоровья есть продукт конкретной эпохи и представляет собой особую форму социальных отношений, сложившихся под влиянием существующих на данном этапе развития общества социальных институтов, формирующих соответствующие повседневные практики, способствующие его воспроизводству. Это позволяет рассматривать сам концепт в рамках теории структурации Э. Гидденса⁷⁸ и постмодернистских идей, представленных в работах М. Фуко, И. Зола, Т. Шаца.

В рамках данного подхода ключевыми факторами неравенства выступают устройство самой социальной системы, ее социальные институты, ведущие к формированию различий в отношении здоровья⁷⁹. Прежде всего, это находит отражение в распределении медицинских ресурсов, что обусловлено особенностями развития медицины как социального института⁸⁰.

⁷⁶ Korda R., Biddle N., Lynch J., Eynstone-Hinkins J., Soga K., Banks E., Priest N., Moon L., Blakely T. Education inequalities in adult all-cause mortality: first national data for Australia using linked census and mortality data // International Journal of Epidemiology. 2019. N 3. P. 4.

⁷⁷ Gatrell A.C., Popay J., Thomas C. Mapping the determinants of health inequalities in social space: can Bourdieu help us? // Health Place. 2004. N 10(3). P. 245–257.

⁷⁸ Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации. М., 2005.

⁷⁹ Raphael D., Bryant T. Power, intersectionality and the life-course: identifying the political and economic structures of welfare states that support or threaten health // Social Theory and Health. 2015. N 13 (3–4). P. 245–266.

⁸⁰ Лисицын Ю.П. История медицины. М., 2008.

Из истории ее становления известно, что на протяжении многих веков, начиная с Античной эпохи, услуги эскулапов относились к разряду особого искусства, доступного избранным. Так, несмотря на то что в Древнем Риме, когда происходит по сути формирование данной профессиональной группы, выделялись общественные врачи, которые занимались излечением всех граждан в городских лечебницах, за что и получали свое жалование, все-таки не все население имело возможность обратиться за помощью. В частности, здоровье иностранцев, рабов зависело либо от кошелька, либо от воли их хозяина⁸¹.

В эпоху Средних веков, когда, по сути, происходит зарождение научной медицины, врачи, хотя и подчинялись в своей деятельности церковным догматам, все-таки сохраняли свой высокий статус, поддерживаемый не только за счет владения особым знанием о человеческом организме, но и стоимостью оказываемых ими услуг⁸². Обслуживание же бедных слоев населения происходило за счет либо монастырей, которые в принципе выполняли функции изоляторов, оказывая паллиативную помощь, либо через народных целителей или знахарей⁸³.

Лишь в эпоху Нового времени, когда под давлением происходящих социальных трансформаций, здоровье не только общественной элиты, а всего населения, приобретает определенную, прежде всего экономическую, ценность, зарождается идея о создании соответствующих служб по его поддержке и предотвращению эпидемиологических кризисов, которые крайне негативно, особенно в условиях активных международных военных конфликтов, сказывались на дальнейшем развитии государств.

В этой связи, рассматривая в исторической перспективе особенности формирования существующих национальных систем здравоохранения, можно выделить три их базовые модели: государственную, страховую, рыночную. Однако фактические варианты имеют смешанные черты, что связано с активным реформированием и трансформациями, которые обусловлены, с одной стороны, объективными тенденциями развития социума, а с другой — дальнейшим прогрессом медицины как науки и социального института. В первом аспекте на современном этапе особую роль играют демографические тенденции, связанные со старением населения, что в свою очередь вызывает необходимость увеличения расходов на лечение и ставит под вопрос возможности государственного финансирования ме-

⁸¹ Лисицын Ю.П. Указ. соч. С. 60–62.

⁸² Буиля А.А. Отношение к врачу в средневековом обществе: презрение или уважение? // Известия ВГПУ. 2015. № 1 (96). С. 155.

⁸³ Лисицын Ю.П. Указ. соч. С. 71.

дицины⁸⁴. Как следствие, происходит сокращение государственной поддержки сектора социального страхования и увеличение доли платных услуг, что ставит под сомнение существование равных возможностей у различных групп населения в доступе к медицинским ресурсам и источникам для сохранения своего здоровья. Выплаты из собственного кармана усиливают неравенство в доступе к медицинской помощи и способствуют обнищанию населения. Также децентрализация медицинских услуг как следствие их коммерциализации ведет к пространственному неравенству в их распределении в рамках существующей системы охраны здоровья, формируя различия в уровне здоровья между жителями отдельных регионов и стран⁸⁵.

Наряду с системой здравоохранения в качестве факторов, оказывающих влияние на формирование социального неравенства в отношении здоровья, в рамках институционального подхода рассматриваются политические и правовые институты, закрепляющие социальную политику, проводимую современными государствами. Так, эксперты указывают на проблему реализации права на охрану здоровья среди мигрантов, национальных меньшинств⁸⁶. Кроме того, в условиях современного развития крайне дискуссионным становится вопрос об эффективности предпринимаемых мер по преодолению социального неравенства⁸⁷.

Исследователи отмечают, что в большинстве случаев декларируемые средства имеют ограниченный характер и связаны, как правило, с расширением доступа к первичной медицинской помощи и проведением профилактических мероприятий с целью формирования здоровьесберегающей идеологии у населения. Однако эти меры не затрагивают глубинные причины неравенства, которые связаны с функционированием самих институтов общества и его структурой.

В результате, несмотря на желание и попытки индивида следовать здоровому образу жизни, что подразумевает правильное питание, режим дня, физические упражнения, благоприятные условия проживания, институциональные практики задают свой “тон” и кор-

⁸⁴ Лядова А.В. Особенности становления социологии медицины как междисциплинарного научного направления // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 1. С. 45–64.

⁸⁵ Kurbanov A.R., Liadova A.V., Vershinina I.A. Spatial inequality and health of Russian population // Espacios. 2019. Vol. 40. N 10.

⁸⁶ Parra-Casado L., Stornes P., Solheim E. Self-rated health and wellbeing among the working-age immigrant population in Western Europe: findings from the European social survey (2014) special module on the social determinants of health // European Journal of Public Health. 2017. N 27. P. 40–46.

⁸⁷ Lynch L. Reframing inequality? The health inequalities turn as a dangerous frame shift // Journal of Public Health. 2017. Vol. 39. N 4. P. 653–660.

ректируют индивидуальные действия в определенных структурой рамках. В частности, выбор продуктов питания зависит от того, что есть в магазине, на рынке; нивелирование негативного влияния окружающей среды обусловлено районом проживания и т.п., что порождает дисбаланс в реализации прав на здоровье.

Наряду с указанными факторами в современном социуме особую роль играют средства массовой информации⁸⁸. Например, реклама лекарственных препаратов, с помощью которой происходит мифологизация предлагаемых решений различных проблем здоровья, на основании чего люди могут принимать неверные решения в отношении своего самочувствия, что может вести к ухудшению их состояния в целом⁸⁹. Проведенные исследования показывают, что зачастую в группу “рекламного риска” попадают пожилые люди, менее образованные, с низким доходом и этнические меньшинства⁹⁰.

Кроме того, через средства массовой информации в современном социуме активно внедряется потребительское отношение к здоровью, что ведет к снижению эффективности мер по формированию здорового образа жизни. Пропагандируя различные лекарственные препараты, новые методы медицины по коррекции существующих проблем со здоровьем, например, ожирением, курением, информационные каналы формируют “товарно-денежное” восприятие здоровья, что снижает чувство личной ответственности за последствия деструктивного поведения в сфере здоровья.

Таким образом, в рамках институционального подхода социальное неравенство в отношении здоровья является следствием функционирования существующих социальных институтов.

Третий, расово-гендерный, подход, в рамках которого социальное неравенство в отношении здоровья рассматривается как результат расовых и гендерных отличий, получил наибольшее признание в США, где данная проблема достаточно актуальна⁹¹.

⁸⁸ Савельева Ж.В. Конструирование социальной проблемы здоровья и болезни СМК: концептуальная модель исследования // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 16. С. 223–279.

⁸⁹ Mastin T., Julie L. Andsager, Choi J., Lee K. Health disparities and direct-to-consumer prescription drug advertising: a content analysis of targeted magazine genres, 1992–2002 // Health Communication. 2007. Vol. 22. N 1. P. 49–58.

⁹⁰ Khalil Zadeh N., Robertson K., Green J.A. “At-risk” individuals’ responses to direct to consumer advertising of prescription drugs: a nationally representative cross-sectional study // British Medical Journal. 2017. N 6.

⁹¹ Stith A.Y., Nelson A.R. Institute of medicine. Committee on understanding and eliminating racial and ethnic disparities in health care, board on health policy, institute of medicine. Washington, 2002; Unequal treatment: confronting racial and ethnic disparities in

Изучая различия в состоянии здоровья через расовые характеристики, исследователи опираются на данные в статистике заболеваемости и смертности, в том числе, младенческой, которые отличаются более высокими показателями среди представителей именно национальных меньшинств⁹².

Следует отметить, что в ряде исследований в качестве причины этих отличий рассматриваются биологические факторы, обуславливающие предрасположенность к определенным заболеваниям⁹³. Однако как показывает анализ публикаций, в том числе, представленных в специализированном американском научном периодическом издании, ориентированном на изучение данной темы “Journal of Racial and Ethnic Health Disparities”, эти отличия вызваны скорее не расовыми характеристиками, а политикой, проводимой в отношении расовых меньшинств⁹⁴.

Эксперты указывают, что существующая расовая дискриминация, уходящая своими корнями в историю Америки, способствует воспроизведению социального неравенства в отношении здоровья, прежде всего, через ограничения в доступе к медицинским ресурсам, что особенно ощутимо в случае хронических и инфекционных заболеваний, к образованию, создавая непреодолимые барьеры в социальной мобильности и способствуя криминализации жизни, через пространственную сегрегацию, ведущую к выселению в менее урбанизированные и экологически неблагоприятные районы проживания⁹⁵. Кроме того, существующая стигматизация расовых меньшинств ведет к ухудшению их психического здоровья, провоцируя стрессы, депрессии, что становится следствием распространения среди них негативных практик в сфере здоровья (употребление наркотиков, самоубийства).

health care. Washington, 2003; Braveman P. Health inequalities by class and race in the US: what can we learn from the patterns? // Social Science & Medicine. 2012. N 74. P. 665–667.

⁹² Pathak E.B. Mortality among black men in the USA // Journal of Racial and Ethnic Health Disparities. 2018. N 5. P. 50–61.

⁹³ Keyes K., Vo T., Wall M., Caetano R., Suglia S., Martins S., Galea S., Hasin D. Racial/ethnic differences in use of alcohol, tobacco, and marijuana: is there a cross-over from adolescence to adulthood? // Social Science and Medicine. 2015. N 124. P. 132–141; Cockerham W.C., Bauldry S., Hamby B.W., Shikany J.M., Bae S. A comparison of black and white racial differences in health lifestyles and cardiovascular disease // American Journal of Preventive Medicine. 2017. Vol. 52. N 1. P. 56–62.

⁹⁴ Castle B., Wendel M., Kerr J. Public health's approach to systemic racism: a systematic literature review // Journal of Racial and Ethnic Health Disparities. 2019. N 6. P. 27–36. URL: <https://doi.org/10.1007/s40615-018-0494-x> (accessed: 10.08.2020).

⁹⁵ Pathak E.B. Mortality among black men in the USA // Journal of Racial and Ethnic Health Disparities. 2018. N 5. P. 50–61.

Таким образом, расовый и гендерный факторы в рамках данного подхода выступают как первопричины социального неравенства в отношении здоровья⁹⁶.

Анализируя расово-гендерный подход, на наш взгляд, можно отметить его близость к вышеизложенному институциональному, так как обоснование политики расизма и сексизма в качестве первопричины означает по сути признание того, что формируемые в рамках нее социальные институты способствуют производству социального неравенства через соответствующие нормы, правила и практики.

Поведенческий подход трактует социальное неравенство в отношении здоровья как различия в уровне здоровья, обусловленные индивидуальным поведением⁹⁷. Следует отметить, что впервые данный подход был использован для объяснения социального неравенства в сфере здоровья в уже упомянутом выше “Отчете о неравенстве в здоровье” Д. Блэка в 1980 г.⁹⁸ Однако наибольшую известность он приобрел в последние годы⁹⁹, что, на наш взгляд, имеет определенный “политический” контекст, а его разработка обусловлена необходимостью сокращения государственных расходов в сфере общественного здравоохранения и обоснования индивидуальной ответственности за здоровье.

Тем не менее, следует признать, что подтверждается и в многочисленных исследованиях и зарубежных, и отечественных ученых, что субъективное отношение к здоровью, действительно, является важнейшим фактором, определяющим его уровень¹⁰⁰. Исследования показывают, что в современном социуме индивидуальное поведение в отношении здоровья может иметь как самосохранительную или

⁹⁶ Vallejo-Torres L., Hale D., Morris S. Income-related inequality in health and health-related behaviour: exploring the equalisation hypothesis // Journal of Epidemiology and Community Health. 2014. N 68. P. 615–621; Pinillos-Franco S., Somarriba N. Examining gender health inequalities in Europe using a synthetic health Indicator: the role of family policies // European Journal of Public Health. 2019. Vol. 29. N 2. P. 254–259.

⁹⁷ Bartley M. Health inequality: an introduction to theories, concepts, and methods. Cambridge, 2004.

⁹⁸ Inequalities in health: report of a research working group. L., 1980.

⁹⁹ Goldberg D. Social justice, health inequalities and methodological individualism in US health promotion // Public Health and Ethics. 2012. Vol. 5(2). P. 104–115; Katikireddi S., Higgins M., Smith K.E. Health inequalities: the need to move beyond bad behaviours // Journal of Epidemiology and Community Health. 2013. Vol. 67. P. 715–716; Cohn S. From health behaviours to health practices: an introduction // Sociology of Health and Illness. 2014. Vol. 36(2). P. 157–162; Holman D., Lynch R., Reeves A. How do health behaviour interventions take account of social context? A literature trend and co-citation analysis // Health. 2018. Vol. 22(4). P. 389–410.

¹⁰⁰ Ibid. P. 51.

здравьесберегающую, так и деструктивную направленность¹⁰¹. Самосохранительная модель подразумевает систему действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла, на продление срока жизни в пределах этого цикла¹⁰². Деструктивная модель имеет противоположную характеристику и, как следствие, негативное воздействие на здоровье. При этом закономерно возникает вопрос: а что обуславливает выбор той или иной модели поведения индивидом?

По мнению исследователей, индивидуальное поведение в сфере здоровья, ведущее к различиям в его уровнях, обусловлено особенностями выбора индивида и связано с психологическими аспектами мотивации его поведения, что позволяет рассматривать данную модель в рамках таких социально-психологических концепций, как теории рискованного поведения¹⁰³, запланированного поведения А. Айзена¹⁰⁴, мотивации защиты Р. Роджерса¹⁰⁵. Исходя из их основных положений, индивидуальное поведение, связанное со здоровьем, можно представить как: а) определенную копинг-стратегию, обусловленную оценкой уровня угрозы и способа совладания с нею; б) результат субъективного восприятия полезности предполагаемых действий; в) деятельность по преодолению неопределенности в ситуации неизбежного выбора¹⁰⁶. Соответственно, факторы, определяющие ту или иную модель поведения, включают: а) субъективное восприятие угрозы, основанное на предшествующем опыте,

¹⁰¹ Антонов А.И. Проблемы изучения самосохранительного поведения населения в демографии // Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма. М., 1986. С. 131; Лебедева-Несеярья Н.А. Социальные факторы риска здоровью как объект управления // Вестник Пермского университета. Серия Биология. 2010. Вып. 3. С. 36–41; Короленко А.В. Модели самосохранительного поведения населения: подходы к изучению и опыт построения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 251.

¹⁰² Социология семьи: Уч. / Под ред. А.И. Антонова. М., 2005. С. 33.

¹⁰³ Шаболтас А.В. Риск и рискованное поведение как предмет психологических исследований // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2014. № 3. С. 5–16; Graham H. Cigarette smoking and inequalities in health // Inequalities in Health / Ed. by S. Waller, A. Crosier, D. Mcvey. L., 1999. P. 101–108; Petrovic D., Mestral C., Bochud M., Bartley M., Kivimäki M., Vineis P., Mackenbach J., Stringhini S. The contribution of health behaviors to socioeconomic inequalities in health: a systematic review // Preventive Medicine. 2018. Vol. 113. P. 15–31.

¹⁰⁴ Ajzen I., Fishbein M. Understanding attitudes and predicting social behavior. Englewood Cliffs, 1980; Ajzen I. The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1999. N 50. P. 179–211.

¹⁰⁵ Rogers R. W. Cognitive and physiological processes in fear appeals and attitude change: a revised theory of protection motivation // Social Psychophysiology. N.Y., 1983. P. 153–176.

¹⁰⁶ Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. М., 1989. С. 19.

имеющимся знании; б) самооценку здоровья; в) систему личностных установок, ценностей и норм; г) адаптивные способности¹⁰⁷.

В этом аспекте представляется интересным рассмотреть первые результаты исследований поведения россиян в ситуации пандемии COVID-19¹⁰⁸. Так, опираясь на данные мониторингов, российский исследователь А.А. Шабунова отмечает, что “в стрессовой ситуации, связанной с пандемией, россияне проявляют обеспокоенность относительно своей безопасности и безопасности близких. Большинство из них ответственно относятся к требованиям и стараются соблюдать ограничения”¹⁰⁹.

Таким образом, при интерпретации социального неравенства в отношении здоровья, основной акцент в рамках данного подхода ставится на субъективном аспекте поведения, обусловленном внутренними мотивами выбора индивида.

На наш взгляд, поведенческий подход недостаточно убедителен, так как по сути “вырывает” индивида и его мотивацию из социального контекста. Если же обратиться к анализу указанных факторов, то становится очевидным, что уровень информированности зависит от доступности соответствующих источников информации, самооценка здоровья также обусловлена степенью социальной интеграции и связей индивида, осознанием собственной пользы для окружающих и т.п. Тем не менее, данный подход представляется интересным в контексте обоснования мер по смягчению социального неравенства, которые в условиях современного социума подразумевают все-таки активное индивидуальное участие и стремление к улучшению своего здоровья.

Наряду с рассмотренными выше подходами исследователи указывают и на глобальные тенденции в развитии современного социума как способствующие усилению социального неравенства в отношении здоровья (глобальный подход)¹¹⁰. По мнению таких

¹⁰⁷ Рассказова Е.И., Иванова Т.Ю. Мотивационные модели поведения, связанного со здоровьем: проблема “Разрыва” между намерением и действием // Психология. Журнал ВШЭ. 2015. № 1. С. 105–130.

¹⁰⁸ Шабунова А.А. Здоровье и самосохранительное поведение населения в контексте COVID-19 // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 3. С. 1–7.

¹⁰⁹ Там же. С. 7.

¹¹⁰ Осипова Н.Г. Рыночный фундаментализм как источник глобального социального неравенства // Представительная власть — XXI век. 2018. № 5–6. С. 1–12; World Health Organization. Commission on Social Determinants of Health. Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health. Final Report of the Commission on Social Determinants of Health. Geneva, 2008. URL: http://www.who.int/social_determinants/thecommission/finalreport/en/ (accessed: 02.04.2018).

исследователей, как, например, В. Наварро¹¹¹, Н.Г. Осипова¹¹², наиболее существенной причиной усиления социальных различий в состоянии здоровья населения в современном мире является неолиберальная идеология, несовместимая с декларируемыми такими международными организациями, как Всемирная организация здравоохранения, идеями о социальной справедливости и равенстве всех в сфере здоровья. Политика неолиберализма ведет к сворачиванию социальных мероприятий и программ, в условиях коммерциализации общественной жизни наблюдается несправедливое перераспределение материальных благ¹¹³. В этой связи уже с началом третьего тысячелетия в публикациях по социальному неравенству в отношении здоровья все чаще употребляется термин “несправедливость”, что открывает более широкий подход к ее пониманию и позволяет рассматривать также в аспекте теорий равенства и справедливости Дж. Ролза¹¹⁴ и А. Сена¹¹⁵, т.е. с позиции несправедливости/справедливости, когда одни социальные группы или индивиды имеют большие преимущества, по сравнению с другими, при получении доступа к основным источникам и ресурсам для поддержания и сохранения своего здоровья¹¹⁶.

Следует отметить, что впервые понятие социальной справедливости по отношению к здоровью было использовано в “Оттавской Хартии ВОЗ по укреплению здоровья”, принятой в 1986 г. Согласно данному документу, “непременными условиями и предпосылками здоровья являются мир, кров, образование, пища, заработка, стабильная экосистема, устойчивые ресурсы, социальная справедливость и равенство”, “...укрепление здоровья людей неотделимо от достижения социальной справедливости”¹¹⁷.

Оперируя понятием социальной справедливости в аспекте его применения к сфере здоровья, следует иметь ввиду, что оно содержит в своем определении как морально-этические, так и социально-пра-

¹¹¹ Navarro V. Health and equity in the world in the era of “globalization” // International Journal of Health Services. 1999. N 29(2). P. 215–226.

¹¹² Осипова Н.Г. Рыночный фундаментализм как источник глобального социального неравенства. С. 1–12.

¹¹³ Там же. С. 1–2.

¹¹⁴ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

¹¹⁵ Сен А. Идея справедливости. М., 2016.

¹¹⁶ Arcaya M., Arcaya A., Subramanian S. Inequalities in health: definitions, concepts, and theories // Global Health Action. 2015. N 8. URL: <http://doi.org/10.3402/gha.v8.27106> (accessed: 01.04.2018); Graham H., Kelly M. Health inequalities: concepts, frameworks and policy. L., 2004.

¹¹⁷ Оттавская хартия по укреплению здоровья 1986 года. URL: http://www.euro.who.int/data/assets/pdf_file/0009/146808/Ottawa_Charter_R.pdf (дата обращения: 09.09.2020).

вовые аспекты¹¹⁸. Такое понимание определяет основные принципы воплощения концепции социальной справедливости на практике, ключевым из которых можно считать признание права на охрану здоровья как неотъемлемого человеческого права. Реализация права на охрану здоровья означает, в первую очередь, предоставление равных условий для сохранения и улучшения своего здоровья. Следовательно, идея социальной справедливости в отношении здоровья по своей сути означает социальное равенство.

Таким образом, анализ стратификационного, институционального, расово-гендерного, поведенческого и глобального подходов, выделенных в работе на основе типологизации существующих среди исследователей определений социального неравенства в отношении здоровья, показал, что в рамках каждого из них данный феномен обосновывается через набор факторов, которые рассматриваются как ключевые причины, вызывающие различия в состоянии здоровья среди населения.

На наш взгляд, анализируя возможности использования этих подходов для выявления сущности и причин социального неравенства в современном социуме, следует указать, что в отдельности все они имеют определенные ограничения. В этой связи представляется обоснованным анализировать социальное неравенство в отношении здоровья в рамках интегративного подхода, основанного на понимании здоровья как комплексного, социально обусловленного, динамичного конструкта, формируемого в процессе совокупного влияния различных факторов, которые образуют сложные системы взаимодействия, улучшающие или ухудшающие его состояние. В рамках данного подхода социальное неравенство в отношении здоровья выступает как комплексный социальный феномен, детерминируемый особенностями функционирования социальных институтов и распределения ресурсов в рамках существующий стратификационной модели общества, влияние которых имеет динамичный характер и определяется конкретными историческими условиями.

Таким образом, историко-сравнительный анализ социологических исследований социального неравенства в отношении здоровья показывает, что данная тема формируется в исследовательском поле в связи с усилением социальной значимости здоровья для развития общества. Ее становление в научном социологическом дискурсе позволяет выделить различные подходы, анализ которых указывает на

¹¹⁸ Лядова А.В. Концепция социальной справедливости и особенности ее реализации в сфере охраны здоровья: социально-правовой аспект // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Международная научная конференция “Сорокинские чтения-2018”: Сб. мат-в. М., 2018. С. 68–70.

комплексную природу исследуемого феномена, что дает основание рассматривать его в рамках интегративного подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверин Ю.П., Добреньков В.И., Добренькова Е.В. Неравенство российского населения в отношении качества жизни и предпочтаемый социальный порядок // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 12–35.
- Амлаев К.Р., Курбатов А.В. Современное состояние проблемы неравенства в здоровье (обзор) // Профилактическая медицина. 2012. Т. 15. № 1. С. 10–15.
- Антонов А.И. Проблемы изучения самосохранительного поведения населения в демографии // Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма. М., 1986.
- Белов В.Б., Роговина А.Г. Социальный капитал и здоровье населения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. № 6. С. 3–5.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
- Браун Д., Русинова Н.Л. Социальные неравенства и здоровье // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 1. С. 103–114.
- Бурдье П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 40–58.
- Бурдье П. Практический смысл. СПб., 2001.
- Викторов А.Ш. Введение в социологию неравенства. М., 2015.
- Вялых Н.А. Методология социологического исследования неравенства в доступе к медицинской помощи: Науч.-метод. пособ. Ростов-н/Д., 2013.
- Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации. М., 2005.
- Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества. М., 2006.
- Канева М.А., Байдин В.Б. Неравенство в доходе и самооценка здоровья в России // ЭКО. 2019. № 12. С. 105–123.
- Кислицина О.А. Влияние социально-экономических факторов на состояние здоровья: роль абсолютных или относительных лишений // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 289–302.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 70–81.
- Курбанов А.Р., Лядова А.В. Здравоохранение Бразилии: трудный путь к преодолению неравенства // Латинская Америка. 2018. № 9. С. 56–68.
- Лебедева-Несеरя Н.А. Социальные факторы риска здоровью как объект управления // Вестник Пермского университета. Серия: Биология. 2010. Вып. 3. С. 36–41.
- Лисицын Ю.П. История медицины. М., 2008.
- Лядова А.В. Концепция социальной справедливости и особенности ее реализации в сфере охраны здоровья: социально-правовой аспект // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Международная научная конференция “Сорокинские чтения-2018”. Сб. мат-в. М., 2018. С. 68–70.
- Лядова А.В., Лядова М.В. Ценность здоровья в современном обществе // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Екатеринбург, 2017. С. 1506–1512.
- Лядова А.В., Лядова М.В. Формирование здоровьесберегающей идеологии как фактор укрепления общественного здоровья // Материалы конференции “Социология физической культуры и спорта: состояние и перспективы развития”. СПб., 2017. С. 227–229.

- Монте́нь М. Опыты. Избранные произведения: В 3-х т. Т. 2. М., 1992.
- Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4. С. 119–141.
- Осипова Н.Г. Рыночный фундаментализм как источник глобального социального неравенства // Представительная власть — XXI век. 2018. № 5–6. С. 1–12.
- Панова Л. В. Доступность медицинской помощи: Россия в европейском контексте // The Journal of Social Policy Studies. 2019. Т. 17. № 2. С. 177–190.
- Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
- Русинова Н.Л., Сафронов В.В. Проблема социальных неравенств в здоровье: сравнительное исследование России в европейском контексте // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 1. С. 127–147.
- Савельева Ж.В. Конструирование социальной проблемы здоровья и болезни СМК: концептуальная модель исследования // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 16. С. 223–279.
- Тернборн Г. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения // Социологические исследования. 2005. Т. 4. № 1. С. 31–62.
- Фуко М. Рождение биополитики // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006.
- Фуко М. Рождение клиники. М., 2014.

REFERENCES

- Abel T. Cultural capital in health promotion // Health and Modernity: the Role of Theory in Health Promotion. N.Y., 2007. P. 43–73.
- Ajzen I. The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1999. N 50. P. 179–211.
- Ajzen I., Fishbein M. Understanding attitudes and predicting social behavior. Englewood Cliffs, 1980.
- Amlaev K.R., Kurbatov A.V. Sovremennoe sostoyanie problemy nera-vensva v zdorov'e (obzor) [The current state of the problem of inequality in health (review)] // Profilakticheskaya medicina. 2012. Т. 15. N 1. S. 10–15 (in Russian).
- Antonov A.I. Problemy izucheniya samosohranitel'nogo povedeniya naseleniya v demografii [Problems of Studying the Self-Preservation Behavior of the Population in Demography] // Demograficheskoe povedenie i vozmozhnosti social'nogo vozdejstviya na nego v usloviyah socializma. M., 1986 (in Russian).
- Antonovsky A. Social class, life expectancy and overall mortality // The Milbank Memorial Fund Quarterly. 1967. Vol. 45. N 2. Part 1. P. 31–73.
- Arcaya M., Arcaya A., Subramanian S. Inequalities in health: definitions, concepts, and theories // Global Health Action. 2015. N 8.
- Averin Yu.P., Dobren'kov V.I., Dobren'kova E.V. Neravenstvo rossijskogo naseleniya v otnoshenii kachestva zhizni i predpochitaemyj social'nyj poryadok [Inequality of the Russian population in relation to the quality of life and the preferred social order] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2014. N 2. S. 12–35 (in Russian).
- Backhaus I., Kawachi I., Ramirez A., Jang S. Social capital and students' health: results of the splash study // European Journal of Public Health. 2019. Vol. 29.
- Bartley M. Health inequality: an introduction to theories, concepts, and methods. Cambridge, 2004.
- Belov V.B., Rogovina A.G. Social'nyj kapital i zdorov'e naseleniya [Social capital and public health] // Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny. 2013. N 6. S. 3–5 (in Russian).

Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. M., 1995 (in Russian).

Bloom S.W., Summey P. Models of the doctor-patient relationship: a history of the social system concept // The Doctor-Patient Relationship in the Changing Health Scene / Ed. by E.B. Gallagher. Washington, 1978. P. 17–48.

Bourdieu P. Distinction: a social critique of the judgement of taste. L., 1984.

Braun D., Rusinova N.L. Social'nye neravenstva i zdorov'e [Social inequalities and health] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 1999. T. 2. N 1. S. 103–114 (in Russian).

Braveman P. Health inequalities by class and race in the US: what can we learn from the patterns? // Social Science & Medicine. 2012. N 74. P. 665–667.

Burd'e P. Struktura, gabitus, praktika [Structure, habit, practice] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 1998. T. 1. N 2. S. 40–58 (in Russian).

Burd'e P. Prakticheskij smysl [Practical meaning]. SPb., 2001 (in Russian).

Carlson P. Educational differences in self-rated health during the Russian transition. Evidence from Taganrog 1993–1994 // Social Science & Medicine. 2000. Vol. 51 (9). P. 1363–1374.

Castle B., Wendel M., Kerr J. Public health's approach to systemic racism: a systematic literature review // Journal of Racial and Ethnic Health Disparities. 2019. N 6. P. 27–36.

Cockerham W.C., Bauldry S., Hamby B.W., Shikany J.M., Bae S.A. Comparison of black and white racial differences in health lifestyles and cardiovascular disease // American Journal of Preventive Medicine. 2017. Vol. 52. N 1. P. 56–62.

Fuko M. Rozhdenie biopolitiki [The Birth of Biopolitics] // Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. M., 2006 (in Russian).

Fuko M. Rozhdenie kliniki [The birth of the clinic]. M., 2014 (in Russian).

Gakidou E., Murray C., Frenk J. World Health Organization. Global programme on evidence for health policy. A framework for measuring health inequality. Geneve, 1999.

Giddens E. Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturacii [Organization of society: an outline of the theory of structuration]. M., 2005 (in Russian).

Goldberg D. Social justice, health inequalities and methodological individualism in US health promotion // Public Health and Ethics. 2012. Vol. 5(2). P. 104–115.

Graham H. Cigarette smoking and inequalities in health // Inequalities in Health / Ed. by S. Waller, A. Crosier, D. Mcvey. L., 1999. P. 101–108.

Inequalities in health: report of a research working group. L., 1980.

Kaneva M.A., Bajdin V.B. Neravenstvo v dohode i samoocenka zdorov'ya v Rossii [Income inequality and self-assessment of health in Russia] // EKO. 2019. N 12. S. 105–123 (in Russian).

Kislicyna O.A. Vliyanie social'no-ekonomiceskikh faktorov na sostoyanie zdorov'ya: rol' absolyutnyh ili otnositel'nyh lishenij [The influence of socio-economic factors on health: the role of absolute or relative deprivation] // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. 2015. T. 13. N 2. S. 289–302 (in Russian).

Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Dinamika samoocenok zdorov'ya rossiyan: aktual'nye trendy postsovetskogo perioda [The dynamics of self-assessments of the health of Russians: current trends in the post-Soviet period] // Sociologicheskie issledovaniya. 2020. N 4. S. 70–81 (in Russian).

Kurbanov A.R., Lyadova A.V. Zdravoohranenie Brazili: trudnyj put' k preodoleniyu neravenstva [Healthcare in Brazil: The Difficult Path to Overcoming Inequality] // Latininskaya Amerika. 2018. N 9. S. 56–68 (in Russian).

Kurbanov A.R., Liadova A.V., Vershinina I.A. Spatial inequality and health of russian population // Espacios. 2019. Vol. 40. N 10.

Lebedeva-Nesevrya N.A. Social'nye faktory riska zdorov'yu kak ob'ektnye upravleniya [Social risk factors for health as an object of management] // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Biologiya.* 2010. Vyp. 3. S. 36–41 (in Russian).

Link B., Phelan J. Social conditions as fundamental causes of disease // *Journal of Health and Social Behaviour.* 1995. N 35. P. 80–94.

Lisicyn Yu.P. Istorya mediciny [History of Medicine]. M., 2008 (in Russian).

Lyadova A.V. Koncepciya social'noj spravedlivosti i osobennosti ee realizacii v sfere ohrany zdorov'ya: social'no-pravovoj aspect [The concept of social justice and the peculiarities of its implementation in the field of health protection: the social and legal aspect] // *Social'naya nespravedlivost' v sociologicheskem izmerenii: vyzovy sovremennoj mira: XII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya "Sorokinskie chteniya-2018". Sb. mat-v.* M., 2018. S. 68–70 (in Russian).

Lyadova A.V., Lyadova M.V. Cennost' zdorov'ya v sovremenном obshchestve [The value of health in modern society] // *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya.* Ekaterinburg. 2017. S. 1506–1512 (in Russian).

Lyadova A.V., Lyadova M.V. Formirovanie zdorov'yesberegayushchej ideologii kak faktor ukrepleniya obshchestvennogo zdorov'ya [Formation of health-preserving ideology as a factor in strengthening public health] // *Materialy konferencii "Sociologiya fizicheskoy kul'tury i sporta: sostoyanie i perspektivy razvitiya".* SPb., 2017. S. 227–229 (in Russian).

Lynch L. Reframing inequality? The health inequalities turn as a dangerous frame shift // *Journal of Public Health.* 2017. Vol. 39. N 4. P. 653–660.

Mackenbach J., Kunst A. Measuring the magnitude of socio-economic inequalities in health: an overview of available measures illustrated with two examples from Europe // *Social Science and Medicine.* 1997. N 44(6). P. 757–771.

Marmot M. Health inequalities in the EU. Final report of a consortium. Washington, 2013.

Monten' M. Opyty. Izbrannye proizvedeniya: V 3-h t. [Experiments. Selected works: In 3 volumes]. T. 2. M., 1992 (in Russian).

Navarro V. Health and equity in the world in the era of "globalization" // *International Journal of Health Services.* 1999. N 29(2). P. 215–226.

Osipova N.G. Social'noe konstruirovaniye obshchestvennogo zdorov'ya [Social construction of public health] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya.* 2016. N 22(4). S. 119–141 (in Russian).

Osipova N.G. Rynochnyj fundamentalizm kak istochnik global'nogo social'nogo neravenstva [Market fundamentalism as a source of global social inequality] // *Predstavitel'naya vlast' — XXI vek.* 2018. N 5–6. S. 1–12 (in Russian).

Panova L.V. Dostupnost' medicinskoj pomoshchi: Rossiya v evropejskom kontekste [Accessibility of medical care: Russia in the European context] // *The Journal of Social Policy Studies.* 2019. T. 17. N 2. S. 177–190 (in Russian).

Parsons T. The social system. N.Y., 1951.

Ramazzini B. De Morbis Artificium Diatriba (Diseases of Workers) // *American Journal of Public Health.* 2001. Sept. Vol. 91 (9). P. 1380–1382.

Rolz Dzh. Teoriya spravedlivosti [The Theory of Justice]. Novosibirsk, 1995 (in Russian).

Rusinova N.L., Safronov V.V. Problema social'nyh neravenstv v zdorov'e: sravnitel'noe issledovaniye Rossii v evropejskom kontekste [The problem of social inequalities in health: a comparative study of Russia in the European context] // *Vestnik Instituta sociologii.* 2019. T. 10. N 1. C. 127–147 (in Russian).

Savel'eva Zh.V. Konstruirovaniye social'noj problemy zdorov'ya i bolezni SMK: konceptual'naya model' issledovaniya [Construction of the social problem of health and disease of the SMC: a conceptual research model] // *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta.* 2011. N 16. S. 223–279 (in Russian).

Scambler G. Health inequalities // Sociology of Health & Illness. 2012. Vol. 34. N 1. P. 130–146.

Sigaud J.F.X. Du climat et des maladies du Bresil ou statistique medicale de cet empire. P., 1844.

Ternborn G. Globalizaciya i neravenstvo: problemy konceptualizacii i ob"yasneniya [Globalization and inequality: problems of conceptualization and explanation] // Socio-logicheskie issledovaniya. 2005. T. 4. N 1. S. 31–62 (in Russian).

Valkonen T. Adult mortality and level of education: a comparison of six countries // Health Inequalities in European Countries. Aldershot, 1989. P. 142–172.

Viktorov A.Sh. Vvedenie v sociologiyu neravenstva [An introduction to the sociology of inequality]. M., 2015 (in Russian).

Virchow R. Mittheilungen. Mittheilungen Über die in Oberschlesien Herrschende Typhus-Epidemie in German. Berlin, 1848.

Vyalyh N.A. Metodologiya sociologicheskogo issledovaniya neravenstva v dostupe k medicinskoj pomoshchi: Nauch.-metod. Posob [Methodology of sociological research of inequality in access to health care: Scientific-method. manual]. Rostov-n/D., 2013 (in Russian).

Whitehead M. The concepts and principles of equity and health // International Journal of Health Services. 1992. N 22(3). P. 429–445.

Wilkinson R. Dear David Ennals // New Society. 1976. 16 Dec.

Williams D. Race, socioeconomic status, and health. The added effects of racism and discrimination // Annals of the New York Academy of Sciences. 1999. N 3. P. 173–188.

Zhuravleva I.V. Otnoshenie k zdorov'yu individu i obshchestva [Attitude towards the health of the individual and society]. M., 2006 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-1-72-84

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ “СОВРЕМЕННОСТИ” КАК ОТРАЖЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

К.В. Исаева, асп., Высшая школа современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, Российская Федерация, 119991*

В статье автор рассматривает специфику и особенности понятия “современности” не только как временного состояния общества, но и качественно новой ступени общественного развития. Выделяются теории и концепции конца XIX — начала XXI в., описывающие современное общество. Анализируются основные социальные проблемы, которые зародились при возникновении и активном развитии интернета и высоких технологий в XXI в.

Ключевые слова: информационное общество, высокие технологии, современность, теории общественного развития, управление, цифровизация.

THEORETICAL RESEARCH APPROACHES TO “MODERNITY” AS A REFLECTION OF SOCIAL DEVELOPMENT IN SOCIOLOGICAL KNOWLEDGE

Isaeva Kira V., Postgraduate Student, High School of Modern Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-13, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: kkiraisaeva@gmail.com

In the article, the author considers the specifics and features of the concept of “modernity” as a temporary state of society and a qualitatively new stage of social development. Theories and concepts of the late XIX — early XXI centuries that describe modern society are highlighted. The author analyzes the main social problems that arose during the emergence and active development of the Internet and high technologies in the XXI century.

Key words: Information society, high tech, modernity, theories of social development, management, digitalization.

* **Исаева Кира Вадимовна**, e-mail: kkiraisaeva@gmail.com

Проблемы “современности”, возникновение и развитие новых технологий, процессы “глобализации” и “информатизации” общества стали особо активно изучаться философами, социологами, экономистами и другими учеными во второй половине XX в. Повышенный интерес ученых к проблемам будущего, связанного с информационными технологиями, научным и ненаучным знанием, был вызван резкими и кардинальными изменениями в самой истории человека.

Изучению проблемы “современности” и информационно-коммуникационных технологий посвящены труды таких современных ученых, как М.В. Титова, А.Ю. Гончаров, Н.В. Сироткина, В.И. Янин, С.С. Сулашкин, М.В. Вилисов, Д.В. Соколов¹. Систематизируя концепции и теории второй половины XX в., в своих научных статьях и монографиях они приходят к выводу, что исследованию социокультурных изменений, происходивших в развитых индустриальных странах в 60-е и 70-е гг. XX в. и обусловленных появлением информационных технологий, посвящены различные теории известных ученых Нового времени и современников. Отмечается, что в трудах Р. Ариона, Д. Белла, Ж. Бодрийяра, Дж.К. Гэлбрейта, Р. Дарендорфа, М. Кастельса, Й. Масуды, Э. Тоффлера, А. Турена, Т. Форестера и многих других описаны исследования, посвященные вопросам изменений в различных сферах общества, происходящих в связи с его вступлением в новую эпоху и возникновением, распространением и использованием информационных технологий².

В целом, принято классифицировать все *теории общественного развития* не по временному признаку, поскольку все они относятся к послевоенному времени, ко второй половине XX в. и по сегодняшний момент. Рациональнее и вернее классифицировать теории, по мнению ученых, по *проблемам изучения* в рамках исследования современности. Среди них можно выделить:

- 1) *теории постиндустриального общества;*
- 2) *теории постмодерна;*
- 3) *теории информационного общества* (к ним относятся и *теории “сетевого общества”*);
- 4) *теории на основе синергетического подхода.*

Так, к *теориям “постиндустриального” развития общества* относятся теории, разработанные Д. Беллом, Э. Тоффлером, А. Туреном и П. Дракером и рядом других ученых. Известного американского

¹ Титова М.В., Гончаров А.Ю., Сироткина Н.В. Региональная инновационная подсистема: оценка и планирование параметров развития. М., 2015.

² Якунин В.И., Сулашкин С.С., Вилисов М.В., Соколов Д.В. Наука и власть: проблема коммуникации. М., 2009.

социолога Д. Белла по праву считают основоположником теории постиндустриального общества. В своей книге “Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования”³ ученый впервые проанализировал основные закономерности, возникающие в сферах экономики и политики в связи со становлением нового типа общества — постиндустриального. Формирование нового типа общества ученый связывает с повелением нового экономического уклада. Всю историю человечества Д. Белл условно делит на три стадии развития: доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную. Говоря о последней стадии развитии общества, постиндустриальной, автор выделяет ряд тенденций в развитии современного общества, связанных с проблемой общественного управления:

- 1) сформирована и установлена новая экономика — экономика услуг. Общество уже обеспечено благами в виде товаров, и потому все увеличивается спрос на услуги;
- 2) сфера услуг в основном связана с накоплением и распространением знаний и информации;
- 3) современное управление обществом все чаще обращается к новым интеллектуальным технологиям⁴.

Социально-экономический анализ Д. Белла основан на идеях многих его предшественников: от мыслителей Античного времени до ученых-классиков и представителей Нового времени. В этой связи изученное Беллом новое социальное состояние общества, “постиндустриальное”, представлено с точки зрения повышения роли научного знания, технологического фактора, качественного изменения роли теоретического знания и образования в сфере производства благ.

Концепция “постиндустриального” общества, как отмечает в своей статье “Аналитика постиндустриального общества: от кибернетических к социологическим теориям” Н. Лашенов⁵, нашла отражение и получила развитие в работах А. Турена, Э. Тоффлера, Дж. Гэлбрейта, З. Бжезинского, М. Кастельса, М. Маклюэна, Т. Стоуньера, Й. Масуды, Р. Катца, М. Пората, У. Дайзарда и других ученых. В отечественной науке это направление представлено работами С.А. Дятлова, Д.В. Иванова, В.Л. Иноземцева, Н.Н. Моисеева, А.И. Ракитова, Р.Ф. Абдеева.

³ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2014.

⁴ Там же. С. 102.

⁵ Лашенов Н. Аналитика постиндустриального общества: от кибернетических к социологическим теориям // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 4. С. 29–56.

Э. Тоффлер в своей работе “Третья волна”⁶, например, говорит о высоких информационных технологиях, которые трансформировали систему управления и сферу производства благ и услуг. Характерными для постиндустриального общества стали децентрализация, демассификация и фрагментация процессов. В этой связи меняется и само определение “управления”: это не столько выполнение приказов “сверху”, сколько процесс регулирования информационных и коммуникативных потоков.

Важным и объединяющим аспектом в идеях перечисленных ученых выступает то, что наука в результате научно-технической революции (1950–1980-х гг.) становится непосредственной производительной силой, которая является главным фактором и развития общества, и его самосохранения. Как следствие этого, концепция постиндустриального общества представляется основополагающей и для большинства теорий современных ученых, изучающих проблемы общественного устройства, управления, безопасности и т.п.⁷

Необходимо также более подробно рассмотреть *теории “постмодернистского” общества*. К ученым-сторонникам данной теории относятся З. Бауман, Ж. Бодрийяр, Э. Гидденс, и другие⁸. Исходя из теории З. Баумана, можно утверждать, что в современном обществе, которое современным можно считать не только по временному признаку, но и по стилю жизни и устройству, размыты границы всех социальных явлений. Среди признаков современного общества он выделяет:

- 1) потерю человеком контроля над большинством социальных явлений и процессов;
- 2) повышение уровня неопределенности и незащищенности социума и отдельных личностей в нем;
- 3) отказ человека от масштабных, высоких целей в пользу легко достижимых, кратковременных целей⁹.

В меняющихся условиях, по мнению ученого, в состоянии постоянных изменений, мобильности и хаоса социальные науки должны изучать те самые трансформации, которые происходят в обществе с учетом специфики постмодернистского времени, когда каждое новое явление может возникнуть резко, без предпосылок к его возникновению. В рамках данной теории развитие общества

⁶ Тоффлер Э. Третья волна. М., 2009. С. 49.

⁷ Лайценов Н. Аналитика постиндустриального общества: от кибернетических к социологическим теориям. С. 37.

⁸ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2015; Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2019; Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структурации. М., 2018.

⁹ Бауман З. Индивидуализированное общество. С. 102.

и его отдельных компонентов неразрывно с его историей, которая поделена на доиндустриальную, индустриальную стадии развития, общества модерна и постмодерна. Большой акцент делается на характер изменений в обществе постмодерна.

Наиболее сильное влияние “информации” и новых технологических трендов на развитие общества и систему управления описано в теориях “информационного общества”. Так, Н.В. Литвак в своей статье “К вопросу о классификации концепций информационного общества”¹⁰ отмечает, что среди ученых, развивающих теорию информационного общества, особое внимание в современной науке обращено к М. Порату, Й. Масуде, Т. Стоуньеу, Р. Кацу, Ф. Уэбстеру, М. Кастельсу, Дж. Мартину, Дж. Миллеру, П. Страсману, Ф. Хайеку, К. Эрроу, Ф. Махлупу, Т. Умесао, А.П. Ершову, И. Николову, Н.Н. Моисееву, А.И. Ракитову и др. В начале 1960-х гг. в научный оборот вошло понятие “информационное общество”. Ввели это понятие почти одновременно австрийский экономист Ф. Махлуп и японский антрополог Т. Умесао¹¹. Работы, посвященные вопросам воздействия информации на общество, поначалу носили описательный и теоретический характер, а после 90-х гг. XX в. приобрели исследовательский и предметный характер. Ученых волнуют вопросы о том, в чем заключается влияние информации на общество, каковы формы информации и знаний, каковы профессии будущего.

Для информационного общества, по мнению ученых, становится характерным то, что:

- 1) возникают новые “способы информации”, которые рождают “электронное/сетевое/виртуальное общество”;
- 2) информация — это движущая сила, которая выступает фактором формирования и развития “глобальной информационной экономики”;
- 3) информационное общество является технологическим, экономическим, пространственным, связанным со сферой занятости и услуг, культурным¹².

При анализе трудов, посвященных теории информационного общества, для более четкого понимания предмета исследования возникла необходимость классифицировать их на две группы по признаку *подхода*, взятого за основу (на базе областей исследования, в которых работали ученые):

¹⁰ Литвак Н.В. К вопросу о классификации концепций информационного общества // Социс. 2010. № 8. С. 3–12.

¹¹ URL: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/401>

¹² Уэбстер Ф. Теория информационного общества. М., 2004. С. 6–120.

1) теории информационного общества, основанные *на технологическом подходе к изучению проблемы* (история и философия техники, кибернетика, физика);

2) теории информационного общества, основанные *на гуманистическом подходе* (философский, социологический и другие подходы).

Социологический подход к изучению проблемы позволяет определить качественные социальные трансформации в укладе человеческой жизни, а не количественно измерить объем информации.

Необходимо отметить, что сторонники концепции “информационного” общества придерживаются идеи рассмотрения общества как супер-организма. Здесь под супер-организмом понимается живая система высшего порядка, при котором его элементы, т.е. отдельные индивиды, подвержены как личным процессам, поскольку сами являются живыми организмами, так и внешним процессам, а конкретно — информатизации, глобализации и возникновению новых технологий. Процесс глобализации в информационном обществе рассматривается с позиции формирования информационных сетей, которые связывают различные места, влияя на организацию пространства и времени. Информационные сети, также являясь отличительной чертой современных обществ, дают возможность связывать людей посредством электронных магистралей. При этом изменяется характер отношения к категориям времени и пространства.

Рассмотренные теории общественного развития второй половины XX в. стали теоретико-методологической базой для современных исследований процессов, связанных с новыми технологиями. Появление информационно-коммуникационных технологий, высокая скорость их распространения и влияние на человека стали основополагающими факторами трансформации системы государственного управления. Свою актуализацию рассмотренные теории обрели в современных исследованиях начала XXI в., посвященных вопросам управления таким обществом, в котором технологии будущего стали технологиями настоящего, а новый тип цифровой экономики оказал глубокое влияние на все политические, социальные, культурные процессы и привел к трансформации методов государственного управления и системы в целом.

Отличительной чертой современной системы государственного управления в условиях электронно-цифровой стадии общественного развития является ее обращение к цифровым технологиям. Появление электронного правительства (e-Government), больших данных (Big Data), искусственного интеллекта (AI), цифрового телевидения свидетельствует о колоссальном влиянии новых технологий на управленческую деятельность государства. Новые тренды бросают

вызов системе государственного управления, которая, трансформируясь, должна отвечать современным условиям.

В своей работе “Будущее: рассекречено. Каким будет мир в 2030” М. Барроуз¹³, американский историк, эксперт в области международных отношений и бывший советник Национального разведывательного совета США, анализирует основные международные процессы, которые связаны с появлением новых технологий. Автор не отвергает положительного значения новых трендов для общества, говоря о том, что появление высоких технологий можно считать прорывом в истории человечества. Однако М. Барроуз делает акцент на том, что в мире воцарился беспорядок, который препятствует нормальному функционированию институтов управления. За всю историю человечества, по мнению автора, не было такого момента, когда отдельно взятые личности (субъекты) могли управлять мировым господством. Человечество привыкло существовать в условиях международного порядка.

Автор в своей работе, которую сам называет “обзором будущего”¹⁴, приводит множество статистических данных, свидетельствующих о том, что управление обществом, переступившим рубеж XX–XXI вв. в новую эпоху цифровых технологий, требует новой системы управления, основанной на стратегическом планировании. Только стратегическое прогнозирование и планирование позволяют избежать кризиса и войны. Основным же катализатором хаоса и беспорядка, по мнению ученого, становятся социальные сети и интернет.

Как уже было сказано в начале работы, исследуемый вопрос, связанный с появлением в обществе новых технологий, рассматривается во всех областях знаний. В этой связи в истории и философии науки можно выделить отдельный подход к изучению — *синергетический*, при котором используются одновременно теоретические и эмпирические уровни познания и научные знания из различных областей: социологии и физики, психологии и информатики, лингвистики и математики. Безусловно, появление новых информационно-коммуникационных технологий имеет также прямое отношение к ИТ-специалистам.

Так, в своей монографии “Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы” современный американский программист и ИТ-предприниматель М. Форд точно описывает процессы социальных трансформаций в связи с появлением новых технологий

¹³ Барроуз М. Будущее: рассекречено. Каким будет мир в 2030 г. М., 2015.

¹⁴ Там же. С. 11.

и инноваций после 2010 г.¹⁵ Среди примеров технологий будущего автор рассматривает 3D-печать и “беспилотные” автомобили. М. Форд всесторонне анализирует процесс “роботизации”, ведущий к кризисному состоянию мировой экономики, нехватке доходов населения и появлению безработицы.

Автор говорит о том, что “машины” как средство (в индустриальную эпоху) сегодня перестают быть просто средством, а превращаются в “работников”. Движущим фактором этого процесса становятся компьютерные технологии, которые имеют очень высокую скорость распространения. Описывая процессы, которые происходят и будут происходить в момент взаимодействия технологий и экономики, ученый приходит к выводу, что так называемый процесс “автоматизации” становится опасным для человечества.

М. Форд приводит статические данные о том, как уже сегодня на наших глазах складывается такая ситуация, когда автоматизация приводит к полному замещению ряда профессий “компьютерами”. И даже высококвалифицированные специалисты из областей юриспруденции, журналистики, медицины (фармацевтики) переживают сокращение возможностей для трудоустройства¹⁶. Не обратимые процессы приводят к тому, что ранее используемые модели управления обществом устаревают, а на смену им также приходят “роботы”. Уже в 2013 г. компании различных уровней и размеров демонстрировали роботов, способных выполнять работы точно, быстро, в поставленный срок и без лишних издержек производства: в промышленном производстве, в управлении тяжелой техникой, в медицине и других сферах. Этот факт, по мнению автора, свидетельствует о том, что в скором времени произойдет революция, в результате которой увеличится число роботов, занимающих одно место с человеком, и потребуется своя система управления, только уже робототехникой.

Другой американский эксперт в области технологических инноваций А. Росс в своей книге “Индустрии будущего”¹⁷, изданной недавно, в 2016 г., также проанализировал масштабные процессы, происходящие сегодня и связанные с появлением новых электронно-цифровых технологий. Так, в качестве примера новых технологий А. Росс рассматривает “беспилотные” автомобили, невероятное число стартапов, посвященных цифровому обществу и искусственному интеллекту, биткойн и блокчейн, открытия в геномике (разделе меди-

¹⁵ Форд М. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. М., 2016. С. 21.

¹⁶ Там же. С. 68.

¹⁷ Росс А. Индустрии будущего. М., 2017. С. 34.

цины, изучающий заболевания ДНК) и др. Автор говорит о влиянии новых технологий одновременно с двух сторон: с положительной и отрицательной. С положительной стороны, новые технологии, по мнению автора, позволяют преодолеть те проблемы, которые ранее преодолеть не удавалось, например, лечение рака в медицине или усовершенствование процесса транзакции в экономике. С отрицательной стороны, передовые электронно-цифровые технологии неизбежно влекут за собой экономический кризис (возвращение к бедности) и несостоятельность системы управления¹⁸. Делая вывод, аналитик приводит ряд рекомендаций по усовершенствованию системы управления обществом нового типа:

- 1) все действия должны быть основаны на научных исследованиях;
- 2) необходимо обеспечить защиту интеллектуальной собственности и безопасность при передаче технологий;
- 3) важно создать благоприятную бизнес-среду и правила работы.

В отечественной науке вопросы управления инновациями и обществом в цифровой среде рассматриваются с различных позиций. Одни ученые говорят о том, что изучение вопросов цифровизации и управления процессом невозможно без анализа самих технологий, их структуры, факторов, динамики, а возникновение новых технологий связано с изменениями в системе управления. Другие, напротив, утверждают, что трансформация системы государственного управления является продуктом внедрения высоких технологий.

В истории изучения процесса трансформации системы государственного управления в связи со становлением электронно-цифровой цивилизации есть и такие исследования, в которых процесс рассматривается не только с точки зрения его развития, сколько с точки зрения его влияния на формирование нового типа мышления человека. Возникает, по мнению ученых, необходимость в изучении социально-психологических показателей, включающих мышление и сознание людей, социальные действия и взаимодействия в условиях быстрых, резких, качественных социальных преобразований. Например, в работе С.М. Поповой, С.М. Шахрай, А.А. Яника “Измерения прогресса”¹⁹ исследована проблема необходимости переключения внимания в системе управления социальными объектами (и крупными, и малыми) с базовых переменных систем на динамично меняющиеся аспекты. Анализ современных исследований по изуче-

¹⁸ Росс А. Указ. соч. С. 43–57.

¹⁹ Попова С.М., Шахрай С.М., Яник А.А. Измерения прогресса: Монография. М., 2010.

емой проблеме показал, что большая доля исследований проводится на эмпирическом уровне, в связи с тем что существующие изменения всех сфер жизни человека приводят к тому, что на практике в первую очередь ученым приходится менять сферу деятельности и только потом переходить к процессу теоретического осмысливания социальных трансформаций. В первую очередь речь идет о политиках, маркетологах, менеджерах, педагогах и т.д.

Несмотря на наличие различных новых высоких технологий и их неоднородность среди современных научных исследований имеются такие, которые рассматривают новый тип общества как комплексную систему с однородной инновационной средой. Например, в научных работах С.Ю. Арчаковой рассматриваются различные системы управления в условиях уже сформированной инновационной среды. В процессе анализа и разработки методических рекомендаций по оценке развития социальных объектов в обществе нового типа автор приходит к выводу о том, что сбалансированное управление инновационной средой и ее финансированием зависит от соблюдения этапов управленческой деятельности: в первую очередь производится анализ самих инноваций, и только потом анализ субъектов, в которых происходит введение инновации²⁰. Однако в данной работе С.Ю. Арчакова рассматривает вопрос управления только с экономической точки зрения.

Социальные аспекты, выявленные из проблем таких направлений, как биоэтика, инженерия и психология, изучены и описаны в следующей рассматриваемой нами работе на примере малых социальных объектов и процессов, которые подобным образом развиваются в больших по размеру социальных организациях²¹. По мнению ученых, закономерности в управлении инновационной средой напрямую зависят от методов, функций, сценариев и рычагов механизма трансформации самой среды. В исследовании доказано, что в управлении бизнес-средой, инновационными экосистемами, институтами и государством доминирующими факторами являются экономические факторы: величина затрат на научную и образовательную среды, доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей и др.

Таким образом, необходимо отметить, что современная наука считает актуальным вопрос трансформации процесса управления в

²⁰ Арчакова С.Ю. Методический подход к оценке инновационной среды // Регион: системы, экономика, управление. 2018. № 4. С. 55–61.

²¹ Свиридова С.Ю., Шкарупета Е.В., Арчакова С.В. Механизм управления инновационной средой предприятия в условиях цифровой экономики // Организатор производства. 2019. Т. 27. № 1. С. 69.

условиях перехода человеческой цивилизации на новый качественный этап ее развития. Исследованы темп, динамика и качество тех социальных преобразований и трансформаций, которые возникли в связи с научно-технической революцией. Однако информационно-коммуникационные технологии не исследованы как единый социокультурный феномен. Исследованы лишь отдельные их компоненты и их влияние на отдельные сферы жизнедеятельности. Существует необходимость в теоретических исследованиях, направленных на выявление связи между технологическим и социальным подъемом, а также изучение процесса управления обществом в новых условиях перехода к электронно-цифровой стадии развития.

Современные исследователи призывают к активному использованию социальных наук в государственном управлении: “Социальными науками к настоящему времени накоплен значительный потенциал знания в области управления обществом во всех сферах его жизнедеятельности и на различных уровнях. Современные социальные науки уже не могут ограничиваться только объяснением социальной реальности, но должны активно участвовать в ее конструировании. Социальное конструирование предполагает предупреждение негативного развития событий и создания желательных для индивида и общества социальных реалий”²².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арчакова С.Ю. Методический подход к оценке инновационной среды // Регион: системы, экономика, управление. 2018. № 4.
- Барроуз М. Будущее: рассекречено. Каким будет мир в 2030 г. М., 2015.
- Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2015.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2014.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2019.
- Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структурации. М., 2018.
- Добролюбова Е.И. Государственное управление по результатам в эпоху цифровой трансформации: обзор зарубежного опыта и перспективы для России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 4.
- Дракер П. Посткапиталистическое общество. М., 2013.
- Лащенов Н. Аналитика постиндустриального общества: от кибернетических к социологическим теориям // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 4.
- Литvak Н.В. К вопросу о классификации концепций информационного общества // Социологические исследования. 2010. № 8.
- Осипов Г.В. Измерение социальной реальности. Показатели и индикаторы. М., 2011.

²² Осипов Г.В. Измерение социальной реальности. Показатели и индикаторы. М., 2011. С. 56–72.

Осипов Г.В. Социологическая наука в условиях становления цифровой цивилизации. СПб., 2016.

Попов С.М., Шахрай С.М., Яник А.А. Измерения прогресса: Монография. М., 2010.

Росс А. Индустрии будущего. М., 2017.

Свирилова С.Ю., Шкарупета Е.В., Арчакова С.В. Механизм управления инновационной средой предприятия в условиях цифровой экономики // Организатор производства. 2019. Т. 27. № 1.

Титова М.В., Гончаров А.Ю., Сироткина Н.В. Региональная инновационная подсистема: оценка и планирование параметров развития. М., 2015.

Тоффлер Э. Третья волна. М., 2009.

Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2008.

Уэбстер Ф. Теория информационного общества. М., 2004.

Форд М. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. М., 2016.

Якунин В.И., Сулакшин С.С., Вилисов М.В., Соколов Д.В. Наука и власть: проблема коммуникации. М., 2009.

REFERENCES

Archakova S.Ju. Metodicheskij podhod k ocenke innovacionnoj sredy [Methodical approach to assessing the innovative environment] // Region: sistemy, jekonomika, upravlenie. 2018. N 4 (in Russian).

Barrouz M. Budushhee: rasskrytii. Kakim budet mir v 2030 g. [The future: declassified. What the world will be like in 2030]. М., 2015 (in Russian).

Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized Society]. М., 2015 (in Russian).

Bell D. Grjadushhee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya [The coming post-industrial society. Social forecasting experience]. М., 2014 (in Russian).

Bodrijar Zh. Obshchestvo potrebleniya [Consumer Society]. М., 2019 (in Russian).

Dobroljubova E.I. Gosudarstvennoe upravlenie po rezul'tatam v jepohu cifrovoj transformacii: obzor zarubezhnogo opyta i perspektivy dlja Rossii [Public administration by results in the era of digital transformation: an overview of foreign experience and prospects for Russia] // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. 2018. N 4 (in Russian).

Draker P. Postkapitalisticheskoe obshchestvo [Post-capitalistic society]. М., 2013 (in Russian).

Ford M. Roboty nastupajut. Razvitie tehnologij i budushhee bez raboty [Robots are advancing. Technology advancement and a jobless future]. М., 2016 (in Russian).

Fuchs C. Internet and society: social theory in the information age. N.Y., 2008.

Giddens Je. Ustroenie obshchestva. Ocherk teorii strukturacii [Organization of society. Essay on the theory of structuration]. М., 2018 (in Russian).

Jakunin V.I., Sulakshin S.S., Vilisov M.V., Sokolov D.V. Nauka i vlast': problema komunikacii [Science and power: the problem of communication]. М., 2009 (in Russian).

Lashhenov N. Analitika postindustrial'nogo obshhestva: ot kiberneticheskikh k socio-logicheskim teorijam [Analytics of post-industrial society: from cybernetic to sociological theories] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2016. N 4 (in Russian).

Litvak N.V. K voprosu o klassifikacii koncepcij informacionnogo obshhestva [On the question of the classification of concepts of information society] // Sociologicheskie issledovaniya. 2010. N 8 (in Russian).

Lupton D. Digital sociology: an introduction. N.Y., 2015.

Osipov G.V. Izmerenie social'noj real'nosti. Pokazateli i indicatory [Measuring social reality. Indicators and indicators]. M., 2011 (in Russian).

Osipov G.V. Sociologicheskaja nauka v uslovijah stanovlenija cifrovoj civilizacii [Sociological science in the formation of a digital civilization]. SPb., 2016 (in Russian).

Popov S.M., Shahraj S.M., Janik A.A. Izmerenija progressa: Monografija [Measuring progress: a Monograph]. M., 2010 (in Russian).

Ross A. Industrii budushhego [Industries of the future]. M., 2017 (in Russian).

Sviridova S.Ju., Shkarupeta E.V, Archakova S.V. Mehanizm upravlenija innovacionnoj sredoj predprijatija v uslovijah cifrovoj jekonomiki [The mechanism for managing the innovative environment of an enterprise in the digital economy] // Organizator proizvodstva. 2019. T. 27. N 1 (in Russian).

Titova M.V., Goncharov A.Ju., Sirotkina N.V. Regional'naja innovacionnaja pod-sistema: ocenka i planirovanie parametrov razvitiya [Regional innovation subsystem: assessment and planning of development parameters]. M., 2015 (in Russian).

Toffler Je. Shok Budushhego [Shock of the Future]. M., 2008 (in Russian).

Toffler Je. Tret'ja volna [The third wave]. M, 2009 (in Russian).

Ujebster F. Teorija informacionnogo obshhestva [Theory of the information society]. M., 2004 (in Russian).

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-1-85-111

ИЗМЕНЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЦЕННОСТНОЙ СТРУКТУРЫ

Ю.П. Аверин, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1 стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

На основе эмпирических данных социологического исследования, проведенного в 2012 и 2019 гг.¹, в статье анализируется характер преобразований в структуре ценностей взрослого населения России и воздействия на них изменений в состоянии его качества жизни.

В статье с использованием факторного анализа раскрыты изменения типологической структуры ценностей взрослого населения России в 2012 и в 2019 гг. Показано, что в 2012 г. она была преимущественно “материалистической” (по Р. Инглхарту). Наиболее значимой являлась ценность деятельного патриотизма. Высокую значимость имела ценность гедонистического благоденствия, осознаваемая как стремление к материальному достатку ради комфортной жизни. Высокую значимость имела семья. Значимость “постматериалистических” ценностей творчества и свободы была низкой. В структуре ценностей присутствовал воинственный патриотизм, однако его значимость была невысокой.

Раскрыто изменение структуры ценностей российского населения, произошедшее в 2019 г. Хотя она оставалась также преимущественно “материалистической”, однако по сравнению с 2012 г. в ней произошли существенные преобразования. Наиболее значимой для людей осталась ценность деятельного патриотизма, а на второе место с пятого места поднялась ценность воинственного патриотизма, что обусловлено произошедшими за семь лет изменениями в экономическом и политическом положении России в мире, санкционным давлением на нее. Сохранилась

* Аверин Юрий Петрович, e-mail: aup@inbox.ru

¹ В 2012 г. исследование финансировалось социологическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова; в 2019 г. исследование финансировалось Российским фондом фундаментальных исследований — Грант на реализацию научного проекта №19-011-00548 “Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России”. Конкурс А.

высокая значимость семьи и гедонистического благополучия. Значимость “постматериалистических” ценностей свободы и творчества осталась незначительной. Преобразования ценностной структуры населения России из “материалистической” в “постматериалистическую” не произошло.

Раскрыт характер преобразования структуры ценностей российского населения под влиянием изменений в состоянии ощущаемого качества жизни. В 2012 г. в его структуре наиболее высокий уровень имели физическая и социальная активность населения России. На среднем уровне находилась роль физических и эмоциональных проблем в ограничении жизнедеятельности людей и их субъективные болевые ощущения. Относительно низкий уровень был характерен для психического и общего здоровья людей и их жизненного тонуса.

В 2019 г. изменилось состояние многих параметров качества жизни населения. Возросла физическая и социальная активность людей, уменьшилась роль физических и эмоциональных проблем в ограничении их повседневной жизнедеятельности, их субъективные болевые ощущения. Однако это происходило при таком же относительно низком уровне психического и общего здоровья людей, их жизненного тонуса.

В 2012 г. состояние качества жизни людей влияло на формирование только нескольких ценностей: на значимость деятельного патриотизма, состояние которого определялось всеми составляющими качества жизни людей и было мощным фактором формирования этой ценности; на значимость воинственного патриотизма влияло только состояние физической активности людей; значимость гедонистического благополучия и творчества, фундаментальных ценностей — семьи и здоровья — также не зависела от состояния качества жизни людей.

В 2019 г. характер влияния качества жизни на формирование структуры ценностей российского населения изменился: усилилось его воздействие на значимость деятельного патриотизма, гедонистического благополучия, здоровья. На формирование значимости воинственного патриотизма перестало воздействовать качество жизни, его уровень перестал зависеть от качества жизни людей.

Таким образом, изменение состояния ощущаемого качества жизни людей в 2019 г. привело к преобразованию структуры их ценностей. При этом на понижение или повышение их значимости оказывает влияние изменение социально-экономического положения людей и международного положения России, которое в свою очередь влияло на состояние ощущаемого ими качества жизни. В совокупности данные параметры составляют социальный механизм формирования ценностной структуры населения России.

Ключевые слова: структура ценностей, социально-экономическое и ощущаемое качество жизни.

CHANGE IN THE QUALITY OF LIFE OF THE RUSSIAN POPULATION AS A FACTOR OF THE VALUE STRUCTURE TRANSFORMATION

Averin Yury P., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department of Sociological Research Methodology of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: aup@inbox.ru

Based on the empirical data from the sociological study conducted in 2012 and 2019², the article analyzes the nature of transformations in the value structure by the adult population of Russia and how they were impacted by the changes in the quality of life over 7 years.

Factor analysis is used in the article to reveal the changes in the typological values structure of the adult Russian population in 2012 and 2019. It is shown that in 2012 it was predominantly “materialistic” (according to R. Inglehart). The value of active patriotism was the most significant. The value of hedonistic prosperity was of high importance, perceived as a desire for material prosperity for the sake of comfortable life. The family was of great importance. The significance of “post-materialistic” values, i.e. creativity and freedom, was low. Bellicose patriotism was presented in the structure of values, but with low significance.

The change in the value structure of the Russian population that occurred in 2019 is revealed. Although it remained predominantly “materialistic”, it underwent significant changes in comparison with 2012. The value of active patriotism remained the most significant for people, and the value of bellicose patriotism rose to the second place from the fifth one, which was due to the changes that had taken place in the economic and political situation in relation to Russia in the world over seven years, and sanctions pressure on it. High importance of the family and hedonistic prosperity was preserved. “Post-materialistic” values of freedom and creativity remained insignificant. Transformation of the value structure of the Russian population from “materialistic” to “post-materialistic” did not occur.

The transformation nature of the value structure by Russian population under the influence of changes in the state of the perceived quality of life is revealed. In 2012, physical and social activity of the Russian population had the highest level in comparison with other components. The role of physical and emotional problems in limiting the life of people and their subjective pain were at the mid-level. A relatively low level was characteristic for the mental and general health of people and their vitality. In 2019, the state of many parameters characterizing the quality of life of the population changed. Physical and social activity of people increased, and the role of physical and emotional problems in limiting their daily life and subjective pain sensations decreased. However, it was conjoined by the same relatively low level of indicators for mental and general health of people, their vitality.

² In 2012, the study was funded by the Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University; in 2019, the study was funded by the Russian Foundation for Basic Research — Grant for the implementation of the scientific project N 19-011-00548 “The impact of the quality of life on the formation of the value structure of the population in Russia”. Contest A.

In 2012, the state of people's quality of life influenced the formation of only a few values; active patriotism, the state of which was determined by all components of people's quality of life and was a powerful factor in the formation of this value; the significance of bellicose patriotism was influenced only by the state of people's physical activity; the significance of hedonistic prosperity and creativity, fundamental values — family and self-preservation — also did not depend on the state of people's quality of life.

In 2019, the nature of the quality of life impact on the formation of the value structure of the Russian population changed; its impact on the importance of active patriotism, hedonistic prosperity and self-preservation increased. The quality of life ceased to influence the formation of the significance of bellicose patriotism, its level did not depend on the state of people's quality of life.

Thus, in 2019 the change in the state of the people's perceived quality of life led to the transformation in the structure of their values. At the same time, a decrease or increase in their importance was influenced by the change of the socio-economic state of people and the international position of Russia, which in turn affected the state of their quality of life. Taken together, these parameters make up the social mechanism for the formation of the value structure of the population of Russia.

Key words: value structure, socioeconomic and perceived quality of life.

Анализ влияния качества жизни на структуру ценностей населения России является в настоящее время актуальным в связи с существенными изменениями качества жизни населения России в последние пять лет. В конце 2014 г. Россия вошла в новый экономический кризис. Рост заработной платы и пенсий практически прекратился. Дифференциация населения по уровню доходов в XXI в. стала очень высокой. К 2007 г. она достигла максимума, и в последующие годы начала незначительно снижаться, а в 2014 г. снова начала увеличиваться³. В первом квартале 2019 г. сумма денежных доходов 10% наиболее и наименее обеспеченного населения различалась примерно в 13,9 раза⁴. В настоящее время бедных в России насчитывается 19%⁵.

Государство прилагает усилия по снижению уровня бедности среди российского населения. Планируется снизить уровень бедности к 2024 г. в 2 раза⁶. В марте 2019 г. номинальная начисленная заработка плата составила 46,3 тыс. руб. По сравнению с 2017 г.

³ Росстат. Неравенство и бедность. URL: <https://www.gks.ru/folder/13723?> (дата обращения: 31.12.2019).

⁴ Там же.

⁵ Статистика и показатели. Уровень бедности по данным Росстата. URL: <https://rosinfostat.ru/uroven-bednosti/> (дата обращения: 31.12.2019).

⁶ Уровень бедности снизят в два раза. Эксперимент уже стартовал. URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/480242/> (дата обращения: 31.12.2018).

она выросла примерно в 1,2 раза⁷. Минимальный уровень оплаты труда (МРОТ) доведен до прожиточного минимума⁸. Тем не менее, к июню 2020 г. реальные располагаемые доходы россиян во втором квартале 2020 г. упали на 8%⁹.

Таким образом, состояние социально-экономических составляющих качества жизни начало ухудшаться. Пандемия COVID-19, стартовавшая в начале 2020 г., ускорила этот процесс¹⁰. В связи с этим возникает ряд вопросов: во-первых, каким образом ухудшение состояния социально-экономических параметров качества жизни населения России влияет на ощущаемое им качество жизни; во-вторых, как состояние социально-экономического и ощущаемого качества жизни влияет на формирование ценностной структуры российского населения. Результаты проведенных социологических исследований в позволяют ответить на эти вопросы и раскрыть социальный механизм влияния качества жизни на состояние структуры ценностей российского населения.

Методология. Для того чтобы раскрыть социальный механизм влияния качества жизни на состояние структуры ценностей российского населения, необходимо определить теоретическое понимание этой структуры.

Ценности как социальное явление исследовались многими западными и российскими учеными. Клайд Клакхон определил ценность как “осознанное или неосознанное, характерное для индивида или для группы индивидов представление о желаемом, которое определяет выбор целей (индивидуальных или групповых) с учетом возможных средств и способов действия”¹¹. Данные подходы выражают общее понимание ценностей как основы жизнедеятельности людей, выбора ими желаемой направленности действий.

Для выделения тех ценностей индивида, которые имеют функциональную связь с состоянием его качества жизни, обратимся к подходам тех ученых, которые рассматривали ценности на ин-

⁷ Росстат. Неравенство и бедность. URL: <https://www.gks.ru/folder/13723>? (дата обращения: 31.12.2019).

⁸ МРОТ с 1 января 2020 г. в России. BankClub — финансовый портал. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5b9ba35cc3cbc000ab140b83/mrot-s-1-ianvaria-2020-goda-v-rossii-5d63fdbca06eaf00aee3e8d?utm_source=serp (дата обращения: 26.08.2019).

⁹ Реальные располагаемые доходы россиян рекордно упали из-за пандемии. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/07/2020/5f119dad9a79475dd1458eeb> (дата обращения: 17.07.2020).

¹⁰ Минэкономразвития оценило влияние пандемии COVID-19 на экономику России. PREMIUM.MTS.RU. URL. <https://tass.ru/ekonomika/8535503> (дата обращения: 22.05.2020).

¹¹ Kluckhohn C. Values and value orientations in the theory of action // Toward a General Theory of Action / Ed. by T. Parsons, E.A. Shils. Cambridge, 1951. P. 395.

структурном уровне. Одним из таких ученых является Милтон Рокич. “Ценность — устойчивое убеждение, что специфичный вид поведения или конечная цель существования является личностно или социально более предпочтительной, чем противоположный или обратный вид поведения или конечная цель существования. Система ценностей — устойчивая организация убеждений, касающихся предпочтительных моделей поведения или итоговых состояний в континууме относительной важности”¹². М. Рокич определяет ценности в их иерархическом отношении как структуру, в которой отдельные ценности имеют различную интенсивность. Он рассматривает ценность как элемент социального сознания и самосознания. Они выражают коллективную идентичность и являются специфическими для конкретной социальной группы. Применительно к обществу их структура может служить отличительным признаком состояния общества с точки зрения предпочтаемых им конечных целей существования.

М. Рокич выделяет два класса ценностей — терминалные и инструментальные. Терминалные ценности выражают предпочтаемые конечные цели существования. Среди них есть интраперсональные, которые ориентированы на личность и интерперсональные, которые ориентированы на группу и на межличностные отношения. Инструментальные ценности характеризуют идеальные способы поведения и компетенции. Для выделения ценностей с точки зрения их функциональных связей с качеством жизни следует обратиться к интраперсональным ценностям, так как они ориентированы на личность, выражают предпочтаемые конечные цели ее существования.

Опираясь на теорию М. Рокича, Шалом Шварц расширил понимание ценностей и предложил свою классификацию¹³. По его мнению, с одной стороны, ценности можно рассматривать на социальном уровне как определенные нормативные идеалы, а с другой — на индивидуальном уровне как приоритеты конкретных индивидов. Ш. Шварц выделяет десять ценностей, соответствующих основным целям индивида. Содержательно они во многом пересекаются с ценностями, предложенными М. Рокичем. При этом Ш. Шварц, с одной стороны, сужает классификацию ценностей, с другой стороны, добавляет в нее свои ценности, исходя из их мотивационной природы. Для исследования нашей проблемы, прежде всего, важно выделить такую добавленную им ценность, как безопасность.

¹² Rokeach V. The nature of human values. N.Y.; L., 1973. P. 3.

¹³ Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. 2008. № 2.

Использование для эмпирического исследования системы ценностей, предложенных М. Рокичем и Ш. Шварцем, связано с несколькими проблемами. Во-первых, в своих работах они не раскрывают операционального содержания исследуемых ценностей, ограничиваясь их использованием в виде общих концептуальных понятий. В таком виде это затрудняет измерение состояния ценностной структуры, так как индивиды могут толковать эти понятия субъективно и неоднозначно, что снижает достоверность исследования. Во-вторых, нельзя признать классификации, предложенные М. Рокичем и Ш. Шварцем, полными. В них в явном виде отсутствуют такие личностные ценности, как патриотизм. Тем не менее, их классификации позволяют выделить те ценности, которые имеют функциональную связь с качеством жизни. В систему ценностей, функциональная связь которых с качеством жизни анализировалась в нашем исследовании, были включены следующие ценности: здоровье, семья, гедонизм, творчество, материальное благодеяние, свобода, патриотизм.

При этом в системе ценностей, предложенной М. Рокичем и Ш. Шварцем, не дается понимание их типологической структуры, которая позволила бы описать тип общества, которому присуща та или иная структура ценностей и определить характер влияния качества жизни на состояние данной структуры. Для решения этой задачи целесообразно рассмотреть концепцию политической культуры, предложенную Р. Инглхартом, содержание которой он связал с процессом модернизации. “Модернизация — это не финальный этап истории, становление передового общества ведет еще к одному совершенно особому сдвигу в базовых ценностях — когда уменьшается значение характерной для индустриального общества инструментальной рациональности. Преобладающими становятся ценности постмодерна, неся с собой ряд разнообразных социетальных перемен, от равноправия женщин до демократических институтов и упадка государственно-социалистических режимов”¹⁴. Р. Инглхарт проводит различия между “материалистами” и “постматериалистами” в зависимости от их ориентации на определенные ценности. Для материалистов — это преимущественно экономическое благополучие, семья, безопасность. Они больше ценят уровень жизни, порядок, законность. Для постматериалистов — это преимущественно личностная независимость, права и свободы человека, экология, и они больше ценят качество жизни, политическое участие. При этом существуют промежуточные социальные группы, которым присущи

¹⁴ Инглхарт Р. Меняющиеся ценности, экономическое развитие и политические перемены // Международный журнал социальных наук. 1996. № 12. С. 48.

и те, и другие ценности, но в разной степени. Переход от материалистических ценностей к постматериалистическим будет происходить по мере смены поколений. В значительной степени это произошло в Западной Европе и Северной Америке и начинает происходить в Восточной Европе¹⁵.

Таким образом, в своем подходе Р. Инглхарт связал процесс формирования ценностей с процессом модернизации, который приводит к сдвигу в базовых ценностях, к изменению их структуры, которая, в свою очередь, меняет восприятие качества жизни. Однако правомерно сказать, что процесс модернизации не непосредственно влияет на формирование базовых ценностей, а через его результаты. Одним из таких результатов является изменение качества жизни людей в модернизированном обществе, в том числе на индивидуальном уровне. И уже новое качество жизни приводит к сдвигу в базовых ценностях. Так, появление интернета привело к изменению качества жизни людей и это изменило значимость информационной свободы. Об этом свидетельствуют массовые протесты в российском обществе против изоляции Рунета¹⁶. Таким образом, при исследовании влияния качества жизни на формирование ценностной структуры российского населения необходимо, во-первых, выделить такую систему ценностей среди предложенных М. Рокичем и Ш. Шварцем, которая позволила бы описать типологическое состояние общества (по Р. Инглхарту). Во-вторых, выделить такие составляющие качества жизни, состояние которых воздействовало бы на состояние структуры ценностей населения.

При этом нельзя согласиться с пониманием Р. Инглхартом сдвига в базовых ценностях в процессе модернизации. Данное понимание имеет политическую окраску. Так, он противопоставляет постматериалистические ценности — личностную независимость, права и свободы человека, которые выходят на передний план в процессе модернизации общества, — ценностям семьи и безопасности. На наш взгляд, такое противопоставление постматериалистических ценностей, которые по существу являются инструментальными, терминальным ценностям вряд ли правомерно. Ведь инструментальные ценности существуют для того, чтобы достичь фундаментальных целей существования общества и личности. При определенных общественных условиях эти ценности могут приобрести большую значимость по отношению к фундаментальным целям из-за необхо-

¹⁵ Inglehart R. Modernization and postmodernization. Princeton, 1997.

¹⁶ В Москве прошел митинг против “изоляции рунета”. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c82da100d75c300b49a848b/v-moskve-proshel-miting-protiv-izoliacii-runeta-5c855f1e0b2a7200b4ef9f8f> (дата обращения: 10.03.2019).

димости обеспечить возможность их достижения. Но заменить их они не смогут. В процессе модернизации постматериалистические ценности будут выступать новыми средствами, позволяющими воплощать терминальные ценности в новых условиях существования общества. Результаты многих наших исследований показывают, что семья и безопасность в российском обществе в процессе его модернизации не замещаются ценностями личной независимости, прав и свобод человека, а продолжают существовать вместе с ними, занимая более высокое место в иерархи ценностей личности¹⁷.

Эмпирический анализ структуры ценностей на основе рассмотренных подходов позволит определить, на каком этапе развития находится российское общество, как в нем протекает процесс модернизации, и какое влияние на этот процесс оказывает качество жизни российского населения. Для решения данной задачи рассмотрим теоретические подходы к пониманию качества жизни.

В настоящее время при исследовании качества жизни используются различные концептуальные подходы. Среди них с точки зрения теоретической и методической разработанности следует выделить несколько подходов — социально-экономический, структурно-функциональный и концепцию “ощущаемого” качества жизни. Развитие социально-экономического подхода к пониманию качества жизни населения получило в ряде работ. В них оно понимается как интегрированная характеристика уровня и условий жизни населения¹⁸. Оно включает в себя совокупность параметров жизнедеятельности человека, обеспечивающих ту или иную степень удовлетворения его материальных и духовных потребностей и интересов с точки зрения соответствия существующим общественным нормам условий труда и отдыха, жилищных условий, социальной обеспеченности, среды обитания и т.д. Джон Гэлбрейт определил качество жизни как возможность потребления благ и услуг¹⁹.

Однако социально-экономический подход имеет свои ограничения в объяснении состояния качества жизни, так как для ее оценки используются только объективные показатели, характеризующие экономическое и социальное положение индивида. Качество жиз-

¹⁷ См.: Аверин Ю.П. Политическая вовлеченность и ценностные позиции выпускников вузов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 3; Аверин Ю.П., Сушико В.А. Ценности и эlectorальное поведение российских граждан на президентских выборах (2012, 2018): постоянство и изменчивость // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4.

¹⁸ Политика доходов и качество жизни населения / Под ред. Н.А. Горелова. СПб., 2003. С. 639.

¹⁹ Galbraith J.K. The affluent society. Boston, 1958. P. 354.

ни определяется как удовлетворение потребностей индивида. При этом социальная роль индивида не рассматривается. В то же время состояние объективных показателей не однозначно связано с его удовлетворенностью жизнью, они не могут в полной мере объяснить восприятие качества жизни. В них не учитывается характер стремлений, ожиданий и личных потребностей людей. Социально-психологический анализ свидетельствует о том, что качество жизни индивида таково, каким он его воспринимает и ощущает с точки зрения выполнения своей социальной роли. Как указывает А.И. Субетто, “удовлетворенность жизнью зависит от экономических условий на 40% и на 60% — от психологических факторов”²⁰.

Социальная роль индивида лежит в основе структурно-функционального подхода к пониманию качества жизни. В его рамках качество жизни рассматривается широко — как состояние оптимальной возможности индивида эффективно выполнять свои роли и задачи, для которых он был социализирован. Однако такое понимание носит скорее концептуальный характер и требует специального теоретического наполнения, необходимого для разработки концептуальной модели социологического исследования качества жизни.

Характер стремлений, ожиданий и личных потребностей людей учитывается в рамках концепции “ощущаемого” качества жизни. Она рассматривает его как субъективное состояние индивида, являющееся результатом существующих условий для удовлетворения его потребностей. Качество жизни индивида таково, в какой мере ощущаемые им физические, интеллектуальные, эмоциональные и волевые возможности позволяют ему трудиться и общаться, т.е. не препятствуют выполнению социальной роли. При этом восприятие таких возможностей определяется с точки зрения самого индивида, т.е. субъективно. Качество жизни тем выше, чем большими возможностями обладает индивид для выполнения своей социальной роли. В рамках данной концепции существуют различные теоретико-методологические подходы к оценке этого явления. Ангус Кэмпбелл связывает качество жизни с субъективным восприятием благополучия жизни индивида. Немаловажную роль играют удовлетворенность материальным положением, уровнем самооценки и межличностными отношениями²¹.

²⁰ Субетто А.И. Качество жизни и безопасность России — главные функционалы бытия и критерии социально-экономической политики государства. Доклад на V съезде Петровской академии наук и искусств. 17 октября 2002 года, Санкт-Петербург. СПб., 2002.

²¹ Campbell A. The sense of well-being in America: recent patterns and trends. N.Y., 1981. P. 13–14.

Одним из подходов в рамках концепции ощущаемого качества жизни является подход, предложенный J.E. Ware²². Методологическим достоинством его является то, что он, во-первых, раскрывает понятие качества жизни через ряд частных понятий, характеризующих совокупность возможностей индивида для выполнения своей социальной роли; во-вторых, он дает эмпирическое толкование этим понятиям. Он представляет собой систему концептуальных понятий, позволяющих на теоретическом уровне описать свойства, характеризующие состояние ощущаемого качества жизни. Это физическая активность, роль физических проблем в ограничении жизнедеятельности, состояние психического здоровья, роль эмоциональных проблем в ограничении жизнедеятельности, объем субъективных болевых ощущений, общее состояние здоровья, жизнеспособность, социальная активность и изменение самочувствия.

Достоинства концепции ощущаемого качества жизни следующие. Ее использование для теоретического построения социологического исследования позволяет получить: во-первых, результирующую оценку восприятия индивидом своего качества жизни, так как эта оценка является обобщающей, “вбирает в себя” объективные условия жизнедеятельности человека и его восприятие этих условий; во-вторых, индивидуализированную оценку восприятия качества жизни для различных социальных групп общества. Именно восприятие своего качества жизни на индивидуальном и групповом уровне обуславливает формирование ценностной структуры населения.

Понятия концептуальной модели исследования, которая была построена в нашем исследовании на основе концепции ощущаемого качества жизни и определенной структуры ценностей, представлены в табл. 1. Данные понятия были операционализированы и получили инструментальное выражение в виде индикаторов, на основе которых была построена анкета.

Для изучения структуры влияния качества жизни российского населения на его структуру ценностей проведен анкетный квартирный опрос взрослого населения России в апреле–мае 2019 г. Выборка: территориальная, гнездовая, квотная (по полу, возрасту). Численность выборочной совокупности составила 1803 человека в 22 субъектах Российской Федерации (49% — в центральных городах, 28% — в районных городах, 23% — в сельских населенных пунктах), что обеспечило представительность результатов исследования к населению России в возрасте от 18 лет и старше по полу, возрасту,

²² Ware J.E. Measuring patients' views: the optimum outcome measure. SF 36: a valid, reliable assessment of health from the patients' point of view // BMJ. 1993. Vol. 306.

образованию, территориальному расселению. Ошибка выборочной совокупности составляет $\pm 4\%$. В анкете использовались четыре блока вопросов в их инструментальном выражении. Первый блок состоял из вопросов, относящихся к оценке ценностей; второй блок — из вопросов, относящихся к параметрам ощущаемого качества жизни; третий блок — из вопросов, относящихся к параметру социально-экономического качества жизни; четвертый блок — из вопросов, относящихся к социально-демографическому, социально-образовательному и социально-территориальному положению населения России. Исследования финансировались Российским фондом фундаментальных исследований.

Таблица 1

Концептуальная модель исследования влияния качества жизни российского населения на его ценностную структуру

Параметры качества жизни	Ценности
Физическая активность	Гедонизм
Роль физических проблем в ограничении жизнедеятельности	Материальное благоденствие
Состояние психического здоровья	Патриотизм
Роль эмоциональных проблем в ограничении жизнедеятельности	Здоровье
Объем субъективных болевых ощущений	Свобода
Общее состояние здоровья	Семья
Жизнеспособность	Творчество
Социальная активность	
Изменение самочувствия	

Результаты эмпирического исследования позволили определить структуры ценностей населения России, состояние социально-экономических параметров и параметров ощущаемого качества жизни, характер их влияния на данную структуру.

Выводы и результаты

1. Изменение ценностной структуры населения России в период с 2012 по 2019 гг.

Для того чтобы ответить на вопрос о том, каким образом влияет качество жизни населения России на его ценностную структуру, необходимо было определить ее состояние. Для этого проведен факторный анализ. Он позволил выявить латентные переменные, которые описывают типологическую структуру ценностей российского населения и вес каждого из ее типов. Факторная модель, описывающая эту структуру, состоит из семи компонент.

Наибольшую значимость для людей в 2019 г., как и в 2012 г., имел деятельный патриотизм. Он имел те же содержательные проявления, что и в 2012 г. Однако их значимость изменилась. Повысились значимость защиты Родины с оружием в руках, если на нее будет совершено нападение ($НП^{23}=+0,657$); неприятие отъезда из России и жизни в любой стране, лишь бы иметь достойный заработок и высокий уровень жизни (нагрузка на переменную=−0,834). Значимость деятельного патриотизма зависит от возраста ($КСп^{24}=0,301$). Чем больше возраст индивидов, тем выше для них оказывается ценность деятельного патриотизма, связь с Россией. Наоборот, для молодежи такая связь менее значима. Глобализация предоставляет им возможность реализовать себя в разных странах и Россия — лишь одна из таких стран.

На второе место в 2019 г. с пятого в 2012 г. поднялась значимость воинственного патриотизма. Он выражался в первую очередь в значимости защиты Родины от тех, кто разрушает ее изнутри ($НП=+0,843$), и от внешних врагов ($НП=+0,823$), значимости любви и укрепления Родины ($НП=+0,691$). Значимость воинственного патриотизма характерна для людей независимо от их пола, возраста и образования.

Различие между деятельным и воинственным патриотизмом состоит в том, что в деятельном патриотизме наибольшее значение имеет активная любовь к России, направленная на защиту ее от нападения от внешних врагов и на работу по достижению достойного заработка и высокого уровня жизни. В смысловом содержании воинственного патриотизма определяющую значимость имеет борьба с врагами — внешними и внутренними. Именно с этим связано понимание любви к Родине. Повышение значимости воинственного патриотизма в 2019 г. было обусловлено изменившимся внешним и внутренним положением России. Финансовые и политические санкции со стороны стран Западной Европы и США, воинственная риторика политиков этих стран, поддерживаемая внесистемной

²³ НП — нагрузка на переменную.

²⁴ КСп — коэффициент корреляции Спирмена.

оппозицией, окружение границ России военными базами НАТО ощущаются населением России как угроза ее существованию. Все это сформировало у людей повышенную значимость того типа поведения, которое выражает стремление защитить Россию от внешних и внутренних врагов.

На третье место в 2019 г. со второго в 2012 г. опустилась значимость гедонистического благоденствия. Это произошло потому, что снизилась значимость всех его содержательных проявлений: комфортной жизни, получения от нее удовольствий. Значимость гедонистического благоденствия зависит от возраста ($K_{Cp}=+0,278$). Чем моложе люди, тем выше его значимость. Молодые люди стремятся испытать как можно больше удовольствий в ущерб другим ценностям. Значимость гедонистического благоденствия выше для мужчин по сравнению с женщинами ($K_{Cp}=0,120$), хотя в 2012 г. такой зависимости не наблюдалось. В условиях сложного экономического положения женщины меньше, чем мужчины, склонны предаваться гедонизму.

На четвертое место в 2019 г. с третьего в 2012 г. опустилась значимость семьи. Это произошло потому, что на второе место поднялась значимость воинственного патриотизма. Он является инструментальной ценностью, средством защиты семьи. Значимость семьи характерна для людей независимо от пола и образования. При этом она более характерна для молодежи по сравнению с людьми старшего возраста ($K_{Cp}=+0,104$), ибо молодежь только начинает или готовиться начать свою семейную жизнь.

На пятое место в 2019 г. с четвертого в 2012 г. опустилась значимость творчества. Она характерна для людей независимо от их возраста. При этом она более значима для людей с высшим образованием по сравнению с людьми со средним специальным и общим образованием ($K_{Cp}=+0,139$). Для данного типа людей значимость реализации своих творческих способностей, постижение духовного наследия предшествующих поколений являются преобладающими по отношению к свободе в своей стране, которая не сильно определяет достижение для них данных целей.

На шестое место в 2019 г. с седьмого в 2012 г. поднялась значимость здоровья. Она зависит от возраста ($K_{Cp}=+0,207$). Чем больше возраст, тем выше значимость здоровья. Молодежь придает меньшую значимость здоровью, так как впереди у нее еще много лет жизни. Значимость здоровья больше характерна для женщин по сравнению с мужчинами ($K_{Cp}=+0,102$). Женщины относятся к своему здоровью более внимательно.

На седьмом месте в 2019 г. находилась значимость свободы. В 2012 г. она не была выявлена. Она выражается, в первую оче-

редь, в значимости “чувствовать себя свободным в своей стране” (НП=+0,769). Ценность свободы характерна для людей независимо от их возраста. Для них значимость свободы является преобладающей по отношению к стабильности государства. Это, во многом, значимость свободы самой по себе, как духовной сущности.

Таким образом, в 2019 г., как и в 2012 г., ценностная структура населения России оставалась в преобладающей степени “материалистической”. В ее структуре первостепенную значимость имели деятельный и воинственный патриотизм, гедонистическое благодеяние, семья, здоровье. Таким образом, для населения России была характерна преобладающая роль инструментальной рациональности, присущей индустриальному обществу. Уровень значимости “постматериалистических” ценностей — творчества и свободы — был существенно ниже по сравнению с уровнем значимости “материалистических” ценностей.

Люди молодого возраста, как и старшее поколение, по своей ценностной структуре в 2019 г. оставались в преобладающей степени “материалистами”. Значимость гедонистического благополучия, получения удовольствий для них выше по сравнению со старшим поколением. Это свидетельствует о большей, по сравнению со старшим поколением, рациональности молодежи. Она хочет больше иметь. Духовная сторона ее волнует меньше, чем материальная. Насыщение российского рынка товарами, стремление обладать ими, жить комфортно вытесняют духовные ценности жизни, умаляют их значимость для молодежи. Это означает, что со сменой поколений переход населения России от “материалистических” ценностей к “постматериалистическим” в целом не происходит.

2. Изменение ощущаемого качества жизни населения России с 2012 по 2019 г.

Для того чтобы определить, в какой мере отсутствие перехода населения России от “материалистических” ценностей к “постматериалистическим” связано с изменением его качества жизни, рассмотрим характер этого изменения.

На первом месте среди восьми параметров ощущаемого качества жизни российского населения находилась ощущаемая им физическая активность. Объем физической нагрузки, неограниченный состоянием здоровья, который люди могли выполнить (бег, поднятие тяжестей, занятие активными видами спорта и т.п.), в 2019 г. составил 83,48% от максимального объема 100%, и с 2012 г. он увеличился на 2,49%, что выше среднего значения по восьми параметрам качества жизни (1,63%). Следовательно, физическое здоровье российского населения находилось в течение семи лет в хорошем состоянии, обе-

спечивая высокий уровень ощущаемой им физической активности, и этот уровень постоянно повышался: люди могли переносить все более высокие физические нагрузки.

На втором месте находилась ощущаемая российским населением социальная активность. Объем его социальных связей в 2019 г. составлял 78,68% от максимального возможного 100% и с 2012 г. он увеличился на 1,58%. Иными словами, его повышение было небольшим. На это повлияли экономические кризисы, начавшиеся в России в 2014 г. Они привели к тому, что в условиях падения доходов люди сократили обычное общение с друзьями, соседями и коллегами по работе в свободное время, посещение с семьей культурных мероприятий, поездки на отдых. Тем не менее, социальное здоровье российского населения, — желание и способность общаться с окружающими людьми, — в течение семи лет находилось в хорошем состоянии, обеспечивая относительно высокий уровень ощущаемой социальной активности.

На третьем месте находился уровень ощущаемой российским населением роли физических проблем в ограничении его жизнедеятельности. Его значение составило в 2019 г. 74,79% от минимального уровня 100%, когда физические проблемы совсем не ограничивают повседневную жизнедеятельность людей, и с 2012 г. оно увеличилось на 3,09%. Это положительное изменение стало самым большим среди восьми параметров ощущаемого качества жизни — выше среднего значения примерно в 1,9 раза. Физическое здоровье людей повышалось — физические проблемы все меньше мешали им выполнять свои профессиональные обязанности и другие повседневные дела, меньше ограничивали их деятельность.

На четвертом месте в 2019 г. находился объем субъективных болевых ощущений, которые испытывало российское население. Его значение составило 71,98% от минимального уровня 100%, когда болевые ощущения совершенно отсутствуют, и в течение семи лет оно увеличилось на 1,66%, т.е. увеличение было небольшим. На это также повлияли экономические кризисы, начавшиеся в 2014 г. в России. Они привели к ухудшению материального положения людей, повышению их неуверенности в будущем, что усиливало их болевые ощущения. Тем не менее, российское население ощущало боль меньше, чем семь лет назад. При этом уровень его физической активности увеличивался быстрее, чем уменьшался объем его болевых ощущений.

На пятом месте в 2019 г. находился уровень ощущаемой роли эмоциональных проблем в ограничении жизнедеятельности российского населения. Его значение составило в 2019 г. 71,4% от мини-

мального уровня 100%, когда эмоциональные проблемы совсем не ограничивают повседневную жизнедеятельность людей, и в течение семи лет он увеличился на 1,8%, немного превышая среднее значение ощущаемого качества жизни. На это также повлиял экономический кризис, начавшийся в 2014 г. в России. Он привел к тому, что в создавшихся условиях эмоциональные переживания усилились. В целом же в 2019 г. эмоциональное здоровье российского населения повысилось, хотя и не намного: эмоциональные проблемы меньше мешали людям выполнять свои повседневные дела.

На шестом месте находился уровень ощущаемого российским населением психического здоровья. Его значение составило в 2019 г. 63,95% от максимально возможного уровня 100%, когда люди постоянно чувствуют себя спокойными и умиротворенными, и с 2012 г. он увеличился на 0,55%. Ощущаемое российским населением психическое здоровье в 2019 г. было одним из самых низких среди восьми параметров ощущаемого качества жизни, а его улучшение было одним из самых незначительных. На это также повлиял экономический кризис, начавшийся в 2014 г. в России. Он привел к тому, что в связи с неблагоприятными экономическими условиями — сокращением заработной платы, ростом безработицы, неопределенностью в будущем — возрастало психическое напряжение среди российского населения, что подрывало его психическое здоровье.

На седьмом месте находился уровень жизнеспособности российского населения, т.е. уровень ощущаемого им жизненного тонуса, — количество времени, которое человек ощущал себя бодрым и полным сил. Его значение составило в 2019 г. 61,37% от максимально возможного уровня 100%, т.е. было одним из самых низких среди восьми параметров ощущаемого качества жизни, хотя за семь лет его уровень повысился на 1,47%. В среднем ощущаемое качество жизни российского населения за семь лет росло немного быстрее (на 1,63%), чем увеличивался его жизненный тонус.

На восьмом месте в 2019 г. находился уровень ощущаемого российским населением общего состояния здоровья. Этот уровень с 2012 г. практически не изменился (повысился на 0,27%), достигнув значения 61,02%, и оставался самым низким среди восьми параметров ощущаемого качества жизни. Таким образом, за семь лет улучшение ощущаемого российским населением общего здоровья практически не происходило. Это означает, что состояние здравоохранения в России за этот период не смогло обеспечить его повышение.

Значение интегрального индекса (среднего значения) ощущаемого российским населением качества жизни менялось в соответствии с изменением значения его восьми составляющих. Величина этого

индекса с 2012 г. незначительно увеличилась, достигнув в 2019 г. значения 70,83% и возросла на 1,63%. На его небольшое увеличение повлиял экономический кризис, начавшийся в 2014 г. в России. Он привел к тому, что в этот период улучшение состояния восьми параметров качества или замедлилось или прекратилось.

Дополнительным параметром, характеризующим состояние ощущаемого качества жизни, является сравнительное самочувствие населения. Этот показатель характеризует изменение самочувствия, ощущаемое российским населением в течение года. Чем выше показатель, тем значительнее улучшилось восприятие людьми своего самочувствия по сравнению с предыдущим годом. Точной стабильности является значение показателя, равное 50% (самочувствие в течение года оставалось неизменным). Если величина показателя сравнительного самочувствия превышает 50%, то самочувствие людей улучшилось по сравнению с предыдущим годом и наоборот. В 2019 г. уровень сравнительного самочувствия российского населения составил 57,94%, т.е. самочувствие людей улучшилось по сравнению с 2018 г.

Таким образом, в 2019 г. по сравнению с 2012 г. произошли изменения в состоянии параметров ощущаемого качества жизни российского населения, при этом состояние отдельных параметров менялось по-разному. Уменьшилась ощущаемая роль физических проблем в ограничении жизнедеятельности людей и увеличилась ощущаемая физическая активность. Ощущаемая социальная активность и жизнеспособность также увеличились, но заметно слабее. Слабо уменьшились ощущаемая роль эмоциональных проблем и объем болевых ощущений. Очень слабо улучшились ощущаемое российским населением психическое и общее здоровье. В среднем состояние ощущаемого российским населением качества жизни улучшилось.

3. Влияние социально-экономического качества жизни на состояние ощущаемого качества жизни российского населения

Из двух рассмотренных в данном исследовании параметров социально-экономического качества жизни российского населения — средний доход на одного человека в семье и жилищные условия — только первый параметр влияет на состояние ощущаемого людьми качества жизни. Одна из причин отсутствия влияния жилищных условий заключается в том, что незначительное количество российского населения живет в коммунальной квартире (в 2019 г. — 4,3%). Практически все российское население живет в одно-, двух- или в

трехкомнатных квартирах или в своем доме. При этом доля жилья в собственности российских граждан составляет 84,7%²⁵.

С 2012 по 2019 г. увеличение средней заработной платы и трудовой пенсии в России происходило существенно медленнее по сравнению с предыдущими годами²⁶. В связи с этим характер влияния уровня дохода людей на ощущаемое ими качество жизни изменился. Уровень дохода на одного члена семьи стал сильнее влиять на состояние ощущаемой людьми физической активности (КСп= 0,19 и 0,141 в 2012 и 2019 гг. соответственно). Достижение большего дохода в 2019 г. требовало большей физической активности по сравнению с 2012 г. Наоборот, влияние уровня дохода людей на объем ощущаемых ими болевых ощущений уменьшилось (КСп= 0,164 и 0,112 в 2012 и 2019 гг. соответственно). Этот объем стал меньше зависеть от уровня дохода людей и больше зависеть от других факторов. Одним из таких факторов явилось ухудшение состояния здоровья людей в 2019 г. по сравнению с 2012 г. Стало больше людей, у которых здоровье стало хуже (примерно на 3%). В значительной степени это относится к людям старшего возраста.

4. Преобразование ценностной структуры российского населения под воздействием изменений в состоянии качества жизни

Формирование деятельного патриотизма

Формирование деятельного патриотизма под воздействием ощущаемого качества жизни. Так же как и в 2012 г., в 2019 г. наибольшую значимость для населения России имел деятельный патриотизм. Однако характер воздействия на формирование данной ценности отдельных составляющих ощущаемого качества жизни существенно изменился по сравнению с 2012 г.

В 2012 г. сильнее всего на формирование значимости деятельного патриотизма воздействовало состояние ощущаемой людьми физической активности. Чем меньше самочувствие людей ограничивало выполнение ими физических нагрузок, с которыми они сталкивались в течение своего обычного дня, тем более значим для них был деятельный патриотизм (КСп=0,182). В 2019 г. состояние физической активности людей перестало оказывать воздействие на значимость деятельного патриотизма.

В 2012 г. на втором месте по силе воздействия на значимость деятельного патриотизма находилась ощущаемая роль физических про-

²⁵ Росстат. Основные показатели жилищных условий населения. URL: <https://www.gks.ru/folder/13706> (дата обращения: 01.06.2020).

²⁶ FINCAN. URL. <https://www.tadviser.ru> (дата обращения: 11.07.2019).

блем в ограничении повседневной жизнедеятельности людей. Чем меньше физические проблемы ограничивали людей в выполнении ими физических нагрузок, с которыми они сталкивались в течение четырех недель, тем более значимым для них был деятельный патриотизм ($K_{Cp}=0,174$). В 2019 г. ощущаемая роль физических проблем в ограничении повседневной жизнедеятельности людей перестала оказывать воздействие на значимость деятельного патриотизма.

В 2012 г. на третьем месте по силе воздействия на формирование значимости деятельного патриотизма находился объем ощущаемых субъективных болевых ощущений, который испытывали люди в течение четырех недель. Чем меньше он был, тем более значим для них был деятельный патриотизм ($K_{Cp}=0,165$). В 2019 г. объем ощущаемых субъективных болевых ощущений у людей перестал оказывать воздействие на значимость для них деятельного патриотизма.

В 2012 г. на четвертом–пятом местах по силе воздействия на формирование значимости деятельного патриотизма находилось ощущаемое состояние социальной активности людей. Чем меньше физическое и эмоциональное состояние в течение последних четырех недель мешало их обычному общению с семьей, друзьями, соседями или в коллективе, тем более значимым для них был деятельный патриотизм ($K_{Cp}=0,156$). Примерно такое же воздействие на его значимость оказывало общее состояние здоровья людей. Чем выше они оценивали состояние своего здоровья, тем более значимым для них был деятельный патриотизм ($K_{Cp}=0,155$). В 2019 г. сила воздействия ощущаемого состояния социальной активности людей на формирование значимости деятельного патриотизма заметно увеличилось ($K_{Cp}=0,229$) и этот параметр качества жизни в структуре его параметров поднялся на третье место, в то время как воздействие состояния общего здоровья людей ослабло ($K_{Cp}=0,115$). Таким образом, процесс социального общения в 2019 г. способствовал формированию значимости деятельного патриотизма намного сильнее, чем в 2012 г., а состояние общего здоровья людей — заметно слабее.

В 2012 г. на шестом месте по силе воздействия на формирование значимости деятельного патриотизма находилось ощущаемое людьми состояние жизнеспособности, т.е. уровень ощущаемого ими жизненного тонуса — количества времени, в течение которого люди ощущали себя бодрыми и полными сил. Чем выше люди оценивали состояние своей жизнеспособности, тем более значимым для них был деятельный патриотизм ($K_{Cp}=0,131$). В 2019 г. сила воздействия жизнеспособности людей на формирование значимости деятельного патриотизма заметно увеличилась ($K_{Cp}=0,195$), хотя этот параметр качества жизни в структуре его параметров остался на четвертом

месте. Особенно сильно состояние жизнеспособности людей воздействовало на формирование таких содержательных составляющих деятельного патриотизма, как готовность не покидать Россию и добиваться того, чтобы россияне имели достойный заработок и высокий уровень жизни; готовность укреплять Родину; готовность защищать Россию с оружием в руках, если на нее будет совершено нападение. В условиях существовавшего в 2019 г. политического и экономического давления на Россию со стороны США и стран Западной Европы, отсутствовавшего в 2012 г., готовность к таким действиям усилилась и она больше была присуща людям с высоким жизненным тонусом, бодрым и полным сил.

Таким образом, в 2019 г. в отличие от 2012 г. физические параметры ощущаемого качества жизни практически не оказывали воздействия на формирование значимости деятельного патриотизма у российского населения. Значимость деятельного патриотизма для людей перестала зависеть от того, как физически они себя ощущали. Она формировалась под воздействием социальной активности и жизнеспособности людей.

Наиболее сильно в 2019 г. значимость деятельного патриотизма формировалась под воздействием психического здоровья людей, при том что в 2012 г. его воздействие практически отсутствовало. Чем лучше было состояние психического здоровья людей, тем выше была для них значимость деятельного патриотизма ($K_{Cp}=0,304$). Особенno сильно состояние психического здоровья влияло на формирование таких содержательных элементов деятельного патриотизма, как готовность не покидать Россию и добиваться того, чтобы россияне имели достойный заработок и высокий уровень жизни; готовность защищать Россию с оружием в руках, если на нее будет совершено нападение. Готовность людей к таким действиям больше присуща людям с сильной, устойчивой психикой.

На втором месте в 2019 г. по силе воздействия на формирование значимости деятельного патриотизма находилась роль эмоциональных проблем в ограничении жизнедеятельности людей, при том что в 2012 г. ее воздействие практически отсутствовало. Чем меньше эмоциональных проблем испытывали люди, тем выше была для них значимость деятельного патриотизма ($K_{Cp}=0,238$). Деятельный патриотизм больше присущ людям с устойчивым чувством любви к Родине. Эта зависимость по существу сходна с предыдущей и выражает роль эмоционального состояния в формировании данной ценности.

Таким образом, в 2019 г. на формирование значимость деятельного патриотизма определяющее воздействие оказывали психические и эмоциональные составляющие качества жизни людей, которые в

2012 г. воздействия практически не оказывали. Причина этого заключается в том, что 2012 г. был для России относительно благополучным в экономическом и политическом отношениях в отличие от 2019 г. К этому году российская экономика прошла через экономический кризис и находилась под санкционным давлением США и стран Западной Европы, что привело к возникновению социального напряжение среди населения.

Формирование деятельного патриотизма под воздействием социально-экономического качества жизни. В 2012 г. среднемесячный доход на одного человека в семье не оказывал воздействия на формирование значимости деятельного патриотизма. Уровень дохода не влиял на его значимость для людей. В 2019 г. доход стал оказывать заметное влияние на формирование значимости деятельного патриотизма. Чем выше был доход, тем менее значим был для людей деятельный патриотизм ($K_{Cp}=0,184$).

Причина этого заключается в том, что 2019 г. был для России сложным, неустойчивым в экономическом и политическом отношениях. В этих условиях с повышением уровня дохода падала значимость для людей деятельного патриотизма, снижалось стремление любить и укреплять Родину, защищать ее от внешних врагов, возрастало стремление уехать из России, чтобы сохранить свое материальное положение.

Формирование воинственного патриотизма

В 2019 г. значимость воинственного патриотизма для населения России поднялась с пятого в 2012 г. на второе место. В 2012 г. на формирование этой ценности влиял один параметр качества жизни людей — физическая активность ($K_{Cp}=0,134$). Чем выше был уровень физической активности, тем более значим для них был воинственный патриотизм ($K_{Cp}=0,182$). В 2019 г. ни один из параметров качества жизни людей не оказывал практически никакого воздействия на формирование этой ценности. Таким образом, значимость воинственного патриотизма была характерна для людей независимо от состояния их качества жизни. Экономическое и политическое давление на Россию со стороны США и стран Западной Европы привело к его всплеску среди населения России.

Формирование гедонистического благодеяния

Формирование гедонистического благодеяния под воздействием ощущаемого качества жизни. В 2019 г. значимость гедонистического благодеяния опустилась со второго на третье место по сравнению

с 2012 г., хотя осталось относительно высокой для людей. В 2012 г. на формирование значимости гедонистического благоденствия не оказывал практически никакого воздействия ни один из параметров качества жизни людей. Таким образом, в это время значимость гедонистического благоденствия была характерна для людей независимо от состояния качества их жизни. Такое восприятие данной ценности было связано с благополучным состоянием российской экономики, достигнутым к 2012 г.

В 2019 г. значимость гедонистического благоденствия стала зависеть от ряда составляющих ощущаемого качества жизни. В наибольшей степени на формирование его значимости воздействовало состояние ощущаемой людьми физической активности ($K_{Cp}=0,181$). Чем выше люди оценивали его состояние, тем более значима для них была эта ценность ($K_{Cp}=0,217$). На втором месте находилось состояние ощущаемого общего здоровья людей. Чем выше люди оценивали состояние своего общего здоровья, тем более значима для них была эта ценность ($K_{Cp}=0,154$). На третьем месте находился объем субъективных болевых ощущений. Чем меньше болевых ощущений испытывали люди, тем более значима для них была эта ценность ($K_{Cp}=0,121$). Таким образом, в неблагополучном экономическом положении, в котором находилась Россия к 2019 г., гедонистическое благоденствие оставалось значимым только для физически активных и здоровых людей, что позволяло обеспечить их высокое материальное положение в сложных экономических условиях.

Формирование гедонистического благоденствия под воздействием социально-экономического качества жизни. В 2012 г. среднемесячный доход на одного человека в семье не оказывал воздействия на формирование значимости гедонистического благоденствия. Уровень дохода не влиял на его значимость для людей. В 2019 г. доход стал оказывать заметное влияние на формирование значимости гедонистического благоденствия. Чем выше был доход, тем более значимо было для людей гедонистическое благоденствие ($K_{Cp}=0,136$). В 2019 г. в условиях сложного, неустойчивого экономического положения в России у людей с высоким доходом повышалось стремление сохранить комфортную жизнь, брать от жизни все, получать от нее как можно больше удовольствия из-за опасения лишиться этого в будущем.

Формирование ценности семьи, творчества и самосохранения

В 2019 г. как и в 2012 г. ни один из параметров ощущаемого качества жизни людей не оказывал практически никакого воздействия

на формирование этих ценностей. Данные ценности являются терминальными и их значимость для людей остается высокой независимо от того, как они себя ощущают.

Таким образом, в 2019 г., как и в 2012 г., структура ценностей российского населения в преобладающей степени оставалась “материалистической”, характеризующейся инструментальной рациональностью, присущей индустриальному обществу (по Р. Инглхарту). При этом произошла перестройка структуры ценностей с точки зрения значимости ее отдельных составляющих. Деятельный патриотизм не только сохранил, но и увеличил свою преобладающую значимость для российского населения. В условиях сложного экономического и политического положения России резко возросла значимость воинственного патриотизма, который переместился на второе место. Такой сдвиг был обусловлен усилением санкционного давления со стороны США и стран Западной Европы. Это означает, что внешняя угроза для России привела к повышению сплоченности и воинственности российского населения в стремлении защитить свою Родину, сохранить ее независимость. Снизилась значимость гедонистического благополучия. Сохранилась значимость семьи и здоровья. Значимость творчества и свободы оставалась такой же низкой. Следовательно, перестройка произошла среди инструментальных ценностей, в то время как фундаментальные ценности сохранили свою значимость.

За исследуемый временной период в среднем состояние ощущаемого качества жизни российского населения немного улучшилось. В первую очередь за счет его физических составляющих — повышения уровня ощущаемой физической активности и уменьшения ощущаемой роли физических проблем в ограничении жизнедеятельности людей. При этом эмоциональные и психические составляющие качества жизни, общее здоровье улучшились незначительно. Их росту препятствовало экономическое и политическое напряжение, обусловленное санкционным давлением. Повышение социально-экономического качества жизни происходило медленно в связи со слабым увеличением заработной платы и пенсий.

Изменения состояния рассмотренных параметров качества жизни по-разному влияли на преобразование ценностной структуры российского населения. В 2012 г. состояние всех параметров ощущаемого качества жизни влияли на формирование значимости деятельного патриотизма для людей, в то время как их социально-экономическое положение (доход) не оказывало практически никакого влияния на его значимость. В 2019 г. произошли существенные изменения. Значимость деятельного патриотизма перестала зависеть

от ощущаемого физического состояния людей и формировалась только под воздействием психических и эмоциональных составляющих качества жизни людей, что было связано с санкционным давлением США и стран Западной Европы на Россию. При этом существенное влияние на формирование значимости деятельного патриотизма стало оказывать уровень дохода людей. С его повышением значимости деятельного патриотизма уменьшалась. Чем выше был доход, тем больше люди стремились сохранить свое материальное положение и стремились уехать из России.

В 2012 г. значимость воинственного патриотизма для людей была невысокой и он формировался только под воздействием ощущаемого ими состояния физической активности. В 2019 г. значимость воинственного патриотизма для людей стала высокой и ни один из параметров ощущаемого и социально-экономического качества жизни не воздействовал на эту значимость. Она перестала зависеть от качества жизни людей, ее ощущали все. Такое изменение было вызвано санкционным давлением США и стран Западной Европы на Россию. Оно привело к всплеску воинственного патриотизма.

В 2012 г. значимость гедонистического благоденствия для людей была высокой и не зависела от состояния их качества жизни. В 2019 г. значимость гедонистического благоденствия для людей уменьшилась и стала зависеть от ощущаемых людьми физической активности и здоровья.

На значимость ценностей семьи, творчества, свободы и здоровья состояние качества жизни людей практически не оказывало какого-либо воздействия в силу их терминальности.

Результаты проведенного исследования позволили определить социальный механизм формирования ценностной структуры населения России. Состояние социального-экономического качества жизни людей оказывает воздействие на формирование ощущаемого ими качества жизни. Оно в свою очередь воздействует на структуру ценностей людей. При этом под воздействием их качества жизни происходит изменение значимости только инструментальных ценностей людей. Оно не влияет на значимость для них терминальных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверин Ю.П. Политическая вовлеченность и ценностные позиции выпускников вузов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 3.

Аверин Ю.П., Сушко В.А. Ценности и эlectorальное поведение российских граждан на президентских выборах (2012, 2018): постоянство и изменчивость // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4.

В Москве прошел митинг против “изоляции рунета”. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c82da100d75c300b49a848b/v-moskve-proshel-miting-protiv-izoliacii-runeta-5c855f1e0b2a7200b4ef9f8f> (дата обращения: 10.03.2019).

Инглхарт Р. Меняющиеся ценности, экономическое развитие и политические перемены // Международный журнал социальных наук. 1996. № 12.

Минэкономразвития оценило влияние пандемии COVID-19 на экономику России. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8535503> (дата обращения: 22.05.2020).

МРОТ с 1 января 2020 года в России. BankClub — финансовый портал. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5b9ba35cc3cbc000ab140b83/mrot-s-1-ianvaria-2020-goda-v-rossii-5d63fdbca06eaf00aeec3e8d?utm_source=serp (дата обращения: 26.08.2019).

Политика доходов и качество жизни населения / Под ред. Н.А. Горелова. СПб., 2003.

Реальные располагаемые доходы россиян рекордно упали из-за пандемии. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/07/2020/5f119dad9a79475dd1458eeb> (дата обращения: 17.07.2020).

Росстат. Неравенство и бедность. URL: <https://www.gks.ru/folder/13723>? (дата обращения: 31.12.2019).

Росстат. Основные показатели жилищных условий населения. URL: <https://www.gks.ru/folder/13706> (дата обращения: 01.06.2020).

Статистика и показатели. Уровень бедности по данным Росстата. URL: <https://rosinfostat.ru/uroven-bednosti/> (дата обращения: 31.12.2019).

Субетто А.И. Качество жизни и безопасность России — главные функционалы бытия и критерии социально-экономической политики государства. Доклад на V съезде Петровской академии наук и искусств. 17 октября 2002 года, Санкт-Петербург. СПб., 2002.

Уровень бедности снижает в два раза. Эксперимент уже стартовал. URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/480242/> (дата обращения: 31.12.2018).

Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. 2008. № 2.

REFERENCES

FINCAN. URL: <https://www.tadviser.ru> (accessed: 07.11.2019).

Averin Ju.P. Politicheskaja vovlechennost' i cennostnye pozicii vypusknikov vuzov [Political involvement and value positions of university graduates] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2012. N 3 (in Russian).

Averin Ju.P., Sushko V.A. Cennosti i jelektoral'noe povedenie rossijskikh grazhdan na prezidentskikh vyborah (2012, 2018): postojanstvo i izmenchivost' [Values and electoral behavior of Russian citizens in the presidential elections (2012, 2018): constancy and variability] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2019. T. 25. N 4 (in Russian).

Campbell A. The sense of well-being in America: recent patterns and trends. N.Y., 1981.

Galbraith J.K. The affluent society. Boston, 1958.

Ingłhart R. Menjajushhiesja cennosti, jekonomiceskoe razvitiye i politicheskie peremeny [Changing values, economic development and political change] // Mezhdunarodnyj zhurnal social'nyh nauk. 1996. N 12 (in Russian).

Inglehart R. Modernization and postmodernization. Princeton, 1997.

Kluckhohn C. Values and value orientations in the theory of action // Toward a General Theory of Action / Ed. by T. Parsons, E.A. Shils. Cambridge, 1951.

Minjekonomrazvitija ocenilo vlijanie pandemii COVID-19 na jekonomiku Rossii [The Ministry of Economic Development has assessed the impact of the COVID-19 pandemic

on the Russian economy]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8535503> (data obrashheniya: 22.05.2020) (in Russian).

MROT s 1 janvarja 2020 goda v Rossii. BankClub — finansovyj portal [Minimum wage from January 1, 2020 in Russia. BankClub — financial portal]. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5b9ba35cc3cbc000ab140b83/mrot-s-1-ianvaria-2020-goda-v-rossii-5d63fdbca06eaf00aee3e8d?utm_source=serp (data obrashheniya: 26.08.2019) (in Russian).

Politika dohodov i kachestvo zhizni naselenija [Income policy and population's quality of life] / Pod red. N.A. Gorelova. SPb., 2003 (in Russian).

Real'nye raspolagaemye dohody rossijan rekordno upali iz-za pandemii [Real disposable income of the Russians fell record due to the pandemic]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/07/2020/5f119dad9a79475dd1458eeb> (data obrashheniya: 17.07.2020) (in Russian).

Rokeach V. The nature of human values. N.Y.; L., 1973.

Rosstat. Neravenstvo i bednost' [Federal State Statistics Service. Inequality and Poverty]. URL: <https://www.gks.ru/folder/13723> (data obrashheniya: 31.12.2019) (in Russian).

Rosstat. Osnovnye pokazateli zhilishhnyh uslovij naselenija [Federal State Statistics Service. The main indicators of the living conditions of the population]. URL: <https://www.gks.ru/folder/13706> (data obrashheniya: 01.06.2020) (in Russian).

Shvarc Sh. Kul'turnye cennostnye orientacii: priroda i sledstvija nacional'nyh razlichij [Cultural value orientations: nature and consequences of national differences] // Psihologija. 2008. N 2 (in Russian).

Statistika i pokazateli. Uroven' bednosti po dannym Rosstat [Statistics and indicators. Poverty level according to Federal State Statistics Service data]. URL: <https://rosinfostat.ru/uroven-bednosti/> (data obrashheniya: 31.12.2019) (in Russian).

Subetto A.I. Kachestvo zhizni i bezopasnost' Rossii — glavnye funkcionaly bytija i kriterii social'no-jeconomicheskoy politiki gosudarstva. Doklad na V s#ezde Petrovskoj akademii nauk i iskusstv. 17 oktjabrja 2002 goda, Sankt-Peterburg [The quality of life and security of Russia are the main functionals of being and criteria of the state's socio-economic policy. Report at the V Congress of the Petrovsk Academy of Sciences and Arts. October 17, 2002, St. Petersburg] (in Russian).

Uroven' bednosti snizyat v dva raza. Jeksperiment uzhe startoval [The poverty rate will be halved. The experiment has already started]. URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/480242/> (data obrashheniya: 31.12.2018) (in Russian).

V Moskve proshel meeting protiv "izoljatsii runeta" [A meeting was held in Moscow against "isolation of the Runet"]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c82da100d75c300b49a848b/v-moskve-proshel-miting-protiv-izoliacii-runeta-5c855f1e0b2a7200b4ef9f8f> (data obrashheniya: 10.03.2019) (in Russian).

Ware J.E. Measuring patients' views: the optimum outcome measure. SF 36: a valid, reliable assessment of health from the patients' point of view // BMJ. 1993. Vol. 306.

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-1-112-131

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ КАК ФАКТОРЫ ЗДОРОВЬЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Е.Н. Новосёлова, канд. социол. наук, доц., доц., зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматривается вопрос влияния физической культуры и спорта на здоровье населения. Автор анализирует поведенческие факторы здоровья и болезни, делает отсылки к истории изучения данной проблематики в мировой и отечественной науке. В работе выделяются основные составляющие здорового образа жизни (ЗОЖ) и препятствия, мешающие его практиковать, такие как: нехватка материальных и временных ресурсов, отсутствие силы воли, вредные привычки, высокий темп жизни и работы и т.д. На основе новейших статистических данных и анализа литературы показано, что людей, ведущих здоровый образ жизни, в России немного (от 12 до 25% по разным оценкам), однако существуют реальные преграды для этого помимо отсутствия мотивации у самого населения.

Основной акцент в статье сделан на значении адекватных физических нагрузок для здоровья. Приводятся данные о доле практикующих занятия физкультурой и спортом в России и в мире, результаты научных исследований, подтверждающие тот факт, что интерес россиян к спортивным практикам увеличился, они стали больше времени уделять физическому развитию, однако чтобы достичь показателей, характерных для стран Северной Европы и США, потребуется время.

Затрагивается проблема спорта высоких достижений, связанных с ним огромных затрат, его использования как эффективного инструмента "мягкой силы" в мировой политике, дегуманизации и коммерциализации большого спорта и, конечно, вопрос его влияния на здоровье. Также подвергается анализу значение профессионального спорта для развития массового спорта и повышения мотивации населения к занятию физической культурой.

Оцениваются ситуации в сфере развития физической культуры и массового спорта в России и вовлеченность в данные практики населения нашей страны. Анализируется влияние социально-демографических характеристик населения, таких, как пол, возраст, уровень образования и доходов, регион проживания, на отношение к такому аспекту ЗОЖ, как физическая активность.

* Новосёлова Елена Николаевна, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

Эмпирической базой работы являются данные ВОЗ, Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Фонда “Общественное мнение” (ФОМ) и Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), а также исследования кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (2489 респондентов), проведенного в 2018–2019 гг. “Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных” (СеДОЖ).

Ключевые слова: физическая культура, спорт, здоровье, здоровый образ жизни, массовый спорт, профессиональный спорт.

PHYSICAL EDUCATION AND SPORT AS FACTORS OF HEALTH AND FORMATION OF A HEALTHY LIFESTYLE

Novoselova Elena N., PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of the Family and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: alena_n@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

The article analyzes the influence of physical culture and sports on the health of the population. The author explores the behavioral factors of health and illness, using experience and examples from previous Russian and international research. The work highlights the main components of a healthy lifestyle and obstacles that prevent it from practicing, such as lack of material and time resources, lack of will, bad habits, high pace of life and work, etc. Based on the latest statistics and analysis, it is shown that there are few people leading a healthy lifestyle in Russia (from 12 to 25% according to various estimates), but there are real barriers to improving the situation. Furthermore, there is a lack of motivation among the population itself.

The article focuses on the importance of adequate physical activity to preserve health. Author presents data on the share of those practicing physical education and sports in Russia and in the world, as well as the results of scientific research confirming the fact that the interest of Russians with sports activities has increased, they began to devote more time to physical development. However, it will take time to achieve the indicators typical for the countries of Northern Europe and the USA.

The problem of high-performance sports, associated huge costs, its use as an effective instrument of “soft power” in world politics, dehumanization and commercialization of big-time sports and, of course, the issue of its impact on health are touched upon. It also analyzes the importance of professional sports for the development of mass sports and increasing the motivation of the population to engage in physical culture.

The situation in the development of physical culture and mass sports in Russia and the involvement of the population of our country in these practices are assessed. Author analyzes interlinks between physical activity on one side and influence of socio-demographic characteristics of the population, such as gender, age, level of education and income, region of residence on the other side.

The empirical basis of the work consists of data of the WHO, the Federal State Statistics Service (Rosstat), the Public Opinion Foundation (FOM) and the All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VTsIOM), as well as the study undertaken in 2018–2019 by the Department of Sociology of Family and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University (2489 respondents) “Interregional studies of life values and nontransitivity of family and child orientations among women, men and married couples on the basis of cross-cutting analysis of comparable data” (SEDOZH).

Key words: *physical culture, sports, health, healthy lifestyle, mass sports, professional sports.*

Здоровье — ресурс для социального и экономического развития отдельной личности и общества в целом¹, показатель статуса развитого государства. Закономерно, что сохранение и укрепление здоровья граждан являются одними из главных приоритетов как для населения, так и для государственной политики каждой страны. Для России с ее территориями и демографическими проблемами здоровье граждан, по словам Президента В.В. Путина “проблема проблем, вопрос вопросов, абсолютно приоритетная вещь. Сохранить жизни и здоровье людей, потом остальные проблемы мы решим. Все потом к этому приложится”².

Факторов, влияющих на здоровье, множество, при этом около 20% — это наследственность и биологические особенности организма, а 80% — социально-экономические факторы, важнейшим из которых является образ жизни человека, нерациональность которого является основной причиной развития множества заболеваний³.

Размышления о том, что поведенческие факторы влияют на здоровье и болезнь, появились уже в древности (Гиппократ, Алкмеон Кротонский, Абу-Али Ибн Сина), были даже попытки различать специфику заболеваний в зависимости от социального статуса, характера труда и т.п. (Гален, Цельс). Позже итальянский врач Бернардино Рамаццини издал труд “Рассуждение о болезнях ремесленников” (1700 г.), в котором описал профессиональные болезни, вызванные условиями труда (свыше 50 профессий). В дореволюционной России Ф. Эрисман, Д.Н. Жбанков, Н.И. Тезяков, Е.М. Дементьев и др. доказательно говорили о том, что плохие бытовые условия, тя-

¹ Об этом: Оттавская хартия промоции (дальнейшего улучшения) здоровья. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0009/146808 (дата обращения: 15.10.2020).

² Путин назвал сохранение здоровья россиян абсолютным приоритетом для государства // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8834157> (дата обращения: 15.10.2020).

³ См., например: Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4. С. 119–141. URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2016-22-4-119-141>. С. 124, 130.

желый труд и образ жизни губительно влияют на здоровье рабочих и крестьян⁴.

Таким образом, здоровый образ жизни всегда являлся предметом исследования представителей разных наук: философов, медиков, социологов, педагогов, что лишний раз свидетельствует об отсутствии единого подхода к пониманию ЗОЖ. Очень важными для осмыслиения понятия “здоровый образ жизни” являются труды философов Ф. Бекона, Ф. Спинозы, Ж. Ламетри, П.Ж. Кабаниса, М.В. Ломоносова, А.Н. Радищева и др⁵. Значительный вклад в развитие данной проблемы внесли идеи и концепции отечественных и зарубежных социологов конца XIX — начала XX в.: М. Вебера, Э. Дюркгейма, П.А. Сорокина, М.М. Ковалевского, и современных ученых: И.В. Бестужева-Лады, А.П. Бутенко, В.И. Толстых⁶.

Россияне согласны с учеными умами в том, что забота о здоровье — это его базовая составляющая. По данным ВЦИОМ почти половина жителей нашей страны в плохом самочувствии и ухудшении здоровья склонны винить самих себя — 47%⁷. Исследование кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ (далее СеДОЖ-2019) демонстрирует схожие результаты — 51,3% респондентов так или иначе считают, что усилия человека по сохранению здоровью лежат в его основе. Таким образом, данный фактор выходит в лидеры. Кроме него в ТОП-5 по обоим исследованиям входят экология, уровень и условия жизни, качество медицинского обслуживания, забота государства о здоровье людей.

Здоровый образ жизни — это правильное питание, отсутствие вредных привычек, двигательная активность, гигиена, предупреждение заболеваний посредством их профилактики, своевременное обращение в медицинские учреждения, правильное сочетание режима труда и отдыха и т.д. Кроме того следует помнить о психологических

⁴ Об этом: Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение. М., 2012.

⁵ Бэкон Ф. Сочинения: В 2-х т. М., 1977; Ламетри Ж. Сочинения. М., 1976; Гольбах П., Гельвеций К., Кабанис П., Барнав А., Кондорсе Ж. Французский материализм XVIII века: учение об обществе. М., 2011; Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952; Ломоносов М.В. Собрание сочинений. М., 2012.

⁶ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994; Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992; Ковалевский М.М. Понятие генетической социологии и ее метод. Социология в России XIX — начале XX веков. М., 1997; Бестужев-Лада И.В. Содержание и структура категории “образ жизни”. М., 1984; Бутенко А.П. Образ жизни: проблемы и суждения. М., 1978; Толстых В.И. Образ жизни: понятие, реальность, проблемы. М., 1975.

⁷ Доступность и качество российского здравоохранения: оценки пациентов. М., 2015.

факторах, влияющих на здоровье, ведь понятие “здоровый образ жизни” гораздо шире понятия “забота о физическом здоровье”⁸, и только совокупность психофизических сил организма повышает резервы здоровья, о чем очень точно говорит фраза Ювенала в трактовке философа и просветителя Дж. Локка “Здоровый дух в здоровом теле — вот краткое, но полное описание счастливого состояния в этом мире”⁹. Кстати, россияне с данным тезисом согласны — 33% вкладывает здоровье (свое и близких) в понятие счастья (43% женщин и 20% мужчин)¹⁰.

По данным Росстата на 2019 г. совокупная доля россиян, ведущих здоровый образ жизни, всего 12%. Экспертный опрос, проведенный Социологическим центром РАГС при Президенте РФ по заказу Министерства образования и науки РФ¹¹, вторит Росстату — 83,0% опрошенных считают, что большинство населения не ведет здоровый образ жизни. Фонд “Общественное мнение” приводит следующие цифры: более трети российской молодежи (36%) практически не следит за своим здоровьем, и лишь 28% уделяют ему должное внимание¹². Исследование же ВЦИОМ показывает, что наши соотечественники пытаются вести здоровый образ жизни, но и о вредных привычках забывать не спешат: они курят (28%), не следят за питанием (40%), употребляют алкоголь, не проходят диспансеризацию (лишь 16% прошли ее в 2020 г.) и т.д.¹³ По их собственным словам, вести здоровый образ жизни мешают нехватка времени (44%) и денег (51%), высокий темп жизни и работы, лень, вредные привычки, а также отсутствие силы воли (18%)¹⁴. Если говорить о материальной составляющей ЗОЖ, то здесь к россиянам присоединяются и эксперты, например Директор “Левада-центра” Л.Д. Гудков в ответ

⁸ Зыбуновская Н.В., Покида А.Н. Здоровый образ жизни как социальная ценность и реальная практика // Социология власти. 2010. № 7.

⁹ Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 3. М., 1988. С. 411.

¹⁰ Что такое счастье? // ФОМ. 2018.16.11. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14129> (дата обращения: 15.10.2020).

¹¹ Зыбуновская Н.В., Покида А.Н. Здоровый образ жизни как социальная ценность и реальная практика // Социология власти. 2010. № 7.

¹² Что для молодежи ЗОЖ? // ЗдравФом. URL: <https://zdrav.fom.ru/post/chto-dlya-molodezhi-zozh> (дата обращения: 15.10.2020).

¹³ Здоровье — высшая ценность // ВЦИОМ. 2020.09.06. № 4256. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10321>; Здоровый образ жизни: мониторинг // ВЦИОМ. Данные опросов. 2019.30.05. № 3968. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9713>; Здоровый образ жизни: мониторинг // ВЦИОМ. 2018. 21.03. № 3611. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/smoking/article/zdorovyj-obraz-zhizni-monitoring.html> (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁴ См. например: Забота о здоровье — Базовое исследование (ЗОЗ-бис) // ФОМ. 2019. Июль; Бойков В.Э., Стрижов С.А. Отношение представителей бизнеса к здоровому образу жизни // Социология власти. 2009. № 3.

на инициативу Минздрава о разделении продуктов питания на “вредные” и “полезные” заявил, что это не имеет смысла, так как у россиян попросту нет денег на полезные продукты¹⁵.

Одним из условий ЗОЖ по Росстату является адекватная физическая активность. Двигательная активность является биологической потребностью человеческого организма, важнейшей составляющей его физического и ментального здоровья и повышения устойчивости организма к неблагоприятным факторам внешней среды¹⁶. По мнению экспертов упомянутого выше опроса РАГС, физическая культура, спорт, закаливание (68,3%) стоят на втором месте среди факторов ЗОЖ после отказа от вредных привычек (76,3%)¹⁷. По данным исследования СеДОЖ-2019, занятия физкультурой и спортом занимают третье место среди важных элементов здорового образа жизни (см. табл. 1). Так или иначе, положительное влияние спорта на физическое здоровье и нервную систему человека не подлежит сомнению и научно доказано¹⁸.

По данным ВОЗ, как минимум четверть взрослого населения мира недостаточно физически активны (20% мужчин и 27% женщин). Причины этого — распространение сидячих форм досуга, а также изменение способов передвижения и урбанизация. Для поддержания здоровья населения организация призывает сократить к 2025 г. рас пространенность недостаточной физической активности на 10%¹⁹, так как данный фактор отмечен Всемирным Банком (исследование “Глобальное бремя болезней”) как важная угроза общественному здоровью во многих странах мира²⁰, и он же является четвертой по значимости причиной глобальной смертности (6%

¹⁵ Директор “Левада-центра”: ЗОЖ россиянам не по карману // Национальная служба новостей. 2018.17.01. URL: <https://nsn.fm/society/society-direktor-levada-centra-zozh-rossiyanam-ne-po-karmanu> (дата обращения: 17.10.2020).

¹⁶ Синютин М.В. Спорт и здоровье в образе жизни петербуржцев // Социальные исследования. 2016. № 4; Овчинников Ю.Д., Лызарь О.Г. Влияние двигательной активности на психическое здоровье современного человека // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. 2019. № 2.

¹⁷ Зыбуновская Н.В., Покидя А.Н. Здоровый образ жизни как социальная ценность и реальная практика // Социология власти. 2010. № 7.

¹⁸ См., например: Morgan W.P., Goldson S.E. Exercise and mental health. Washington, 1987; Sachs M.L. On the trail of the runner’s high — a descriptive and experimental investigation of characteristics of an elusive phenomenon. Unpublished doctoral dissertation. Tallahassee, 1980.

¹⁹ 10 фактов о физической активности // Всемирная Организация здравоохранения. URL: https://www.who.int/features/factfiles/physical_activity/ru/ (дата обращения: 21.10.2020).

²⁰ Глобальное бремя болезней (Global Burden of Disease): порождение доказательств, направление политики // Региональное издание для Европы и Центральной Азии. Сиэтл, 2013.

Таблица 1

Элементы здорового образа жизни (СеДОЖ-2019), по полу, в %

	ЭЛЕМЕНТ ЗОЖ	ОБА ПОЛА	М	Ж
1	Здоровое питание	64,3	60,9	67,6
2	Отказ от вредных привычек	63,2	63,5	63
3	Занятия физической культурой, спортом	43,0	46,1	40,0
4	Соблюдение режима дня	31,5	29,7	33,3
5	Соблюдение правил гигиены	19,3	18,5	20,1
6	Отсутствие беспорядочной половой жизни	11,4	11,3	11,6
7	Умение справляться со своими эмоциями	11,4	9,9	12,7
8	Регулярное посещение врача с целью профилактики заболеваний	10,4	7,9	12,7
9	Владение достоверной информацией о здоровом образе жизни	4,3	3,9	4,7

Ответ на вопрос: «Что для Вас лично значит выражение “здоровый образ жизни”»? (не более трех вариантов ответа).

случаев смерти в мире)²¹. Кроме того, низкая физическая активность является одним из ведущих факторов в структуре экономического ущерба: имеются ввиду прямые потери (медицинская помощь и пособия по инвалидности) и непрямые потери (преждевременная смертность). Экономический ущерб от причин, ассоциированных с низкой физической активностью, в РФ — 273,0 млрд руб. на 2016 г. (0,32% ВВП), что превышает потери от избыточного потребления алкоголя — 82,5 млрд руб. (0,1% ВВП)²².

Пандемия коронавируса лишь усугубила проблему, так как многие работодатели перевели своих сотрудников на дистанционную работу, а вузы студентов — на дистанционное обучение (в России до пандемии удаленно работали только 2% опрошенных, во время — 16%)²³. Пребывание дома серьезно осложняет поддержание физи-

²¹ Глобальная стратегия по питанию, физической активности и здоровью // Всемирная Организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/dietphysicalactivity/pa/ru/> (дата обращения: 15.10.2020).

²² Концевая А.В., Муканеева Д.К., Мырзаматова А.О., Баланова Ю.А., Худяков М.Б., Драпкина О.М. Экономический ущерб факторов риска, обусловленный их вкладом в заболеваемость и смертность от основных хронических неинфекционных заболеваний в Российской Федерации в 2016 году // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2020. Т. 19. № 1. С. 48–55.

²³ Подробнее на сайте ВЦИОМ: Цифровая грамотность и удаленная работа в условиях пандемии // ВЦИОМ. 2020. 15 мая. № 4235. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10280> (дата обращения: 07.10.2020).

ческой активности и снижает мотивацию к ней, добавляет стресса, который нередко заедается, что приводит к увеличению массы тела.

В современном мире проблема лишнего веса и ожирения, которую называют “неинфекционной эпидемией и новым курением”²⁴, становится одной из самых значимых. За последние сорок лет в мире втройе выросло число людей, страдающих ожирением. По данным ВОЗ на 2016 г., почти 40% взрослых старше 18 лет имеют избыточный вес, 13% страдают ожирением²⁵. В России от лишнего веса страдает 46,9% мужчин и 34,7% женщин, 17,8% мужчин и 24,5% женщин имеют какую-либо степень ожирения. Помимо ряда заболеваний, генетических и психологических нарушений, причиной ожирения является тот факт, что энергия, которая поступает в организм, превышает ее расход, и эта проблема еще более остро встала в период эпидемии, когда люди вынуждены чаще оставаться дома. Гиподинамия и лишний вес — основные враги иммунной системы, мешающие ей защищаться от вирусов²⁶. При этом, по данным опроса ВЦИОМ, россияне практически не практикуют укрепление иммунитета и заботу о здоровье в качестве мер, способных обезопасить их и близких от коронавируса (8%), большинство ограничивается сокращением контактов, ношением маски и мытьем рук, мерами эффективными, но недостаточными²⁷.

Итак, “уровень физической нагрузки влияет на устойчивость человека к заражению. Те лица, которые не занимаются спортом и малоактивны в жизни, более подвержены заражению респираторными заболеваниями”²⁸. В условиях пандемии врачи единодушно и настойчиво рекомендуют поддерживать уровень физической активности на должном уровне, т.е. 150 мин. умеренной физической

²⁴ Газеты пишут о... // Демоскоп Weekly. 2016. 17–30 октября. № 701–702. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0701/gazeta032.php> (дата обращения: 15.10.2020).

²⁵ Obesity and overweight // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/obesity-and-overweight> (accessed: 10.10.2020).

²⁶ Walsh N.P., Gleeson M., Shephard R.J., et al. Position statement. Part one: immune function and exercise // Exercise Immunology Review. 2011. Vol. 17. P. 6–63, Martin S.A., Pence B.D., Woods J.A. Exercise and respiratory tract viral infections // Exercise Sport Sciences Review. 2009. Vol. 37. N 4. P. 157–164.

²⁷ Профилактика коронавируса: соблюдение правил повысилось // ВЦИОМ. 2020. 02 апр. № 4201. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10217> (дата обращения: 15.10.2020).

²⁸ Эксперт: коронавирус продолжает адаптироваться в человеческом организме // Минздрав. URL: <https://minzdrav.gov.ru/special/news/2020/07/01/14337-ekspert-koronavirus-prodolzhaet-adaptirovatsya-v-chelovecheskom-organizme> (дата обращения: 17.10.2020).

активности или 75 мин. интенсивной в неделю либо сочетанию умеренной и интенсивной активности для взрослого человека²⁹.

В России по данным Минспорта на 2018 г. 54 миллиона россиян (39,8%) занимаются физкультурой и спортом³⁰, примерно такая же доля “спортивного” населения и в европейских странах³¹, где в занятия спортом вовлекается все большее групп населения: старшее поколение, женщины, представители этнических меньшинств, люди с физическими недостатками и т.д. Стоит отметить, что особенно спортивны жители северных стран Европы и если в среднем цифра составляет 40%, то на севере спортивные интересы и мотивы людей более разнообразны, а доля регулярно занимающихся устойчиво приближается к 60–70%³², примерно такой же процент спортивных людей и в США³³, т.е. в этих странах уже произошла своеобразная “спортификации общества (культуры)”³⁴, а спорт стал значимой частью потребительского образа жизни³⁵.

Опросы ведущих социологических центров России говорят о том, что интерес россиян с спортивным практикам увеличился, они стали больше времени уделять физическому развитию. Декларирует, что регулярно занимается спортом, четверть россиян (9% в 2008 г.), 30% — время от времени (17% в 2008)³⁶. Среди школьников и студентов показатели тоже позитивные — 47% занимались спор-

²⁹ Драпкина О.М., Гамбарян М.Г., Горный Б.Э., Карамнова Н.С., Концевая А.В., Новикова Н.К., Попович М.В., Рыбаков И.А., Калинина А.М. Укрепление здоровья и профилактика хронических неинфекционных заболеваний в условиях пандемии и самоизоляции. Консенсус экспертов Национального медицинского исследовательского центра терапии и профилактической медицины и Российского общества профилактики неинфекционных заболеваний // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2020. № 3.

³⁰ Заседание коллегии министерства спорта России // Федеральное казенное учреждение “Дирекция по развитию физической культуры и спорта”. URL: <https://www.sport-dp.ru/zasedanie-kollegii-ministerstva-sporta-rossii> (дата обращения: 10.09.2020).

³¹ Здоровый образ жизни: некоторые важные решения и показатели за 6 лет // Официальный сайт правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/info/32118/> (дата обращения: 17.10.2020).

³² Sport and Physical Activity. Special Eurobarometer 334. URL: http://ec.europa.eu/health/nutrition_physical_activity/eurobarometers/index_en.htm (accessed: 11.10.2020).

³³ Тюриков Р.А. Управление массовыми спортивными практиками: сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. № 12–2.

³⁴ Crum B. Changes in modern societies: consequences for physical education and school sport // Report on the I.O.A.’s Special Sessions and Seminars — 1999. Ancient Olympia, International Olympic Academy. 2000. N 3. P. 617–633.

³⁵ Heinemann K. Einführung in die Sociologie des Sports. Schorndorf, 1980.

³⁶ Здоровый образ жизни: мониторинг // Опрос ВЦИОМ. 2018. 15–16 марта. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/smoking/article/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring.html> (дата обращения: 27.09.2020).

том в 2012 г., 76,8% в 2017 г.³⁷ Указом президента РФ В.В. Путина “О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года” установлены следующие целевые показатели: доля россиян, систематически занимающихся физической культурой и спортом, должна вырасти до 70%³⁸.

В последнее время спорту уделяется особое внимание, а Россия по праву считается спортивной державой, подтверждением тому могут служить Олимпиада в Сочи, Универсиада в Казани, мировые первенства по легкой атлетике, дзюдо и плаванию и т.д. Россияне политику государства в сфере развития физической культуры и спорта скорее одобряют и считают, что стране необходимы высокие спортивные достижения, иначе ее нельзя будет назвать развитой (47%), медали на международных соревнованиях должны входить в топ-3 задач государства (48%), но средства все же надо тратить скорее на массовый спорт (18%), так как именно он обеспечивает здоровье нации (22%)³⁹. В действительности же все происходит наоборот, и хотя затраты федерального бюджета на спорт растут, на его массовый сегмент они сокращаются⁴⁰. Если же посмотреть на распределение средств, выделенных на Госпрограмму “Развитие физической культуры и спорта”, то можно заметить явный перекос в сторону спорта высоких достижений: в 2017 г. на него было выделено в 8,5 раз больше средств, чем на массовый спорт (79,5 и 9,3 млрд рублей соответственно)⁴¹.

Многие современные авторы говорят о кризисе спорта в нашей стране и в мире, так как он утрачивает гуманистические принципы, превращается исключительно в сферу карьерного роста, акценты смещаются с “духовно-нравственных принципов на рыночно-коммерческие”⁴², здоровье спортсмена ни во что не ставится, со-

³⁷ Здоровый образ жизни: некоторые важные решения и показатели за 6 лет // Официальный сайт правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/info/32118/> (дата обращения: 17.10.2020).

³⁸ Указ о национальных целях развития России до 2030 года // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 17.10.2020).

³⁹ О развитии профессионального спорта // ФОМ. 2016.24.09. <https://fom.ru/posts/12817> (дата обращения: 17.10.2020).

⁴⁰ Эксперты обсудили, как мотивировать взрослое население заниматься спортом // Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/eksperty-obsudili-kak-motivirovat-vzrosloe-naselenie-zanimatsa-sportom-17335> (дата обращения: 22.10.2020).

⁴¹ См.: Цинченко Г.М., Орлова И.С. Государственная политика Российской Федерации в сфере развития физической культуры и спорта // Вопросы управления. 2019. № 3 (39).

⁴² Бурухин С.В. Игровая деятельность и спорт в информационном обществе: социально-философский анализ. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Тверь, 2012.

ревновательность заменена на конкуренцию, а главным является результат, и победа любой ценой⁴³. Кроме того, сегодня профессиональный спорт стал важной частью политики, инструментом противостояния⁴⁴, а лозунг “спорт вне политики”, быть может, актуальный в период возрождения Олимпийских игр в конце XIX в., уже давно просто пустой звук, как и фраза Пьера де Кубертена “Главное — не победа, а участие”. Спортивные соревнования становятся полем сражения государств, “заменителем войны”⁴⁵. Сегодня знаменитая фраза президента США Джона Ф. Кеннеди о том, что “значимость страны определяется количеством ядерных боеголовок и завоеванных золотых олимпийских медалей”⁴⁶, стала только актуальнее. Спорт высоких достижений — это изнуряющие тренировки, широкий спектр патологических изменений, связанных с состоянием перенапряжения, огромное количество травм, допинг⁴⁷, психоэмоциональное истощение, раннее завершение карьеры и профессиональная невостребованность после. Профессиональный спорт не прибавляет здоровья, он скорее вредит ему (так считают 32% россиян⁴⁸), т.е. здесь уместен тезис “Здоровье для спорта, а не спорт для здоровья”⁴⁹. При всем при этом спорт высоких достижений необходим, так как “для того чтобы 100 человек занимались физической культурой, нужно, чтобы 50 человек занимались спортом; для того чтобы 50 человек занимались спортом, нужно, чтобы 20 человек были спортсменами-специалистами; чтобы 20 человек были спортсменами-специалистами, нужно, чтобы 5 человек могли показать удивительные достижения”⁵⁰.

⁴³ См., например: Богданова М.А. Спорт в современном обществе: антропокультурное измерение и перспективы гуманизации. Автореф. дисс. ... докт. философ. наук. Волгоград, 2015; Баразгова Е.С., Аристов Л.С. Массовый спорт: институциональный и неоинституциональный подходы // Вопросы управления. 2016. № 6 (43).

⁴⁴ Юдина А.В. Спорт как инструмент политического противостояния: к вопросу о государственной политике в сфере физической культуры и спорта // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 6; Осинина Д.Д., Урожок Е.А. Спорт и политика в современном мире // Научные записки молодых исследователей. 2016. № 2.

⁴⁵ Пилоян Р.А. Физкультура и спорт: пути перестройки // Теория и практика физической культуры. 1990. № 7. С. 3–7.

⁴⁶ Цит. по: Орлов А.А. Роль ЮНЕСКО в международной борьбе с допингом в спорте // Международная аналитика. 2019. № 3 (29).

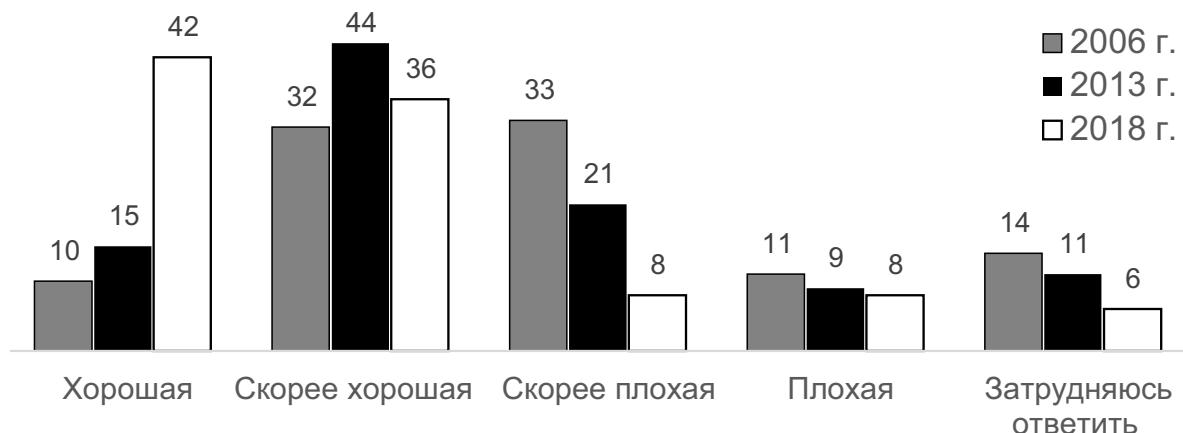
⁴⁷ Ларшина Н.В. Спорт: двуликий Янус // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. № 1.

⁴⁸ О профессии спортсмена // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/12835> (дата обращения: 10.10.2020).

⁴⁹ Сафонов Л.В., Левандо В.А., Бобков Г.А. Здоровье для спорта или спорт для здоровья // Вестник спортивной науки. 2010. № 4.

⁵⁰ Цит. по: Ларшина Н.В. Спорт: двуликий Янус // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. № 1.

Сегодня ситуация с массовым спортом и физической культурой в стране меняется к лучшему, как отмечают россияне. Так, если в 2006 г. лишь 10% оценивали ее как хорошую, то в 2018 — уже 42% (см. рис.).

Источник данных: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9301>

Рис. Оценка респондентами ситуации в сфере развития физической культуры и массового спорта

Почти половина опрошенных (47%) сообщают о том, что в 10–15 минутах ходьбы от дома есть стадион, спортивный клуб, у трети (33%) — бассейн и хоккейная коробка (32%). Спортивную площадку во дворе имеют 43% опрошенных⁵¹. Постепенно, но условия для приобщения россиян к спорту создаются, и наблюдается тенденция к устойчивому развитию спортивной инфраструктуры, однако, здесь можно наблюдать региональное неравенство в обеспеченности объектами и в доступности для населения услуг физкультурно-оздоровительного характера, которое в настоящее время пытаются устраниить путем увеличения финансирования регионов на развитие спортивной инфраструктуры⁵².

Как уже говорилось выше, двигательная активность является одной из наиболее важных составляющих здоровья, и россияне это прекрасно понимают — 56,5% респондентов СедОЖ-2019 вкладывают в выражение “забочусь о здоровье” занятия спортом. Вредным для здоровья малоподвижный образ жизни считают 71,2% респондентов. С возрастом это понимание лишь крепнет, и если в возрастной группе до 29 лет 64,3% респондентов склонны считать данный фактор

⁵¹ Развитие массового спорта: оценка россиян // ВЦИОМ. 2018. 10 сент. № 3759. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9301> (дата обращения: 10.10.2020).

⁵² О внесении изменений в федеральную целевую программу “Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016–2020 годы” и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации // Постановление Правительства РФ от 18 июня 2019 года № 776. URL: <http://government.ru/docs/37147/>

важным, то в возрасте 50+ таких уже 76% ($\chi^2(2)=39,433$, $p=0,000$). Гендерные различия по этому вопросу хоть и не столь яркие, однако тоже статистически значимые ($\chi^2(2)=26,242$, $p=0,000$) — 68,8% мужчин и 73,6% женщин считают, что движение — это жизнь!

Физическая активность зависит от многих социально-экономических характеристик населения, таких как пол, возраст, состояние здоровья, уровень образования, убеждения и взгляды, уровень дохода, социальное окружение и т.п. Некоторые авторы указывают на влияние окружающей среды, инфраструктуры и доступности спортивных сооружений, секций и т.д.⁵³

Данные табл. 2 показывают, что частота занятий физкультурой и спортом снижается с возрастом. Данный факт подтверждают и другие исследования, например, по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ2) на 2013 г., в пенсионном возрасте занимаются физкультурой и спортом 17,6% мужчин и 16,8% женщин⁵⁴. Данную ситуацию необходимо исправлять, так как по мнению специалистов ВОЗ, в любом возрасте преимущества физической активности перевешивают потенциальный вред⁵⁵, она помогает поддерживать хорошее состояние здоровья и рационально использовать имеющиеся резервы организма. Стоит отметить, что частично низкую частоту и интенсивность занятий спортом среди пожилых компенсируют другие виды активности — работа на приусадебном участке, уход за внуками и т.п.⁵⁶

Согласно современным исследованиям, такой фактор, как образование, которое, безусловно, предполагает определенные поведенческие стереотипы, социально-экономический статус и образ жизни и ассоциируется с более здоровым образом жизни, может влиять на уровень физической активности как положительно, так

⁵³ Bauman A., Reis R., Sallis J., Wells J., Loos R., Martin B. Correlates of physical activity: why are some people physically active and others not? // Lancet. 2012. Vol. 380. P. 258–271; Ferreira I., Horst K., van der Wendel-Vos W., Kremers S., Lenthe F., van, Brug J. Environmental correlates of physical activity in youth — a review and update // Obesity Reviews. 2007. Vol. 8. N 2. P. 129–154; Medicine and Science in Sports and Exercise. 1992. Vol. 24. N 6. P. 248–257; Spence J., Lee R. Toward a comprehensive model of physical activity // Psychology of Sport and Exercise. 2003. Vol. 4. N 1. P. 7–24; Welk G. The youth physical activity promotion model: a conceptual bridge between theory and practice // Quest. 1999. Vol. 51. N 1. P. 5–23.

⁵⁴ См., об этом: Хоркина Н.А., Филиппова А.В. Физическая активность пожилых людей как объект управляющего воздействия государства // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 2.

⁵⁵ Физическая активность // ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/factsheets/detail/physical-activity>

⁵⁶ См., об этом: Хоркина Н.А., Филиппова А.В. Физическая активность пожилых людей как объект управляющего воздействия государства // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 2.

Регулярность занятий физической культурой и спортом в зависимости от пола и возраста респондента (СеДОЖ-2019), %

	29 лет и менее		30–39 лет		40–49 лет		50+ лет		Всего	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Не занимаются	15,5	21,4	26,0	29,3	32,3	37,5	36,8	36,2	30,5	32,4
Каждый день	19,7	15,5	17,7	12,6	13,9	12,6	18,4	22,6	17,5	16,7
Несколько раз в неделю	41,2	34,8	33,8	35,3	29,2	27,1	24,2	17,2	29,7	26,7
Еженедельно	12,1	14,5	12,4	11,6	13,9	11,9	6,9	11,4	10,4	12,1
Раз в месяц	5,6	8,7	5,3	6,3	4,8	5,0	7,4	5,5	6,1	6,1
Раз в год	4,6	2,6	1,7	2,3	,7	2,4	2,4	3,7	2,1	2,9

Ответ на вопрос: “Занимаетесь ли Вы спортом или физкультурой (делаете зарядку, посещаете спортклуб и т.д.), если да, то как часто?”

и отрицательно⁵⁷. Однако большинство из них все же говорит о позитивном воздействии данной характеристики⁵⁸. СеДОЖ-2019 продемонстрировало следующую зависимость (см. табл. 3). Лица с высшим образованием не занимаются физкультурой и спортом в 25,3% (22,9% мужчин, 27,8% женщин), среди менее образованных таких 44% (44,8% мужчин, 43% женщин) ($\chi^2(2)=130,620$, $p=0,000$).

Также табл. 3 демонстрирует значимые различия в физической активности респондентов с разным уровнем дохода: среди лиц с самооценкой дохода ниже среднего 37,4% не занимаются спортом, выше среднего таких уже 19,1% ($\chi^2(2)=76,065$, $p=0,000$). Подобные выводы подтверждаются и другими исследованиями, например доля физически активной молодежи в среднем в 1,5–2 раза выше у выходцев из наиболее обеспеченных семей, по сравнению с малообеспеченными⁵⁹.

⁵⁷ Bauman A.E., Reis R.S., Sallis J.F., Wells J.C., Loos R.J., Martin B.W. Correlates of physical activity: why are some people physically active and others not? // The Lancet. 2012. Vol. 380. P. 258–271.

⁵⁸ Paffenbarger R.S., Hyde R.T., Wing A.L. The association of changes in physical activity level and other lifestyle characteristics with mortality among men // New England Journal Medical. 1993. Vol. 328. P. 538–545.

⁵⁹ Хоркина Н.А., Лопатина М.В., Костина Ю.В. Физическая активность российской молодежи и возможности государственной политики // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 2.

Таблица 3

Влияние уровня образования, самооценки дохода и региона проживания на частоту занятий спортом (СеДОЖ-2019), в %

	Образование		Самооценка дохода			Регион проживания	
	Среднее и ниже	Высшее	Ниже среднего	Как у всех	Выше среднего	Москва	Другой
Не занимаются	44,0	25,3	37,4	33,7	19,1	23,0	37,5
Каждый день	19,3	16,5	18,0	17,3	18,2	20,6	14,6
Несколько раз в неделю	18,4	34,4	22,7	28,3	38,6	32,3	25,4
Еженедельно	8,0	13,2	8,5	11,2	15,9	13,4	9,6
Раз в месяц	5,6	6,6	8,2	5,4	4,5	5,4	6,6
Раз в год	2,4	2,7	4,7	2,2	1,6	,8	3,7

Ответ на вопрос: “Занимаетесь ли Вы спортом или физкультурой (делаете зарядку, посещаете спортклуб и т.д.), если да, то как часто?”

Доля лиц, игнорирующих физические упражнения, также ниже в Москве в сравнении с другими регионами, в которых проводился опрос (37,5% и 23% соответственно)⁶⁰ ($\chi^2(2)=99,660$, $p=0,000$). Согласно данным Росстата, доля населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом, разнится по регионам довольно значительно, однако нельзя сказать, что Москва здесь лидирует. Самые “спортивные” регионы на 2019 г.: Мордовия — 48,9% систематически занимающихся спортом, Удмуртия — 48,8%, Республика Коми — 43,9%. Аутсайдеры — Магаданская (19,3%), Воронежская (20,2%) области, а также Бурятия (20,3%). Доля занимающихся спортом в Москве — 27,8%. Однако некоторые эксперты сомневаются в валидности этих данных и считают, что здесь возможны ошибки в методике подсчета⁶¹.

Подводя итог, следует сказать, что в целом мы можем наблюдать некую положительную динамику в области развития институтов физической культуры и спорта в России, что крайне важно, так как физическая активность — это развитие физических и нравственных качеств человека, основа здоровья нации, продолжительной и полно-

⁶⁰ Под “другими регионами” понимаются Владимир, Екатеринбург, Краснодар, Курск, Уфа и близлежащие к ним городские поселения.

⁶¹ Степанян В. Названы самые “спортивные” регионы России // Информационно-аналитический центр “МедиАНьюс”. 2019. 26.12. URL: <https://news.ru/russia/regiony-sport/> (дата обращения: 22.10.2020).

ценной жизни, важная составляющая воспитания подрастающего поколения и т.д.

Проанализированный теоретический и эмпирический материал позволяет сделать вывод, что растет как число спортивных сооружений и учреждений, ведущих физкультурно-оздоровительную работу, так и число вовлеченных в различные спортивные практики россиян. Тем не менее, в этой области остается пространство для усиленной работы, особенно в свете того, что целевые показатели в этой области, установленные Указом “О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года” очень высоки (70% систематически занимающихся физической культурой и спортом россиян). В связи с этим необходимы как проведение информационно-пропагандистской политики в данной области, так и некоторые меры практического характера, такие как:

- активное внедрение спортивных практик в воспитание и обучение подрастающего поколения, у которого с младых ногтей должно культивироваться стремление заниматься спортом;
- увеличение доли лиц третьего возраста, регулярно занимающихся спортом (на настоящий момент это всего около 4%), так как физическая активность данной части населения является важнейшим условием продления активного долголетия, поддержания интереса к жизни, сохранения и укрепления здоровья;
- смягчение перекоса в затратах федерального бюджета, более равномерное распределение средств между профессиональным и массовым спортом;
- развитие адаптивного спорта, обеспечение возможностей для участия лиц с ограниченными возможностями в занятиях физической культурой и спортом, строительство специальных сооружений для тренировок и соревнований;
- мотивация работодателей к повышению физической активности сотрудников, например, путем введения налоговых льгот и преференций.

Безусловно, здесь названы лишь некоторые способы вовлечения населения в спортивные практики, которые, тем не менее, помогут улучшить качество жизни населения России, поддержать и укрепить здоровье нации, что является основой развития экономики, условием безопасности страны, инвестицией в ее благополучие и процветание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баразгова Е.С., Аристов Л.С. Массовый спорт: институциональный и неоинституциональный подходы // Вопросы управления. 2016. № 6 (43).

Бестужев-Лада И.В. Содержание и структура категории “образ жизни”. М., 1984.

Богданова М.А. Спорт в современном обществе: антропокультурное измерение и перспективы гуманизации. Автореф. дисс. ... докт. философ. наук. Волгоград, 2015.

Бурухин С.В. Игровая деятельность и спорт в информационном обществе: социально-философский анализ. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Тверь, 2012.

Бэкон Ф. Сочинения: В 2-х т. М., 1977.

Гольбах П., Гельвеций К., Кабанис П., Барнав А., Кондорсе Ж. Французский материализм XVIII века: учение об обществе. М., 2011.

Драпкина О.М., Гамбарян М.Г., Горный Б.Э., Карамнова Н.С., Концевая А.В., Новикова Н.К., Попович М.В., Рыбаков И.А., Калинина А.М. Укрепление здоровья и профилактика хронических неинфекционных заболеваний в условиях пандемии и самоизоляции. Консенсус экспертов Национального медицинского исследовательского центра терапии и профилактической медицины и Российского общества профилактики неинфекционных заболеваний // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2020. № 3.

Зыбуновская Н.В., Покида А.Н. Здоровый образ жизни как социальная ценность и реальная практика // Социология власти. 2010. № 7.

Концевая А.В., Муканеева Д.К., Мырзаматова А.О., Баланова Ю.А., Худяков М.Б., Драпкина О.М. Экономический ущерб факторов риска, обусловленный их вкладом в заболеваемость и смертность от основных хронических неинфекционных заболеваний в Российской Федерации в 2016 году // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2020. Т. 19. № 1. С. 48–55.

Ларшина Н.В. Спорт: двуликий Янус // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. № 1.

Ломоносов М.В. Собрание сочинений. М., 2012.

Овчинников Ю.Д., Лызарь О.Г. Влияние двигательной активности на психическое здоровье современного человека // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. 2019. № 2.

Орлов А.А. Роль ЮНЕСКО в международной борьбе с допингом в спорте // Международная аналитика. 2019. № 3 (29).

Осинина Д.Д., Урожок Е.А. Спорт и политика в современном мире // Научные записки молодых исследователей. 2016. № 2.

Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4. С. 119–141. URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2016-22-4-119-141>.

Пилоян Р.А. Физкультура и спорт: пути перестройки // Теория и практика физической культуры. 1990. № 7. С. 3–7.

Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952.

Сафонов Л.В., Левандо В.А., Бобков Г.А. Здоровье для спорта или спорт для здоровья // Вестник спортивной науки. 2010. № 4.

Синютин М.В. Спорт и здоровье в образе жизни петербуржцев // Социальные исследования. 2016. № 4.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Толстых В.И. Образ жизни: понятие, реальность, проблемы. М., 1975.

Хоркина Н.А., Лопатина М.В., Костина Ю.В. Физическая активность российской молодежи и возможности государственной политики // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 2.

Хоркина Н.А., Филиппова А.В. Физическая активность пожилых людей как объект управляющего воздействия государства // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 2.

Цинченко Г.М., Орлова И.С. Государственная политика Российской Федерации в сфере развития физической культуры и спорта // Вопросы управления. 2019. № 3 (39).

Юдина А.В. Спорт как инструмент политического противостояния: к вопросу о государственной политике в сфере физической культуры и спорта // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 6.

REFERENCES

- Barazgova E.S., Aristov L.S.* Massovyj sport: institucional'nyj i neoinstitucional'nyj podhody [Mass sports: institutional and neoinstitutional approaches] // Voprosy upravlenija. 2016. N 6 (43) (in Russian).
- Bauman A.E., Reis R.S., Sallis J.F., Wells J.C., Loos R.J., Martin B.W.* Correlates of physical activity: why are some people physically active and others not? // The Lancet. 2012. Vol. 380. Iss. 9838.
- Bestuzhev-Lada I.V.* Soderzhanie i struktura kategorii "obraz zhizni" [Content and structure of the category "way of life"]. M., 1984 (in Russian).
- Bogdanova M.A.* Sport v sovremenном obshhestve: antropokul'turnoe izmerenie i perspektivy gumanizacii [Sport in modern society: anthropo-cultural dimension and perspectives of humanization]. Avtoref. diss. ... dokt. filosof. nauk. Volgograd. 2015 (in Russian).
- Buruhin S.V.* Igrovaja dejatel'nost' i sport v informacionnom obshhestve: social'no-filosofskij analiz [Game activity and sports in the information society: socio-philosophical analysis]. Avtoref. diss. ... kand. filosof. nauk. Tver'. 2012 (in Russian).
- Bjekon F.* Sochinenija [Works]. M., 1977 (in Russian).
- Crum B.* Changes in modern societies: consequences for physical education and school sport // Report on the I.O.A.'s Special Sessions and Seminars 1999. Ancient Olympia, International Olympic Academy. 2000.
- Drapkina O.M., Gambarjan M.G., Gornij B.Je., Karamnova N.S., Koncevaja A.V., Novikova N.K., Popovich M.V., Rybakov I.A., Kalinina A.M.* Ukreplenie zdorov'ja i profilaktika hronicheskikh neinfekcionnyh zabolеваниj v uslovijah pandemii i samoizoljacii. Konsensus jekspertov Nacional'nogo medicinskogo issledovatel'skogo centra terapii i profilakticheskoy mediciny i Rossijskogo obshhestva profilaktiki neinfekcionnyh zabolеваниj [Health promotion and prevention of chronic noncommunicable diseases in a pandemic and self-isolation. Consensus of experts from the National Medical Research Center for Therapy and Preventive Medicine and the Russian Society for the Prevention of Noncommunicable Diseases] // Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika. 2020. N 3 (in Russian).
- Ferreira I., Horst K., van der Wendel-Vos W., Kremers S., Lenthe F., van Brug J.* Environmental correlates of physical activity in youth — a review and update // Obesity Reviews. 2007. Vol. 8.
- Gol'bah P., Gel'vecij K., Kabanis P., Barnav A., Kondorse Zh.* Francuzskij materializm XVIII veka: Uchenie ob obshhestve [French materialism of the XVIII century: the doctrine of society]. M., 2011 (in Russian).
- Horkina N.A., Filippova A.V.* Fizicheskaja aktivnost' pozhilyh ljudej kak ob'ekt upravljaushhego vozdejstvija gosudarstva [Physical activity of older people as an object of state control] // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. 2015. N 2 (in Russian).
- Horkina N.A., Lopatina M.V., Kostina Ju.V.* Fizicheskaja aktivnost' rossijskoj molo-dezhi i vozmozhnosti gosudarstvennoj politiki [Physical activity of Russian youth and the possibilities of state policy] // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. 2018. N 2 (in Russian).
- Judina A.V.* Sport kak instrument politicheskogo protivostojanija: k voprosu o gosudarstvennoj politike v sfere fizicheskoy kul'tury i sporta [Sport as an instrument of political confrontation: on the issue of state policy in the field of physical culture and sports] // Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. 2017. N 6 (in Russian).

Koncevaja A.V., Mukaneeva D.K., Myrzamatova A.O., Balanova Ju.A., Hudjakov M.B., Drapkina O.M. Jekonomiceskij ushherb faktorov riska, obuslovlennyj ih vkladom v zbolevaemost' i smertnost' ot osnovnyh hronicheskikh neinfekcionnyh zabolеваниj v Rossijskoj Federacii v 2016 godu [Economic damage to risk factors due to their contribution to morbidity and mortality from major chronic non-communicable diseases in the Russian Federation in 2016] // Kardiovaskuljarnaja terapija i profilaktika. 2020. T. 19. N 1. P. 48–55 (in Russian).

Larshina N.V. Sport: dvulikij Janus [Sport: two-faced Janus] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki. 2006. N 1 (in Russian).

Lomonosov M.V. Sobranie sochinenij [Collected Works]. M., 2012 (in Russian).

Medicine and Science in Sports and Exercise. 1992. Vol. 24. N 6.

Orlov A.A. Rol' JuNESKO v mezhdunarodnoj bor'be s dopingom v sporte [Role of UNESCO in the international fight against doping in sport] // Mezhdunarodnaja analitika. 2019. N 3 (29) (in Russian).

Osipova N.G. Social'noe konstruirovaniye obshhestvennogo zdorov'ja [The social construction of the public health] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2016. T. 22. N 4. S. 119–141. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2016-22-4-119-141>. S.124, 130 (in Russian).

Ovchinnikov Ju.D., Lyzar' O.G. Vlijanie dvigatel'noj aktivnosti na psihicheskoe zdorov'e sovremenennogo cheloveka [The influence of motor activity on the mental health of a modern person] // Social'naja pedagogika v Rossii. Nauchno-metodicheskij zhurnal. 2019. N 2 (in Russian).

Paffenbarger R.S., Hyde R.T., Wing A.L. The association of changes in physical activity level and other lifestyle characteristics with mortality among men // New England Journal Medical. 1993. Vol. 328.

Pilojan R.A. Fizkul'tura i sport: puti perestrojki [Physical culture and sport: ways of perestroika] // Teorija i praktika fizicheskoy kul'tury. 1990. N 7. S. 3–7 (in Russian).

Radishhev A.N. Izbrannye filosofskie i obshhestvenno-politicheskie proizvedenija [Selected philosophical and socio-political works]. M., 1952 (in Russian).

Sachs M.L. On the trail of the runner's high — a descriptive and experimental investigation of characteristics of an elusive phenomenon. Unpublished doctoral dissertation. Tallahassee, 1980.

Safonov L.V., Levando V.A., Bobkov G.A. Zdorov'e dlja sporta ili sport dlja zdorov'ja [Health for sports or sports for health] // Vestnik sportivnoj nauki. 2010. N 4 (in Russian).

Sinjutin M.V. Sport i zdorov'e v obraze zhizni peterburzhcev [Sport and health in the lifestyle of Petersburgers] // Social'nye issledovaniya. 2016. N 4 (in Russian).

Sorokin P.A. Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo [Man. Civilization. Society]. M., 1992 (in Russian).

Spence J., Lee R. Toward a comprehensive model of physical activity // Psychology of Sport and Exercise. 2003. Vol. 4. N 1. P. 7–24.

Tcinenko G. M., Orlova I.S. Gosudarstvennaja politika Rossijskoj Federacii v sfere razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta [State policy of the Russian Federation in the field of physical culture and sport development] // Voprosy upravlenija. 2019. N 3 (39) (in Russian).

Tolstyh V.I. Obraz zhizni: ponjatie, real'nost', problem [Way of life: concept, reality, problems]. M., 1975 (in Russian).

Welk G. The youth physical activity promotion model: a conceptual bridge between theory and practice // Quest. 1999. Vol. 51. N 1. P. 5–23.

Zybunovskaja N.V., Pokida A.N. Zdorovyj obraz zhizni kak social'naja cennost' i real'naja praktika [Healthy lifestyle as a social value and real practice] // Sociologija vlasti. 2010. N 7 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-1-131-155

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЕДУЩИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДОКТРИН: ИНДУИЗМ

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., проф. кафедры современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье анализируются социальные аспекты индуизма как совокупности не только религиозных, но и мифологических, правовых и этических представлений, на базе которых во многом организована социальная жизнь индийского общества. Анализ исторического развития индуизма, проведенный автором, показывает, что несмотря на отсутствие жесткой организационной структуры он обладает внутренним единством на социальном, идейном и культовом уровнях. Объединяют индуизм в единое целое священные тексты и пантеон богов, признаваемые практически всеми его течениями и школами, а также вера в карму — причинно-следственную связь между поступками индивида в прошлых воплощениях и его судьбой, характером, положением в обществе в нынешнем воплощении, и реинкарнацию. Краеугольным камнем как вероучения, так и социальной составляющей доктрины индуизма являются понятия сословий и каст, которыми обозначают обособленные группы, члены которых имеют общее профессиональное занятие, не вступают в браки с представителями других групп, и даже не делят с ними трапезы. Рассматривается иерархия сословий, зародившихся в Индии в ведический период, а также принципы, в первую очередь, профессиональные и региональные, формирования современных каст.

Автором анализируется набор религиозных предписаний и культовых практик, регулирующих повседневную жизнь индустров, обрядовая сторона индуизма, связанная с наиболее значимыми событиями в жизни человека. Особое внимание уделяется новым практикам “искупительных обрядов”, в числе которых аскеза, пост, различные способы умерщвления плоти, и “искупительных даров”. Отмечается, что сущность индуизма не исчерпывается его религиозно-идеологическим содержанием. Органической неотъемлемой его частью является целый ряд социальных институтов, правовых и нравственных норм, общественных установлений и культурных феноменов. В данной связи индуизм является не только и не столько религией, сколько образом жизни и целостным поведением, в котором может быть и своя духовная практика.

* Осипова Надежда Геннадьевна, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Ключевые слова: индуизм, источники и священные тексты индуизма, социальная составляющая индуизма, сословия, касты, “внекастовые” люди, этические предписания.

SOCIAL ASPECTS OF MAIN RELIGIOUS DOCTRINES: HINDUISM

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

The article analyzes the social aspects of Hinduism as a combination of not only religious, but also mythological, legal and ethical concepts. They form, on the basis on which the social life of Indian society is largely organized. The author's analysis of the historical development of Hinduism shows that, despite the absence of a rigid organizational structure, it has an internal unity at the social, ideological and religious levels. Hinduism is united in a whole by sacred texts and the Pantheon of Gods, recognized by almost all its trends and schools, as well as the faith in karma — the causal relationship between the actions of an individual in past incarnations and his fate, character, position in society in the current incarnation, and reincarnation. The cornerstone of both the faith and the social component of the Hindu doctrine is the concept of classes and castes, which denote separate groups whose members have a common professional occupation, do not marry other groups, and do not even share meals with them. The article considers the hierarchy of classes that originated in India in the Vedic period, as well as the principles, primarily professional and regional, of the formation of modern castes.

The author analyzes a set of religious prescriptions and cult practices that regulate the daily life of Hindus, the ritual side of Hinduism associated with the most significant events in human life. Special attention is paid to new practices of “redemptive rites”, including asceticism, fasting, various methods of mortification of the flesh, and redemptive gifts. It is noted that the essence of Hinduism is not limited to its religious and ideological content. An organic integral part of it is a number of social institutions, legal and moral norms, social institutions and cultural phenomena. In this regard, Hinduism is not only and not so much a religion, but a way of life and holistic behavior, which can also have its own spiritual practice.

Key words: Hinduism, sources and sacred texts of Hinduism, social component of Hinduism, classes, castes, “non-caste” people, ethical prescriptions.

Достаточно часто под социологией религии понимают отрасль социологии, изучающую религию как социальный феномен, а также социальные функции различных религий, их влияние на нравственные ценности и мировоззрение отдельных индивидов и социальных групп. Хотя предмет социологии религии достаточно обширен и многогранен, в его основе лежит “взаимодействие между религией

и обществом, а именно влияние различных форм социального поведения людей на их религиозное поведение и, наоборот, значение религиозности и ее социальные последствия для широких социальных групп и обществ в целом”¹. В данной связи особую актуальность приобретает анализ ведущих религиозных доктрин, но не с точки зрения их вероучения и культа, а с точки зрения тех укорененных в них социальных аспектов, которые находят свое отражение в повседневной жизни религиозных сообществ. Одной из таких доктрин является индуизм.

Термин “индуизм” был введен в XIX в. британскими исследователями, которые вместе с колониальными властями Индии пытались осмысливать чуждую им среду. Этот термин происходит от названия крупнейшей реки в Индии — Инд, и обозначает верований, “которые зародились в Древней Индии и, видоизменившись в некоторых чертах, сохранились до наших дней”².

Следует отметить, что индуистом нельзя стать, им можно только родиться, притом — на территории Индии³. Понятия “индиец” и “индуист” тесно связаны, поскольку корень у слов Индия (территория), “хинди” (язык, этнос) и индуизм (религия) один и тот же — “hindu”. Сами индийцы определяют свою религиозную принадлежность словом “дхарма” (закон, свод правил, долг) и испытывают огромную гордость не только за свою принадлежность к индийской нации, за свою родину — Индию, но и за то, что они — индуисты⁴. Для подавляющего большинства из них быть индийцем значит быть индуистом, а быть индуистом — значит быть индийцем.

Индуизм представляет собой совокупность не только религиозных, но и мифологических, правовых и этических представлений, развивавшихся на полуострове Индостан и территориях, испытывающих с архаичных времен влияние традиционной культуры Индии⁵. Как вероисповедание он не имеет четко зафиксированной единой центральной доктрины и является уникальной политеистической конфессией, сохраняющей при этом примат философии над догматикой и культом⁶.

¹ Гараджа В.И. Социология религии // Социологическая энциклопедия: В 2-х т. М., 2003. Т. 2. С. 549.

² Альбедиль М.Ф. Индуизм // Народы и религии мира: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М., 1998. С. 731.

³ Там же. С. 734.

⁴ См. также: Гусева Н.Р. Индуизм. История формирования. Культовая практика. М., 1977.

⁵ См. подробнее: Барт А. Религия Индии / Предисл. С. Трубецкого. М., 1897.

⁶ Таевский Д. Секты мира. Ростов н/Д.; СПб., 2007. С. 411.

Индуизм представляет собой конгломерат самых разнообразных идей, течений и направлений, которые сосуществуют в пределах единого целостного образования и не входят в радикальное противоречие с основным мировоззренческим ядром⁷. Так, Д. Неру, анализируя историю Индии, писал: “Индуизм расплывчат как вера, многогороден, аморфен и каждый понимает его по-своему”⁸.

В индуизме также не было и нет церковной или какой-либо иной единой централизованной организации ни во всеиндийском, ни даже в местном масштабе. Так, никогда не созывались всеиндийские соборы, вырабатывающие общие установки, правила поведения и т.п.⁹

Кроме того, многовековое сосуществование в индуизме разных религиозных направлений (например, вишнуизма, шактизма, шиваизма), разветвляющихся в свою очередь на отдельные школы, а также свойственная индуизму идея ненасилия, способствовали выработке в нем особого духа религиозной терпимости.

В индуизме, в отличие от христианства, ислама и иудаизма, практически невозможно выделить те основные религиозные принципы, которые разделяют все его последователи. В то же время анализ исторического развития индуизма показывает, что он обладает внутренним единством на социальном, идейном и культовом уровнях. Объединяют индуизм в единое целое священные тексты и пантеон богов, признаваемые практически всеми его течениями и школами¹⁰.

Одним из важнейших источников индуизма стали религиозные представления неарийских народов Индостана.

Религиозная активность, которую сегодня связывают с индуизмом, зародилась в третьем тысячелетии до нашей эры, вprotoиндийских цивилизациях Харappa (середина 3 — первая половина 2 тыс. до н.э.) и Мохенджо-Даро (3–2 тыс. до н.э.), существовавших в русле реки Инд (на территории нынешнего Пакистана). Археологические раскопки доказывают существование там культа бога Шивы, получившего впоследствии имя Разрушителя в обширном сонме индийских богов и богинь. Однако религиозная эволюция в Индии началась лишь в период распространения арийской цивилизации, — с того момента, когда в XVII в. до н.э. арии, пришедшие из Ирана, вторглись в Пенджаб. В течение последующих веков завоевателям удалось захватить весь бассейн реки Инд, а затем долину реки Ганг

⁷ Альбедиль М.Ф. Указ. соч. С. 734.

⁸ Цит. по: Александр А.Д. Танцующие с Богами. Индийская энциклопедия. М., 2011. С. 340.

⁹ Альбедиль М.Ф. Указ. соч. С. 734.

¹⁰ Таевский Д. Указ. соч. С. 411.

и север плоскогорья Декан¹¹. Именно во времена этого так называемого “индоарийского вторжения” были созданы принадлежащие ариям памятники древнеиндийской словесности¹², которые принято объединять под общим названием ведийского канона.

Несмотря на то что тексты, входящие в ведийский канон, разнородны по времени создания, структуре, смысловой направленности и функциям, они рассматриваются как единое целое и считаются авторитетным священным источником.

Первым священным текстом из совокупности индуистских собственно канонических священных (основных) текстов — “шрути” (в буквальном смысле — “услышанное”), а также самыми древними священными писаниями в мире, считаются Веды (XVI в. до н.э.), а также Упанишады.

Веды (в переводе с санскрита означающие “знание”, “мудрость”) уже в первой половине I тысячелетия до н.э. обрели статус высшего религиозного знания. Они состоят из четырех сборников гимнов — “самхит”. Первый и самый древний сборник “Ригведа” содержит 1028 гимнов богам и священных песнопений, второй сборник — “Самаведа” состоит из 505 стихотворных отрывков, служащих сопровождением для различных обрядовых напевов. Третий сборник — “Яджурведа” содержит формулы для различных жертвоприношений, а четвертый — “Атхарведа” — включает в себя заклинания и колдовские заговоры¹³.

Как отмечают ученые, «индуизм стал результатом различных влияний, одним из которых был “ведизм” — индуизм непосредственно унаследовал верования и умозрительные построения Вед. Ведическая религия, религия ритуала и обряда, игнорировала элемент “веры”: “вера” (*шраддха*) воспринималась лишь как верность ритуалу и доверие к его действенности; обрядовая ошибка — высшая вина; нравственный императив — соблюдать принятые установления»¹⁴.

Позднее, начиная с VIII в. до н.э., создавались Упанишады, часто рассматриваемые как заключительная часть Вед и выражающие их истинную суть. Они объединяют свыше 200 текстов (Брихадаранька, Чхандогья, Тайтирия, Айтарея, Каушитаки, Кена, Катха, Ишна, Прашна и т.п.), в которых разрабатываются темы, акцентирующие внимание на различных проблемах познания¹⁵.

¹¹ Арвон А. Буддизм. М., 2005. С. 8.

¹² См.: Бэшем А.Л. Чудо, которым была Индия. М., 2000.

¹³ Арвон А. Указ. соч. С. 8.

¹⁴ Рену Л. Индуизм. М., 2006. С. 35.

¹⁵ Пахомов С.В. Упанишады // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., 2006. С. 1097.

Кроме текстов “шрути” в индуизме имеются дополнительные священные тексты — “смирти” (в буквальном смысле — “запомненное”). Среди текстов “смирти” большую популярность получили эпические произведения — поэмы “Махабхарата” и “Рамаяна”. В состав IV книги “Махабхарата” вошло одно из наиболее значимых священных писаний индуизма — Бхагавадгита (в переводе с санскритского — “Песнь Господа”), репутация которого чрезвычайно высока и сопоставима с авторитетом Упанишад¹⁶.

В VI–IV вв. до н.э., когда индоарийская культура распространилась на значительной территории и вступила в контакт с местными культурами, сложились “принципы” того вероисповедания, которое впоследствии стали отождествлять с индуизмом.

Первым принципом является вера в безликую Вселенную, одновременно космический и нравственный, ритуальный “порядок”¹⁷, в которую, в конце концов, попадут все человеческие души. Вера в то, что индивидуальная душа способна вернуться в глубины вселенской души (“атман”), выражается следующими торжественными словами: “То еси ты”¹⁸.

Для индуизма также характерно представление о цикличности существования Вселенной, проходящей через повторяющиеся этапы творения, сохранения и уничтожения. Важную роль играет концепция временных эпох (юг), следующих друг за другом. В настоящее время человечество, согласно индуизму, живет в неблагоприятный “век тьмы” (кали-юга), в котором торжествует порок и попирается истина¹⁹.

Вторым принципом служит вера в несметные мириады богов, каждый из которых является олицетворением одной сущности.

Так, в Древнеиндийском эпосе существовали восемь верховных богов — “хранителей мира”. Это Сурья — Солнце, Чандра — Луна (божество мужского пола), Ваю — Ветер, Агни — Огонь, Яма, он же Кала, — бог смерти и владыка подземного царства, Варуна — правитель океана, Индра — бог-громовержец, и Кубра — бог богатства.

Со времен Вед (ведичества, ведической религии) в индуизме традиционно разграничивают земных богов, богов “промежуточного пространства” (атмосферы) и небесных богов. Существует и классификация по функциям: боги-правители, боги-воины, боги-

¹⁶ Забияко А.П. Бхагавадгита // Религиоведение. Энциклопедический словарь. С. 172.

¹⁷ Рену Л. Указ. соч. С. 10.

¹⁸ Упанишады: В 3-х кн. / Предисл. и comment. А.Я. Сыркина. М., 1992. Кн. 3. Чхандогья упенишада. С. 109.

¹⁹ См. подробнее: Рыбаков Р. Индуизм — космическая дхарма // Наука и религия. 1997. № 6. С. 2–5.

покровители сельского хозяйства, скота, ремесел и т.п.²⁰ В современном индуизме, как и в ведическую эпоху, пантеон богов является обширным и достаточно хаотичным: каждый мифологический образ фактически не связан с другими, даже в тех случаях, когда между двумя или более божествами устанавливают искусственные связи²¹.

Наиболее примечательной чертой индийской мифологии является триединство верховных богов, Брахмы, Вишну и Шивы, которые могут почитаться отдельно друг от друга. Так, большинство индуистов верит, что во вселенной работают три силы: создание, сохранение и разрушение, которые олицетворяют три главных бога — Браhma, Вишну и Шива. Бог Браhma — Создатель, может быть уведен в новорожденном ребенке или в лучах рассвета нового дня. Бог Вишну, Хранитель, воплощается в человеке средних лет или в полдень, а бог Шива, Разрушитель, — в старческом возрасте или в заходящем солнце²².

Вишну как “хранитель” мира и Шива как его “разрушитель” являются фигурами первого плана; между ними делится огромная масса верующих. При этом для поклонников Вишну, все происходит от Вишну, и даже сам Шива, поскольку первый — верховный бог и основа всего сущего. А для поклонников Шивы — все наоборот, происходит от Великого и Всемогущего Шивы²³. Таким образом, антиномия между Вишну и Шивой, которая часто отмечается в литературе, в области культа является слабой; существуют даже смешанные фигуры, как, например, Харихара — символ единения Вишну и Шивы.

Первый верховный бог — Вишну, который изначально был не очень заметным ведическим божеством, в эпической мифологии стал важнейшим персонажем, благожелательным к людям, хотя черты грозного бога не совсем исчезли. В эпосе складывается следующая мифологическая картина: Вишну изображается с четырьмя лицами и руками (в одной из них диск-чакра, в другой — боевая раковина, в третьей — палица, в четвертой — лотос), ему присущи двенадцать или двадцать четырех различных формы.

Наиболее пространный индийский миф повествует о Кришне, сыне Вишну. Его тайное рождение (еще в чреве матери он подвергается преследованиям своего жестокого дяди, царя Кансы) становится

²⁰ См. об этом: Эканатх Д. Духовные аспекты жизни ведического общества // Время великого синтеза: Религии. Науки. М., 1996.

²¹ Рену Л. Указ. соч. С. 45.

²² См.: Сыркин А. К характеристике индуистского пантеона // Труды Тартуского государственного университета. 1973. Т. II. С. 148–188.

²³ Александр А.Д. Указ. соч. С. 340.

поводом для длинного ряда сюжетных перипетий. Еще в детстве он совершает сверхчеловеческие деяния; юношой он становится божественным “пастухом” и играет на флейте среди влюбленных пастушек, которые водят вокруг него хороводы (в средневековой Индии это излюбленный сюжет кришнаизма, наполовину эротический, наполовину мистический)²⁴.

Второй верховный бог, Шива, также имеет двойственную природу. В качестве разрушителя он отождествляется со смертью, с временем; он — Хара, т.е. “похищающий”, а в своих самых яростных проявлениях — Бхайрава Устрашающий, у него шестьдесят четыре облика. Этот бог чрезвычайно активен, является основным участником войн с демонами, иногда он совершает устрашающие деяния²⁵. В то же время он является источником плодородия, это “благой” бог, как о том свидетельствуют его имена — Шива, Шамбху, Шанкара; он покровительствует физической любви и рождению потомства, его иногда даже изображают обоярским²⁶.

Весьма почетное положение в индуистском пантеоне и народных культурах занимает бог Ганеша, которого обычно изображают в виде плотного человечка с большим шарообразным животом и слоновьей головой; множество приписанных ему атрибутов имеют символическое значение. Он ставит и устраивает препятствия; к нему взывают перед началом любого религиозного, литературного, экономического предприятия; бесчисленно количество его святилищ как на севере, так и на юге, где ему придана особая функция охраны городских ворот. Для культа Ганеши²⁷, как и для культа многих других божеств, характерен эротический элемент²⁸.

На всех уровнях мифологии в Индии присутствуют женские божества. Особое место в них занимают супруги (шакти) верховных богов. Так, Дурга является шакти Шивы, богиня Лакшми, или Шри (Красота, Богатство) представляет собой шакти Вишну; это образцовая супруга и светоносный, благой образ. Древняя речная богиня Сарасвати, которую иногда считают супругой Вишну, покровительствует искусствам, красноречию и наукам; ей приписывается изобретение санскрита. Радха, любимая пастушка Кришны, становится высшим божеством для адептов различных сект, поклоняющихся возлюбленным богам, как, например, для нимбарков. Существует и

²⁴ Рену Л. Указ. соч. С. 50.

²⁵ Там же. С. 53.

²⁶ Там же. С. 52.

²⁷ См. об этом: Глушкова И.П. Ганеша [Культ Ганеши в Китае, Непале, Японии и Индонезии] // Азия и Африка сегодня. 1997. № 7.

²⁸ Рену Л. Указ. соч. С. 46.

сонм малых женских божеств, как правило, устрашающего характера. Это демоны и каннибалы в женском обличье, похищающие детей, насылающие болезни и бедствия²⁹.

На самом деле, как отмечают специалисты, местное население в основной массе поклоняется богам, полубогам, духам и т.д., малоизвестным за пределами Индии, а не классическим Вишну и Шиве³⁰.

В ранг священных существ в индуизме возводятся и животные, прежде всего корова: ей посвящен ритуал, ее образ группирует вокруг себя множество мифов. Корова является символом пищи и очищения; почитание коровы означает проявление закона “ненасилия” (ахимсы), который выражается в отказе убивать что-либо. Затем идет культ змеи, корни которого восходят к фольклору; он принимает разнообразные формы.

Существуют и священные растения, деревья, связанные с культом того или иного божества: лотос, туласи, посвящен Вишну, бильва — растение Шивы. Среди неодушевленных предметов выделяется камень шалаграма — тоже вишиуитский символ. Различные водоемы — от океана, священной реки Гаиги, легендарной Сарасвати, до прудов, или тиртх, почитаемых в местных культурах, — представляют собой конечные точки паломничества. Атрибуты богов — оружие, музыкальные инструменты, различные предметы — также являются объектами отдельного культа³¹.

Над всем миром богов, согласно индийским поверьям, царствует Игивара, или “Господь”; его также часто называют Пурушей (“существом”) или Бхагавантом (“блаженным”)³².

Третий принцип — вера в карму и реинкарнацию, которые увековечены в ведических текстах.

Почти все направления индуизма придерживаются важного индийского представления о карме — причинно-следственной связи между поступками индивида в прошлых воплощениях и его судьбой, характером, положением в обществе в нынешнем воплощении.

Карма — это всемирный закон причин и результатов. Действия человека в этой жизни (чатурварга) — дхарма (безупречное исполнение религиозных предписаний), артха (материальное благополучие), кама (чувственные радости) и мокша (духовное освобождение) — предопределяют его положение в следующей жизни при реинкарнации (возрождении и перевоплощении)³³. Тем самым индуистов объединяют

²⁹ Рену Л. Указ. соч. С. 56.

³⁰ Александр А.Д. Указ. соч. С. 340.

³¹ Рену Л. Указ. соч. С. 59.

³² Там же. С. 60.

³³ Пахомов С.В. Указ. соч. С. 395.

няет вера в определенное поведение, необходимое, чтобы заслужить хорошую карму и, в конечном счете, быть отпущенными в состояние мокши — возвращения к единству с Вселенной³⁴. При этом для того чтобы достичь хорошей кармы, следует неотступно идти по тропе Йоги, такой как Карма Йога³⁵, Бхакти Йога, или Джнана Йога, представляющих собой своеобразную систему поведения³⁶.

Йога предполагает обретение сверхъестественных физических возможностей и достижение мистической власти, которая характеризуется тесным слиянием с трансцендентным. Это сознательная техника, которая направлена на возвышение волевым усилием над низшими проявлениями жизни благодаря управлению деятельностью вегетативной нервной системы³⁷.

Карма, или “действие” является центральным понятием индуистской религии. Это сила, которую невозможно увидеть или услышать; она действует на душу (или на тонкое тело) и заставляет ее возродиться в оболочке человека или животного (в зависимости от результатов предшествующего существования)³⁸.

Каждое действие, каждое намерение приносят плод не только в ближайшее время, но и содержат возможность будущих реализаций, обеспечивая положительные или отрицательные последствия, что, в конечном счете, и составляет судьбу человека.

Закону кармы подвластны все живые существа, в том числе и боги; она действует неотвратимо: действие преследует человека, безошибочно находит его. В каком-то смысле так и есть: карма — это результат прошлых поступков; в то же время в некоторой степени будущее зависит от “человеческого усилия”, которое многие писатели противопоставляют слепой судьбе.

Карма есть в одно и то же время и предопределение, и свобода. Теория кармы, которая в той же мере объясняет повороты судьбы, что и устанавливает ее законы, глубоко проникла в сознание индулов, став основой национального менталитета. У многих индулов она породила желание отказаться от любого действия, дабы избежать его последствий; отсюда этика “неделания”, которая существует наряду с активной позицией и стремлением к деятельности.

Необходимое дополнение к теории кармы составляет сансара — учение о бесконечном переселении душ. Согласно народным

³⁴ Lind M.A. Hinduism, fundamental // Encyclopedia of Fundamentalism / Ed. by B.E. Brasher. N.Y.; L., 2001. P. 224.

³⁵ Вивекананда С. Карма Йога. Рига, б.г.

³⁶ Lind M.A. Op. cit. P. 223.

³⁷ См. подробнее: Успенский П. Искание новой жизни: что такое йога. СПб., 1913; Элиаде М. Йога: свобода и бессмертие. Киев, 2000.

³⁸ Рену Л. Указ. соч. С. 61.

верованиям, жизнь в настоящем — это лишь одно среди бесконечной череды существований, которые отпущены человеку, подверженому закону кармы; это лишь одна “волна в реке сансары”, т.е. “всеобщей лестницы существ”. Обычно сансару сравнивают с колесом, которое вертится без остановки, с качелями, с идущими друг за другом волнами. Механизм прост: душа возвращается на землю с “остатком” кармы, который и определяет форму, в которой возродится это живое существо.

При этом существуют формальные соответствия между совершенным преступком и его последствиями. Иногда это соответствие выступает в форме простого символа, игры слов: укравший масло в следующей жизни будет молью (так как моль называлась “той, кто пьет масло”), в то время как более удачливый мошенник, укравший драгоценности, родится ювелиром³⁹.

В систематических изложениях теории сансары имеется следующая схема: душа возвратится в человеческое тело после того, как перевоплотится множество раз, точнее, 84 лакши ($= 84 \times 100\,000$ раз). Двадцать лакш душа воплотится в образе растения, девять лакш — в образе водного животного, одиннадцать — насекомого, десять — птицы, тридцать — домашнего скота, четыре — обезьяны. Кроме того, $2 \times 100\,000$ раз душа обретет человеческую оболочку, причем пройдет долгий путь от низшего состояния к более завидному уделу. Только тогда душа достигнет освобождения от сансары⁴⁰.

Высшая цель индуистской религии, рядом с которой кажутся не столь значительными и преимущества земной жизни, и даже райские утехи, — это достижение освобождения. С его помощью человек, практически потерявший свою индивидуальность в космологической перспективе, в бесконечном ряду поступков и их следствий, обретает значимость в качестве духовного существа.

Одним из путей к освобождению является “путь действия”: ритуала, строгого соблюдения правил, паломничества, молитв.

Краеугольным камнем как вероучения, так и социальной составляющей доктрины индуизма являются понятия сословий и каст. В общепринятом смысле этими понятиями обозначают обособленные группы, члены которых имеют общее профессиональное занятие, не вступают в браки с членами других групп, и даже не делят с ними трапезы.

Иерархия сословий, а затем и каст, которая существует в индуизме, основана на наиболее известном из ведической литературы произведении — Ригведе, которое объясняет происхождение че-

³⁹ Рену Л. Указ. соч. С. 72.

⁴⁰ Там же. С. 72.

тырех первоначальных “классов” из частей тела первоначального космического человека — Пуруши, выступивших основой кастовой системы и ставших неотделимой частью индуизма.

Первоначально в Индии существовало строгое разделение на сословия — “варны”. Варна означала мистическую символику, соответствующую занятию. Изначально их было всего три. Первая варна — жрецы (брахманы), вторая — воины (кшатрии), третья — простые скотоводы и земледельцы, вайши. Дополнительная, четвертая варна “шудр”, слуг, была создана позднее⁴¹.

Очевидно, что из четырех больших социальных общностей только одно первое сословие, брахманов, имело непосредственное отношение к религии. Брахманы, чем бы они ни занимались, были носителями священной власти: “Даже рождение брахмана есть вечное воплощение Закона” (Ману). Их долг формулируется так: “обучать Ведам”; их образ жизни заключается в том, чтобы совершать жертвоприношения ради других, т.е. исполнять обязанности жреца и получать дары.

Второе сословие, кшатрии, состояло из воинов, которые должны были “совершать жертвоприношения, изучать Веды, приносить дары”. Царь, идеальный кшатрий, является эманацией божества, “богом в образе человека”, как говорит Ману, и большие царские церемонии даже в постведической Индии имели характер религиозных праздников; это единственные следы древнего торжественного культа, посвященного верховным божествам.

Представители третьего сословия, вайши, которые в принципе должны были заниматься скотоводством, земледелием, торговлей, имели те же религиозные обязанности, что и кшатрии, хотя, несомненно, в меньшем объеме.

Представители четвертого сословия, шудры, должны были служить трем первым варнам. Внешне они были исключены из религии, но древние тексты признают за ними определенные права, и некоторые секты неоднократно пытались вновь интегрировать их в индуистскую религиозную систему⁴².

Позже в Индии появилось множество каст и соответствующих статусов, связанных не с религиозной, а с профессиональной деятельностью, и даже люди физического труда, низкого положения разделились на “рыбаков” (в Индии рыба является запретной, “нечистой” пищей), “носильщиков”, “уборщиков”, “скорняков” и др.⁴³

⁴¹ Александер А.Д. Указ. соч. С. 354.

⁴² Рену Л. Указ. соч. С. 107.

⁴³ Александер А.Д. Указ. соч. С. 354–355.

Как полагают исследователи, на формирование сословий и каст повлияли и региональные различия в Индии. Исторически сложилось так, что в Южной Индии, брахманов не так много, чего нельзя сказать о кшатриях и вайшья. Вайшья — крестьяне, ремесленники и торговцы — основное население Индии. Общественные отношения складывались так, что сейчас большинство тамилов занимают посты государственных чиновников, уроженцы Пенджаба — военные и земледельцы. Гуджаратцы — торговцы, а их соседи, раджастханские марвари — ростовщики (некоторые стали промышленниками). Среди джайнов много крупных финансистов и дельцов ювелирного бизнеса (их предки служили казначеями при Великих Моголах)⁴⁴.

Кастовую принадлежность узнавали по одежде и аксессуарам, длине и способе драпировки ткани, закрывающей тело. Например, зонт или опахало — принадлежности представителей правящего класса. Женщины высоких каст драпировали сари от пяти метров — в северных регионах Индии, от девяти метров — на юге, полностью закрывающие ноги. Им полагалось носить определенный тип украшений и пользоваться особыми ароматическими средствами и маслами. Женщины низших каст драпировали более короткие и менее дорогие сари (из хлопка, а не шелка), их способ драпировки оставлял открытыми ноги ниже колен, им соответствовал свой тип украшений и материалов.

Современные касты в Индии теоретически наследуют традиции четырех древних варн, но роль в распределении по этим кастам играет не столько религиозный принцип, сколько профессия человека, условия его жизни, даже его этническая принадлежность. Так, Дж. Неру считал, что вследствие многовековой практики каст, профессиональные таланты записаны на генетическом уровне индийцев.

До сих пор в Индии существует четыре “варны” (сословия), которые, в свою очередь, делятся на многочисленные вспомогательные, профессиональные и прочие “джати” — касты. Таким образом, существует еще не меньше 2000 дополнительных каст, которые совершенно изолированы друг от друга. Все они имеют собственные предписания, обрядность и нормы поведения, вплоть до того, во что одеваться и как готовить пищу. Вид жилых домов, посуды для еды также входит в этот список.

Как отмечают специалисты, переход из одного сословия (варны) в другое невозможен даже при фантастически благоприятных условиях, т.е. таковых просто нет. Межкастовое смешение “варна

⁴⁴ Александер А.Д. Указ. соч. С. 354.

шанкара” явление довольно редкое, в Индии оно порицаемо, но существует: возможно из одной ремесленной касты перебраться в другую, но это не касается основных каст. Также практически невозможно выдать себя за члена другой касты, хотя в Индии нет системы внутренних паспортов, а многие вообще не имеют никаких удостоверений личности. Основная информация о рождении и происхождении, недоступная для посторонних, хранится у семейных или храмовых жрецов, они же являются свидетелями браков и смертей. Даже если долго изучать чужие правила, остается в тени слишком много неуловимых нюансов, которые стали привычкой. Их впитывают буквально с рождения⁴⁵.

Жизнь кастового индуиста регулируется набором предписаний, освященных религией. Изгнание из касты означает для него переход в состояние изгоя — “внекастового”. “Внекастовые” также известны под названием “неприкасаемые” — далиты⁴⁶.

Если по каким-либо причинам человек теряет свою касту, он лишается поддержки своей общины и окружения, ему сложно найти работу и жить, он может покинуть старое место жительства и просить о принятии его в более низкую касту, но никогда не сможет адаптироваться в ней и стать своим. Ему придется всему учиться заново.

Постепенно в Индии появилась категория людей, находящихся вне касты, их не принимала ни одна из высших каст и даже шудры могли от них отказаться. Эти люди были исключенными из своих каст, их детьми или детьми от смешанных браков, и даже иностранцами из дальних стран. Иногда они создавали свои кланы с внутренними законами, жили ремеслами, охотой, искусством или присоединялись к народам лесов и гор, собирали целебные травы, дикий мед, ловили змей и изготавливали снадобья⁴⁷. Теряя охотничьи угодья и земли, подходящие для жизни, люди племен и малых народностей приходили в деревни служить прислугой и сезонными работниками. Им приходилось постепенно приспосабливаться к новым условиям существования, терять прежние навыки и входить в число персонала, обслуживающего высшие касты, т.е. пополнять ряды низших каст⁴⁸.

К неопределенной группе относились и общины людей трансвеститов, называемые “хиджра”. До сих пор их можно встретить в некоторых районах Мумбая, Дели, Лакхнау⁴⁹.

⁴⁵ Пахомов С.В. Указ. соч. С. 394–395.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Александр А.Д. Указ. соч. С. 354–355.

⁴⁸ Там же. С. 355.

⁴⁹ Там же.

Таким образом, в Индии сословия и касты (варна, джати) — это феномены чрезвычайно широкого порядка, выходящие за пределы сугубо религиозных проблем. С древних времен в Индии касты представляют собой очень сложную систему взаимоотношений между людьми. И хотя в настоящее время касты официально отменены, а “неприкасаемых” принято называть “угнетенными”, на бытовом уровне кастовое деление общества сохраняется. Так, индуистом является только тот человек, который родился в одной из каст, а большинство браков учитывает не только гороскопы, но и касту новобрачных⁵⁰.

Ведический культ был основан на жертвоприношении. Торжественный дар божеству, жертвоприношение представляло собой более или менее длительную церемонию, кульминацией которой были приношения огню. Цель состояла в том, чтобы войти в контакт с высшим миром и заручиться поддержкой богов для получения всяческих выгод, как коллективных, так и индивидуальных.

Существовали обязательные календарные жертвоприношения, в принципе не содержащие упоминаний о том, в честь какого бога совершается обряд. Но жертвоприношения (по крайней мере, та или иная их часть) легко могли сопровождаться обращениями к божествам. Молитва была частью обряда жертвоприношения, она выражалась в “формулах”, изречениях, сопровождавших действия жреца и самостоятельного значения не имела⁵¹.

Приношения богам, чаще всего представлявшие собой продукты сельского хозяйства и скотоводства — зерна риса, другие злаки, молоко, топленое масло, куски козлятины, — частично сжигались, частично употреблялись в пищу жрецами и светским “жертвователем”, который нуждался в помощи богов и в пользу которого совершалось жертвоприношение. Другим приношением, использовавшимся при наиболее важных церемониях, служил растительный напиток “сома” с возбуждающим, пьянящим действием, который обладал таинственными свойствами и готовился довольно сложным способом.

Огромную роль в жертвоприношении играл огонь, процесс разжигания и поддержания которого тоже представлял собой особыю церемонию. Для обряда обычно требовалось три священных огня, расположенных вокруг неглубокой ямы, которая играла роль “алтаря”⁵².

⁵⁰ Пахомов С.В. Указ. соч. С. 394–395.

⁵¹ Рену Л. Указ. соч. С. 15.

⁵² Там же. С. 16.

Специальные обряды, в которых легко обнаруживается огромное количество народных черт, сопровождали смену времен года, которые обычно проходили в три этапа (был и четвертый дополнительный). Существовал также обряд первых плодов, масса обрядов в честь конкретных божеств, искупительные жертвоприношения, которые проходили по схеме жертвоприношений лунного цикла⁵³.

В основе культовой практики современного индуизма лежит храмовая пуджа — поклонение, совершающееся от двух до пяти раз в день. В ходе пуджи жрец (пуджари) поклоняется духу божества, находящемуся в антропоморфном скульптурном изображении, поднося ему плоды, воду, благовония, раскачивая перед ним свечильником и т.п.

При этом храмом в индуизме может считаться как бедное деревенское святилище с грубо выполненными статуями богов, так и знаменитые храмовые комплексы, занимающие обширное пространство, с монументальными дверьми, многочисленными постройками, внутренними дворами, огромными залами, прудами для омовений. Иногда в качестве храмов упоминаются монастыри, школы, больницы и даже небольшие “мирские” постройки. При этом выбор места для строительства “храмов” определялся с помощью астрологии и гадания⁵⁴.

Религиозная жизнь индуистов не концентрируется исключительно в рамках храмов. Так, основание городов и деревень, посадка деревьев, рытье прудов часто становились поводом для проведения церемоний религиозного типа, с жертвоприношениями и очистительными обрядами. Очень почитались верующими водоемы, берега рек, легкодоступные благодаря пологим лестницам. Самым священным водоемом является “мать Ганга” — спустившаяся на землю небесная река Ганга, священная река Индии. Однако любой водоем почитается и является субSTITУТОМ Ганги, т.е. Гангой. Активная религиозная жизнь также проходит на широких каменных террасах, расположенных на разных уровнях вдоль изгибающегося берега реки семи священных городов — Бенареса, Хардвара, Уджайна, Матхуры, Айодхьи, Дварки и Кандживерама⁵⁵.

В индуистских храмах не проводятся коллективные церемонии, тем более в одно и то же время. Весь культ состоит из поклонений и определенных жертвоприношений. Присутствие верующих (если

⁵³ Рену Л. Указ. соч. С. 18.

⁵⁴ См.: Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / Под общ. ред. М.Ф. Альбединь, А.М. Дубянского. М., 1996.

⁵⁵ См. подробнее: Руднев В. По историческим и культовым местам Индии. Л., 1980.

оно не заключается в участии в пудже) имеет целью медитацию, слушание священного учения, участие в песнопениях и рецитациях — многократном повторении молитв-заклинаний.

Статуям божеств приносят дары, чаще всего цветы, благовония, фрукты; часть получает жрец и раздает ее верующим, чтобы те прнесли своим близким немного освященной еды. На специальном алтаре приносятся дары духам предков. Достаточно распространенными видами жертвоприношения являются специальные листья туласи и ашоки (у вишнуитов) и бильвы (у шиваитов) и травы (куш), вода Ганга⁵⁶.

В классических текстах упоминаются и человеческие жертвоприношения, которые рассматриваются учеными как обычай диких племен, который мог проникнуть в некоторые индуистские секты. Тем не менее, реальным человеческим жертвоприношением является долго находившийся в почете обычай сати (официально он был запрещен более века назад). Этот обряд “добровольного” самосожжения вдовы, которая бросалась в погребальный костер своего супруга; эту жуткую церемонию иногда описывают как бракосочетание, а несчастная жертва возводится в ранг местной святой; существуют памятные стелы⁵⁷.

Так, в научной литературе получил отражение случай самосожжения, который произошел в индийском штате Раджастан 4 октября 1987 г. в деревне Деорала около Джайпура. Тогда красивая женщина, не достигшая даже 18 лет, взошла на погребальный костер вслед за своим 24-летним мужем, умершим от гастроэнтероколита. Место расположения этого погребального костра стало святыней, привлекавшей в течение последующего года тысячи верующих. Паломники прибывали пешком, на телегах, запряженных верблюдами, на переполненных частных автобусах, в которых люди вывешивались из окон и ехали даже на крышах. На месте погребального пепелища появилось более 800 придорожных кабин, продававших подарки, закуски, игрушки, кокосовые орехи и ладан, наряду с коллажами фотографий улыбающихся в огне супругов⁵⁸.

Объяснение обряда сати ученые находят в патриархальной традиции, заимствованной у касты кшатриев. В рамках этой традиции сати является гарантией того, что жены погибших индуистских воинов не будут обесчещены вторгающимися ариями⁵⁹.

⁵⁶ Рену Л. Указ. соч. С. 87.

⁵⁷ Там же. С. 88.

⁵⁸ Ruthven M. Fundamentalism. The search for meaning. N.Y., 2005. P. 95.

⁵⁹ Hawley J. Hinduism: Sati and its defenders // Fundamentalism and Gender / Ed. by J.S. Hawley. Oxford, 1994. P. 96.

В индуистском каноне предписано ежедневно совершать “пять великих жертвоприношений” — обрядов:

- 1) принести дар из собранной пищи “всем богам” или жертвоприношение огню, которое следует совершить до полдневной еды;
- 2) сделать жертвоприношение воздуху, посвященное “существам”;
- 3) совершить возлияние воды, смешанной с кунжутом, в честь духов предков;
- 4) провести обряд гостеприимства, особенно по отношению к аскетам;
- 5) осуществить рецитацию (многократное повторение) отрывка из Веды⁶⁰.

В настоящее время эти церемонии упростились или вовсе исчезли из современной жизни индусов. Но другие все еще остаются в силе, как, например, поклонение богам-покровителям, которые ежедневно получают дары от домочадцев. Так, в современном индуизме присутствует совокупность ритуалов, которые называют частными или “домашними”, но которые не являются ведическими⁶¹. Они совершаются главой семьи вокруг домашнего очага, как правило, без участия жрецов. Это краткие ежедневные приношения риса и ячменя определенным божествам; некоторые дары не кидают в огонь, а раскладывают на земле или подбрасывают в воздух⁶².

В индуизме практикуются и ежемесячные, сезонные, искупительные обряды, ритуалы, обращенные к конкретному божеству, приношения змею, обряды гостеприимства, земледельческие праздники и т.д.⁶³ К этой категории принадлежат и разного рода “тайны”, освящавшие жизнь индуза со времени его рождения (и даже раньше) вплоть до смерти и перехода в иной мир. Очистительные обряды в домашнем ритуале занимают гораздо большее место, чем в торжественном культе. Эти обряды остались практически неизменными на всем протяжении существования индийской религиозной традиции⁶⁴.

Неотъемлемыми составляющими и одновременно отличительными особенностями культовой практики индуизма являются магия и мантра (молитва).

Магические ритуалы с ведической эпохи всегда существовали за пределами обычного культа, а магией занимались не только брахма-

⁶⁰ Рену Л. Указ. соч. С. 99.

⁶¹ См. подробнее: Гусева Н. Религиозная обрядность в жизни индусской семьи // Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973. С. 50–69.

⁶² См. об этом: Кудрявский Д.Н. Исследования в области древнеиндийских домашних обрядов. Юрьев, 1904.

⁶³ Рену Л. Указ. соч. С. 19.

⁶⁴ Там же. С. 19.

ны, но и обычные смертные. Магию также практиковали, согласно эпической традиции, боги и демоны, воздушные духи и святые; царь считался чудотворцем, наделенным огромным магическим даром. Для магических ритуалов использовалось большое количество предметов и веществ, которые классифицировались в зависимости от того, имеют ли они волшебную силу или нет, является эта сила благотворной или пагубной.

Сегодня магические обряды мало изменились и их даже изучают в школе, только древние формулы были заменены другими, а многие ритуальные предписания, как, например, те, что касаются имени, объясняются магическими представлениями. В качестве средств для магических обрядов широко используются мандалы — круги, начерченные на земле, в границах которых человек может безопасно для себя призывать или изгонять невидимые силы, значительную роль играют различные амулеты⁶⁵.

В магическом духе осуществляется и молитва, сила которой заключена не столько в содержании, сколько в форме мантры (“сакральной формулы”), а точнее, в том, как мантра произносится — в духовной концентрации, которая сопровождает ее произнесение, и во внешних условиях, которые ее вызвали. Это могут быть формулы при вступлении в sectu, формулы искупления, проклятия или клятвы и др.⁶⁶

Мантра представляет собой серию долгих литаний, состоящих из отдельных слов или фраз, повторяющихся в неизменном виде много, порой много тысяч, раз. Бесчисленное повторение, рецитация, мантр помогает достичь тех же целей, которых в древности добивались с помощью магии или жертвоприношения. Манtry могут произноситься вслух, шепотом или про себя, причем их ценность соответственно возрастает в геометрической прогрессии.

В целом обрядовая сторона индуизма пронизывает всю жизнь верующего. Так, в древних правоведческих текстах, Дхармашастрах, выделяется до 40 домашних обрядов, связанных с наиболее значимыми событиями жизни человека: благополучным вынашиванием плода в материнском лоне, рождением (особенно приветствуется рождение мальчиков), посвящением, браком и похоронами⁶⁷.

Многочисленные праздники в индуизме строго следуют календарю, однако установить число индуистских праздничных ритуалов невозможно — свои праздники есть в каждой семье, роде, касте, местности, у каждого народа, живущего в Индии.

⁶⁵ Рену Л. Указ. соч. С. 96.

⁶⁶ Там же. С. 81.

⁶⁷ См. подробнее: Альбедиль М.Ф. Указ. соч.; Пахомов С.В. Указ. соч.

Самый значительный из них — это Дурга-пуджа или “бенгальское Рождество”, длится десять дней и проходит в октябре–ноябре, отчасти — в пространстве храма, отчасти у домашнего очага, и сопровождается процессиями. Дипавали (Дивали) — “вереницу светочей” празднуют, расставляя светильники и в священных, и в мирских местах; во время его празднования происходят народные гулянья и карнавал с присущими ему разгулом. Шиваратри, или День Шивы, отмечается каждый лунный месяц, но особенно торжественным является маха-шиваратри в январе–феврале. Отмечают также Рождество Кришны, Рождество Рамы⁶⁸. Этим праздникам иногда предшествуют дни поста, причем праздничные веселья часто теряют религиозный характер, что, например, присуще Холи, — празднику в честь бога любви и весны.

Таким образом, сущность индуизма не исчерпывается его религиозно-идеологическим содержанием. Органической неотъемлемой его частью является целый ряд социальных институтов, правовых норм, общественных установлений и культурных феноменов. На все это разнообразие накладывается сложная иерархическая структура и многочисленные локальные особенности, поскольку приверженцы индуизма относятся к разным социальным слоям и живут в разных географических регионах. Подобный синтез социальной организации, ритуально-магической деятельности, теологических воззрений, мифологических символов и философских систем развивался не одно тысячелетие в разнообразных естественно-исторических условиях, складываясь в сложный комплекс, состоящий из множества взаимопроникающих слоев.

Индуизм пронизывает все сферы жизни своего приверженца — мировоззренческую, социальную, юридическую, поведенческую. В этом смысле он является не только и не столько религией, сколько образом жизни и целостным комплексом поведения, в котором может быть и своя духовная практика⁶⁹.

Если общественные и религиозные обязанности человека различались в зависимости от его кастовой принадлежности, то этические предписания (в той мере, в какой они проистекают из этих обязанностей) распределялись точно так же: не существовало единой всеобщей дхармы, но были дхармы “касты и положения”⁷⁰.

Наряду с этим существовали и общие моральные нормы. Так, в индуизме нет четкого представления об аде, зато рай определяется как мир “богоугодных дел”; туда попадают “дорогой богов”; он распо-

⁶⁸ Рену Л. Указ. соч. С. 91.

⁶⁹ Альбедиль М.Ф. Указ. соч. С. 733–734.

⁷⁰ Рену Л. Указ. соч. С. 108.

ложен на третьем небе и состоит из вполне материальных радостей. Древнее понятие риты, космического порядка, стало синонимом “правды”, тогда как слово анрита, его противоположность, стало означать “обман”⁷¹.

Начиная с эпических поэм в индуизме широкое распространение получили идеи о том, что нужно стремиться к добродетели даже тогда, когда это противоречит личной выгоде. По отношению к другим, даже к животным, добродетель выступает в качестве “ненасилия” (ахимсы), которое позволяет человеку, который исповедует это учение, избежать закона кармы и череды новых, не совсем приятных с точки зрения обличья рождений⁷².

В общих рамках индуизма проповедуются и ценности, требующие определенного героизма: страдать за других и даже спасать врагов. Например, героем брахманизма становится царь Випашчит, который, спустившись в преисподнюю и увидев, что его присутствие облегчает муки осужденных, решил остаться с ними в аду. В этом отношении Махабхарата является кодексом добродетелей воина; в Рамаяне же и в придворной поэзии создан идеал главы семьи и правителя⁷³.

С конца ведической эпохи установились правила совершения искупительных обрядов, существовавших вне основного ритуала. Обряды искупления состояли в особых жертвоприношениях (иногда вносились изменения в обычные жертвоприношения), а также рецитациях и омовениях; так человек пытался избежать последствий ошибки, греха, несчастного случая. Правила совершения искупительных обрядов детализировались, появлялись новые явления подобного рода: аскеза, пост, различные способы умерщвления плоти⁷⁴. Постепенно стали преобладать искупительные дары, богоугодные дела, создание религиозных учреждений; наконец, в этой области, как и в других, установилась система замещения искупления. Эти процессы завершились тем, что для каждого греха теперь был предусмотрен особый путь искупления. Даже грехи, которые, казалось бы, нельзя искупить, могли быть уменьшены; практиковалось искупление за другого, искупление намерения согрешить, и т.д.

Религиозные искупительные практики иногда сталкивались с официальной системой наказаний, либо совмещаясь с ней, либо

⁷¹ Рену Л. Указ. соч. С. 109.

⁷² См. подробнее: Паевская Е. Литература древней Индии // Литература древнего Востока. М., 1972. С. 173–198; Рабинович И.С. Сорок веков индийской литературы. Очерк истории. М., 1969.

⁷³ Рену Л. Указ. соч. С. 153.

⁷⁴ Там же. С. 94.

заменяя ее. Решение о необходимости искупления выносилось “трибуналом в миниатюре”, во главе которого стоял чиновник — “каратель” (в особо серьезных случаях он наблюдал за исполнением решения суда). Помимо сугубо религиозных проступков, серьезных (“тех, что влекут за собой падение всей касты”) или простительных, искупления требовали грехи против этики, неправильное социальное поведение и даже некоторые естественные неудачи, случаи невольной ошибки.

Если в древности зло заключалось в ошибке, то для классического индуизма зло — это в первую очередь “нечистота”: нечистые периоды, действия и предметы составляют длинные списки и являются объектом казуистики. Дело в том, что любые, даже самые незначительные действия могут иметь религиозные последствия: например, процесс еды, манера ее вкушать — это действия, имеющие отношение к религии. Понятие “нечистоты”, как известно, находится в основе (по крайней мере, теоретически) кастового деления⁷⁵.

В настоящее время несмотря на заметное упрощение ритуала (храмового и личного) и культовой практики в городской повседневной жизни, на изменение роли и статуса брахманского сословия, на разрушение некоторых традиционных ценностей религиозной жизни, индуизм сохраняет прочные позиции. По числу последователей, которых на конец XX в. насчитывалось более 800 млн человек⁷⁶, он остается одной из самых крупных религий мира.

Однако в силу фактического отсутствия в нем прозелитизма, он имеет мало влияния, за пределами Индии индуизм распространен только в кругах эмигрантов, выходцев из Индии⁷⁷. Подавляющая часть индуистов сосредоточена в Индии, где они образуют четыре пятых населения страны. Индуисты также живут в других странах Южной Азии — Непале, Бутане, Бангладеш, Шри-Ланке, Пакистане. Они также есть в Индонезии, Малайзии, Мьянме, Сингапуре, а также в США, Канаде и Великобритании⁷⁸.

Как отмечают исследователи, индуизм не заинтересован в миссионерстве и мировом распространении среди неиндийцев. Его исповедуют более 800 млн человек, он невероятно миролюбив, но “закрыт для посторонних”. Так, большинство индуистских святынь и древних храмов остаются недоступны для посещений иностранными туристами, исследователями и прочими, не говоря уже о

⁷⁵ Рену Л. Указ. соч. С. 95.

⁷⁶ Пахомов С.В. Указ. соч. С. 394–395.

⁷⁷ См.: Краснодембский В. Индуизм. Т. I. М.–Л., 1957. С. 263–281.

⁷⁸ См. подробнее: Леман Э. Индузы // Соссей П.Ш., де ла. Иллюстрированная история религий. Т. I. СПб., 1913, С. 8–124.

так называемых «экслюзивных видео и фотосъемках каких-либо “тайных ритуалов”. Никаких скрытых камер и любителей приключений не допустит специальная охрана, простые местные жители и внимательные жрецы. И никаких эзотерических “тайных посвящений” и учеников великих гуру, проповедующих за деньги индийские истины на широких просторах Европы и Запада⁷⁹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александер А.Д. Танцующие с Богами. Индийская энциклопедия. М., 2011.
- Альбедиль М.Ф. Индуизм // Народы и религии мира: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М., 1998.
- Арвон А. Буддизм. М., 2005.
- Барт А. Религия Индии / Предисл. С. Трубецкого. М., 1897.
- Бэшем А.Л. Чудо, которым была Индия. М., 2000.
- Вивекананда С. Карма Йога. Рига, б.г.
- Гараджа В.И. Социология религии // Социологическая энциклопедия: В 2-х т. М., 2003. Т. 2.
- Глушкова И.П. Ганеша [Культ Ганеши в Китае, Непале, Японии и Индонезии] // Азия и Африка сегодня. 1997. № 7.
- Голованов А.Э. Неоиндуизм и его влияние на молодежь Запада и России // Восток. 1996. № 5.
- Гринцер П. Древнеиндийский эпос: генезис и типология. М., 1974.
- Гусева Н.Р. Индуизм. История формирования. Культивая практика. М., 1977.
- Забияко А.П. Бхагавадгита // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., 2006.
- Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / Под общ. ред. М.Ф. Альбедиль, А.М. Дубянского. М., 1996.
- Краснодембский В. Индуизм. Т. I. М.-Л., 1957.
- Кудрявский Д.Н. Исследования в области древнеиндийских домашних обрядов. Юрьев, 1904.
- Леман Э. Индузы // Соссей П.Ш., де ла. Иллюстрированная история религий. Т. I. СПб., 1913. С. 8–124.
- Мифы древней Индии: литературное изложение В.Г. Эрмана и Э.Н. Темкина. М., 1975.
- Мюллер М. Шесть систем индийской философии. М., 1901.
- Паевская Е. Литература древней Индии // Литература древнего Востока. М., 1972. С. 173–198.
- Пахомов С.В. Упанишады // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., 2006.
- Рабинович И.С. Сорок веков индийской литературы. Очерк истории. М., 1969.
- Рамачарака [У. Аткисон]. Пути достижения индийских йогов. СПб., 1913.
- Рену Л. Индуизм. М., 2006.
- Руднев В. По историческим и культовым местам Индии. Л., 1980.
- Рыбаков Р. Индуизм — космическая дхарма // Наука и религия. 1997. № 6. С. 2–5.
- Серебряков И. Очерки древнеиндийской литературы. М., 1971.
- Сыркин А. К характеристике индуистского пантеона // Труды Тартуского государственного университета. 1973. Т. II. С. 148–188.
- Таевский Д. Секты мира. Ростов н/Д., СПб., 2007.

⁷⁹ Александер А.Д. Указ. соч. С. 340.

Упанишады: В 3-х кн. / Предисл. и comment. А.Я. Сыркина. М., 1992. Кн. 3. Чхандогья упенишада.

Трубецкой Н. Религии Индии и христианство // На путях. Утверждение евразийцев. Прага, 1922.

Успенский П. Искание новой жизни: что такое йога. СПб., 1913.

Элиаде М. Йога: свобода и бессмертие. Киев, 2000.

Эканатх Д. Духовные аспекты жизни ведического общества // Время великого синтеза: Религии. Науки. М., 1996.

REFERENCES

Al'bedil' M.F. Induizm [Hinduism] // Narody i religii mira: Enciklopediya / Gl. red. V.A. Tishkov. M., 1998 (in Russian).

Aleksander A.D. Tancuyushchie s Bogami. Indijskaya enciklopediya [Dancing with the Gods. Indian encyclopedia]. M., 2011 (in Russian).

Arvon A. Buddizm [Buddhism]. M., 2005 (in Russian).

Bart A. Religiya Indii [Religion of India] / Ppredisl. S. Trubeckogo. M., 1897 (in Russian).

Beshem A.L. Chudo, kotorym byla Indiya [The miracle that India was]. M., 2000 (in Russian).

Ekanath D. Duhovnye aspekty zhizni vedicheskogo obshchestva [Spiritual aspects of the life of the Vedic society] // Vremya velikogo sinteza: Religii. Nauki. M., 1996 (in Russian).

Eliade M. Joga: svoboda i bessmertie [Yoga: freedom and immortality]. Kiev, 2000 (in Russian).

Garadzha V.I. Sociologiya religii [Sociology of religion] // Sociologicheskaya enciklopediya: V 2-h t. M., 2003. T. 2 (in Russian).

Glushkova I.P. Ganesha [Kul't Ganeshi v Kitae, Nepale, Yaponii i Indonezii] [Ganesha [Cult of Ganesha in China, Nepal, Japan and Indonesia]] // Aziya i Afrika segodnya. 1997. N 7 (in Russian).

Golovanov A.E. Neoinduizm i ego vliyanie na molodezh' Zapada i Rossii [Neo-Hinduism and its influence on the youth of the West and Russia] // Vostok. 1996. N 5 (in Russian).

Grincer P. Drevneindijskij epos: genezis i tipologiya [Ancient Indian epic: genesis and typology]. M., 1974 (in Russian).

Guseva N.R. Induizm. Istorya formirovaniya. Kul'tovaya praktika [Hinduism. History of formation. Cult practice]. M., 1977 (in Russian).

Hawley J. Hinduism: Sati and its defenders // Fundamentalism and Gender / Ed. by J.S. Hawley. Oxford, 1994.

Induizm. Dzhajnizm. Sikkhizm: Slovar' [Hinduism. Jainism. Sikhism: Dictionary] / Pod obshch. red. M.F. Al'bedil', A.M. Dubyanskogo. M., 1996 (in Russian).

Krasnodembskij V. Induizm [Hinduism]. T. I. M.-L., 1957 (in Russian).

Kudryavskij D.N. Issledovaniya v oblasti drevneindijskikh domashnih obryadov [Research in the field of ancient Indian domestic rituals]. Yur'ev, 1904 (in Russian).

Leman E. Indusy [Indians] // Sossej P.Sh., de la. Illyustriovannaya istoriya religij. T. I. SPb., 1913. S. 8–124 (in Russian).

Lind M.A. Hinduism, fundamental // Encyclopedia of Fundamentalism / Ed. by B.E. Brasher. N.Y.; L., 2001.

Mify drevnej Indii: literaturnoe izlozhenie V.G. Ermana i E.N. Temkina [The myths of ancient India: the literary presentation of V.G. Erman and E.N. Temkin]. M., 1975 (in Russian).

Myuller M. Shest' sistem indijskoj filosofii [Six systems of Indian philosophy]. M., 1901 (in Russian).

Paevskaya E. Literatura drevnej Indii [Literature of ancient India] // Literatura drevnego Vostoka. M., 1972. S. 173–198 (in Russian).

Pahomov S.V. Upanishady [Upanishads] // Religiovedenie. Enciklopedicheskij slovar'. M., 2006 (in Russian).

Rabinovich I.S. Sorok vekov indijskoj literatury. Ocherk istorii [Forty centuries of Indian literature. History sketch]. M., 1969 (in Russian).

Ramacharaka [U. Atkison]. Puti dostizheniya indijskikh jogov [Ways of attaining Indian yogis]. SPb., 1913 (in Russian).

Renu L. Induizm [Hinduism]. M., 2006 (in Russian).

Rudnev V. Po istoricheskim i kul'tovym mestam Indii [On the historical and cult places of India]. L., 1980 (in Russian).

Ruthven M. Fundamentalism. The search for meaning. N.Y., 2005.

Rybakov R. Induizm — kosmicheskaya dharma [Hinduism — Cosmic Dharma] // Nauka i religiya. 1997. N 6. S. 2–5 (in Russian).

Serebryakov I. Ocherki drevneindijskoj literatury [Essays on ancient Indian literature]. M., 1971 (in Russian).

Syrkin A. K harakteristike induistskogo panteona [On the characterization of the Hindu pantheon] // Trudy Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. 1973. T. II. S. 148–188 (in Russian).

Taevskij D. Sekty mira [The sects of the world]. Rostov n/D.; SPb., 2007 (in Russian).

Trubeckoj N. Religii Indii i hristianstvo [Religions of India and Christianity] // Na putyah. Utverzhdenie evrazij-cev. Praga, 1922 (in Russian).

Upanishady [Upanishads]: V 3-h kn. / Predisl. i comment. A.Ya. Syrkina. M., 1992. Kn. 3. Chkhandoj'ya upenishada (in Russian).

Uspenskij P. Iskanie novoj zhizni: chto takoe joga [The search for a new life: what is yoga]. SPb., 1913 (in Russian).

Vivekananda S. Karma Joga [Karma yoga]. Riga, b.g. (in Russian).

Zabiyako A.P. Bhagavadgita [Bhagavad Gita] // Religiovedenie. Enciklopedicheskij slovar'. M., 2006 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-1-156-172

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ: КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Т.Н. Грудина, канд. социол. наук, ст. преп., социологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматриваются актуальные проблемы развития государственно-конфессиональных отношений в современной России, а также проведен анализ отдельных исторических этапов, непосредственно определивших основные направления во взаимодействии между институтами церкви и государства. Автором выделены ключевые направления взаимоотношений церкви и государства в условиях современности; отмечены трудности на пути распространения религиозного мировоззрения. В статье обозначены вызовы и угрозы, возникающие в условиях функционирования государственно-конфессиональных отношений, а также рассмотрены положительные и отрицательные аспекты воздействия религиозных организаций на различные сферы жизни общества. На основании эмпирических данных показано, как приверженцы различных религиозных доктрин воспринимают деятельность религиозных организаций в рамках сотрудничества с государством. Проанализировано влияние религиозных ценностей и установок на функционирование моральных норм в обществе. Обозначены новые перспективы и пути развития во взаимодействиях различных общественных институтов и религиозных организаций в условиях современного социально-политического пространства. Сквозь призму теории секуляризации и концепт “постсекулярного” мира рассмотрены возможные перспективы построения религиозно-конфессиональных отношений в российском обществе. В результате были выявлены общие задачи, направленные на преобразование социальной жизни общества, которые решаются совместно на государственно-церковном уровне в нашей стране.

Ключевые слова: религия, общество, государственно-конфессиональные отношения, современная Россия, государственно-церковные отношения, религиозные организации, теория секуляризации, религиозное мировоззрение, церковь и государство.

* Грудина Татьяна Николаевна, e-mail: tngrudina@gmail.com

STATE-CONFESSİONAL RELATİONS İN RUSSIA: TRENDS AND PROSPECTS

Grudina Tatyana N., PhD in Sociology, Assistant Professor, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: tngrudina@gmail.com

The article deals with current problems of the development of state-confessional relations in modern Russia, as well as analyzes individual historical stages that directly determined the main directions in the interaction between the institutions of the Church and the state. The author highlights the key areas of relations between the Church and the state in modern conditions, and notes the difficulties in spreading the religious worldview. The article identifies the challenges and threats that arise in the conditions of functioning of state-confessional relations, as well as considers the positive and negative aspects of the impact of religious organizations on various spheres of society. Based on empirical data, it is shown how adherents of various religious doctrines perceive the activities of religious organizations in the framework of cooperation with the state. The influence of religious values and attitudes on the functioning of moral norms in society is analyzed. New prospects and ways of development in the interaction of various public institutions and religious organizations in the modern socio-political space are outlined. As a result, we identified common tasks directed towards transforming the social life of society, which are being solved jointly at the state-Church level in our country.

Key words: religion, society, state-confessional relations, modern Russia, state-Church relations, religious organizations, theory of secularization, religious worldview, Church and state.

Современное общество развивается достаточно динамично, и постоянно появляются новые вызовы и угрозы в различных сферах, в том числе и религиозной. Существует мнение, что на основании того места, которое занимает в жизни общества религия, можно судить о его зрелости и духовном здоровье. В этой связи изучение религии как особого социального явления актуализируется, "объективная потребность в социологическом знании о религии усилилась, поскольку существенно изменилось ее положение в государстве и обществе. Религиозный фактор приобрел весомое значение не только в духовной, но и в социальной сфере. В России религиозная составляющая жизни населения ныне представлена в таких ракурсах, которые прежде были либо неведомы отечественным исследователям, либо относились на счет зарубежья. Возникло явное несоответствие между нарастающим многоаспектным вхождением религии в публичное пространство и наличным уровнем социологи-

ческого осмыслиения этого процесса”¹. Таким образом, современное общество на уровне социокультурного и политического пространства постоянно сталкивается с новыми формами и тенденциями в проявлении религиозности. “Пересмотр западного политического и ценностного проекта сместил фокус дискуссий о соотношении устойчивого и подвижного, традиционного и современного в религиозную призму. Возникающие новые конфигурации в публичной и приватной сферах маркируют трансформацию традиционных взаимоотношений религии, общества и государства, соответствовавших модерну и парадигме секуляризации”². Вместе с тем в условиях функционирования государственно-конфессиональных отношений, постоянно возникают определенные вызовы, которые “в условиях глобальных рисков религиозного терроризма, увеличения влияния религиозной и конфессиональной идентичности имеют определенную остроту и значимость как в рамках цивилизационного уровня, так и на уровне локальном, личностно-индивидуального”³.

Религия, как значимый институт любого общества “демонстрирует многообразие форм возвращения в публичное пространство, включая изменение статуса религиозных лидеров как субъектов общественного и политического диалога. Переплетение религиозных смыслов на личностно-индивидуальном, цивилизационно-культурном, глобальном и политическом уровнях стимулируют теоретические и идеологические дискуссии”⁴. В некотором смысле религия является сердцевиной культуры и в общественном развитии «одной из наиболее значимых тенденций, формирующих политические пространства и коллективные идентичности современного мира, стало “возрождение” религиозных — иногда в сочетании с национально-этническими — компонентов, их перемещение в самый центр национальной и международной политической деятельности, в самый центр конституции коллективных идентичностей… что способствовало масштабному переустройству религиозных компонентов всех культурных и институциональных формаций»⁵.

Каким образом происходит трансляция религиозных ценностей норм в современном обществе? Как общество реагирует на взаимо-

¹ Энциклопедический словарь социологии религии / Под общ. ред. М.Ю. Смирнова. СПб., 2017. С. 8.

² Мчедлова М.М. Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 110.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Эйзенштадт Ш. Новые религиозные конstellации в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство, Религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 1 (30). С. 33–56.

действие с религиозными институтами и организациями? Каковы возможные пути адаптации и интеграции со стороны общества и государственных структур с мировоззрением различных религиозных доктрин? Велика ли их значимость и воздействие на различные сферы жизни общества? Ответы на данные вопросы мы попытались представить в нашем исследовании.

С социологической точки зрения в современном обществе наблюдается процесс возрождения религии. В новых условиях религия становится тем стержнем общественной жизни, благодаря которому личность обретает идентичность, национальную культуру, противостоит внешним и внутренним деструктивным влияниям и воздействиям. Именно традиционные религии, имеющие крепкие исторические корни, несут в себе потенциал укрепления в обществе согласия и единства, нацеленность на созидание и конструктивный,уважительный межкультурный диалог как на государственном уровне, так и в рамках группового межличностного общения. Религиозность — это социологический факт, требующий в современных условиях глубокого изучения и корректной интерпретации в научном и общественном пространстве. Даный процесс затрагивает не просто отдельных граждан и их убеждения и установки, а скорее является культурной матрицей общества, находящегося в состоянии аномии, перехода от жесткой секуляризации к новому этапу, когда религия вновь обретает свою ценность и актуальность вопреки ожиданиям ее близкой и неминуемой смерти. Такая новая эпоха религиозного мышления и поведения исследователями называется постсекулярной, что подразумевает утрату жестких секулярных позиций и начал, доминирующих в общественной и культурной жизни социума. Современные исследователи отталкиваются от тезиса о том, что в настоящее время сложились «две ключевые концепции развития западного мира, в которых важную роль играет религия: теория секуляризации и концепт “постсекулярного” мира»⁶. Рассматривая смысловой контекст “постсекулярного общества”, исследователи приходят к выводу «о росте религии не только в современном западном обществе, но и в мировом масштабе. Для этой религиозности характерна непривязанность к религиозным институтам, каждый индивид создает свой “персональный религиозный конструктор”»⁷.

Происходящая как на мировой арене, так и в российском обществе трансформация религиозно-конфессиональных отношений может быть более детально рассмотрена с точки зрения социологии

⁶ Андреева Л.А., Андреева Л.К. Секулярный или постсекулярный мир? Верификация концепций // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 82.

⁷ Там же. С. 85.

ских результатов проводимых исследований как в настоящем, так и в прошлом социологическом опыте. Обратимся к некоторым из них.

В отношении мнения населения нашей страны по вопросу распространения религиозного мировоззрения, некоторыми исследователями отмечаются как положительные, так и отрицательные реакции. “Согласно мнению 37% россиян, препятствий для распространения религиозного мировоззрения быть не должно, а мировоззренческий выбор — личное дело каждого, причем представители всех групп солидарны в ответе на данный вопрос. Лишь у атеистов поддержка названной точки зрения в полтора раза ниже. Вместе с тем четверть россиян считает недопустимой проповедь религии за пределами ее традиционного распространения. Наибольший процент сторонников данного подхода имеет мусульманская группа (28%), лишь немного от нее отстает православная (25%), тогда как самый низкий показатель наблюдается среди внеконфессионально-религиозных лиц (19%)”⁸.

В качестве положительных аспектов деятельности религиозных организаций отмечается их воздействие на различные сферы жизни общества. “Среди сфер общественной жизни, в которых деятельность религиозных организаций могла быть наиболее позитивной, респонденты мусульманской и православной групп на первое место поставили духовно-нравственное воспитание людей (45 и 41% соответственно), на втором месте — милосердие и благотворительность (30%), на третьем — сохранение культурного наследия (23%). Разрешение межнациональных разногласий, нейтрализация агрессивных настроений и пропаганда насилия, смягчение жестких форм социального протesta, культурное творчество в обеих группах в пределах 10–20%”⁹. Позитивно воспринимают деятельность религиозных организаций в рамках сотрудничества с государством как приверженцы православия, так и ислама. Исследовали отмечают здесь совпадения в шкале приоритетов. А также указывают на интересную закономерность в предпочтениях атеистов: “...на первое место они поставили милосердие и благотворительность (15%), на второе — сохранение культурного наследия (11%), на третье — духовно-нравственное воспитание (10%), затем следуют возможности религиозных организаций в нейтрализации агрессивных настроений и пропаганда, смягчение жестких форм социального протesta, разрешение межнациональных разногласий, культурное творчество. На самом последнем месте — возможность позитивного воздействия на политическую жизнь. <...> Несмотря на высокие показатели

⁸Мчедлова М.М. Указ. соч. С. 111

⁹ Там же.

поддержки крайних форм светской организации общества и нежелание видеть религию и религиозные организации в политической сфере, большинство отмечает позитивную роль их деятельности в самых разнообразных сферах, поддерживает их активную роль вне церковной ограды”¹⁰.

Что касается отрицательных отзывов в адрес деятельности религиозных организаций, респонденты, как отмечают исследователи, не всегда четко артикулируют свою позицию. “Если взглянуть более пристально, то около половины россиян затруднились ответить на вопрос о негативной роли религиозных организаций в общественной жизни, причем самый высокий процент имеют здесь православные респонденты — 54%, а наименьший — верующие вне конфессий — 39%. Такая доля затруднившихся может свидетельствовать о современной неустойчивости и туманности понимания взаимоотношений общества, государства и религиозных организаций. Одновременно, точка зрения об отрицательной роли религиозных организаций в жизни общества и государства (за отмеченным исключением, касающимся религиозного экстремизма) носит фиксируемо периферийный характер во всех религиозно-мировоззренческих группах. Исключение составляет опасность религиозного экстремизма, на которую указало 29% мусульман, 22% православных, 24% атеистов, 33% неконфессиональноверующих. Данный вопрос, конечно, более чем дискуссионен, но он маркирует время поиска новых форм сопряжения религиозного и светского, переоценку социальной значимости религии”¹¹.

В настоящее время теме государственно-конфессиональных взаимоотношений уделяется большое внимание, как в средствах массовой информации, так и среди ученых¹². Относительно вопроса о том, каким образом происходит взаимодействие институтов церкви и государства, существует мнение, что четверть века назад наше общество вступило в новый формат этих отношений. Данная проблематика, по мнению экспертов, является весьма спорной и дискуссионной, поскольку мнение населения, как показывают результаты социологических исследований, отражает как позитивное,

¹⁰ Мчедлова М.М. Указ. соч. А также подробнее см.: Церковь и общество: вместе или порознь // Официальный сайт ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2861. 2015.23.06. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115295> (дата обращения: 03.09.2020).

¹¹ Мчедлова М.М. Указ. соч. С. 113–114.

¹² См. об этом: Мчедлова М.М. Религиозная идентичность в современных социально-политических процессах в России и Европе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-identichnost-v-sovremennyh-sotsialno-politicheskikh-protsessah-v-rossii-i-evrope> (дата обращения: 07.10.2020).

так и негативное отношение к подобному роду взаимодействий между церковью и государством. Также высказывались опасения относительно срашивания этих основополагающих для жизни общества институтов. Здесь стоит обратить внимание на мнение академика Д.С. Лихачева, который в одном из своих интервью определил (с опорой на опыт дореволюционного периода истории) вектор возможных церковно-государственных взаимоотношений: “Гарантия авторитета церкви — отдельность ее от государства. Церковь и государство переплелись, и все вины государства падали на церковь. Эта формула погубила тогдашнее православие или, во всяком случае, подрубила его. Церковь должна быть отделена от государства... подчиненная государству церковь утратила свою духовную свободу, свободу совести... А христианство — это не идеология, буржуазная или социалистическая. Это мировоззрение плюс этические нормы поведения в быту, в жизни... было бы несчастьем для христианства — воссоединение церкви и государства. Наоборот, церковь должна быть полностью отделена от государства для того, чтобы она могла свободно развиваться и быть религией в полном смысле этого слова”¹³.

Влиянию религиозных ценностей и установок на функционирование моральных норм в обществе по-прежнему уделяется повышенное исследовательское внимание. Единые нравственные ценности, как видится, позволяют устанавливать и поддерживать диалог между представителями различных конфессий и религиозных групп, несмотря на многообразие существующих в обществе проблем, конфликтов и противоречий. Надо подчеркнуть, что таким способом, по мнению экспертов, появляется возможность предотвратить глобальные войны, различные проблемы, связанные с ускоренным темпом развития техники и внедрения ее во все сферы жизнедеятельности общества. Нравственный консенсус является основой при выстраивании и государственно-конфессиональных отношений как в прошлом, так и в обозримом будущем. Историческим примером здесь может послужить модель церковно-государственных отношений, возникшая на Руси, и которую описывают с помощью понятия “симфония”¹⁴. Такая модель становится возможной, когда лучшие представители, как церкви, так и государства направляют

¹³ Предварительные итоги тысячелетнего опыта. Беседа с академиком Д.С. Лихачевым // Огонек. 1988. № 10. С. 9.

¹⁴ См. об этом: Мигунова Т.Л., Романовская Л.Р. “Симфония властей” как принцип взаимоотношений между церковью и государством // Вестник ННГУ. 2013. № 3–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simfoniya-vlastey-kak-printsip-vzaimootnosheniyemezhdu-tserkovyyu-i-gosudarstvom> (дата обращения: 07.10.2020).

все свои конструктивные усилия на выстраивание подобного рода церковно-государственных отношений. В нашей стране характер этих отношений светский. Здесь стоит отметить, что церковь и государство — это разные институции, имеющие разные задачи и разные методы. “Церковь является таковой тогда только, когда она отделена от государства, но не от общества, потому что общество и составляет Церковь. Тогда Церковь сможет с нравственных, духовных позиций давать оценку того, что происходит вокруг нас, иногда не разделяя позиции государства”¹⁵.

Однако что касается благополучия любого общества, оно, как видится, возможно, за счет опоры на духовные ценности, моральные нормы, нравственные идеалы¹⁶. Разрушение общественной морали, которая во многом основывается на религиозных постулатах, ведет к деградации общества. В подобного рода условиях сложно, например, остановить рост преступности, межнациональных столкновений, поскольку свободному от нравственных норм и моральных постулатов человеку, неограниченному ничем в своих устремлениях, сложно остановиться на пути совершения преступления. Потому вопрос морали остается фундаментальным в социологическом обозрении, в том числе с позиций различных религиозных доктрин. Эмпирические данные показывают, что “в российском обществе во взгляде на проблему сохранения моральных норм перевес имеет уверенность в их неизменности вне зависимости от любых обстоятельств. Этому привержены 60% наших сограждан вне зависимости от религиозно-мировоззренческой ориентации. Однако вопрос об устойчивости морально-нравственных норм и их приспособляемости к условиям современного мира является отражением разнонаправленных социальных векторов: 40% россиян настаивают на необходимости изменения традиционных морально-нравственных установлений. Независимость от религиозно-мировоззренческих предпочтений показывает, что в данном контексте линия разлома проходит не по границе религиозное/светское, вера/неверие, православные/мусульмане, а по столкновению традиционное/современное, отражая восприятие россиянами сущности и цели трансформационных преобразований. В поисках ответа на вопрос о возможной моральной цене жизненного успеха российское общество разделилось практически пополам, отражая готовность шагнуть по “ту сторону

¹⁵ Карпифаве А. Святейший Патриарх Алексей II. Беседы о Церкви в мире. М., 2013. С. 149.

¹⁶ См. об этом: Каариайнен К., Фурман Д. Религия и политика в массовом русском сознании (цит. по: Старые церкви, новые верующие. Религия в массовом сознании постсоветской России. М.–СПб., 2000).

добра и зла”, что ставит вопрос о ценностной аномии”¹⁷. Такая неоднозначная позиция позволяет, с одной стороны, “констатировать, что морально-нравственные нормы становятся необязательными для исполнения, а с другой — о наличии потенциала у религиозных традиций и, следовательно, у религиозных организаций, по воссозданию нормативной регуляции и возвращению ценностей как жизненных ориентиров”¹⁸. Вместе с тем на уровне взаимодействия различных общественных институтов и религиозных организаций возникают новые перспективы и пути развития. “Новые конфигурации взаимоотношений религии, общества и государства отражают переформатирование всего социально-политического пространства, стимулируя более широкое общение относительно вариантов социального развития, соотношения партикуляризма и универсальности. Неопределенность и вызовы современности преломляются в многочисленных религиозных рефrenaх: от экстремистской угрозы до социальной значимости, от пересмотра границ принципа светскости, возникающих точках пересечения религиозного и светского до общественно одобряемых ценностно-нравственных горизонтов. Религиозные и конфессиональные параметры идентичности в онтологической, институциональной и цивилизационной проекциях интерпретируются как поиск смыслов и путей создания новых социальных структур. В российском контексте многоаспектность преломления религиозных интенций в социальных, политических и ценностных параметрах не только актуализирует научный поиск, но и ставит вопрос совершенствования механизмов и практик государственно-конфессиональных отношений”¹⁹. Таким образом, исследователи приходят к выводу, что “можно зафиксировать разведение в общественном сознании россиян роли Церкви как социально-политического института, с которым связаны достаточно большие общественные ожидания в обеспечении целостности общества и государства, и противоречивой оценкой активной роли религиозных лидеров как определяющих векторы социального и политического поведения”²⁰.

В этой связи, возникает вопрос о дальнейших путях развития России в современных условиях в рамках государственно-конфессиональных отношений и с учетом религиозно-политического формата. “Цивилизационный статус России, варианты поддержания цивилизационных приоритетов, приверженности собственной

¹⁷ Мчедлова М.М. Религиозная идентичность... С. 115.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 117.

²⁰ Там же. С. 118.

концепции бытия и глубинным ценностным структурам являются еще одним вызовом современности. Данный посыл проявляется в стабильном выборе всеми религиозно-мировоззренческими группами ценностной позиции “Россия как особая цивилизация” из пары суждений — “Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны” и “Россия — особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни”. Особой цивилизацией, несовместимой с западным образом жизни, Россию считают три четверти опрошенных и лишь четверть поддерживает идею о том, что наша страна при выборе стратегии развития должна следовать правилам западного мира. Следует подчеркнуть, что за последние 10 лет две трети россиян выбирают понимание России как особой цивилизации. И если среди православных значения стабильны (77%), то мусульмане продемонстрировали рост выбора данного утверждения за последний год — с 67 до 73%. Это свидетельствует: исходным пунктом социальной консолидации в такой многонациональной и многоконфессиональной стране, как Россия, выступают осознание единства культурного поля, выявление общих ценностных регуляторов, что снижает риски конфликтов с религиозной окрашенностью и использования различных религиозных традиций в целях политической и социальной дестабилизации”²¹. Вместе с тем, “любые сравнительные исследования, охватывающие представителей разных традиций, сталкиваются с серьезными трудностями”²².

Противоречия и трудности в развитии общества отмечаются и представителями различных конфессий: “Негативные процессы жизни российского общества в значительной мере влияют на уровень социальной напряженности. Подавляющее большинство наших граждан (90%) указало на наличие в современном российском обществе серьезных противоречий. При этом противоречия между православными и мусульманами находятся на периферии общественного восприятия противоречий и не превышают 5% во всех религиозных группах, и в целом у россиян, что представляется воспринятым опытом противодействия новым вызовам и угрозам”. Наряду с этим, как уже было упомянуто выше, “принадлежность к традиционным для России конфессиям повышает патриотические настроения россиян: суждение о том, что Родина у человека одна и нехорошо ее покидать, поддерживают по 58% православных и мусульман, 51% атеистов и 43% верующих всех конфессий, космопо-

²¹ Мчедлова М.М. Религиозная идентичность...

²² Бабич Н.С., Хоменко В.И. Концептуальные основы построения одномерной шкалы религиозности // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 65.

литические настроения, наоборот, доминируют в группе внеконфессиональных верующих — 57%, среди атеистов поддерживают такие настроения 48%”²³. Любовь к Родине, патриотизм — это свойства национального характера, благодаря которым, как писал Питирим Сорокин, русская нация смогла отстоять свою независимость и свободу, а также другие значимые ценности, защитить себя.

Продолжавшийся достаточно длительное время период вытеснения религии из общественного пространства (атеистическое устроение общества) породил многое противоречий, которые и ныне имеют определенные отголоски. После долгого пути притеснения религиозного проявления в нашей стране в условиях современности продолжаются складываться совершенно новые, уважительные отношения между государством и церковью, их взаимосвязь друг с другом²⁴. Возникают общие задачи, направленные на преобразование жизни общества, которые решаются совместно. К таким отношениям относятся нравственное здоровье общества, духовное состояние нации, мир и согласие в обществе, социальные вопросы, преодоление бедности, внимание к социально незащищенным слоям населения (дети, пожилые люди, инвалиды и пр.), а также восстановления архитектурных памятников, сохранения культурных ценностей, экологические проблемы, проблемы загрязнения окружающей среды, проблемы здравоохранения, профилактики алкоголизма, наркомании и пр. Расширяется процесс взаимодействия государственно-церковных отношений в области образования и воспитания подрастающего поколения, молодежной политики.

Что касается проявления религиозной идентичности россиян, то необходимо отметить некоторые особенности с точки зрения ее социологического измерения и дальнейшей интерпретации. Рассмотрению социологической концептуализации понятия “религиозной идентичности”, а также “религиозности” отводится весьма широкий круг публикаций²⁵. По мнению ученых, для измерения феномена религиозности социология религии накопила достаточно большое количество подходов, среди которых основную часть составляет методологическая литература по проблемам операционализации

²³Мчедлова М.М. Религиозная идентичность... С. 116–117.

²⁴ См. об этом: Широкалова Г.С. Свобода совести как политический инструмент в дискуссиях 1980-х гг. // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 89–96.

²⁵ См. об этом: Бабич Н.С., Хоменко В.И. Концептуальные основы построения одномерной шкалы религиозности // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 65–71; Прудкова Е.В., Маркин К.В. Типология православных россиян: проблема конструирования обобщенного показателя религиозности // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 95–105; Рыжова С.В. Особенности изучения религиозной идентичности россиян // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 118–127.

указанного понятия²⁶. Исследователи делают акцент на том, каковы мотивы религиозной идентичности и субъективный смысл религиозного мировоззрения населения, выделяются индикаторы религиозности и религиозной самоидентификации. Социологический анализ включает в себя личностный, групповой, социальный уровни через призму взаимодействия религиозного и общественного сознания, в ходе него изучаются и выявляются степень религиозности, количественные ее характеристики. Вместе с тем среди экспертов существует мнение, что “в социологии пока не разработан инструментарий для адекватного отражения степени религиозности населения, готовности человека подчинить свою жизнь требованиям его веры”²⁷. В назывном порядке граждане России в своем большинстве готовы отнести себя к той или иной конфессии. Тогда как практиковать, применять в своем повседневном образе жизни основные принципы той или иной религиозной доктрины у многих получается крайне редко. Нормы веры как нормы жизни отнюдь не массовое явление.

Таким образом, «современные исследования религиозности сосредоточены, главным образом, на выявлении доли верующих, практикующих, заявленной вероисповедной самоидентификации (“православные”, “мусульмане”, “буддисты” и др.), определении факторов религиозной социализации, оценке взаимоотношений государства и религиозных организаций. Эти показатели, как правило, носят описательный характер, на их основе исследователь причисляет респондентов к той или иной категории. Ключевым методологическим вопросом является вопрос — можно ли считать человека религиозным на основе самоидентификации, т.е. на основе его ответов: является ли он верующим, верит ли в Бога и/или иные сверхъестественные силы и сущности, к какой религии себя относит»²⁸. По мнению экспертов в области социологии религии, “сегодня российскими социологами единодушно отмечается, что современная массовая религиозность, сформировавшаяся в период постсоветского развития страны, имеет черты культурной идентичности, она формируется как духовная консолидация вокруг культурно-ценностной матрицы, которая на протяжении жизни многих

²⁶ См. об этом: Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М., 2005; OrthodoxMonitor. URL: <http://socrel.pstgu.ru/RU/orthodoxmonitor> (дата обращения: 15.09.2020); EuropeanValuesStudy. URL: <http://www.europeanvaluesstudy.eu/> (accessed: 15.09.2020).

²⁷ Аринин Е.И., Петросян Д.И. Особенности религиозности студентов // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 71.

²⁸ Рыжова С.В. Указ. соч. С. 118.

поколений обеспечивала социально-культурную устойчивость и выживаемость общества”²⁹.

В условиях трансформации современного российского общества на рубеже веков произошло кардинальное изменение во взаимоотношениях между светскими и религиозными институтами в пользу налаживания и установления равноправного взаимодействия. Религиозные лидеры и религиозные организации начинают совместную деятельность во взаимоотношениях с государством и обществом. Так, в России примером такого рода сотрудничества послужили разработанные и принятые нормативные документы: “Основы социальной концепции Русской Православной Церкви”, “Основные положения социальной программы российских мусульман”, “Социальные позиции протестантских церквей в России” и пр.³⁰ Отмечается исследователями, что понимание новых для церкви реалий «звучит в выступлениях клириков, в церковных документах. Согласно “Основам учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека” ответственность христианина перед обществом понимается как “служение ближнему”, вдумчивое распоряжение избирательными правами, сохранение общественного единства на основе общих нравственных ценностей»³¹.

В продолжение темы религиозности отметим, что более углубленным изучением религиозных политических ориентаций может послужить анализ этноконфессиональной идентичности³², поскольку “этническая солидарность и религиозность обнаруживают особую значимость культурного фактора в процессах общественной и политической консолидации страны. Религия становится одним из маркеров этнической идентичности, фактором политики и процессов формирования гражданского общества”³³. Здесь могут возникнуть новые практики и модели государственно-конфессиональных отношений, как в позитивном, так и в негативном ключе, поскольку “с одной стороны, политизация этноконфессионального пространства представляет собой угрозу общественной консолидации, с другой — религиозные убеждения имеют право на существование наравне

²⁹Мчедлова М.М. Роль религии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 77.

³⁰ Антонова О.И., Костина Н.Б. Роль религиозных общин в реализации социальной политики // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 89–96.

³¹См. об этом: Мчедлова М.М. Роль религии...

³²См. об этом: Рыжова С.В. Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 136–144.

³³Там же. С. 136.

со светскими. Согласование секулярных (светских) и религиозных ценностей является одной из основ гражданской солидарности”³⁴. В связи с этим в условиях усиления влияния религии на государство актуальность приобретает социологическое изучение процессов этнической солидарности, а также того, каким образом формируются религиозные политические ориентации и установки, транслируются и закрепляются как значимые модели поведения среди различных этноконфессиональных групп. “В настоящий момент мало изучены установки (ориентации) населения, обусловленные этноконфессиональной идентичностью, отражающие характер складывающихся государственно-конфессиональных отношений и предпочтительную меру участия религиозных организаций, убеждений и ценностей в гражданском обществе”³⁵.

Следует добавить, что в контексте противоречий и социальных, политических, националистических, этнических конфликтов, существующих в обществе, проблемы, относящиеся к вовлечению церкви в социальную проблематику современного мира и к роли различных религий в организации жизни людей, приобретают особую важность и требуют пристального социологического изучения и осмысления.

Подводя итог рассмотрению актуальных практик государственно-конфессиональных отношений в России, следует отметить, что данная тема остается популярной в современных исследованиях и требует более внимательного, качественного изучения. По мнению экспертов в области социологии религии, в обществе происходит повышение “значимости религиозного фактора и религиозных идентичностей, инкорпорирование религиозных смыслов в различные сферы общества, которые пересекаются с потребностями обеспечения социальной консолидации на основе учета российского цивилизационного опыта”³⁶. Возможно, что вопросы “соотношения светского и религиозного в координатах значимости признаков демократии, ценностные и нравственные представления о роли религии в жизни человека и общества”³⁷ сформируют актуальную повестку дня в современном российском обществе и научном социологическом пространстве.

³⁴ Рыжова С.В. Этноконфессиональная идентичность... Также см. об этом: Хабермас Ю. Дополитические основы демократического правового государства? // Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М., 2006.

³⁵ Рыжова С.В. Этноконфессиональная идентичность... С. 137.

³⁶ Мчедлова М.М. Религия, общество, государство... С. 111.

³⁷ Там же. С. 117.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Л.А., Андреева Л.К. Секулярный или постсекулярный мир? Верификация концепций // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 82–88.
- Антонова О.И., Костина Н.Б. Роль религиозных общностей в реализации социальной политики // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 89–96.
- Аринин Е.И., Петросян Д.И. Особенности религиозности студентов // Социологические исследования. 2016. № 6.
- Бабич Н.С., Хоменко В.И. Концептуальные основы построения одномерной шкалы религиозности // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 65–71.
- Карпифаве А. Святейший Патриарх Алексей II. Беседы о Церкви в мире. М., 2014.
- Мерзляков И.Л. Государственно-конфессиональные отношения в современном российском политическом процессе. Дисс. ... канд. пол. наук. М., 2008.
- Мигунова Т.Л., Романовская Л.Р. “Симфония властей” как принцип взаимоотношений между церковью и государством // Вестник ННГУ. 2013. № 3–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simfoniya-vlastey-kak-printsip-vzaimootnosheniyemezhdu-tserkovyu-i-gosudarstvom> (дата обращения: 03.10.2020).
- Мчедлова М.М. Религиозная идентичность в современных социально-политических процессах в России и Европе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-identichnost-v-sovremennyh-sotsialno-politicheskikh-protsessah-v-rossii-i-evrope> (дата обращения: 07.10.2020).
- Мчедлова М.М. Роль религии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 77–84.
- Мчедлова М.М. Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 110–118.
- Прудкова Е.В., Маркин К.В. Типология православных россиян: проблема конструирования обобщенного показателя религиозности // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 95–105.
- Рыжова С.В. Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 136–144.
- Рыжова С.В. Особенности изучения религиозной идентичности россиян // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 118–127.
- Старые церкви, новые верующие. Религия в массовом сознании постсоветской России. М.–СПб.; 2000.
- Хабермас Ю. Дополитические основы демократического правового государства? // Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М., 2006.
- Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М., 2005.
- Широкалова Г.С. Свобода совести как политический инструмент в дискуссиях 1980-х гг. // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 89–96.
- Эйзенштадт Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство, Религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 1 (30). С. 33–56.

REFERENCES

- Andreeva L.A., Andreeva L.K. Sekuljarnyj ili postsekuljarnyj mir? Verifikacija koncepcij [Secular or Post-Secular World? Verification of concepts] // Sociologicheskie issledovaniya. 2015. N 3. S. 82–88 (in Russian).*
- Antonova O.I., Kostina N.B. Rol' religioznyh obshhnostej v realizacii social'noj politiki [The role of religious communities in the implementation of social policy] // Sociologicheskie issledovaniya. 2009. N 9. S. 89–96 (in Russian).*
- Arinin E.I., Petrosjan D.I. Osobennosti religioznosti studentov [Features of students' religiosity] // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. N 6 (in Russian).*
- Babich N.S., Homenko V.I. Konceptual'nye osnovy postroenija odnomernoj shkaly religioznosti [Conceptual foundations for constructing a one-dimensional scale of religiosity] // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. N 6. S. 65–71 (in Russian).*
- Chesnokova V.F. Tesnym putem: Process vocerkovlenija naselenija Rossii v konce XX veka [In a close way: the process of churhing the population of Russia at the end of the 20th century]. M., 2005 (in Russian).*
- Habermas Ju. Dopoliticheskie osnovy demokraticeskogo pravovogo gosudarstva? [Pre-political foundations of a democratic rule of law?] // Dialektika sekuljarizacii. O razume i religii. M., 2006 (in Russian).*
- Jejzenshtadt Sh. Novye religioznye konstelljacii v strukturah sovremennoj globalizacii i civilizacionnaja transformacija [New religious constellations in the structures of modern globalization and civilizational transformation] // Gosudarstvo, Religija, Cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2012. N 1 (30). S. 33–56 (in Russian).*
- Karpifave A. Svjatejshij Patriarh Aleksej II. Besedy o Cerkvi v mire [His Holiness Patriarch Alexei II. Conversations about the Church in the world]. M., 2014 (in Russian).*
- Mchedlova M.M. Religioznaja identichnost' v sovremennyh social'no-politicheskikh processah v Rossii i Evrope [Religious identity in modern socio-political processes in Russia and Europe] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki. 2009. N 3. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-identichnost-v-sovremennyh-sotsialno-politicheskikh-protressah-v-rossii-i-evrope](https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-identichnost-v-sovremennyh-sotsialno-politicheskikh-protsessah-v-rossii-i-evrope) (data obrashhenija: 07.10.2020) (in Russian).*
- Mchedlova M.M. Rol' religii v sovremennom obshhestve [The role of religion in modern society] // Sociologicheskie issledovaniya. 2009. N 12. S. 77–84 (in Russian).*
- Mchedlova M.M. Religija, obshhestvo, gosudarstvo: vyzovy i ugrozy sovremennosti [Religion, Society, State: Challenges and Threats of the Present] // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. N 10. S. 110–118 (in Russian).*
- Merzljakov I.L. Gosudarstvenno-konfessional'nye otnoshenija v sovremennom rossijskom politicheskem processe [State-confessional relations in the modern Russian political process]. Diss. ... kand. pol. nauk. M., 2008 (in Russian).*
- Migunova T.L., Romanovskaja L.R. "Simfonija vlastej" kak princip vzaimootnoshenij mezhdu cerkov'ju i gosudarstvom ["Symphony of Powers" as a Principle of Relations between Church and State] // Vestnik NNGU. 2013. N 3–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simfoniya-vlastey-kak-printsip-vzaimootnoshenijmezhdu-tserkovyu-igosudarstvom> (data obrashhenija: 03.10.2020) (in Russian).*
- Pruckova E.V., Markin K.V. Tipologija pravoslavnnyh rossijan: problema konstruirovaniya obobshhennogo pokazatelja religioznosti [Typology of Orthodox Russians:*

the problem of constructing a generalized indicator of religiosity] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2017. N 8. S. 95–105 (in Russian).

Ryzhova S.V. Jetnokonfessional'naja identichnost' i formirovanie religioznyh politicheskikh orientacij [Ethno-confessional identity and the formation of religious political orientations] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2015. N 10. S. 136–144 (in Russian).

Ryzhova S.V. Osobennosti izuchenija religioznoj identichnosti rossijan [Features of studying the religious identity of Russians] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2016. N 10. S. 118–127 (in Russian).

Shirokalova G.S. Svoboda sovesti kak politicheskij instrument v diskussijah 1980-h gg. [Freedom of Conscience as a Political Tool in the Discussions of the 1980s.] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2015. N 3. S. 89–96 (in Russian).

Starye cerkvi, novye verujushhie. Religija v massovom soznanii postsovetskoy Rossii. M.–SPb., 2000) (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ И ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-1-173-187

СЕТЕВОЕ ПОКОЛЕНИЕ РАСТЕТ ИЛИ ВЗРОСЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В.А. Сушко, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1 стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

Г.Б. Прончев, канд. физ.-мат. наук, доц., доц. кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1 стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

В статье анализируются процессы, происходящие в молодежной среде в контексте цифровизации общества. Обсуждается роль социальных сетей. С момента своего возникновения сетевой анализ формировался как междисциплинарное направление, в котором объединяют свои усилия психологи, социологи, специалисты по коммуникациям, антропологи, математики и статистики. Социальная сеть как способ организации социального знания требует особого методологического подхода, отличного от традиционных методов анализа социологической информации. “Цифровые привычки” существенным образом влияют на поведение молодежи, изменяют “традиционный” уклад жизни. Статья представляет интерес для специалистов, занимающихся проблемами социологии молодежи, социологии глобальных процессов, методологии социологических исследований.

Ключевые слова: социальные сети, молодежь, поколение Миллениум, сетевой анализ, сетевые сообщества.

NETWORKED GENERATION GROWING UP OR MATURING ON SOCIAL MEDIA

Sushko Valentina A., Associate Professor, Candidate of Sociology, Associate Head of the Department at Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: valentina.sushko@gmail.com

* Сушко Валентина Афанасьевна, e-mail: valentina.sushko@gmail.com

** Прончев Геннадий Борисович, e-mail: pronchev@yandex.ru

Pronchev Gennadi B., Associate Professor, Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor at Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: pronchev@yandex.ru

The article analyzes the processes taking place in the youth environment in the context of digitalization of society. The role of social networks is discussed. Since its inception, network analysis has been formed as an interdisciplinary direction in which psychologists, sociologists, communication specialists, anthropologists, mathematicians and statisticians combine their efforts. The social network as a way of organizing social knowledge requires a special methodological approach, different from the traditional methods of analyzing sociological information. "Digital habits" significantly affect the behavior of young people, change the "traditional" way of life. The article is of interest to specialists dealing with problems of sociology of youth, sociology of global processes, methodology of sociological research.

Key words: social networks, youth, Millennium generation, network analysis, network communities.

Современные информационно-коммуникационные технологии имеют важное и неоспоримое значение в жизни современного общества, изменяют характер работы человека, его социальные связи, организационные формы осуществления социальных взаимодействий и сами социальные отношения¹. Новые телекоммуникационные технологии позволяют стирать языковые, культурные и экономические барьеры. В XXI в. общество развивается в условиях цифровизации, при этом она становится главным фактором, определяющим социальное положение человека². "Цифровизация в настоящее время превращается в двигатель мирового общественного развития и улучшения качества жизни, один из доминирующих трендов мирового развития"³.

В последние годы с широким использованием социальных сетей огромное количество данных о социальном взаимодействии привело к тому, что анализ социальных сетей выходит за рамки социологии и привлекает исследователей из разных областей⁴.

Социальные сети могут стать величайшим изобретением человека или разрушить наше существование. Сложно не согласиться,

¹ Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Mass information media and propaganda mouthpiece as a tool for manipulating and social inequality factor among the young people // Astra Salvensis. 2018. Vol. 6. P. 541–550.

² Монахов Д.Н., Прончев Г.Б. От цифры к цифровому обществу // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 6(58). С. 1763–1771. DOI 10.35775/PSI.2020.58.6.008

³ Шинкарецкая Г.Г. Цифровизация — глобальный тренд мировой экономики // Образование и право. 2019. № 8. С. 119–123.

⁴ Сушико В.А. Концепции социальных сетей в современных социологических теориях // Социология. 2019. № 1. С. 92–101.

что эволюция и рост числа социальных сетей привели к чрезмерной зависимости от современных технологий. Можно даже сказать, что использование социальных сетей вызвало у многих пользователей принуждение, побуждение или зависимость⁵.

Новый поворот в исследованиях связан с распространением интернет-коммуникаций и появлением виртуальных сетевых сообществ. Данный факт актуализирует поиск теоретических оснований анализа сетевых взаимодействий.

Термин “сетевые сообщества” был введен Говардом Рейнгольдом в 1993 г. в книге “Virtual Community”. “Сетевое сообщество — это социальное образование, которое появляется на основе практики компьютерно-опосредованной коммуникации в Интернете, когда достаточное количество людей принимает участие в публичной дискуссии достаточно долгое время и с присущими человеческими чувствами, чтобы сформировать ткань личных отношений в виртуальном пространстве”⁶. Г. Рейнгольд также отмечает, что “люди в сетевых сообществах, используя лишь слова на мониторе, обмениваются любезностями и спорят, участвуют в интеллектуальном дискурсе, осуществляют коммерческие операции, обмениваются знаниями, делятся эмоциональной поддержкой, строят планы, совершают мозговые штурмы, распускают слухи, враждуют, влюбляются, находят друзей и теряют их, играют в игры, флиртуют, создают немного произведений искусства и много пустой болтовни”⁷. Однако Г. Рейнгольд не разработал полноценной концепции сетевых сообществ, акцентируя внимание лишь на виртуальной реальности.

В сетевых сообществах вырабатываются свои правила поведения, формируется сленг, который впоследствии используется и в реальной жизни. В последнее время появляется все больше исследований на тему зависимости от интернета и виртуальных сообществ в частности. Пользователь вправе решать самостоятельно, какую информацию публиковать и как ее преподносить, а какую скрывать, что позволяет формировать некий идеальный образ себя. Таким образом, строится особый виртуальный мир, со своими правилами и ценностями. Возникает вероятность того, что этот мир станет для

⁵ Прониев Г.Б. Об особенностях виртуальных социальных сред Интернета, способствующих социальным девиациям // Образование и право. 2020. № 3. С. 200–208. DOI 10.24411/2076-1503-2020-10334

⁶ Rheingold H. The virtual community: homesteading on the electronic frontier // The Electronic Version of The Virtual Community 1993. URL: <http://www.rheingold.com/vc/book/intro.html> (accessed: 27.10.2020).

⁷ Ibid.

человека более важным, а реальная жизнь отойдет на второе место и будет зависеть от первого⁸.

Виртуальные сетевые сообщества способствуют развитию нового явления — сетевого индивидуализма, под которым понимают социальную структуру, а не собрание изолированных индивидуумов. Данный феномен включает в себя сети, онлайневые и офлайневые, основанные на своих интересах, ценностях, склонностях и проектах. Результат этого можно обозначить, во-первых, как гибкость выражения социальности, так как субъекты формируют и воспроизводят свои формы социального взаимодействия. Во-вторых, неустойчивость форм социальной поддержки. Именно сети составляют основную структуру всего общества⁹.

Крупное многонациональное качественное исследование, проведенное в 2016 г. Кейт Моран¹⁰ среди молодых веб-пользователей 18–25 лет, составляющих так называемое поколение Миллениум (*millennials*)¹¹, выявило ряд интересных особенностей использования молодежью социальных сетей. За последние десять лет насыщенность социальных медиа среди миллениалов резко возросла.

По данным исследовательского центра *Pew*, в 2006 г., когда многие представители поколения Миллениум учились в средней школе, 55% из них имели хотя бы один аккаунт в социальных сетях. В 2010 г. 73% средних и старших школьников сообщили о наличии учетной записи в социальных сетях, в то время как 78% в возрасте 18–29 лет (учащиеся колледжа) сообщили о том, что они постоянно находятся в социальных сетях. Сегодня около 90% имеют по крайней мере одну учетную запись в социальных сетях. В исследованиях, проведенных в 2015 г. среди молодых людей, среднее число зарегистрированных на одного человека социальных сетей составило четыре¹².

Исследование К. Моран не выявило принципиального отличия “цифровых туземцев” (“digital natives”) от “цифровых иммигрантов” (“digital immigrants”). Основная цель — выяснение того, как молодые люди используют социальные сети. Американские социологи

⁸Прончев Г.Б. Указ. соч.; Сушко В.А. Указ. соч.

⁹Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Под ред. В. Харитонова. Екатеринбург, 2004.

¹⁰Moran K. Social media natives: growing up with social Networking // NN/g. 2016. 28 August. URL: <https://www.nngroup.com/articles/social-media-natives/?lm=participation-inequality&pt=article> (accessed: 29.10.2020).

¹¹Миллениалы или Поколение Y (поколение “игрек”; другие названия: поколение Миллениума, поколение “некст”, “сетевое” поколение, миллениты, эхо-бумеры) — поколение родившихся в 1981–2000 гг., характеризуется глубокой вовлеченностью в цифровые технологии.

¹²Moran K. Social media natives: growing up with social Networking.

NN/g Nielsen Norman Group провели несколько этапов интервью с 91 участником. Из них 79 были проведены лично, а 12 — онлайн. Интервью включали в себя сочетание открытых и специфичных задач с использованием 372 различных сайтов. Интервью проводилось в семи разных странах: Австралии, Канаде, Германии, Нидерландах, Сингапуре, Великобритании, США. Помимо этого были использованы и другие методы исследования: дневниковые-записи, в которых участники записывали свои онлайн-действия в течение двух дней на своем домашнем ноутбуке, а затем отправляли файлы для проверки, и опрос, в котором было опрошено 229 молодых людей и 228 пожилых людей (35 лет и старше), чтобы узнать их мнение о привлекательности дизайна интерфейсов программ и операционных систем¹³.

Оказалось, что использование социальных сетей изменило то, как представители поколения Миллениум думают о дружбе и человеческих отношениях. Социальные медиа внесли новую динамику в социальную жизнь молодежи. Стандартное развитие дружеских отношений и романтических отношений теперь несколько отличается от того, что было 15–20 лет назад.

Показательны изменения молодежного словаря: среди которых часто можно услышать такие как *френдинг* (*frending*) — межличностная коммуникация, основанная на учете потребностей каждого из участников коммуникации — передается глаголом, который не эквивалентен тому, что называется “стать настоящими друзьями”. Для “сетевой” молодежи “другом” могут быть не только знакомые, но и незнакомые люди. Френдинг — добровольная связь, основанная на взаимном интересе, с учетом потребностей каждого из участников данной коммуникации. Это своего рода онлайн-игра в знакомства. Участники данного исследования признались, что лично не знают всех своих “друзей” в *Facebook* или последователей *Instagram*. Социокультурная практика френдинга начала развиваться с 2005 г. как альтернатива рекламным коммуникациям и означала заведение виртуальной дружбы, т.е. интерактивное взаимодействие. Она предполагает наличие обратной связи или наличие двухсторонней коммуникации, определенное количество каналов взаимодействия, информацию о потребностях так называемых друзей, вовлеченность в совместные действия, радиус коммуникации (в личном пространстве или нет). Френдинг в социальных сетях (социальный френдинг, *social friending*) — это коммуникация, основанная на привлечении друзей, с целью продвижения своего интернет ресурса (страницы

¹³ Moran K. Young adults/millennials as Web users (ages 18–25) // NN/g. 2016. 10 Apr. URL: <https://www.nngroup.com/articles/young-adults-ux/> (accessed: 30.10.2020).

в соцсетях, своего сайта, блога)¹⁴. “Официальный представитель Facebook” (сокращенный вариант “Facebook offish”) — относительно новый этап в отношениях, когда дружеские партнеры решают изменить свои статусы в *Facebook*, чтобы отразить официальность (и/или эксклюзивность) своих отношений. Согласно исследованию *Pew Research*, 18% подростков сообщают о разрыве с кем-то через изменение статуса отношений с *Facebook*. *Токинг* (от *talking* — разговор, беседа, переговоры, обсуждение) — еще один этап в отношениях, когда пара узнает друг друга и заинтересована в потенциальных отношениях, но еще не достигла официального статуса. “Говорить” — это обращение к “официальному администратору сети” о том, что между двумя виртуальными ролями начался постоянный диалог, взаимодействие. “FOMO” (*Fear Of Missing Out* — “синдром упущеной выгоды”) — навязчивая боязнь пропустить интересное событие или хорошую возможность, провоцируемая просмотром социальных сетей¹⁵; состояние социальной тревоги, возникающее из-за того, что ваши “друзья” могут получать удовольствие, делая что-то без вас. По одним данным, такой синдром испытывают 40%, по другим — до 60% пользователей социальных сетей¹⁶. Одной из первых использовать термин *FOMO* стала профессор университета *MIT* Шерри Теркл (*Sherry Turkle*) в своей *TED*-лекции, которая изучила реакции человеческой психики на постоянное пребывание в социальных сетях и последствия беспрерывного онлайн-общения¹⁷.

Социологи выяснили, что социальные сети могут стать формой зависимости, скользким спадом, вызванным синдромом, обычно называемым страхом пропустить нечто важное (*FOMO*). Если вы несколько дней не смотрели свою папку “Входящие”, электронные письма начнут накапливаться, а ключевые новости будут пропущены. Большинство веб-пользователей 18–25 лет боятся пропустить события, новости и важные обновления статуса, если они находятся вне социальных сетей. По данным опроса, проведенного *MyLife.com*, около 27% респондентов стремятся попасть в социальные сети как только проснутся. Еще 42% участников исследования имеют

¹⁴ Френдинг. URL: http://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_f/frending/ (дата обращения: 30.10.2020).

¹⁵ Przybylski A.K., Murayama K., DeHaan C.R., Gladwell V. Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out // Computers in Human Behavior. 2013.07.01. Vol. 29. Iss. 4. С. 1841–1848. DOI:10.1016/j.chb.2013.02.014.

¹⁶ Murphy S. Report: 56% of social media users suffer from FOMO // Mashable. 2013. 10 Jul. URL: <https://mashable.com/video/crosshelmet-smart-motorcycle-helmet-future-ar/#J2AqhJwFkqn> (accessed: 30.10.2020).

¹⁷ Connected, but alone? By Sherry Turkle at TED (Transcript). URL: <https://singjupost.com/connected-alone-sherry-turkle-ted-transcript/> (accessed: 30.10.2020).

несколько учетных записей — и процент возрастает до 61% для людей в возрасте от 18 до 34 лет. Средний человек также управляет 3,1 адресами электронной почты¹⁸.

FOMO — боязнь пропустить интересное событие, возможность пообщаться с друзьями или знакомыми — часто запускается в социальной сети в качестве некоего сигнала или раздражителя, который, возможно, и вдохновил американскую актрису, писательницу, продюсера и режиссера Минди Калинг назвать свою книгу “Is Everyone Hanging Out Without Me? And Other Concerns”¹⁹. В рамках теории самодетерминации, данный синдром является защитным механизмом психики, вызванным долгосрочным чувством неудовлетворенности социальной жизнью и стремлением быть вместе с теми людьми, которых ты хорошо знаешь, на кого можешь положиться, с кем можно поделиться чем-то важным²⁰. Сегодня даже представители старшего поколения нередко испытывают чувство сильного дискомфорта, когда смартфона нет под рукой. Страх упустить что-то важное в своем мобильном телефоне, компьютере или смартфоне по силе психологического напряжения нередко сродни страху опоздать на свой авиарейс: тому и другому присущее чувство необратимой утраты. Страх пропустить обычно относится только к тем, у кого гиперактивная социальная позиция, кому в максимальной степени присущ перфекционизм. Людям более спокойным данный синдром свойственен в меньшей степени. На наш взгляд, интернет-зависимость и синдром *FOMO* являются собой признаки социального программирования, превращающего людей в живых зомби. Некоторые создатели социальных приложений прямо заявляют, что они создали свои сервисы, чтобы заставить людей возвращаться к ним снова и снова. Так, Кевин Систром, исполнительный директор *Instagram* считает, что чем креативнее или ярче фотография, тем больше вероятность, что она привлечет к себе внимание. “Отзывы могут вызывать некоторую зависимость. Люди, использующие *Instagram*, получают вознаграждение, когда кому-то это нравится, а вы продолжаете возвращаться”, — сказал он. Шерри Теркл, профессор Массачусетского технологического института и автор книги “*Alone Together*”, говорит, что по мере того, как современные технологии становятся все более распространенными, наши

¹⁸ Murphy S. Op. cit.

¹⁹ Kaling M. *Is everyone hanging out without me? And other concerns.* N.Y., 2012.

²⁰ Przybylski A.K., Murayama K., DeHaan C.R., Gladwell V. Op. cit.

отношения с ними становятся более тесными, что дает им возможность влиять на наши решения, настроения и эмоции²¹.

Таким образом, поколение Миллениум показало себя разрушителями лингвистических шаблонов, творцами новой языковой моды, которая, в конечном итоге, становится общепринятой, в том числе и представителями старших поколений. Новые поведенческие, когнитивные и лингвистические конструкции социальных сетей влияют на пользователей всех возрастов, а не только на подростков. С приходом нового поколения пришли новые стереотипы мышления и сознания.

Лайки, дизлайки, выборы и предпочтения — основная форма выражения виртуальных отношений внутри поколения Миллениум. Блог или пост в социальных сетях подобно магниту притягивает все большее их количество. Они превращаются в виртуальные пирамиды, в которые каждый год вливаются все новые ряды почитателей. Появились даже фейковые лайки, которые обесценивают процесс сбора голосов, т.е. лайков и фавов (от *likes and favorites*).

Социальные медиа также стали средством выражения оценки отношений и их количественной оценки. Лайки и фавы (повсеместно распространенные на большинстве платформ в социальных сетях) — очень заметное выражение позитивного чувства к человеку, событию или мнению, и они учитываются. Исследователи из Лос-Анджелеса недавно изучали эффекты симпатий на подростков. Они обнаружили, что, когда фотография получает много лайков, подростки добавляют новые, и от этого они получают все большее удовольствие. Они также отметили, что подростки с большей вероятностью добавят свой лайк на фото с лайками независимо от художественных качеств и содержания фотографии. Лайки — это подкрепляющая форма социального доказательства. Для современной молодежи лайки служат визуальным маркером группового давления со стороны сверстников.

Различные аудитории требуют различного социального поведения, а мы стараемся реагировать на них соответствующим образом. Когда мы участвуем в социальных сетях, мы сталкиваемся с тем, что называется *коллапсом контекста*. Коллапс контекста возникает, когда людям приходится одновременно управлять разрозненными социальными контекстами, которые требуют различного социального поведения, и испытывать при этом дискомфорт и даже стресс. Когда пользователь пишет пост в *Facebook*, его аудитория почти невидима, а потому трудно предсказать особенности ее реакции или

²¹ Wortham J. Feel like a wallflower? Maybe it's your Facebook wall // The New York Times. 2011. 9 Apr.

поведения. В реальном пространстве, где люди взаимодействуют лицом к лицу, мы видим своего партнера и можем реагировать аутентично. Контакты в социальных сетях происходят анонимно, под вымышленными и ничего не значащими никами, статус и ролевое поведение которых остается неизвестной величиной в уравнениях социальных сетей.

С точки зрения теории саморепрезентации, человеку свойственно везде выставлять себя с наилучшей стороны, демонстрировать на людях свои достижения, успехи, модные вещи, интересные поделки, фотографии, путешествия, необычные, особенно экстремальные, поступки, делясь всем этим с значимыми другими и выставляя на всеобщее обозрение в социальных сетях. Превзойти других и не засторяться в сетях — это подсознательный всплеск нашего эго.

Если синдрому упущеной выгоды (*FOMO*) присущи навязчивое желание входить в любые формы социальной коммуникации, стремление все время быть доступным для общения и постоянно обновлять ленты социальных сетей, то для мании величия и синдрома саморепрезентации свойственно желание постоянно нравиться людям и получать одобрение в виде лайков и фавов.

Сегодня принято считать, что интернет-зависимость — навязчивое стремление использовать интернет и избыточное по времени пользование им — даже по медицинским критериям проходит по классификации заболеваний наряду с наркозависимостью, алкоголизмом и табако-зависимостью. Синдром *FOMO* известный, как уже говорилось, как “страх пропустить”, представляющий собой смесь беспокойства, неадекватности и раздражения, которые могут вспыхнуть при просмотре социальных сетей, таких как *Facebook*, *Twitter*, *Foursquare* и *Instagram*, по мнению Дженна Уортэма²², можно считать символом цифровой эпохи. Миллиарды сообщений в Твиттере, обновлений статуса и фотографий дают захватывающие представления о повседневной жизни и деятельности друзей, онлайн-“друзей”, коллег и соседей. Опоздание на встречу, бесконечные переносы, неуважение к чужому времени — это результат того, что вы боитесь что-то пропустить, сказать “нет”²³. Или, например, после потери *Wi-Fi* во время полета у страдающего синдромом *FOMO* наступает ощущение полной паники, набирает обороты “цифровая детоксикация”.

²² Wortham J. Feel like a wallflower? Maybe it's your Facebook wall.

²³ Что такое JOMO, или Как избежать эмоционального выгорания. URL: https://www.vogue.ru/beauty/guide/cto_takoe_jomo_ili_kak_izbehat_emotsionalnogo_vygoraniya/ (дата обращения: 30.10.2020).

Общение лицом к лицу становится поверхностным: на вечеринке друзья не могут оторваться от своих мобильников, слушая друг друга вполуха, дети не вылезают изайфонов. По данным компании *Deloitte*, в 2017 г. в Великобритании половина домашних обедов и ужинов была прервана использованием смартфона. Около 4,5 миллиона человек использовали телефон, переходя дорогу²⁴. Современники любого возраста и любого пола просто боятся оказаться без мобильной связи и *Wi-Fi* даже на десять минут.

Люди постоянно жалуются на усталость и невозможность угнаться за ритмом города. Навязчивая боязнь пропустить интересное событие, письмо от родных или очередную новость усиливает дискомфорт социального пространства, насквозь пронизанного социальными сетями.

Родители посылают электронные сообщения своим детям днем и ночью, на завтрак и на ужин, в то время как сами дети, также просиживающие ночи напролет в социальных сетях, жалуются на то, что родители не уделяют им полноценного внимания. Психологическая зависимость от нахождения в системе онлайн или в социальных сетях может вылиться в хроническое состояние тревожности и отчуждения от всего мира. Мы привыкаем к новому способу одиночества вместе. Когда-то Дэвид Рисмен говорил в такой ситуации об одиночестве в толпе, подразумевая под этим переполненные пешеходами городские улицы.

Спустя некоторое время появился другой синдром — *JOMO*, или “радость от упущеной выгоды”. Это реакция здорового эмоционального интеллекта на выгорание, полученное по причине *FOMO*.

Люди испытывают *JOMO* по-разному и по разным причинам. Иногда дело просто в том, чтобы найти радость в том, что у вас есть, а не в том, чего у вас нет. Кристен Фуллер считает, что *JOMO* является “эмоционально интеллектуальным противоядием от *FOMO*”, и оно “о том, чтобы присутствовать и быть довольным тем, где вы находитесь в жизни”²⁵.

JOMO позволяет нам жить в тихом переулке, ценить человеческие связи, быть преднамеренно со своим временем, практиковаться в том, чтобы говорить “нет”, давать себе “безмолвные перерывы” и давать нам разрешение признать, где мы находимся, чувствовать эмоции, переживать эмоции наяву, будь то позитивные или негативные, практиковать силу воли, позволяет нам быть тем, кто мы есть в настоящий момент, в чем и заключается секрет счастья.

²⁴ Что такое *JOMO*, или Как избежать эмоционального выгорания.

²⁵ Fuller K. *JOMO: The joy of missing out*. URL: <https://www.psychologytoday.com/gb/blog/happiness-is-state-mind/201807/jomo-the-joy-missing-out> (accessed: 30.10.2020).

Когда вы освобождаетесь от интернет-зависимости, освобождая для реальной жизни дополнительное пространство в своем мозгу, у вас появляется больше времени, энергии и эмоций, чтобы выяснить свои истинные приоритеты.

Некоторые люди рождаются с *JOMO*, другие учатся ему. Одни предпочитают кататься на горных лыжах, участвовать в сафари или кругосветном путешествии, другие предпочитают это видеть на мониторе, наблюдая с помощью социальных сетей, как рисуют своей жизнью другие, которые занимаются саморепрезентацией и ищут в интернете восхищенных поклонников. Мы обладаем силой уподобления, соучастия и сопереживания, которая стимулирует выброс дофамина в наш мозг. Одни затрачивают все силы на футбольном поле, другие не меньше на диване, болея за любимую команду. Пассивный отдых на диване, беда конца XX в., в начале XXI в. в связи с появлением *Facebook*, *Instagram* и *Twitter*, приобрел новое качество и новые опасные синдромы. Среди них упомянутый *FOMO*, который делает нас зависимыми от знания, симпатий, мгновенного удовлетворения, внимания и включенности в социальную паутину. Пользователи сети продолжают возвращаться сюда снова и снова. Минуты могут превращаться в часы, пока мы не закончим прокручивать новостные ленты и сообщения, опасаясь что-то упустить. Согласно недавнему опросу, проведенному на *LinkedIn*, 70% сотрудников компаний признаются, что и в отпуске они не могут отключиться от работы и постоянно находятся в сети. Наши цифровые привычки, которые включают постоянную проверку сообщений, электронных писем и графиков социальных сетей, стали настолько укоренившимися, что просто невозможно насладиться этим моментом вместе с людьми, с которыми мы хотим делиться этими моментами.

По данным *Socialreport.com*, раз в месяц около 400 миллионов пользователей *Facebook* устраивают себе *digital detox*. *Google* и *Apple* уже объявили о запуске новых сервисов, которые будут бороться с чрезмерным использованием интернета и социальных сетей, в частности. Программы будут считать, сколько времени вы провели онлайн, и мягко напоминать, что пора бы и вынырнуть из сети²⁶.

Можно высказать гипотезу о том, что интернет-зависимость в большей мере свойственна экстравертам, нежели интровертам. Разная химия мозга экстравертов и интровертов поделила мир на фанатов социальных сетей и спокойных созерцателей их. В то время как экстраверт больше времени тратит на внешние события, у ин-

²⁶ Что такое *JOMO*, или Как избежать эмоционального выгорания.

троверта все события разворачиваются внутри. В частности, интроверты подмечают даже мелкие детали, они застенчивы в отношении к самим себе и к ошибкам, которые совершают. Во время разговора они многое достают из своего банка долговременной памяти. Все это эмоционально утомительно, поэтому неудивительно, что им нужно некоторое время, чтобы психологически перегруппироваться. На помощь приходит “интровертное похмелье”: “для большинства это означает свернуться калачиком с книгой или фильмом или заняться расслабляющим хобби, например рисованием”²⁷. Образно говоря, для интроверта он сам — более интересный и полезный собеседник, чем кто-то другой. Интроверты мало говорят, особенно о себе, больше молчат. Социальные сети для них скорее враг, нежели друг. Они сразу же подмечают пустоту и бессодержательность онлайн-“толковищ”.

Марк Грановеттер доказал, что слабые связи с малознакомыми или случайно встреченными людьми могут способствовать профессиональной карьере даже в большей мере, чем сильные связи, формирующиеся между родственниками и друзьями. Хотя бы потому, что последние все хорошее, что могли, уже сделали для вас. От них трудно получить новую или неожиданную информацию, которая окажется решающей в поиске выгодной работы. Социальные сети — это мощная платформа для завязывания слабых связей и карьерного роста. Экстраверты, больше полагающиеся на помощь извне, предпочитают социальные сети и в большей мере привязаны к ним. Вот почему интернет-зависимость в большей мере есть удел экстравертов. Именно на них в основном держатся, как можно предположить, многочисленные онлайн-сообщества. Разумеется, сказанное не умаляет вклада интровертов в их развитие, если речь, конечно, идет о высокопрофессиональном, деловом или научном общении, а не просто “лишь поболтать”.

Во время своего “похмелья” — своеобразной паузы отдоха в гонке жизни — интроверты очищают сознание от социальных токсинов, появившихся в процессе ненужного или чрезмерного общения с другими. Оно выполняет столь же полезную функцию, какую для человека выполняет сон. Тот не только восстанавливает потраченные силы, но служит ресурсом творчества. Во время сна даже придумывают химические таблицы и совершают нобелевские открытия. “Когда вы спите, вы на самом деле объединяете все свои

²⁷ Dodgson L. “JOMO” is the joy of missing out — here are 3 ways people find happiness in not being involved // Insider. 2018. 26 Jul. URL: <https://www.thisisinsider.com/what-is-jomo-2018-7> (accessed: 30.10.2020).

воспоминания, отбрасываете все то, что вам не нужно, и ваше тело очищается от токсинов”, — считает Линдсей Доджсон. “Это также помогает вам быть мудрым, быть креативным, тратить время на свои собственные проекты... Это действительно все ресурсы, которые вы собираетесь извлечь для этого”²⁸.

Экстравертам жизненно необходимы социальные сети, посты, блоги, журналы и прочие платформы внешнего общения. Они не уверены в себе и требуют поддержки, одобрения или оценки “значимых других”, роль которых могут выполнять анонимные сетевые юзеры. Поскольку свои лучше знают не только сильные, но и слабые стороны человека, саморепрезентироваться лучше всего перед малознакомыми людьми. Тебя никто не знает и никто не схватит за руку, когда ты приукрашиваешь или откровенно лжешь. Выложить в сеть откровенные фотографии или интимные дневники — эффективный способ привлечь широкое внимание онлайн-публики, стать виртуальным мачо. Интроверт никогда не допустил бы подобное в силу развитой у него нравственной сферы. Но экстраверты совсем другое дело. Для них кодекс чести лежит вовне — в одобрении значимых и не значимых других, в лайках, комментариях, фавах, форумах. Общественное мнение — огромный экран, на который спроектированы все жизненно важные ценности экстраверта. А лучшей платформой для общественного мнения выступают сегодня социальные сети. В социальных сетях все делается напоказ. Просто для того, чтобы продемонстрировать: я есть и вот я каков. Экстраверт старается превратить свой блог или пост в витрину и выставку достижений “народного хозяйства”.

Кроме того, наши цифровые привычки, которые включают в себя постоянную проверку сообщений и хронологию в социальных сетях, стали настолько укоренившимися, что невозможно просто наслаждаться моментом вместе с людьми, с которыми мы делимся этими моментами, как уже говорилось.

Социальные медиа-платформы, такие как *Facebook*, *Twitter* и *Instagram*, олицетворяют *FOMO*.

Наши новостные ленты заполнены обновлениями статуса, фотографиями, мемами и последними новостями. Мы становимся зависимыми от симпатий, знаний и занятости, поэтому мы возвращаемся к большему. Минуты и часы могут остаться незамеченными, пока мы смотрим на свои смартфоны и ноутбуки, опасаясь, что что-то упустим. Мы все больше полагаемся на социальные сети для разработки коммуникационных стилей. Мы заменяем разговоры, теле-

²⁸ *Dodgson L. Op. cit.*

фонные звонки и письма обновлениями статуса, комментариями и мгновенными сообщениями. Эта раздробленная, непрямая форма общения не удовлетворяет врожденную потребность человека соединяться с другими. Вот почему мы можем провести весь день в социальных сетях, в текстовых сообщениях или по электронной почте, но при этом чувствовать себя одинокими.

“Перестаньте сосредоточиваться на том, чего у вас нет, вместо этого сконцентрируйтесь на том, чего вы сильно желаете”. Первая часть этого афоризма о *FOMO*, вторая о *JOMO*.

Проблема, затронутая в статье, гораздо шире. Человеку необходимо чувствовать себя “социальным” и не упустить что-то важное в жизни и важна реальная связь того типа и разнообразия, которое удовлетворяло бы нас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Под ред. В. Харитонова. Екатеринбург, 2004.

Монахов Д.Н., Прончев Г.Б. От цифры к цифровому обществу // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 6(58). С. 1763–1771. DOI 10.35775/PSI.2020.58.6.008

Прончев Г.Б. Об особенностях виртуальных социальных сред Интернета, способствующих социальным девиациям // Образование и право. 2020. № 3. С. 200–208. DOI 10.24411/2076-1503-2020-10334

Сушко В.А. Концепции социальных сетей в современных социологических теориях // Социология. 2019. № 1.

Френдинг. URL: http://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_f/frening/ (дата обращения: 30.10.2020).

Что такое *JOMO*, или Как избежать эмоционального выгорания. URL: https://www.vogue.ru/beauty/guide/cto_takoe_jomo_ili_kak_izbehat_emotsionalnogo_vygoraniya/ (дата обращения: 30.10.2020).

Шинкарецкая Г.Г. Цифровизация — глобальный тренд мировой экономики // Образование и право. 2019. № 8. С. 119–123.

REFERENCES

Castells M. Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve [Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society] // Ed. by V. Kharitonov. Yekaterinburg, 2004 (in Russian).

Chto takoe JOMO, ili Kak izbehat’ emocional’nogo vygoraniya [What is *JOMO*, or How to avoid burnout]. URL: https://www.vogue.ru/beauty/guide/cto_takoe_jomo_ili_kak_izbehat_emotsionalnogo_vygoraniya/ (accessed: 30.10.2020) (in Russian).

Connected, but alone? By Sherry Turkle at TED (Transcript). URL: <https://singjupost.com/connected-alone-sherry-turkle-ted-transcript/> (accessed: 30.10.2020).

Dodgson L. “*JOMO*” is the joy of missing out — here are 3 ways people find happiness in not being involved // Insider. 2018. 26 Jul. URL: <https://www.thisisinsider.com/what-is-jomo-2018-7> (accessed: 30.10.2020).

Frening. URL: http://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_f/frening/ (дата обращения: 30.10.2020) (in Russian).

Fuller K. JOMO: the joy of missing out. URL: <https://www.psychologytoday.com/gb/blog/happiness-is-state-mind/201807/jomo-the-joy-missing-out> (accessed: 30.10.2020).

Kaling M. Is everyone hanging out without me? And other concerns. N.Y., 2012.

Monakhov D.N., Pronchev G.B. Ot cifry k cifrovomu obshhestvu [From the digit to the digital society] // Issues of Politology. 2020. T. 10. N 6(58). P. 1763 — 1771. DOI 10.35775/PSI.2020.58.6.008 (in Russian).

Moran K. Young adults/millennials as Web users (ages 18–25) // NN/g. 2016. 10 Apr. URL: <https://www.nngroup.com/articles/young-adults-ux/> (accessed: 30.10.2020).

Moran K. Social media natives: growing up with social Networking // NN/g. 2016. 28 Aug. URL: <https://www.nngroup.com/articles/social-media-natives/?lm=participation-inequality&pt=article> (accessed: 29.10.2020).

Murphy S. Report: 56% of social media users suffer from FOMO // Mashable. 2013. 10 Jul. URL: <https://mashable.com/video/crosshelmet-smart-motorcycle-helmet-future-ar/#J2AqhlJwFkqn> (accessed: 30.10.2020).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Mass information media and propaganda mouthpiece as a tool for manipulating and social inequality factor among the young people // Astra Salvensis. 2018. Vol. 6.

Pronchev G.B. Ob osobennostjah virtual'nyh social'nyh sred Interneta, sposobstvujushhih social'nym deviacijam [On the features of virtual social environments contributing to social deviations] // Education and law. 2020. N 3. P. 200–208. DOI 10.24411/2076-1503-2020-10334 (in Russian).

Przybylski A.K., Murayama K., DeHaan C.R., Gladwell V. Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out // Computers in Human Behavior. 2013. Vol. 29(4). P. 1841–1848. DOI:10.1016/j.chb.2013.02.014.

Rheingold H. The virtual community: homesteading on the electronic frontier // The Electronic Version of The Virtual Community 1993. URL: <http://www.rheingold.com/vc/book/intro.html> (accessed: 27.10.2020).

Shinkaretskaya G.G. Cifrovizacija — global'nyj trend mirovoj jekonomiki [Digitalization — global trend of the global economy] // Education and Law. 2019. N 8. P. 119–123 (in Russian).

Sushko V.A. Koncepcii social'nyh setej v sovremennyh sociologicheskikh teoriyah [The concept of social networks in modern sociological theories] // Sociology. 2019. N 1 (in Russian).

Wortham J. Feel like a wallflower? Maybe it's your Facebook wall // The New York Times. 2011. 9 Apr.

НОВЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Е.Н. Соломатина, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье анализируются основные тенденции трансформации современной системы высшего образования России, которые содержат объективные риски и способствуют росту социальной напряженности в образовательной среде. Автор указывает на основные аспекты рассмотрения существенных изменений в системе высшего образования, в том числе: активное распространение новых цифровых технологий в образовательном процессе, последствия интеграции системы высшего образования России в единой европейской образовательное пространство, появление новых образовательных и управленческих практик, последствия коммерционализации системы высшего образования. Период перехода системы высшего образования от традиционной модели к цифровой характеризуется обострением существующих структурных противоречий и социального неравенства, а также появлением новых рисков в развитии.

В статье исследуются возможные источники социальных конфликтов в системе высшего образования и приводится их типология: конфликты типа “общество — высшая школа”, “ректорат — коллективы учебного заведения”, “субъект — субъект”. Значимым источником выступает также противоречие между традиционно сложившимися образовательными практиками и новыми цифровыми практиками, требующими особой подготовки научно-педагогических кадров и эффективной информационной базы.

Автор приходит к выводу, что нарастание социальной напряженности и, как следствие, появление новых форм социальных конфликтов в образовательной среде, может быть объяснено неподготовленностью российской системы высшего образования и общества в целом к происходящим изменениям. В результате трансформации современной системы высшего образования в России, с одной стороны, появились новые перспективы для обучения и профессионального развития участников образовательного процесса, а с другой — активизировались источники социальной напряженности и конфликтности в образовательной среде. Для реализации системного и эффективного окончательного перехода от традиционной к цифровой модели образования требуются коренная перестройка всей системы высшего образования на государственном уровне, внедрение модульных цифровых

*Соломатина Елена Николаевна, e-mail: solomatina.08@mail.ru

образовательных сред и создание эффективной информационной базы на интегрированной образовательной платформе.

Ключевые слова: общество, система образования, социальный конфликт, трансформация, цифровизация, коммерционализация.

NEW FORMS OF SOCIAL CONFLICTS IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA

Solomatina Elena N., PhD Sci., Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: solomatina.08@mail.ru

The article analyzes the main trends in the transformation of the modern system of higher education in Russia, which contain objective risks and contribute to the growth of social tension in the educational environment. The author points to the main aspects of considering significant changes in the higher education system, including: active dissemination of new digital technologies in the educational process; the consequences of integrating the Russian higher education system into a single European educational space; the emergence of new educational and management practices; the consequences of the commercialization of the higher education system. The period of transition of the higher education system from the traditional model to the digital one is characterized by the exacerbation of existing structural contradictions and social inequality, as well as the emergence of new risks in development.

The article examines possible sources of social conflicts in the higher education system and provides their typology: conflicts of the “society — higher school” type, “administration — collectives of an educational institution”, “subject—subject”. A significant source is also the contradiction between the traditionally established educational practices and new digital practices that require special training of scientific and pedagogical personnel and an effective information base.

The author conclude that the growth of social tension and, as a consequence, the emergence of new forms of social conflicts in the educational environment, can be explained by the unpreparedness of the Russian higher education system and society as a whole for the ongoing changes. Results of the transformation of the modern higher education system in Russia, on the one hand, new prospects have appeared for training and professional development of participants in the educational process, and on the other hand, sources of social tension and conflict in the educational environment have become more active. To implement a systematic and effective final transition from a traditional to a digital education model, a radical restructuring of the entire higher education system at the state level, the introduction of modular digital educational environments and the creation of an effective information base on an integrated educational platform are required.

Key words: society, education system, social conflict, transformation, digitalization, commercialization.

Современное российское общество находится в непрерывном развитии, которое сопровождается периодическим ростом социальной напряженности и возникновением конфликтных ситуаций во всех сферах его жизнедеятельности, в том числе и в сфере образования. Особую актуальность приобретает изучение источников и видов конфликтов в системе высшего образования России, которые обусловлены последствиями серьезных структурных изменений. Так, в сложившихся условиях глобализации и технологических инноваций остро встает вопрос о подготовке высококвалифицированных специалистов, и, соответственно, трансформации, происходящие в сфере труда, диктуют системе образования новые требования. Сейчас становится неактуальным получение компетенции только в одной ограниченной профессиональной сфере, существенно изменяются критерии оценки эффективности сотрудника.

С целью адаптации системы образования к новым требованиям в 1999 г. в Европе была разработана так называемая Болонская система образования, которая в 2003 г. была принята и в Российской Федерации¹. Основной целью введения Болонской системы выдвигалась интеграция стандартов высшего образования в Европейской зоне, которая в долгосрочной перспективе привела бы к общеевропейскому пространству высшего образования и значительно повысила бы мобильность на рынке труда².

Масштабные изменения в системе образования коснулись, в том числе, высшей школы. В 2012 г. в систему высшего образования РФ были введены основные принципы Болонской декларации, такие как единая система академических степеней, двухуровневая учебная программа, мобильность студентов, преподавателей и сотрудников сферы высшего образования, а также единые стандарты качества образования³. В настоящее время все сильнее актуализируется вопрос роли и места высшей школы в обществе в контексте происходящих глобальных трансформаций в экономической и политической системах. Высшие учебные заведения многих стран подвержены влиянию этих преобразований и оказываются перед необходимостью приспособления. Перед современной высшей школой образуется множество проблем: усиление конкуренции на международной аре-

¹ Цигулева О.В. Образовательные модели высшей школы в странах Западной Европы и России в рамках Болонского процесса // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 227.

² Шеховцов А.Н., Шеховцова Н.А. Традиции Болонского университета и современный Болонский процесс // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1 (23). С. 154.

³ Цигулева О.В. Указ. соч. С. 227.

не⁴, внедрение технологий дистанционного образования⁵, усиление рыночных отношений в рамках академической среды⁶, востребованность высшего образования.

Анализ современных исследований позволил выделить четыре основных аспекта рассмотрения в преобразовании высшей школы в рамках рассматриваемой темы. Во-первых, активное распространение новых цифровых технологий в различных сферах современного российского общества затронуло образовательную среду, что обусловлено объективными процессами развития глобальной сети и другими информационными технологиями. На их базе “создаются информационные пространства, в которые включены базы данных с научной и бизнес информацией, которые способствуют свободной циркуляции знаний”⁷. Основной вектор развития системы высшего образования в России определен созданием условий успешной интеграции в единое информационное пространство, что позволит всем участникам образовательного процесса получить наиболее актуальную информацию и использовать новейшие информационные технологии для успешного освоения выбранной специальности и формирования профессиональных компетенций, котирующихся на рынке труда.

Во-вторых, усиливается влияние интернационализации, т.е. обмена опытом, знаниями, навыками, умениями между национальными системами образования⁸. В-третьих, отмечается такая тенденция как “новый менеджериализм”, т.е. перенос практик управления из бизнес-сферы в высшую школу⁹. И, наконец, наблюдается внедрение предпринимательских практик в академическую среду, что связано непосредственно с поисками средств внешнего финансирования для исследовательских проектов, а также с выполнением заказных ис-

⁴ Демиура С.С., Дмитриева Е.Ю., Полуянова Л.А. Рынок образовательных услуг и современные тенденции развития образования в России // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 2(19). С. 114.

⁵ Борцов Ю.С. Информатизация образования: парадигмальный переход или технологическое приспособление // Гуманитарий Юга России. 2016. № 3. С. 148.

⁶ Анохина Ю.А. Проблемы коммерциализации высшего образования: социокультурные и экономические аспекты // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2017. № 9–10 (13–14). С. 15.

⁷ Тихомиров В.П., Днепровская Н.В. Смарт-образование как основная парадигма развития информационного общества // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2015. № 11. С. 9.

⁸ Нефедова А.И. О концептах “Академический капитализм” и “Предпринимательский университет” // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 76.

⁹ Gumpert P.J. Academic restructuring: organizational change and institutional imperatives. Higher education // The International Journal of Higher Education and Educational Planning. 2000. N. 39. P. 67–91.

следований в рамках высших учебных заведений¹⁰. Данный аспект коррелирует с последствиями коммерционализации высшей системы образования России.

Вышеперечисленные аспекты рассмотрения позволили более детально проанализировать характер изменений в системе высшего образования России, констатировать нарастание социальной напряженности и, как следствие, появление новых форм социальных конфликтов в образовательной среде, которое может быть объяснено неподготовленностью российской системы высшего образования и общества в целом к происходящим изменениям¹¹.

Следует отметить, что в условиях распространения коронавирусной инфекции COVID-19 в Российской Федерации и городе Москве были введены ограничительные меры и осуществлен полный переход на дистанционную форму обучения, которые существенно повлияли на изменение профессиональной практики педагогов, возрастание значения самостоятельности студента в учебном процессе, изменение последнего в сторону повышения структурности образовательного процесса, уменьшение длительности учебных курсов, становление модульной системы учебного процесса, возрастание возможности академической мобильности, возрастание значимости интерактивных и мультимедийных методик обучения.

Одним из аспектов модернизации образовательного процесса является внедрение новейших информационных технологий. В современных реалиях информация становится одним из наиболее значимых ресурсов, поэтому информатизация учебного процесса позволяет сделать его более эффективным. Более того, высокий уровень информатизации становится одним из факторов конкурентоспособности высшего учебного заведения. Например, дистанционные формы обучения позволяют быстрее производить некоторые операции, также становится возможным интерактивно представлять учебные материалы (презентации, видео и т.п.). Такая ситуация обуславливает изменение роли преподавателя в образовательном процессе. Если раньше он выступал в качестве основного носителя информации, то сейчас его роль постепенно приобретает консультативный характер. Так, прежняя, авторитарная позиция преподавателя сменяется позицией демократического взаимодействия между преподавателем и студентом, основанного на инициа-

¹⁰ Deem R. Globalisation, new managerialism, academic capitalism and entrepreneurialism in universities: is the local dimension still important? // Comparative Education. 2001. Vol. 37. N 1. P. 7–20.

¹¹ Цигулева О.В. Указ. соч. С. 229.

тиве студента и способствующего становлению и развитию студента как личности.

Таким образом, одним из конфликтогенных факторов в высшей школе выступает компьютеризация образовательного процесса. Соответственно, в процесс обучения активно внедряются новые информационные технологии, влекущие за собой заметные изменения роли и статуса высшей школы, коренящиеся в том, что новые технологии вступают в противоречие с традиционными формами обучения¹².

Другим источником роста конфликтности является коммерциализация системы высшего образования. В современном образовании формируется институциональная основа коммерциализации высшего образования: появляются новые законодательные акты, существуют частные высшие учебные заведения, а также растет количество студентов, обучающихся на контрактной основе. Сведением платных образовательных услуг значительное влияние на статус студента стало оказывать материальное положение его родителей. Группы студентов из экономически более обеспеченных семей зачастую обособливаются от остальной части студенчества, что ведет к нарастанию социальной напряженности в студенческих коллективах. Во-вторых, в условиях коммерциализации системы высшего образования меняется роль высшей школы: теперь университеты и институты представляют собой не только учебные и научные институты, но и новые культурные и экономические сообщества. В результате формируется особая культурная, политическая и экономическая элиты, что порождает значительную трансформацию традиционных академических ценностей.

В образовательной среде увеличивается расслоение студенчества, и под этим подразумевается не только различная степень успеваемости студентов, но также и побудительные факторы, т.е. различная мотивация получения высшего образования. Так, некоторые студенты адекватно оценивают изменения на рынке труда и реагируют на формирующиеся требования к сотруднику. Мотивацией получения высшего образования у таких студентов может стать стремление к получению необходимых знаний и умений, которые обеспечат им конкурентоспособность на рынке труда. Согласно результатам мониторинга экономики образования, “наиболее распространеными причинами поступления на программы магистратуры является ожидаемое студентами преимущество на рынке труда: 58% студентов считают, что магистратура обеспечит лучшие возможности карьер-

¹² Сиволапов А.В. Компьютеризация образования: современные проблемы и перспективы развития // Образование и наука. 2005. № 2. С. 42.

ного роста, 30% — магистратура предоставит возможность получать более высокую заработную плату, 21% — обучение в магистратуре позволит быстрее найти работу после окончания вуза”¹³.

Другие студенты обладают нечеткими жизненными ориентирами, отчуждаются от учебного процесса. Для них зачастую побудительной силой получения высшего образования является воля родителей или других близких людей, имеющих на них влияние.

Таким образом, студенчество условно разделяется на несколько групп, характеризующихся различной мотивацией и моделью поведения в рамках образовательного процесса. Так, значительные изменения в мотивационно-ценостных ориентациях студентов в связи с трансформациями, происходящими в современном обществе, становятся потенциальным источником конфликтных ситуаций между субъектами образовательного процесса.

Специфика конфликтов в системе высшего образования происходит из той роли, которую играет высшая школа в жизни общества, а также из структуры самих учебных заведений. Высшие учебные заведения характеризуются всеми признаками организации — наличием устава, государственной регистрацией, трудовыми отношениями. Так как специфический тип организации “высшее учебное заведение” ведет свою деятельность в соответствии с установленными государством стандартами, в сфере образования осуществляются социально-трудовые отношения, количество преподавателей и студентов установлено регламентом. В то же время он обладает социальной функцией удовлетворения потребности личности в получении знаний и умений¹⁴.

Конфликты в ходе образовательного процесса в высшей школе являются неизбежными, так как его субъекты обладают неравными социальными статусами и выполняют различные роли, что актуализирует проблему социального неравенства¹⁵. Как отмечают в своем исследовании Н.Г. Осипова, С.О. Елишев, Г.Б. Прончев, 64,1% студентов московских вузов считают экономическое неравенство наиболее распространенным видом социального неравенства, 44,8% указывают на неравенство доступа к определенным нематериальным

¹³ Изменения стратегий, мотиваций и экономического поведения студентов и преподавателей российских вузов // Информационный бюллетень. М., 2019 (Мониторинг экономики образования; № 1 (133)). URL: [https://memo.hse.ru/data/2019/03/05/1196154632/2019_inbul_133\(1\).pdf](https://memo.hse.ru/data/2019/03/05/1196154632/2019_inbul_133(1).pdf) (дата обращения: 15.11.2020). С. 41.

¹⁴ Нестерова Л.В. Уровни конфликтности преподавателей высшей школы и способы их снижения // Наука и мир. 2015. № 6. С. 79.

¹⁵ Кухтевич Т.Н. Социальные конфликты в высшей школе (социологический анализ). М., 1993. С. 6.

благам, 40,3% — на неравенство жизненных шансов и возможностей, 33,8% — на наличие классового неравенства¹⁶.

Изучив возможные источники социальных конфликтов в системе высшего образования, конфликты в высшей школе можно сгруппировать по трем основным типам. Первый тип — конфликты типа “общество — высшая школа”¹⁷. Этот тип конфликтов возникает во взаимоотношениях высшей школы с другими социальными институтами. Конфликты типа “общество — высшая школа” отражают сложившееся в обществе отношение к системе высшего образования, причем выявляет реальное, а не провозглашенное мнение¹⁸.

Основным источником конфликтов данного типа становится социально-экономическое положение высшей школы в современном обществе. В Российской Федерации основной проблемой высшей школы в сложившихся экономических условиях становится недостаточность государственного финансирования в сфере высшего образования. Так, в период с 2012 по 2016 г. доля расходов на образование в общем объеме расходов Российской Федерации сократилась на 10,3%¹⁹. Данная ситуация приводит к тому, что высшая школа во многом становится зависимой от средств, получаемых от студентов, обучающихся на договорной основе²⁰.

Таким образом, меняется статус и роль высшей школы в современном обществе в связи с трансформациями в сфере высшего образования — коммерциализацией, компьютеризацией, глобализацией²¹. Консерватизм в сфере высшего образования и стремительно развивающееся российское общество, в котором происходят переориентации в экономической, политической и духовной сферах, могут привести к возникновению конфликтных ситуаций по линии “высшее учебное заведение — общество”.

Второй тип социальных конфликтов в системе высшего образования наблюдается в системе “ректорат — коллективы учебного заведения”. Данный тип социального конфликта проявляется в первичных коллективах высших учебных заведений и напрямую

¹⁶ Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Восприятие социального неравенства московскими студентами // Образование и право. 2020. № 3. С. 16.

¹⁷ Кухтевич Т.Н. Указ. соч. С. 6.

¹⁸ Там же. С. 8.

¹⁹ Козлова Е.К. Государственное финансирование высшего образования в Российской Федерации // Studarctic forum. 2017. № 6. С. 74.

²⁰ Анохина Ю.А. Проблемы коммерциализации высшего образования: социокультурные и экономические аспекты // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2017. № 9–10. С. 15.

²¹ Там же. С. 15.

связан с управленческими проблемами²². В нем находит свое отражение уровень мер, принятых для обеспечения эффективного руководства в высшей школе и внедрения нововведений. Этот тип конфликта включает в себя все структурные подразделения высшего учебного заведения: факультеты, кафедры, ученые советы и общественные организации. Здесь рассматриваются взаимоотношения в коллективах в ходе образовательного процесса.

К третьему типу конфликтов в высшей школе относятся конфликты типа “субъект — субъект”²³, частными проявлениями которых являются конфликты по линии “студент — преподаватель”, “студент — студент”, “преподаватель — преподаватель”, “преподаватель — руководство”²⁴.

Конфликты по линии “студент — преподаватель” представляют собой особый тип социальных отношений, которые обладают своей спецификой. Так, с одной стороны, они являются типичными субъект-субъектными отношениями, в которых находит свое отражение культура современного общества, а с другой стороны, их специфика обуславливается учебной деятельностью, в которой преподаватель наделен по отношению к студентам определенной властью²⁵.

Эффективность образовательного процесса во многом зависит от умения преподавателя реагировать на возникающие социальные конфликты. Причины социальных конфликтов между преподавателями и студентами могут иметь как объективную, так и субъективную природу. Также нужно отметить, что оценка причин возникновения конфликтной ситуации различается у студентов и преподавателей²⁶. Студенты в основном конфликтогенным считают дистанцирование преподавателей, т.е. проявление преподавателем явной обособленности, а также подчеркнутое демонстрирование преподавателем своего превосходствующего положения. Так, согласно исследованию конфликтогенных факторов в отношениях по линии “преподаватель — студент” Е.С. Игнатовой, студенты расположили причины конфликтов такого рода в следующей последовательности. Наиболее острым фактором возникновения конфликтных ситуаций студенты считают “необоснованные обвинения и упреки” со стороны преподавателей. Вторым по значимости конфликтогенным фактором студенты считают “непонятное изложение учебного

²² Кухтевич Т.Н. Указ. соч. С. 6.

²³ Там же. С. 7.

²⁴ Нестерова Л.В. Указ. соч. С. 80.

²⁵ Кухтевич Т.Н. Указ. соч. С. 15.

²⁶ Игнатьева Е.С. Исследование конфликтогенных факторов педагогического взаимодействия в вузе // Дискуссия. 2014. № 10 (51). С. 128.

материала”, третьим — “равнодушие, безразличие преподавателей к нуждам студентов”²⁷.

Согласно мнению преподавателей, конфликты между ними и студентами происходят в первую очередь из-за “нетактичного поведения студентов”. Вторым по значимости конфликтогенным фактором преподаватели считают “несогласие студентов с выставленными оценками”, третьим — “невыполнение заданий преподавателя”²⁸.

Исследование Р.В. Куприяновым конфликтов в системе отношений “преподаватель — студент” демонстрирует сходные результаты. По мнению студентов, наиболее распространенными конфликтными ситуациями в педагогической практике являются: во-первых, “нелогичное (непонятное) изложение учебного материала”; во-вторых, “равнодушие, безразличие преподавателя к потребностям и нуждам студентов”; в-третьих, “занятые требования преподавателя к дисциплине”²⁹. Однако эти конфликтные ситуации не всегда ведут к возникновению конфликтов. Ситуации, чаще всего вызывающие возникновение конфликта, определяются студентами следующим образом: “необъективная оценка работы, придиличность”, “отказ поставить зачет или нужную оценку на экзамене”, “необоснованные обвинения и упреки”³⁰.

В ходе исследования, проведенного Р.В. Куприяновым, преподаватели отмечали как наиболее распространенные следующие конфликтные ситуации: опоздания студентов на занятия, невыполнение заданий, заданных преподавателем, отсутствие студентов на занятиях. Наиболее значимыми конфликтогенными факторами для преподавателей являются: “общение с преподавателем в агрессивной, вызывающей форме”, “нарушение правил поведения в общественных местах”, “невыполнение студентом заданий”, “непосещение занятий”³¹. Таким образом, на основе полученных в ходе исследования данных, Р.В. Куприянов делает вывод о том, что для преподавателей наиболее значимым конфликтогенным фактором является функциональная несовместимость со студентом, тогда как для студентов в одинаковой мере на возникновение конфликтов влияет как функциональная, так и коммуникативная несовместимость³².

²⁷ Игнатова Е.С. Указ. соч. С. 128.

²⁸ Там же.

²⁹ Куприянов Р.В. Межличностные конфликты в диаде преподаватель — студент. Казань, 2011. С. 129.

³⁰ Там же. С. 130.

³¹ Там же. С. 141.

³² Там же. С. 142.

Итак, важными параметрами, оказывающими влияние на возникновение конфликтов в ходе учебного процесса, для преподавателя можно назвать следующие: профессиональные знания и их соответствие современному уровню развития науки, его ценности и мировоззренческие ориентации, мотивация к преподавательской деятельности, педагогические навыки, мотивация, знания и стремления учащихся³³. Для студентов параметрами конфликтности в образовательном процессе являются: ценностные ориентации, мотивация к учебе, самооценка и самоkritичность³⁴.

Как было отмечено ранее, в ходе образовательного процесса также возникают конфликты по линии отношений “студент — студент”. Такой тип конфликтов с наибольшей вероятностью может возникать на первых курсах в связи с процессом самоутверждения индивидов в студенческой группе³⁵. Для молодежной среды характерны такие психологические черты, как повышенная эмоциональная возбудимость, неумение контролировать свои эмоции, а также недостаточный опыт бесконфликтного разрешения конфликтных ситуаций³⁶. Основными источниками конфликтов в студенческой среде являются социальное неравенство, желание самоутверждения, недостаточный жизненный опыт и неоднородность студенчества³⁷.

Конфликты в системе отношений “преподаватель — преподаватель” в основе своей имеют несоответствие темпераментов, а также различные ценностные установки в преподавательском коллективе. В преподавательской среде можно выделить несколько линий поведения, которые ведут к возникновению конфликтных ситуаций. Во-первых, это соперничество преподавателей, стремящихся достичь успехов в научной деятельности, с уже получившими признание авторитетами. Во-вторых, отношение более опытных преподавателей к молодым с подчеркнутым превосходством и некоторой снисходительностью. В-третьих, стремление некоторых преподавателей создать о себе благоприятное впечатление не через преподавательскую деятельность, а путем участия в различных внеучебных мероприятиях³⁸. Все эти модели поведения могут привести к возникновению конфликта в преподавательской среде.

И, наконец, последней разновидностью конфликтов типа “субъект — субъект” в системе высшего образования являются конфликты

³³ Кухтевич Т.Н. Указ. соч. С. 16.

³⁴ Там же. С. 17.

³⁵ Нестерова Л.В. Указ. соч. С. 80.

³⁶ Бондаренко А.О., Кудинова А.И., Петрова Н.П. Конфликты в молодежной среде // Символ науки. 2016. № 6–2. С. 246.

³⁷ Там же. С. 246.

³⁸ Нестерова Л.В. Указ. соч. С. 80.

между преподавателями и руководством. Данный тип конфликтов может возникать по причине завышенных требований к преподавательскому составу со стороны руководства. Также причиной возникновения конфликтной ситуации может стать неравномерное распределение руководством нагрузки между преподавателями и необоснованные претензии и обвинения³⁹.

Таким образом, в результате трансформации современной системы высшего образования в России были реализованы такие принципы, как единая система академических степеней, мобильность студентов, преподавателей и сотрудников сферы высшего образования, единые стандарты качества образования, активное внедрение новейших информационных технологий. С одной стороны, появились новые перспективы для обучения и профессионального развития, а с другой — активизировались источники социальной напряженности и конфликтность в образовательной среде.

В связи с происходящими изменениями неизбежно преобразуются образовательные практики. На данный момент можно говорить о выходе на первый план, говоря терминами М. Мид, “префигуративных” форм преемственности между поколениями. Это означает, что настоящие, актуальные современные практики перестают произрастать из прошлых. М. Мид пишет, что для префигуративной формы преемственности характерно, что “...у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого не было и не будет у старших”⁴⁰. Понятно, что мы можем экстраполировать терминологию М. Мид на процессы, происходящие в современной системе высшего образования, со значительной долей оговорок. Однако в сущности, понятие префигуративной преемственности описывает ситуацию в современном образовании.

Сейчас выражение “учитель учится у своего ученика” приобретает как нельзя более актуальное значение. Концепция опережающего образования и постоянные нововведения в технологической сфере приводят к тому, что преподавателю необходимо постоянно подстраиваться под требования цифрового мира, осваивать новые сферы и приобретать новые навыки, которые для представителей цифрового поколения являются само собой разумеющимися⁴¹. По мере того, как на первый план выходят такие характеристики преподавателя, как психологическая гибкость, открытость мышления и способность быстро подстраиваться под изменяющиеся условия

³⁹ Нестерова Л.В. Указ. соч. С. 80.

⁴⁰ Мид М. Культура и мир детства / Коммент. Ю.А. Асеева. М., 1988. С. 361.

⁴¹ Каменев С.В. Образование в цифровом мире: возможности и перспективы // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 88.

среды, неизбежно происходят изменения в тенденциях реализации образовательной стратегии. Функция неизменной передачи опыта, выработанного предыдущими поколениями, становится уже не столь актуальной. При этом приоритетной функцией преподавателя становится приучение студента к самостоятельности и свободе мысли, творчеству, способности анализировать информацию и делать из нее свои выводы, а не получать готовые⁴². Именно эта способность ценится в будущих выпускниках, рабочей силе. Задачей преподавателя становится формирование будущей “самопрограммирующейся” рабочей силы, в терминах М. Кастельса⁴³. Таким образом, вследствие становления цифровой эпохи преобразовалась не только форма преемственности знаний, но и задачи преподавателя как передатчика знаний.

Последствием внедрения цифровых практик в процесс образования является изменение профессиональной практики педагогов в высшем образовании, а также зоны их ответственности в учебном процессе. В рамках традиционной модели образования преподаватель являлся ключевой фигурой⁴⁴ и выполнял основную функцию по трансляции знаний. В настоящее время роль транслятора знаний изменяется по ряду причин: во-первых, возрастания числа активных источников информации, во-вторых, возрастающей непостоянностью социальных реалий и их непредсказуемостью⁴⁵. Существенным выступает момент перехода от традиционной модели образования к модели цифрового образования, в процессе которого меняется профессиональная роль преподавателя. Теперь он становится скорее модератором информационных потоков, который с использованием новых цифровых технологий может в ходе учебного процесса выстроить определенную среду знаний, тем самым способствуя ориентации студентов в образовательном пространстве. Такая ориентированность преподавателя на модераторскую и управленческую функции способствует трансформации преподавателя в своего рода менеджера, конструирующего и создающего для студентов комфортную учебную среду⁴⁶. Так появляется тенденция трансформации системы образования в соответствии с концепцией “когнитивного

⁴² Там же. С. 89.

⁴³ Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004. С. 113.

⁴⁴ Калимуллина О.В., Троценко И.В. Современные цифровые образовательные инструменты и цифровая компетентность: анализ существующих проблем и тенденций // Открытое образование. 2018. № 3. С. 65.

⁴⁵ Каменев С.В. Образование в цифровом мире: возможности и перспективы // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 425. С. 88.

⁴⁶ Каменев С.В. Указ. соч. С. 88; Gumpert P.J. Op. cit.

менеджмента". Функция такого менеджмента в образовании и науке состоит больше не в организации управленческой деятельности, а в подборе соответствующих ресурсов для достижения намеченных целей и поиске эффективных способов их использования. Тогда эффективность когнитивного менеджмента в сфере образования и науки измеряется не полученной вследствие преобразований прибыли, а в оптимизации производства знания⁴⁷. Нужно отметить, что трансформации в системе образования все больше описываются в рамках рыночного дискурса, и это напрямую связано с тенденцией к коммерциализации системы высшего образования.

Таким образом, преподаватель из традиционной модели образования сменяется менеджером нового типа в современной модели образования. В сфере образования менеджером становится тот, кто управляет использованием специфичных ресурсов — образовательных. Его задачей становится сделать этот ресурс функциональным, однако не в смысле прибыльности, как в классическом рыночном понимании, а в смысле оптимизации производства нового знания и его передачи обучающимся. Это предполагает развитие в сфере образования менеджерской культуры, суть которого заключается не только в наращивании навыков управления, но и значительного расширения области их применения, в том числе на информационные потоки и образовательное пространство⁴⁸. В данном аспекте возникает проблема психологической готовности современного преподавателя осваивать новые образовательные ресурсы и эффективно использовать их в учебном процессе. Например, формат удаленного режима в определенной мере предполагает освоение новых образовательных платформ, изменение методики преподавания практических и семинарских занятий, сложившихся в традиционной модели образования. Как следствие, нарастание психологической, эмоциональной напряженности или, наоборот, возникновение апатии и снижение активности в зависимости от индивидуальных особенностей профессорско-преподавательского состава и степени адаптации к новому формату проведения учебных занятий.

Цифровая образовательная среда предоставляет не только преподавателям, но и обучающимся спектр возможностей для развития, получения новых знаний и умений. В какой степени студентами этот потенциал будет задействован, зависит напрямую от субъективной мотивации и стремления к получению новых знаний, а также спо-

⁴⁷ Сыров В.Н., Агафонова Е.В. Конгнитивный менеджмент в структуре образования и науки: философско-методологические аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. С. 49.

⁴⁸ Там же. С. 49.

собности самостоятельно организовать свой учебный процесс⁴⁹. На основе имеющейся информации он может проанализировать собственные потребности и на их основе составить собственную образовательную траекторию. Далее студенту приходится решать, насколько выбранный образовательный маршрут соответствует его требованиям и ожиданиям. Если речь идет о прохождении онлайн-курсов или обучении на удаленной основе, то от студента требуется самостоятельность в распределении своей академической нагрузки, организация своей учебной деятельности в ходе всего образовательного процесса.

Таким образом, новые информационные технологии, с одной стороны, предоставляют большие возможности, с другой стороны, могут выступать источником социальной напряженности и социальной эксклюзии. Согласно результатам социологического исследования, “примером социальной эксклюзии является ограничение доступа к ресурсам, связанным с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ)”⁵⁰. Причинами существования ограничений могут являться как отсутствие физического доступа к ИКТ (финансовое положение, территориальная удаленность), так и отсутствие необходимых информационных компетенций (недостаток образования)⁵¹.

Формирование новых образовательных практик обусловлено также структурными изменениями учебного процесса⁵². Дисциплинарная система построения образовательного процесса, характерная для традиционной модели образования, уступает место модульной системе. Модульно выстроенный образовательный процесс предполагает разделение на автономные структурные блоки, модули, каждый из которых представляет собой определенную целостность. Модульная система обучения направлена на большую самостоятельность учащихся, при этом педагог выступает в качестве модератора и помощника⁵³. В рамках смарт-образования модули могут быть предложены студентам для прохождения как дистанционно, с использованием мультимедийных технологий, так и очно. Цифровое образование в совокупности с модульной системой обучения дает возможность для развития академической мобильности в виртуаль-

⁴⁹ Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения. М., 2019. С. 17.

⁵⁰ Осипова Н.Г. Социальное неравенство в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 124–153.

⁵¹ Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Указ. соч. С. 13.

⁵² Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Указ. соч. С. 20.

⁵³ Крючкова К.С. Модульная система обучения в российских вузах как условие обеспечения академической мобильности студентов // Известия ВГПУ. 2018. № 8 (131). С. 29.

ном образовательном пространстве. Виртуальная мобильность — это возможность студентам обучаться в другом учебном заведении при помощи новых мультимедийных технологий дистанционного образования⁵⁴. Модульная система же позволяет обучающимся освоить определенный блок знаний — модуль — в другом учебном заведении без длительного встраивания в учебный процесс. Суть заключается в том, что студент дистанционно может прослушать модуль лекций иностранного учебного заведения, так как они уже представляют собой автономную совокупность знаний, не требующих предварительной подготовки.

Вышеперечисленные тенденции трансформации образовательной среды обозначили существование ряда рисков, которые необходимо учитывать при анализе возможных форм проявления конфликтов.

Во-первых, с цифровизацией профессионального образования приходит риск преобразования мышления учащихся, изменения системы ценностей и жизненных ориентиров⁵⁵. Беспрецедентная компьютеризация ведет к трансформации общественного сознания, следствиями которого могут стать переориентация на технократическое мышление, ориентированное на приоритет средства над целью, когда более важное значение приобретает техника, а не человек. Становление цифрового поколения, привыкшего во всем пользоваться помощью технологий, ведет к распространению неспособности мыслить критически и рационально, адекватно воспринимать окружающую реальность в силу перегруженности сознания информационным шумом, который становится следствием непрерывной погруженности в цифровую среду. Следовательно, для системы высшего образования это грозит дегуманизацией института образования.

Во-вторых, возникает риск переоценки возможностей цифровых технологий в образовательном процессе, принижения человеческого фактора и роли преподавателя в процессе получения профессионального образования⁵⁶. Дальнейшая цифровизация образования движется в сторону доминирования форм самообразования с использованием цифровых технологий и уменьшения роли преподавателя в учебном процессе. Однако ряд ученых признает, что и в будущем процесс передачи знаний от человека к человеку будет оставаться одной из наиболее эффективных форм подачи материала⁵⁷. Ведь даже

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Указ. соч. С. 51.

⁵⁶ Там же. С. 52.

⁵⁷ Образование для сложного общества: Доклад Global Education Futures / Под ред. П. Лукши, П. Рабиновича, А. Асмолова. М., 2018. С. 77.

для самообразования при помощи цифровых технологий требуется, чтобы кто-то записал курс лекций, выложил его в цифровую образовательную среду. Таким образом, наиболее разумной стратегией образования остается гармоничный баланс между очными и дистанционными формами обучения.

В-третьих, необходимо четко разграничивать цифровизацию образовательного процесса и оцифровку учебных материалов, так как возникает риск подмены понятий. Цифровое образование требует переоценки существующих методик преподавания, форм подачи материала и системы оценивания и контроля знаний. Оцифровка материалов при использовании уже имеющейся традиционной методики преподавания качественно не меняет образовательный процесс⁵⁸. Так, учебник, переведенный в цифровой формат, без изменения его содержания, просто дает возможность просматривать его на электронном носителе. Для цифрового поколения такая возможность становится привлекательной, однако сам процесс образования все еще не соответствует современным требованиям. Цифровое образование предполагает осмысление всего образовательного процесса, его методики и течения. Оцифровка образовательного материала может быть одним из переходных этапов цифровизации образовательного процесса, однако для грамотного его построения необходим переход от традиционной модели образовательного процесса к смарт-образованию.

В-четвертых, при недостаточной вовлеченности высшей школы в деятельность по конструктивной трансформации образовательного процесса, доминирующую позицию могут занять сетевые поставщики образовательных услуг. При этом последние рассматривают образовательные курсы лишь поверхностно, в качестве “услуг”, вследствие чего может распространяться некачественная информация, а курсы не соответствовать педагогическим и научным стандартам⁵⁹. Предотвращение данного риска требует системного построения образовательных курсов в соответствии с требованиями современных реалий. Для этого необходимо, чтобы был модератор, посредник между разработчиками цифровых продуктов и научным сообществом. Такой специалист должен, с одной стороны, хорошо разбираться в педагогических и научных требованиях к представленному в образовательных курсах материалу, с другой стороны, понимать принципы построения цифровой

⁵⁸ Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Указ. соч. С. 54.

⁵⁹ Там же. С. 55.

образовательной среды и возможности цифровых технологий в образовании.

В-пятых, возникают риски, связанные с большими массивами персональных данных. В процессе обучения образовательные организации накапливают огромные массивы данных о студентах, их успеваемости, социально-экономическом положении и психологических особенностях⁶⁰. В связи с этим неизбежно возникает риск утечки этой информации, ее доступности для третьих лиц. Таким образом, цифровизация образовательного процесса способствует выдвижению особых требований по информационной безопасности цифровой образовательной среды.

Наконец, с цифровизацией образования связан ряд управляемых рисков, неизбежно возникающих перед системой высшего образования. Эти риски обусловлены следующими возможными действиями: необоснованность и торопливость нововведений, психологическая неготовность преподавателей и студентов, отсутствие научного обоснования вводимых изменений, цифровизация в связи с утилитарной задачей удешевления образования⁶¹. Для устранения этих рисков требуется научное исследование процесса трансформации системы высшего образования, мониторинг по выявлению степени социальной напряженности.

Таким образом, в результате трансформации современной системы высшего образования в России, были реализованы такие принципы, как единая система академических степеней, мобильность студентов, преподавателей и сотрудников сферы высшего образования, единые стандарты качества образования, активное внедрение новейших информационных технологий. С одной стороны, появились новые перспективы для обучения и профессионального развития, а с другой — активизировались источники социальной напряженности и конфликтности в образовательной среде. Для реализации системного и эффективного окончательного перехода от традиционной к цифровой модели образования требуется коренная перестройка всей системы высшего образования на государственном уровне, внедрение модульных цифровых образовательных сред. При этом требуется четкая систематизация образовательного процесса, проработка нормативно-правовой базы, подготовка научных и административных кадров, а также создание эффективной информационной базы на интегрированной образовательной платформе.

⁶⁰ Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Указ. соч. С. 56.

⁶¹ Там же. С. 57–58.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохина Ю.А. Проблемы коммерциализации высшего образования: социокультурные и экономические аспекты // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2017. № 9–10 (13–14).
- Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения. М., 2019.
- Бондаренко А.О., Кудинова А.И., Петрова Н.П. Конфликты в молодежной среде // Символ науки. 2016. № 6–2.
- Борцов Ю.С. Информатизация образования: парадигмальный переход или технологическое приспособление // Гуманитарий Юга России. 2016. № 3.
- Демиура С.С., Дмитриева Е.Ю., Полуянова Л.А. Рынок образовательных услуг и современные тенденции развития образования в России // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 2(19).
- Игнатова Е.С. Исследование конфликтогенных факторов педагогического взаимодействия в вузе // Дискуссия. 2014. № 10 (51).
- Изменения стратегий, мотиваций и экономического поведения студентов и преподавателей российских вузов // Информационный бюллетень. М., 2019. (Мониторинг экономики образования. № 1 (133)). URL: [https://memo.hse.ru/data/2019/03/05/1196154632/2019_inbul_133\(1\).pdf](https://memo.hse.ru/data/2019/03/05/1196154632/2019_inbul_133(1).pdf) (дата обращения: 15.11.2020).
- Калимуллина О.В., Троценко И.В. Современные цифровые образовательные инструменты и цифровая компетентность: анализ существующих проблем и тенденций // Открытое образование. 2018. № 3.
- Каменев С.В. Образование в цифровом мире: возможности и перспективы // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425.
- Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.
- Козлова Е.К. Государственное финансирование высшего образования в Российской Федерации // Studarctic forum. 2017. № 6.
- Крючкова К.С. Модульная система обучения в российских вузах как условие обеспечения академической мобильности студентов // Известия ВГПУ. 2018. № 8 (131).
- Куприянов Р.В. Межличностные конфликты в диаде преподаватель — студент. Казань, 2011.
- Кухтевич Т.Н. Социальные конфликты в высшей школе (социологический анализ). М., 1993.
- Мид М. Культура и мир детства / Коммент. Ю.А. Асеева. М., 1988.
- Нестерова Л.В. Уровни конфликтности преподавателей высшей школы и способы их снижения // Наука и мир. 2015. № 6.
- Нефедова А.И. О концептах “Академический капитализм” и “Предпринимательский университет” // Высшее образование в России. 2015. № 6.
- Образование для сложного общества: Доклад Global Education Futures / Под ред. П. Лукши, П. Рабиновича, А. Асмолова. М., 2018.
- Осипова Н.Г. Социальное неравенство в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4.
- Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Восприятие социального неравенства московскими студентами // Образование и право. 2020. № 3.
- Сиволапов А.В. Компьютеризация образования: современные проблемы и перспективы развития // Образование и наука. 2005. № 2.
- Сыров В.Н., Агафонова Е.В. Конгнитивный менеджмент в структуре образования и науки: философско-методологические аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370.
- Тихомиров В.П., Днепровская Н.В. Смарт-образование как основная парадигма развития информационного общества // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2015. № 11.

Цигулева О.В. Образовательные модели высшей школы в странах Западной Европы и России в рамках Болонского процесса // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388.

Шеховцов А.Н., Шеховцова Н.А. Традиции Болонского университета и современный Болонский процесс // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1 (23).

REFERENCES

Anokhina Yu.A. Problemy kommersializatsii vysshego obrazovaniya: sotsiokul'turnye i ekonomicheskie aspekty [Problems of commercialization of higher education: socio-cultural and economic aspects] // Sankt-Peterburgskii obrazovatel'nyi vestnik. 2017. N 9–10 (13–14) (in Russian).

Blinov V.I., Dulinov M.V., Esenina E.Yu., Sergeev I.S. Proekt didakticheskoi kontseptsii tsifrovogo professional'nogo obrazovaniya i obucheniya [Project didactic concept digital professional education and training]. M., 2019 (in Russian).

Bondarenko A.O., Kudinova A.I., Petrova N.P. Konfliktы v molodezhnoi srede [Conflicts in the youth environment] // Simvol nauki. 2016. N 6–2 (in Russian).

Bortsov Yu.S. Informatizatsiya obrazovaniya: paradigmal'nyi perekhod ili tekhnologicheskoe prisposoblenie [Informatization of education: paradigm transition or technological adaptation] // Gumanitarii Yuga Rossii. 2016. N 3 (in Russian).

Deem R. Globalization, new managerialism, academic capitalism and entrepreneurialism in universities: is the local dimension still important? // Comparative Education. 2001. Vol. 37. N 1.

Demtsura S.S., Dmitrieva E.Yu., Poluyanova L.A. Rynok obrazovatel'nykh uslug i sovremennye tendentsii razvitiya obrazovaniya v Rossii [The market of educational services and modern trends in the development of education in Russia] // Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2017. T. 6. N 2(19) (in Russian).

Gumpert P.J. Academic restructuring: organizational change and institutional imperatives. Higher education // The International Journal of Higher Education and Educational Planning. 2000. N 39.

Ignatova E.S. Issledovanie konfliktogennykh faktorov pedagogicheskogo vzaimodeistviya v vuze [Research of conflict factors of pedagogical interaction in higher education] // Diskussiya. 2014. N 10 (51) (in Russian).

Izmeneniya strategii, motivatsii i ekonomiceskogo povedeniya studentov i prepodavatelei rossiiskikh vuzov [Changes in strategies, motivation and economic behavior of students and teachers of Russian universities] // Informatsionnyi byulleten'. (Monitoring ekonomiki obrazovaniya). M., 2019. URL: [https://memo.hse.ru/data/2019/03/05/1196154632/2019_inbul_133\(1\).pdf](https://memo.hse.ru/data/2019/03/05/1196154632/2019_inbul_133(1).pdf) (15.11.2020) (in Russian).

Kalimullina O.V., Trotsenko I.V. Sovremennye tsifrovye obrazovatel'nye instrumenty i tsifrovaya kompetentnost': analiz sushchestvuyushchikh problem i tendentsii [Modern digital educational tools and digital competence: analysis of existing problems and trends] // Otkrytoe obrazovanie. 2018. N 3 (in Russian).

Kamenev S.V. Obrazovanie v tsifrovom mire: vozmozhnosti i perspektivy [Education in the digital world: opportunities and prospects] // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2017. N 425 (in Russian).

Kastel's M. Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve [The Internet Galaxy: Reflections on Internet, business and society]. Ekaterinburg, 2004 (in Russian).

Kozlova E.K. Gosudarstvennoe finansirovaniye vysshego obrazovaniya v Rossiiskoi Federatsii [State financing of higher education in the Russian Federation] // Studarctic forum. 2017. N 6 (in Russian).

Kryuchkova K.S. Modul'naya sistema obucheniya v rossiiskikh vuzakh kak uslovie obespecheniya akademicheskoi mobil'nosti studentov [Modular system of education in

Russian universities as a condition for ensuring academic mobility of students] // *Izvestiya VGPU*. 2018. N 8 (131) (in Russian).

Kupriyanov R.V. Mezhlichnostnye konflikty v diade prepodavatel' — student [Interpersonal conflicts in the teacher — student dyad]. Kazan', 2011 (in Russian). *Kukhtevich T.N. Sotsial'nye konflikty v vysshei shkole (sotsiologicheskii analiz)* [Social conflict in higher education (a sociological analysis)]. M., 1993 (in Russian). *Mid M. Kul'tura i mir detstva* [Culture and the world of childhood] / Komment. Yu.A. Aseeva [Comments. Y.A. Aseev]. M., 1988 (in Russian).

Nefedova A.I. O kontseptakh "Akademicheskii kapitalizm" i "Predprinimatel'skii universitet" [On the concepts of "Academic capitalism" and "Entrepreneurial University"] // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2015. N 6 (in Russian).

Nesterova L.V. Urovni konfliktnosti prepodavatelei vysshei shkoly i sposoby ikh snizhenie [Levels of conflict among higher school teachers and ways to reduce them] // *Nauka i mir*. 2015. N 6 (in Russian).

Obrazovanie dlya slozhnogo obshchestva: Doklad global education futures [Education for a complex society: Report of The Global Education Futures] / Pod red. P. Lukshi, P. Rabinovicha, A. Asmolova. M., 2018 (in Russian).

Osipova N.G. Sotsial'noe neravenstvo v sovremenном mire [Social inequality in the modern world] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2019. T. 25. N 4 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Vospriyatie sotsial'nogo neravenstva moskovskimi studentami [Perception of social inequality by Moscow students] // *Obrazovanie i parvo*. 2020. N 3 (in Russian).

Shekhovtsov A.N., Shekhovtsova N.A. Traditsii Bolonskogo universiteta i sovremennoi Bolanskii protsess [Traditions of the University of Bologna and the modern Bologna process] // *Vestnik VolGU. Seriya 4. Iстория. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2013. N 1 (23) (in Russian).

Sivolapov A.V. Komp'yuterizatsiya obrazovaniya: sovremennye problemy i perspektivy razvitiya [Computerization of education: modern problems and prospects of development] // *Obrazovanie i nauka*. 2005. N 2 (in Russian).

Syrov V.N., Agafonova E.V. Kongnitivnyi menedzhment v strukture obrazovaniya i nauki: filosofsko-metodologicheskie aspekty [Cognitive management in the structure of education and science: philosophical and methodological aspects] // *Vestn. Tom. gos. un-ta*. 2013. N 370 (in Russian).

Tikhomirov V.P., Dneprovskaya N.V. Smart-obrazovanie kak osnovnaya paradigma razvitiya informatsionnogo obshchestva [Smart education as the main paradigm of information society development] // *Sovremennye informatsionnye tekhnologii i IT-obrazovanie*. 2015. N 11 (in Russian).

Tsiguleva O.V. Obrazovatel'nye modeli vysshei shkoly v stranakh Zapadnoi Evropy i Rossii v ramkakh Bolonskogo protsessa [Educational models of higher education in Western Europe and Russia in the framework of the Bologna process] // *Vestn. Tom. gos. un-ta*. 2014. N 388 (in Russian).

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Т.В. Антонова, асп. кафедры социологии и информационных технологий Среднерусского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, б-р Победы, д. 5А, г. Орел, Российская Федерация, 302028*

Цель статьи — охарактеризовать проблемы и перспективы развития волонтерской деятельности в молодежной среде Орловской области. В статье осуществлен краткий обзор литературы по вопросам волонтерской деятельности. Представлены результаты авторского социологического исследования “Координация волонтерской деятельности в молодежной среде Орловской области” — материалы интервью с руководителями волонтерских организаций (волонтерских групп, волонтерских отрядов, волонтерских центров (движений)), волонтерских проектов Орловской области. На основе анализа материалов интервью выделены группы проблем, характерные для развития волонтерской деятельности в Орловской области. Проведено сопоставление полученных автором в ходе интервью материалов с результатами анкетного опроса жителей Орловской области, организованного социологической лабораторией Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС, и результатами исследования ВЦИОМ.

Результаты исследования, проведенный анализ позволили автору сформулировать проблемы развития волонтерской деятельности в молодежной среде Орловской области и выявить перспективы дальнейшего существования данного вида деятельности в регионе.

Ключевые слова: волонтерство, волонтерская деятельность, молодежь, интервью, волонтер, перспективы, социологическое исследование, эксперт, потенциал волонтерства.

* Антонова Татьяна Викторовна, e-mail: antonova10101993tv@mail.ru

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF VOLUNTEER ACTIVITIES IN THE YOUTH ENVIRONMENT (BASED ON MATERIALS OF REGIONAL SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Antonova Tatiana V., Postgraduate Student of the Department of Sociology and Information Technologies, Central Russian Institute of Management — a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, blvd Pobedy, 5A, Orel, Russian Federation, 302028, e-mail: antonova10101993tv@mail.ru

The purpose of the article is to characterize the problems and prospects of development of volunteer activities in the youth environment of the Orel region. The article provides a brief review of the literature on volunteer activities. The article presents the results of the author's sociological study "Coordination of volunteer activities among the youth of the Orel region" — materials of interviews with the heads of volunteer organizations (volunteer groups, volunteer groups, volunteer centers (movements)), volunteer projects of the Orel region. Based on the analysis of the interview materials, groups of problems typical for the development of volunteer activities in the Orel region are identified. A comparison of the materials obtained by the author during the interview with the results of a questionnaire survey of residents of the Orel region, organized by the sociological laboratory of the Central Russian Institute of Management, a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, and the results of a VTSIOM study are carried out.

The results of the study, the analysis allowed the author to formulate the problems of development of volunteer activity in the youth environment of the Orel region and to identify the prospects for the further existence of this type of activity in the region.

Keywords: volunteering, volunteering, youth, interviews, volunteer, prospects, case study, expert, volunteering potential.

Введение

Рассматриваемая тема достаточно актуальна. Во всем мире волонтерская деятельность становится смыслом жизни молодежи, имеющей национальные, социальные и культурные различия, которая объединяется для решения социальных проблем. Сегодня волонтерская деятельность представляет глобальный феномен современного социума, включенный в мировые тренды и имеющий отличительные особенности в каждой стране. Политикой нашей страны обусловлено увеличение численности волонтеров. Понимание сущности волонтеров, их деятельности с позиции определения перспектив развития волонтерской деятельности в нашей стране, а также возможностей регулирования данного вида деятельности

становится важным в современных условиях. Потенциал волонтерства заставляет обратить внимание на потребности общества в исследовании возможностей и перспектив развития отдельных его направлений. В связи с этим актуализируется исследование существующего опыта волонтерской деятельности в молодежной среде. Вопросы волонтерской деятельности поднимаются исследователями на научно-практических конференциях, находят отражение на страницах периодических изданий, освещаются средствами массовой информации. Анализ литературы показывает, что в настоящее время растет число эмпирических исследований, рассматривающих отдельные аспекты волонтерской деятельности. Исследователи все чаще акцентируют внимание на вопросах, связанных с волонтерской деятельностью, рассматривают данный вид деятельности с позиции пользы для современного общества. По мнению А.В. Ермиловой, И.А. Исаковой, В.И. Игнатьевой, в основном и чаще всего исследования ведутся с позиции выявления существующих добровольческих практик, а выявление проблемного поля остается без внимания, что является недостаточным¹.

Как отмечает М.В. Певная, исследования волонтеров, гражданских активистов, третьего сектора позволяют понять особенности волонтерства, получить срез характеристик волонтерских подобиностей². Так, Г.Е. Зборовским, М.В. Певной и А.А. Ведерниковым проведен анализ вопросов содействия деятельности волонтеров со стороны государства, осуществлен комплекс мероприятий, направленных на оценку управленческих решений региональных органов исполнительной власти по отношению к волонтерству³. В.А. Смирновым рассмотрены особенности современного этапа развития волонтерства в нашей стране, предложена авторская типология сообществ волонтеров: “группы-франшизы, сервисные онлайн-сообщества и группы прямого действия”⁴. А.А. Шабунова и К.Е. Косыгина дали оценку волонтерской деятельности с позиции

¹ Ермилова А.В., Исакова И.А., Игнатьева В.И. Региональное проблемное поле волонтерства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2 (50). С. 89.

² Певная М.В. Управление российским волонтерством: сущность и противоречия // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 69.

³ Зборовский Г.Е., Певная М.В., Ведерников А.А. Волонтерство в пространстве регионального управления (кейс Свердловской области) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 10.

⁴ Смирнов В.А. Онлайн-сообщества российских волонтеров (на примере социальной сети VKontakte) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 3. С. 71.

экономической значимости СО НКО для регионального развития⁵. Исследования И.В. Мерсияновой, Д.И. Малахова и Н.В. Ивановой выступают подтверждением преемственности волонтерства, обусловленным непосредственным влиянием семьи на передачу добровольческих традиций и ценностей⁶.

В Орловской области проблематика волонтерской деятельности поднималась в работах Н.В. Мироненко⁷, В.И. Уваровой и М.А. Федосеевой⁸, М.А. Бочанова и Е.Е. Чернухиной⁹, Т.В. Игнатьевой¹⁰, М.И. Прокохиной¹¹, Т.Н. Ключниковой и В.Н. Орловой¹², Н.В. Проказиной, Н.Ю. Бобылевой и Н.Н. Хатнюк¹³ и др.¹⁴

Целью настоящей работы является выявление проблем и перспектив развития волонтерской деятельности в молодежной среде Орловской области.

⁵ Шабунова А.А., Косыгина К.Е. Методика оценки экономической значимости некоммерческого сектора в регионе // Проблемы развития территории. 2019. № 5 (103). С. 7–23.

⁶ См., например: Мерсиянова И.В., Малахов Д.И., Иванова Н.В. Роль семьи в качестве канала межпоколенческой передачи традиций волонтерства в современной России // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 3. С. 66–89; Мерсиянова И.В., Иванова Н.В., Малахов Д.И. Взаимосвязь между участием в волонтерстве и благотворительными пожертвованиями: межпоколенческий контекст // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 94–106.

⁷ Мироненко Н.В. Волонтерская деятельность в системе социального партнерства некоммерческих организаций // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 3 (14). С. 109–116.

⁸ Уварова В.И., Федосеева М.А. Волонтерство как проявление особой жизненной ориентации (на примере исследования студенческой молодежи Орловского региона) // Образование и общество. 2015. № 2 (91). С. 103–109.

⁹ Бочанов М.А., Чернухина Е.Е. Волонтерское движение: российский опыт и мировая практика // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2 (65). С. 70–75.

¹⁰ Игнатьева Т.В. Волонтерство как форма проявления активности в молодежной среде // Современные проблемы регионалистики: сборник по материалам II Мерцаловских чтений. В 2-х т. / Под ред. П.А. Меркулова. Орел, 2016. С. 48–49.

¹¹ Прокохина М.И. Добровольчество в России: тренды и векторы развития // Образование и общество. 2018. № 5 (112). С. 126–130.

¹² Ключникова Т.Н., Орлова В.Н. Социальные инновации: сетевой диалог и новые формы добровольческого участия молодежи в развитии городской среды // Самоуправление. 2019. Т. 2. № 2 (115). С. 78–81.

¹³ Проказина Н.В., Бобылева Н.Ю., Хатнюк Н.Н. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 2. С. 47–56.

¹⁴ Антонова Т.В. Развитие социальной активности молодёжи в системе волонтерской деятельности // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 4. С. 66–85; Меркулов П.А., Дорохова Ю.В., Игнатьева Т.В., Проказина Н.В. Молодежь региона в 2018 году. Научное издание. Информационно-социологический бюллетень. Орел, 2019; Антонова Т.В. Государственная поддержка волонтерской деятельности в Орловской области: основные формы и направления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 2. С. 255–264.

Методология и методы исследования

Эмпирическая база статьи включает в себя несколько источников.

– Материалы авторского социологического исследования на тему “Координация волонтерской деятельности в молодежной среде Орловской области” — 13 интервью с экспертами в области волонтерской деятельности, проживающими в Орловской области. Эксперты отбирались при помощи метода “снежного кома”. В состав экспертов вошли руководители волонтерских организаций (волонтерских групп, волонтерских отрядов, волонтерских центров (движений)), волонтерских проектов, в том числе руководство Ресурсного координационного центра добровольческих инициатив (в настоящее время — Ресурсный центр добровольчества Орловской области), региональные координаторы федеральных программ, руководители и заместители руководителей общественных организаций. Возраст экспертов — от 20 до 55 лет. Период проведения интервью с экспертами: 04.04.2019–28.05.2019.

– Результаты регионального социологического исследования на тему: “Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала молодежи в Орловской области”, проведенного социологической лабораторией кафедры “Социология и информационные технологии” Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС в октябре 2018 г. Объем выборочной совокупности — 400 человек. В состав выборочной совокупности вошли жители Орловской области: г. Орел, Орловский район, Ливенский район, Мценский район, Кромской район. Выборка — квотно-гнездовая, репрезентативна по половозрастной структуре и месту жительства населения¹⁵.

– Результаты вторичного анализа исследования ВЦИОМ о перспективах добровольчества в высших и средних профессиональных учебных заведениях “Исследование потенциала развития добровольчества среди обучающихся образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования” (ВЦИОМ, ноябрь 2019 г.). Метод: личный опрос. Объем выборочной совокупности: 600 учащихся ссузов и 600 студентов вузов. В состав выборочной совокупности вошли учащиеся ссузов и студенты вузов Краснодарского края, Челябинской области, Республики Башкортостан, Московской области, Новосибирской области, Амурской области, Мурманской области, Республики Дагестан, Нижегородской области, Воронежской области, Москвы, Санкт-Петербурга, Приморского края, Республики Татарстан, Ставропольского края, Красноярского

¹⁵ Подробнее см.: Меркулов П.А., Дорохова Ю.В., Игнатова Т.В., Проказина Н.В. Указ. соч. С. 39–46.

края, Свердловской области, Ростовской области, Белгородской области, Томской области¹⁶.

Результаты исследования

Руководствуясь требованиями к процедуре и особенностям проведения интервью, автором был разработан инструментарий социологического исследования “Координация волонтерской деятельности в молодежной среде Орловской области” и апробирован на практике.

Полученные в процессе интервью с руководителями волонтерских организаций (волонтерских групп, волонтерских отрядов, волонтерских центров (движений)), волонтерских проектов результаты позволяют выделить проблемы и перспективы развития волонтерской деятельности в молодежной среде Орловской области с позиции экспертов.

Заданный в ходе интервью вопрос “Какие проблемы волонтерства в молодежной среде Орловской области Вы отмечаете?” позволил выявить следующие группы проблем:

– Непонимание кто такой волонтер, правовая регламентация волонтерской деятельности.

“Проблемы? Проблемы не в молодежной среде, а проблемы вообще в волонтерстве: в правильном понимании волонтерства, прежде всего, со стороны органов исполнительной власти. Это основная проблема... Кто такой волонтер? Чем он должен заниматься? Что, какие сервисы обязаны просто предоставлять волонтерам? У нас очень часто действительно путают участников и волонтеров. У нас очень часто путают дежурных и волонтеров. У нас очень часто путают обслуживающий персонал и волонтеров. Проблемы взаимоотношений с властью, поддержки со стороны органов региональной власти именно в реализации добровольческих проектов. И нет понимания... о результатах, вкладе волонтерства, вообще, в развитии региона. А ведь волонтеры приносят 5% ВВП, вообще, в любой стране. Минимум 5% по оценкам всех банков. Этот вклад, я считаю, что нужно учитывать, нужно понимать, нужно создавать условия для развития добровольчества. Координация, потому что, конечно, есть определенные сложности в плане регламентации деятельности. Если это система образования, то в любом случае, это, конечно, существуют школьные волонтерские отряды — им

¹⁶ Подробнее см.: Международный форум добровольцев в Сочи // ВЦИОМ: офиц. сайт. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=237&uid=10057> (дата обращения: 24.12.2019).

необходим наставник, им необходим организатор, чисто решение организационных моментов...”¹⁷ (ж., 45 лет).

– Нежелание участвовать в волонтерской деятельности или низкий уровень участия в такой деятельности.

“Проблемы... Во-первых, проблема в том, что молодежь стала меньше интересоваться. Молодежь стала другая в том плане, что здесь и сейчас. Меньше читают, меньше интересуются, и их устремления направлены, в основном, на улучшение своего личного пространства. Вот проблема — улучшение своего личного пространства, т.е. развитие взаимоотношений с партнерами, развитие взаимоотношений в семье, но это личное пространство. А все остальное меня не касается. Вот это проблема. Проблема ухода от действительности, которая нас окружает. Они говорят, нас эта проблема не касается, мы с этим не сталкивались”¹⁸ (ж., 55 лет).

“Проблемы... Если говорить о ребятах примерно моего возраста, то это нежелание участвовать в чем-либо. Чаще всего это большая загруженность в учебной деятельности, особенно в школе. Но, так или иначе, приходят каждый день. Это должно быть в сознании”¹⁹ (ж., 20 лет).

– Неорганизованность, разобщенность волонтерских организаций.

“Я уже много раз на различных круглых столах отмечал такую существенную проблему как неорганизованность ... волонтеров в Орловской области. Потому что в большинстве своем многие вузы действуют в рамках волонтерских программ по-своему и не соотносят свою деятельность с другими вузами”²⁰ (м., 25 лет).

– Отсутствие достаточной поддержки со стороны органов власти.

“Многие волонтеры не сильно заинтересованы в своей деятельности, не очень активная поддержка со стороны региональных органов исполнительной власти”²¹ (ж., 23 года).

– Тяжелое социально-экономическое положение.

“Проблемы волонтерства... Я назову одну проблему волонтерства, самую главную, тяжелое социально-экономическое положение людей. Чем меньше у человека возможностей хорошо, качественно жить, тем меньше будет у него времени заниматься волонтерской деятельностью. Когда ко мне приходит студент, хочет заниматься поисковой работой. А тут на него нападает вот такая, вот сти-

¹⁷ Интервью № 1, архив автора.

¹⁸ Интервью № 6, архив автора.

¹⁹ Интервью № 5, архив автора.

²⁰ Интервью № 8, архив автора.

²¹ Интервью № 10, архив автора.

пендия, плата за общежитие, еда, проезд. И он вынужден что? Подрабатывать. И в свое свободное время, которое он бы мог посвятить поисковой работе, работе с пожилыми людьми, с кем угодно, он идет работать. Вот это главная сейчас проблема. Вот когда мы учились лет 15 назад... такого не было. Но сейчас практически, как я вижу, когда им заниматься волонтерской деятельностью. Когда? Вот это главная проблема. А какая еще проблема может быть, если организация берет на себя в обязанности трудообеспечение волонтера? То, наверное, она должна им помочь. Это одежда. Это питание. Это проблема организации самого человека. Поэтому каких-то проблем других нет, т.е. мне кажется, очень много людей — орловцев хотят заниматься этим делом, но не могут ввиду недостатка финансовых средств”²² (м., 37 лет).

– Численность волонтеров: сложно подсчитать количество волонтеров, так как не все знают, что можно заявить о себе.

“Проблемы... Проблемы... количество волонтеров. Просто на самом деле волонтеров намного больше, просто не все знают о том, что можно о себе заявить”²³ (ж., 22 года).

Вышеперечисленные проблемы развития волонтерской деятельности в Орловской области обозначены с позиции экспертов. Сравним обозначенные экспертами проблемы с мнением жителей региона. Для этого обратимся к результатам регионального социологического исследования “Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала молодежи в Орловской области”²⁴ (рис.).

Так, по мнению жителей региона, одним из основных препятствий для занятия волонтерством в стране является “социальная апатия, отсутствие гражданской позиции, интереса к другим людям, безразличие”. Такой позиции придерживаются 33,5% респондентов. “Озлобленность” людей отметили 27,4% респондентов, “отсутствие государственной поддержки волонтеров” — 25,7, “недоверие в обществе в целом” — 25,1, “низкий уровень жизни” — 22,7, “отсутствие информации” — 22,4, “сомнительное отношение окружающих к добровольцам и их деятельности” — 21, “потребительское отношение к жизни” — 15,2, “недоверие к некоммерческим организациям” — 7,6, “несовершенство законодательства” — 4,7%. А вот “разобщенность добровольческого сообщества”, “нехватка времени”, “лень” жители Орловской области не указывают в списке препятствий для занятия

²² Интервью № 11, архив автора.

²³ Интервью № 3, архив автора.

²⁴ Меркулов П.А., Дорохова Ю.В., Игнатова Т.В., Проказина Н.В. Указ. соч. С. 39–46.

волонтерством в стране²⁵. Именно такие результаты были получены по итогам проведения регионального социологического исследования “Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала молодежи в Орловской области”.

Рис. Результаты ответа на вопрос “Что сегодня на Ваш взгляд, мешает заниматься добровольчеством в нашей стране” (ответ предполагал выбор не более четырех вариантов ответов)²⁶

Таким образом, сравнивая полученные от экспертов в ходе интервью материалы с результатами анкетного опроса жителей Орловской области, приходим к следующему выводу. И эксперты, и жители региона сходятся во мнении, что тормозит развитие волонтерской деятельности тяжелое социально-экономическое положение, потребительское отношение к волонтерам, отсутствие заинтересованности, социальная апатия населения, низкая информированность о волонтерстве, недостаточный уровень государственной поддержки, несовершенство законодательной и нормативно-правовой регламентации данного вида деятельности. Не сложилось единого мнения у жителей и экспертов относительно разобщенности и неорганизованности волонтеров.

Следует отметить, результаты региональных исследований корреспондируют с результатами исследования ВЦИОМ “Исследование

²⁵ Меркулов П.А., Дорохова Ю.В., Игнатова Т.В., Проказина Н.В. Указ. соч. С. 40; Проказина Н.В., Бобылева Н.Ю., Хатнюк Н.Н. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 2. С. 53.

²⁶ Рисунок построен на основе работы: Меркулов П.А., Дорохова Ю.В., Игнатова Т.В., Проказина Н.В. Указ. соч. С. 39.

потенциала развития добровольчества среди обучающихся образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования”, представленными директором по профессиональным и социальным коммуникациям ВЦИОМ Н.Н. Седовой 4 декабря 2019 г. на Международном форуме добровольцев в Сочи (табл.).

Таблица

**Результаты ответа на вопрос “Почему Вы НЕ занимаетесь волонтерством?”
(в % от студентов-НЕволонтеров, несколько вариантов ответа)²⁷**

Варианты ответа	Учащиеся ссузов (в %)	Студенты вузов (в %)
Высокая учебная нагрузка	72	66
Нет желания	14	21
Мало информации о волонтерских организациях	9	10
Нет времени	4	7
Я не знаю, с чего начать, куда обратиться	8	6
У нас достаточно волонтеров	9	6
Не устраивает структура волонтерских организаций	1	6
Нет поощрений за это	2	4
Не считаю, что могу помочь кому-то	6	2
Нуждающиеся получают госпомощь государства	1	2
Не знаю о волонтерских организациях в городе/вузе	2	1
Мои родители / друзья / знакомые не одобряют	1	1

В результате сравнения результатов исследований общими проблемами для развития волонтерской деятельности для Орловской области и страны в целом являются социальная апатия, отсутствие гражданской позиции, интереса к другим людям, безразличие и недостаточное количество информации о волонтерских организациях.

Несмотря на имеющиеся проблемы развития волонтерской деятельности в молодежной среде, перспективы для существования такого вида деятельности есть. Это подтверждается материалами интервью. Результаты ответов экспертов на вопрос “Каковы Ваши планы на дальнейшее развитие волонтерства в Орловской области?” позволяют охарактеризовать перспективы развития волонтерской

²⁷ Таблица составлена на основе результатов исследования ВЦИОМ “Исследование потенциала развития добровольчества среди обучающихся образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования”: Международный форум добровольцев в Сочи // ВЦИОМ: офиц. сайт. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=237&uid=10057> (дата обращения: 24.12.2019).

деятельности в регионе. Это двигаться дальше, развиваться и привлекать к волонтерской деятельности как можно больше жителей региона.

“Вперед и только вперед. Мы не останавливаемся на достигнутом. Мы сегодня реализуем все проекты. Это и движение культурных волонтеров, мы входим сюда, реализуем все федеральные проекты и программы, которые на сегодняшний день есть в области развития культуры. “Ты решаешь”, “Молоды душой”, Ресурсный центр серебряного добровольчества, есть “Волонтеры мира”, “Волонтеры культуры”, “Доверяй, играя”. Что еще? В общем, все федеральные программы и проекты, которые существуют сегодня в России, мы реализуем. И на достигнутом мы не будем останавливаться”²⁸ (ж., 45 лет).

“Развивать то, что есть. И пытаться решить самую главную проблему — это осознание людьми, что есть волонтерство, как в нем участвовать, обучение. Это очень большой блок, который мы хотим охватить. Потому что есть такие компетенции, которыми мы должны обладать. У волонтера есть ступени развития, когда от волонтера переходят к руководителю проекта, т.е. мы хотим как можно больше вовлекать волонтеров, что бы у них был переход от волонтера к руководителю проекта”²⁹ (ж., 23 года).

“Не останавливаться, не опускать руки и это такое модное слово мультиплективность, т.е. то, что работало в соседних регионах, а желательнее, то, что работало в Москве и Санкт-Петербурге, работало бы в Орле, хотя и в меньших объемах. И, желательно, смотреть на ту волонтерскую деятельность, которая уже организована в Европейском Союзе, Соединенных Штатах Америки, потому что те идеи, которые там появляются, в принципе в большинстве применимы на нашей территории”³⁰ (м., 25 лет).

“...Продолжать эту деятельность. Привлекать больше молодежи к этому делу — основная задача, т.е. основная деятельность — привлечение значительного круга молодежи”³¹ (м., 37 лет).

Результаты проведенного социологического исследования позволяют сделать вывод, что несмотря на имеющиеся проблемы, сдерживающие волонтерскую деятельность в Орловской области, перспективы для развития такой деятельности в регионе существуют, а это значит, что нуждающимся в помощи рано или поздно эта помощь будет оказана. Будущее развитие волонтерской деятельности в

²⁸ Интервью № 1, архив автора.

²⁹ Интервью № 2, архив автора.

³⁰ Интервью № 8, архив автора.

³¹ Интервью № 11, архив автора.

большой степени зависит от молодежи. И если молодежь будет более решительна в выборе того или иного направления волонтерства, для того, чтобы вложить в него хотя бы незначительную, на первой взгляде, часть своих средств и усилий для помощи нуждающимся, наш мир станет лучше, а сердца людей добрее. Известно, что, когда что-то отдаешь искренне и бескорыстно, будешь и получать обратно той же “монетой”. Для человека потребность быть нужным совершенно естественна. Неслучайно, еще великий древнегреческий философ и ученый, основатель психологии, этики, политики, поэтики как самостоятельных наук, создатель логики Аристотель говорил: “В чем суть жизни? Служить другим и делать добро”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова Т.В. Государственная поддержка волонтерской деятельности в Орловской области: основные формы и направления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 2. С. 255–264. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-2-255-264.

Антонова Т.В. Развитие социальной активности молодёжи в системе волонтерской деятельности // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 4. С. 66–85. DOI: 10.22394/2071-2367-2018-13-4-66-85.

Бочанов М.А., Чернухина Е.Е. Волонтерское движение: российский опыт и мировая практика // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2 (65). С. 70–75.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы. Интерактивное учебное пособие. М., 2012. URL: http://www.socioprognoz.ru/hta_sh/Publications/Textbook_2012.pdf

Готлиб А.С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Монография. Самара, 2004.

Ермилова А.В., Исакова И.А., Игнатьева В.И. Региональное проблемное поле волонтерства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2 (50). С. 88–97.

Зборовский Г.Е., Певная М.В., Ведерников А.А. Волонтерство в пространстве регионального управления (кейс Свердловской области) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 10–25.

Игнатьева Т.В. Волонтерство как форма проявления активности в молодежной среде // Современные проблемы регионалистики: Сборник по материалам II Мерцаловских чтений. В 2-х т. / Под ред. П.А. Меркулова. Орел, 2016. С. 48–49.

Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб., 2006.

Ключникова Т.Н., Орлова В.Н. Социальные инновации: сетевой диалог и новые формы добровольческого участия молодежи в развитии городской среды // Самоуправление. 2019. Т. 2. № 2 (115). С. 78–81.

Меркулов П.А., Дорохова Ю.В., Игнатьева Т.В., Проказина Н.В. Молодежь региона в 2018 году. Научное издание. Информационно-социологический бюллетень. Орел, 2019.

Мерсиянова И.В., Иванова Н.В., Малахов Д.И. Взаимосвязь между участием в волонтерстве и благотворительными пожертвованиями: межпоколенческий

контекст // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 94–106. DOI: 10.31857/S013216250007103-6.

Мерсиянова И.В., Малахов Д.И., Иванова Н.В. Роль семьи в качестве канала межпоколенческой передачи традиций волонтерства в современной России // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 3. С. 66–89. DOI: 10.17323/1726-3247-2019-3-66-89.

Мироненко Н.В. Волонтерская деятельность в системе социального партнерства некоммерческих организаций // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 3 (14). С. 109–116.

Певная М.В. Управление российским волонтерством: сущность и противоречия // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 69–77.

Проказина Н.В., Бобылева Н.Ю., Хатнюк Н.Н. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 2. С. 47–56. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-5.

Прокохина М.И. Добровольчество в России: тренды и векторы развития // Образование и общество. 2018. № 5 (112). С. 126–130.

Смирнов В.А. Онлайн-сообщества российских волонтеров (на примере социальной сети VKontakte) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 3. С. 71–93. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-90-111.

Уварова В.И., Федосеева М.А. Волонтерство как проявление особой жизненной ориентации (на примере исследования студенческой молодежи Орловского региона) // Образование и общество. 2015. № 2 (91). С. 103–109.

Шабунова А.А., Косыгина К.Е. Методика оценки экономической значимости некоммерческого сектора в регионе // Проблемы развития территории. 2019. № 5 (103). С. 7–23. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.6.

REFERENCES

Antonova T.V. Gosudarstvennaya podderzhka volonterskoi deyatel'nosti v Orlovskoi oblasti: osnovnye formy i napravleniya [State support of volunteer activities in Orel region: major forms and directions] // Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2019. N 2. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-2-255-264 (in Russian).

Antonova T.V. Razvitie sotsial'noi aktivnosti molodezhi v sisteme volonterskoi deyatel'nosti [The development of youth social activity in the system of volunteer activities] // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk. 2018. T. 13. N 4. DOI: 10.22394/2071-2367-2018-13-4-66-85 (in Russian).

Bochanov M.A., Chernukhina E.E. Volonterskoe dvizhenie: rossiiskii opyt i mirovaya praktika [The volunteer movement the Russian experience and world practice] // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2015. N 2 (65) (in Russian).

Ermilova A.V., Isakova I.A., Ignat'eva V.I. Regional'noe problemnoe pole volonterstva [Regional problem field of volunteering] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki. 2018. N 2 (50) (in Russian).

Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Prikladnaya sotsiologiya: metodologiya i metody: interaktivnoe uchebnoe posobie [Applied Sociology: Methodology and Methods: An Interactive Textbook]. M., 2012 (in Russian).

Gotlib A.S. Kachestvennoe sotsiologicheskoe issledovanie: poznavatel'nye i ekzistentsial'nye gorizonty: monografiya [Qualitative case study: cognitive and existential horizons: a monograph]. Samara, 2004 (in Russian).

Ignatova T.V. Volonterstvo kak forma proyavleniya aktivnosti v molodezhnoi srede [Volunteering as a form of activity among young people] // Sovremennye problemy regionalistiki: sbornik po materialam II Mertsalovskikh chtenii. V 2-kh t. / Pod red. P.A. Merkulova. Orel, 2016 (in Russian).

Il'in V.I. Dramaturgiya kachestvennogo polevogo issledovaniya [Dramaturgy of qualitative field research]. SPb., 2006 (in Russian).

Klyuchnikova T.N., Orlova V.N. Sotsial'nye innovatsii: setevoi dialog i novye formy dobrovol'cheskogo uchastiya molodezhi v razvitiu gorodskoi sredy [Social innovations: network dialogue and new forms of voluntary participation of young people in the development of the urban environment] // Samoupravlenie. 2019. T. 2. N 2 (115) (in Russian).

Merkulov P.A., Dorokhova Yu.V., Ignatova T.V., Prokazina N.V. Molodezh' regiona v 2018 godu. Nauchnoe izdanie. Informatsionno-sotsiologicheskii byulleten' [Youth of the region in 2018. Scientific publication. Information and sociological Bulletin.]. Orel, 2019 (in Russian).

Mersiyanova I.B., Ivanova N.V., Malakhov D.I. Vzaimosvyaz' mezhdu uchastiem v volonterstve i blagotvoritel'nymi pozhertvovaniyami: mezhpokolencheskii kontekst [The Relationship Between Volunteerism and Charitable Giving: Intergenerational Context] // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. N 10. DOI: 10.31857/S013216250007103-6 (in Russian).

Mersiyanova I.B., Malakhov D.I., Ivanova N.V. Rol' sem'i v kachestve kanala mezhpokolencheskoy peredachi traditsiy volontyorstva v sovremennoy Rossii [The Role of Family as a Channel of Intergenerational Transmission of Volunteer Traditions in Contemporary Russia] // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2019. T. 20. N 3. DOI: 10.17323/1726-3247-2019-3-66-89 (in Russian).

Mironenko N.V. Volonterskaja dejatel'nost' v sisteme social'nogo partnerstva nekommercheskikh organizacij [Volunteering in the social partnership system of non-profit organization] // Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. 2014. N 3 (14) (in Russian).

Pevnaja M.V. Upravlenie rossijskim volonterstvom: sushhnost' i protivorechija [Managing Russian volunteers" efforts: essence and contradictions] // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2016. N 12. S. 69–77 (in Russian).

Prokazina N.V., Bobyleva N.Ju., Hatnjuk N.N. Realizacija dobrovol'cheskogo (volonterskogo) potenciala v Rossii [Realization of voluntary (volunteer) capacity in Russia] // Nauchnyj rezul'tat. Sociologija i upravlenie. 2019. T. 5. N 2. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-5 (in Russian).

Prokohina M.I. Dobrovol'chestvo v Rossi: trendy i vektory razvitiya [Volunteering in Russia: trends and vectors of development] // Obrazovanie i obshhestvo. 2018. N 5 (112) (in Russian).

Shabunova A.A., Kosygina K.E. Metodika ocenki jekonomiceskoy znachimosti nekommercheskogo sektora v regione [Estimation methodology of economic significance of the region's non-profit sector] // Problemy razvitiya territorii. 2019. N 5 (103). C. 7–23. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.6 (in Russian).

Smirnov V.A. Onlain-soobshchestva rossiiskikh volonterov (na primere sotsial'noi seti vkontakte) [Online community of Russian volunteers (on the example of social network vkontakte)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya. Politologiya. 2019. T. 25. N 3. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-90-111 (in Russian).

Uvarova V.I., Fedoseeva M.A. Volonterstvo kak proyavlenie osoboj zhiznennoj orientatsii (na primere issledovaniya studencheskoj molodezhi Orlovskogo regiona) [Volunteering as a manifestation of a special life orientation (on the example of the study of student youth of the Orel region)] // Obrazovanie i obshhestvo. 2015. N 2 (91) (in Russian).

Zborovskii G.E., Pevnaya M.V., Vedernikov A.A. Volonterstvo v prostranstve regional'nogo upravleniya (keis Sverdlovskoi oblasti) [Volunteering in the field of regional management (the case of Sverdlovsk region)] // Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2018. N 4. DOI: 10.15593/2224-9354/2018.4.1 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-1-224-238

ВСЕМИРНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ. ОПЫТ ВИСМАРА И ШТРАЛЬЗУНДА

Ю.А. Еременко, младший научный сотрудник Социологического института РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, Санкт-Петербург, Россия, 190005*

Постепенно осознавая последствия развития, связанного исключительно с экономическим ростом, современные города обращаются к воплощению в жизнь концепции устойчивого развития. На примере немецких городов Всемирного наследия Висмара и Штравльзунда в данном исследовании рассматривается, каким образом концепция устойчивого развития соотносится с обладанием статусом Всемирного культурного наследия (ВКН). Целью работы является выявить, как в схожих по структуре и историческому прошлому городах местная администрация принимает решения относительно реализации программ ВКН или программ устойчивого развития. Материалом для исследования выступают собранные автором экспертные интервью с городской администрацией, местными активистами, сотрудниками музеев и туристических центров, представителями локального бизнеса. На основании полученных данных были выделены основные причины того, почему городская администрация реализует программы ВКН и ограничивает реализацию программ устойчивого развития.

Проведенное исследование показало, что городская политика формируется в ситуации, когда статус ВКН ограничивает реализацию стратегии устойчивого развития и выбор программы для реализации зависит от аргументации локальных властей. На сегодняшний момент городская администрация видит стратегию реализации программы ВКН более выигрышной во временной перспективе, а программы устойчивого развития реализует только с большими ограничениями.

Ключевые слова: устойчивое развитие, городская политика, Всемирное культурное наследие, объекты всемирного наследия ЮНЕСКО, культурное наследие, Германия.

* Еременко Юлия Андреевна, e-mail: eremenko.iuliia@gmail.com

WORLD CULTURE HERITAGE IN SUSTAINABLE DEVELOPMENT: THE CASE OF WISMAR AND STRALSUND

Eremenko Iuliia A., Junior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences. 25/14, st. 7th Krasnoarmeyskaya, St.Petersburg, 191005, Russian Federation, e-mail: eremenko.iuliia@gmail.com

Gradually realizing the consequences of development related solely to economic growth, modern cities are turning their attention towards the concept of sustainable development. Using the World Heritage Cities of Wismar and Stralsund as an example, this study examines how the concept of sustainable development relates to World Heritage status. This paper aims to identify what is the implementation of the World Cultural Heritage (WCH) protection program in urban policies and the limitations of sustainable development programs related to.

The innovation of this research lies in the fact that the article considers how local governments make decisions regarding the implementation of WCH programs or sustainable development programs in cities similar in structure and historical past. The materials for the study are expert interviews with the author's city administration, local activists, employees of museums and tourist centers, representatives of local businesses. Based on the obtained data, the main directions were identified why the city administration implements the WCH and restricts the sustainable development programs.

The study showed that urban policies are formed in a situation where the status of the WCH cannot be considered solely as a benefit to the city. Today, the city administration sees the strategy of implementing the WCH program as more beneficial in the time perspective and implements sustainable development programs only with significant limitations.

Key words: sustainable development, urban policies, World Cultural Heritage, UNESCO World Heritage sites, cultural heritage, Germany.

В рамках концепции устойчивого городского развития предполагается, что город рационально использует территорию и ресурсы, которыми обладает, для обеспечения комфортной жизни людей. В свою очередь культурное наследие является неотъемлемой частью жизни общества и вовлечено в экономические, социальные и экологические процессы. В связи с этим возникает вопрос, какое место отводится Всемирному наследию в рамках концепции устойчивого развития.

В работах, посвященных исследованию влияния культуры в рамках концепции устойчивого развития, оценка влияния Всемирного культурного наследия (ВКН) в основном происходит на основании показателей, относящихся к категориям “туризм”, “недвижимость”, “социальный капитал”. Наиболее частыми показателями, используемыми для анализа влияния статуса Всемирного культурного

наследия на город, является число посетителей или туристов¹ и стоимости аренды жилья². Это объясняется в первую очередь тем, что подобные данные являются более доступными, чем, например, информация о влиянии ВКН на развитие местного сообщества³ или на реализуемые программы защиты окружающей среды⁴. Это дает нам возможность говорить о том, что влияние статуса ВКН на общество не до конца изучено.

В данной статье будет рассмотрено, как формируется городская политика в условиях, когда международные программы по защите ВКН противоречат программам устойчивого развития. Целью работы является выявить, как в схожих по структуре и историческому прошлому городах местная администрация принимает решения относительно реализации программ ВКН или программ устойчивого развития. Вначале будет осуществлен разбор концепции устойчивого развития и определены основные ее аспекты, которые будут рассматриваться в рамках данной статьи. Далее будут представлены результаты проведенного исследования в двух немецких городах, расположенных в земле Мекленбург-Передняя Померания. Эти два города обладают совместным статусом ВКН, который распространяется на весь их исторический центр. В завершающей части будут описаны ограничение данного исследования и его основные выводы.

Устойчивое развитие городов

В настоящее время концепция устойчивого развития часто упоминается в рамках различных нормативных документов и научных конференций. Существует более пяти десятков определений

¹ *Firth T.M.* Tourism as a means to industrial heritage conservation: Achilles heel or saving grace? // *Journal of Heritage Tourism*. 2011. Vol. 6(1). P. 45–62; *Glasson J.* A heritage city under pressure: visitors, impacts and management responses // *Tourism Management*. 1994. Vol. 15. P. 137–144; *Jansen-Verbeke M.* The territoriality paradigm in cultural tourism // *Tourism*. 2009. Vol. 19. P. 25–31; *Yang C.H., Lin H.L., Han C.C.* Analysis of international tourist arrivals in China: the role of World Heritage Sites // *Tourism Management*. 2010. Vol. 31(6). P. 827–837.

² *Cuccia T.* Is it worth being inscribed in the World Heritage List? The Baroque cities in Val Di Noto' (Sicily) // *Rivista Italiana di Economia Demografia e Statistica*. 2012. Vol. 66(2). P. 169–186.

³ *Jameson J.H.* Management and interpretation of World Heritage through community engagement // *Furnace*, the Postgraduate Journal of the Ironbridge International Institute for Cultural Heritage. 2016. Vol. 7. P. 6–12; *Jimura T.* The impact of World Heritage Site designation on local communities — a case study of Ogimachi, Shirakawamura, Japan // *Tourism Management*. 2011. Vol. 32(2). P. 288–296.

⁴ *Brabec E., Chilton E.* Toward an ecology of cultural heritage // *Change Over Time*. 2015. Vol. 5(2). P. 266–285.

устойчивого развития, что отражает сложность самого понятия, включающего социальные, экономические и экологические аспекты развития человечества⁵. Наиболее часто авторы, занимающиеся исследованием данного вопроса, берут за отправную точку начала развития данной концепции отчет “Наше общее будущее” Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию ООН. В этом документе под устойчивым развитием понимался процесс, направленный на улучшение экологической, экономической и социальной обстановки как на местном, так и на глобальном уровне. Этот процесс связывает защиту и сохранение природных ресурсов с экономическими и социальными аспектами в целях удовлетворения потребностей настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Данная концепция исходит не из приоритетов удовлетворения потребностей нынешних поколений по сравнению с будущими, а делает попытку поставить их на одну ступень. Таким образом, данная концепция направлена то, чтобы уравнять значимость удовлетворения жизненных потребностей разных поколений и создать сходные условия для их реализации.

Методы реализации концепции обсуждались в дальнейшем на Конференции ООН по защите окружающей среды и развитию “Планета Земля”, проходившей в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Решения этой Конференции были описаны в плане “Рио+20”, включающем три основных принципа устойчивого развития: защита окружающей среды, социальное развитие и экономический рост. В 2015 г. был принят план развития до 2030 г., основанный на указанных ранее трех принципах, выраженных посредством 17 целей устойчивого развития⁶. Эти цели можно разделить на следующие категории: 1) инклюзивное и качественное образование для всех; 2) охрана культурного наследия и борьба с незаконным оборотом культурных ценностей; 3) борьба с изменением климата; 4) расширение использования альтернативных источников энергии; 5) обеспечение условий для здорового образа жизни и экономического роста; 6) поощрение гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин. По данным международного исследовательского проекта, текущие глобальные тенденции указывают на то, что мы пока очень далеки

⁵Моисеев А.Д., Нарижний И.Ф. Сущность устойчивого развития экономических систем // Центральный научный вестник. 2017. № 2(19). С. 14–16.

⁶ Leggett J.A., Carter N.T. Rio+20: The United Nations Conference on sustainable development, june 2012. CRS Report for Congress. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R42573.pdf> (accessed: 09.05.2020).

от реализации целей в области обеспечения устойчивого развития до 2030 г.⁷

В рамках описанных целей наибольший интерес для данной статьи представляют цели связанные с культурным наследием. В целом мы можем говорить о том, что постепенно происходит признание культуры мощным и важным аспектом содействия экономическому, социальному и экологическому развитию⁸. Культурные ценности формируют образ жизни общества и, следовательно, способны привести к изменениям в жизни общества, необходимым для обеспечения достижения устойчивого развития⁹. Данная статья в своем анализе рассматривает реализацию направления охраны культурного наследия как отдельного принципа. Фокус исследования направлен на рассмотрение того, как Всемирное культурное наследие влияет на три первоначально заложенных принципа концепции устойчивого развития: *экономический рост, защита окружающей среды и социальное развитие*.

Методы и материалы

В рамках данного исследования будут рассмотрены примеры двух немецких городов, Висмара и Штральзунда, которые получили совместный статус городов Всемирного наследия в 2002 г. Эти города объединяет общее историческое прошлое, а территория ВКН в этих городах имеет схожую планировку средневекового торгового города.

Основным источником информации в данном исследовании были полуструктурированные экспертные интервью (n=40), информантами в которых выступили представители городской администрации, местные активисты, сотрудники музеев и туристических центров, представители локального бизнеса.

Реализация программ устойчивого развития или ВКН аргументируется локальными властями по-разному. Далее будет рассмотрено, как в случае Висмара и Штральзунда выбор стратегии обосновывается в рамках трех принципов концепции устойчивого развития.

⁷ Кислицына О.А. Россия в мировых рейтингах качества жизни (благополучия) // Экономический журнал. 2016. № 43. С. 157–178.

⁸ Hassan N. Al introducing cultural heritage into the sustainable development agenda // Proceedings of the Hangzhou International Congress, Hangzhou, China, 15–17 May 2013. Hangzhou, 2013. P. 1–6.

⁹ Nocca F. The role of cultural heritage in sustainable development: multidimensional indicators as decision-making tool // Sustainability. 2017. Vol. 9(10). P. 1–27; Opoku A. The role of culture in a sustainable built environment // Sustainable Operations Management. Cham, 2015. P. 37–52; Throsby D. Culture in sustainable development: insights for the future implementation of art. 13 // Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions. UNESCO: Sydney, Australia. Sydney, 2008. P. 1–17.

1. Всемирное культурное наследие и экономический рост

Первым принципом концепции устойчивого развития является экономический рост. Именно расширение туристической сферы видится основным экономическим благом от обладания статусом ВКН. Однако не представляется возможным утверждать, что существующий рост числа туристов в Висмаре и Штральзунде связан исключительно со статусом ВКН, а не с увеличением глобальных туристических потоков в мире¹⁰. В этих городах мы наблюдаем изменение туристических потоков в зависимости от сезона, однако, среднее число туристов, по данным городской администрации, в обоих городах остается таким же, каким оно было и до получения статуса, если мы рассматриваем туризм с поправкой на рост глобального туризма в целом. В связи с этим мы можем говорить только о том, что статус городов сыграл свою роль в привлечении туристов, которые осуществляют свой выбор места для путешествий, основываясь на списке ВКН. Представитель администрации Висмара отметил, что есть отдельные группы туристов, которые путешествуют только по списку ЮНЕСКО.

Вместе с тем городская администрация в Висмаре и Штральзунде по-разному оценивает влияние статуса ВКН на развитие туризма, и по-разному используют этот статус в туристической индустрии. Так, в туристических буклетах, которые выпускает местная администрация Штральзунда, статус ВКН не фигурирует. Единственной продукцией, распространяемой администрацией Штральзунда, где есть информация о статусе ВКН, является ежегодный журнал “Всемирное культурное наследие. Исторические города Штральзунд и Висмар” (“Welt-Kultur-Erbe. Historische Altstädte Stralsund und Wismar”) и буклет “Письмо от ЮНЕСКО” (“UNESCO-brief”) (выходит три раза в год), которые город выпускает совместно с администрацией Висмара. Однако ни журнал, ни буклет не представлены в городском туристическом центре. Глава туристического центра, который является подведомственной структурой городской администрации, придерживается мнения, что ВКН — это не то, что интересует туристов. Глава туристического центра Штральзунда озвучил следующую позицию: “Это рекреационная зона, люди едут в Рюген, чтобы отдохнуть и заезжают к нам. Они хотят спокойно поесть в ресторане и пройтись по городу. Они не едут сюда смотреть на Всемирное наследие”. Информация о городе-партнере также отсутствует, это объясняется отсутствием прямого транспортного сообщения между

¹⁰MacCannell D. The tourist. A new theory of the leisure class. Berkeley; Los Angeles; L., 2013.

городами. Глава туристического центра Штральзунда отметил, “что люди приезжают, чтобы отдохнуть от суеты крупных городов и вкусно поесть, они не хотят ехать отсюда в Висмар, так как это далеко”.

В рамках работы туристического центра в Висмаре статус Всемирного культурного наследия играет большую роль, и здесь информация о статусе встречается в различной продукции, распространяемой туристический центром, расположенным в здании, которое называется “Дом Всемирного наследия Висмара” (“Welt-Erbe-Haus Wismar”) и является современным музеем, рассказывающим о том, что такое Всемирное наследие в целом.

Туристические центры в обоих городах отмечают, что информирование туристов о Висмаре и Штральзунде лежит полностью на плечах местной администрации. ЮНЕСКО не занимается маркетинговым продвижением объектов на рынке туристических услуг. Получение статуса ВКН не гарантирует большого роста числа туристов; продвижением своего локального бренда города должны заниматься сами. Для представления городов на различных площадках, направленных на развитие туризма, Висмар и Штральзунд объединяются для сокращения издержек. Представитель администрации Висмара в интервью отметил, что города вместе участвуют в различных мероприятиях, однако, они не объединяют свои стратегии по продвижению.

Важно отметить, что туризм может стать причиной того, что местные жители оказываются вынужденны переселяться из исторического центра в спальные районы города, что ведет к формированию пространственного неравенства. Кофейни и магазины с сувенирами вытесняют магазины, которыми пользуются рядовые горожане, так как возрастает арендная плата, и заведение становится нерентабельным. Например, один из городских активистов Штральзунда во время интервью отметил, что в центре почти нет продуктовых магазинов, потому что выгоднее открыть еще один ресторан или кафе для туристов.

Отток местных жителей из исторического центра Висмара остановил введенный закон о том, что под нежилой фонд могут использоваться только первые этажи зданий. Сотрудник администрации Висмара отметил, что: “Город превращался в декорации. Красивые здания, где не жили люди. Вечером, когда магазины закрывались, из окон не было ни огонька, никто здесь не жил. Вечером тут могло быть опасно. Потом мы ввели закон и посмотрите, как сразу преобразился город. Сейчас почти все дома в историческом центре хотя бы частично жилые”.

Вместе с тем у жителей зоны ВКН есть гарантия, что их собственность в центре города не упадет в цене в связи с тем, например, что рядом будет построен небоскреб, который изменит вид из окон, которым ценится здание, или что рядом будет проложена скоростная автомагистраль. Ограничения, связанные с зоной ВКН, снижают подобные риски.

Стоит отметить, что плохо организованный доступ посетителей может представлять угрозу для сохранения наследия. С этой угрозой Висмар и Штральзунд не столкнулись; инфраструктура, созданные для туристов условия, сейчас отвечают спросу. Так, например, сотрудник туристического центра Штральзунда отметил: “Мы могли бы принимать и больше туристов. Согласно нашей статистике, особенно не в летний сезон много номеров в гостиницах остаются пустыми, а также у нас достаточно ресторанов, кафе, чтобы всех вместить”. Количество туристов, что посещает города за год, не представляется крайне высоким: “Мы не Бамберг, не Вена, у нас нет таких проблем с переизбытком туристов, как у них”, — прокомментировал во время интервью сотрудник администрации Висмара.

2. Всемирное культурное наследие и защита окружающей среды

Второй принцип концепции устойчивого развития, который будет рассмотрен — защита окружающей среды. Архитектурно-исторический комплекс памятников, особенно в границах небольшого города, обычно имеет тесную сопряженность с его природным окружением (лесными массивами, реками, окрестными полями)¹¹. Сохранение внутреннего облика и окружающей природной среды придает городам Всемирного наследия особую целостность, которая отличает их от отдельных строений, обладающих статусом Всемирного наследия. В связи с этим изменения в экологической ситуации в рамках городской территории ведут за собой изменения на территории всего региона, где этот город находится.

2.1. Сокращение выбросов CO₂ и выбор экологически чистых материалов

Всемирный банк признал инвестиции в культурное наследие в качестве хорошего решения проблемы сокращения выбросов CO₂ и изменения климата, поскольку деятельность, связанная с культурным наследием, представляет собой более устойчивую модель землепользования, потребления и производства, которая разрабатывалась в течение долгого времени.

¹¹ Шульгин П.М. Историко-культурное наследие как особый ресурс региона и фактор его социально-экономического развития // Мир России. Социология. Этнология. 2004. Т. 13. №. 2. С. 119.

В связи со строгим регулированием и запретом сноса исторических зданий происходит повторное использование строений. За счет восстановления зданий, а не за счет постройки новых, сокращается количество выбросов химических веществ, таких, например, как CO₂. Городской активист Висмар озвучил эту проблему так: “Что вы знаете о выбросах CO₂? Люди просто сносят дома, которые им перестают нравиться и не представляют, как они вредят природе! Сохраняя наш центр, мы еще и сохраняем мир от огромного количества вредных для планеты выбросов”.

Кроме того, для зоны ВКН у города есть возможность контролировать материалы и выбирать для реставрационных и строительных работ наименее вредные для окружающей среды: “Мы контролируем, какие материалы используются для реставрации и строительства. Мы должны сохранять здания во Всемирном наследии, что позволяет нам одновременно использовать меньше сырьевых материалов и заботиться об экологии”, — отмечает сотрудник администрации Штральзунда.

2.2. Невозможность реализации программ по альтернативным источникам энергии

Чистота воздуха не менее важна для обеспечения устойчивого развития городов. Загрязненный воздух может оказать не только негативное влияние на здоровье людей, но и может оказать воздействие на разрушение вековых памятников истории и архитектуры. Поэтому администрации многих крупных туристических центров прилагают усилия по ограничению движения транспорта в туристических зонах и вблизи памятников архитектуры¹². Кроме того, все большую популярность приобретают альтернативные источники энергии.

В Висмаре и Штральзунде горожане, проживающие в зоне ВКН и ее буферной зоне, столкнулись с проблемой реализации своего желания по участию в федеральной программе по развитию альтернативных источников энергии, таких как солнечные батареи. Эксперты говорят о том, что местная администрация часто сталкивается с ситуацией, когда горожане хотят установить солнечные панели на своих домах и им приходится объяснять, почему этого не стоит делать, что данная территория обладает статусом города Всемирного наследия. Если горожане не выполняют их требований и устанавливают солнечные панели, то сотрудники администрации должны обращаться в суд. Это связано с общим видом на черепич-

¹²Белозерова Ю.М. Современные тенденции повышения устойчивости туристского бизнеса путем использования экотехнологий // Вестник ГУУ. 2012. № 9–1. С. 91–96.

ные крыши, а сохранение исторического вида города является одной из характеристик ВКН. Запрет на установку распространяется на все здания в зоне ВКН и буферной зоне. Однако существует один прецедент в Штральзунде, когда после установки солнечных панелей было принято судебное решение о сохранении четырех из восьми панелей на здании, которое обращено своим фасадом за пределы исторического центра и эти панели не изменяют вида на исторический центр. Городские активисты Штральзунда акцентируют внимание на том, что не все считают, что такое строгое регулирование — это хорошо. Некоторые считают, что нужно трезво оценивать, где панели повредят, а где нет. Ведь современные вывески в городе на магазинах устанавливаются.

Кроме того, в Штральзунде сейчас обсуждается установка ветрогенераторов на территориях, прилегающих к городу, но относящихся к юрисдикции уже другого территориального объединения. В случае постройки данного ветрогенератора недалеко от берега Балтийского моря предполагается, что он будет вырабатывать энергию в первую очередь за счет воздушных масс, приносимых с воды.

3. Всемирное культурное наследие и социальное развитие

Третий принцип концепции устойчивого развития — социальное развитие. Культурное наследие — это форма выражения культуры определенного общества. Защищая культурное наследие, ЮНЕСКО призвана содействовать сохранению самобытности перед лицом глобализации¹³. По мнению ряда исследователей, ВКН представляет собой “чье-то наследие и, следовательно, логически не чужое”¹⁴ и обладает интеграционным потенциалом. Эксперты видят выражение этого в получении финансирования и привлечении членов местного сообщества к процессу фандрайзинга.

3.1. Инструмент развития филантропии

Вместе с включением в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО национальному правительству Германии была дана рекомендация обратить внимание на состояние объектов в историческом центре Висмаре и Штральзунда. В свою очередь это повлекло за собой выделение федеральным правительством средств на реставрацию части исторического центра. Так в Висмаре было отреставрировано здание местного исторического музея и полностью профинансиро-

¹³ Bandyopadhyay R., Morais D.B., Chick G. Religion and identity in India's heritage tourism // Annals of Tourism Research. 2008. Vol. 35(3). P. 790–808.

¹⁴ Tunbridge J.E., Ashworth G.J. Dissonant heritage // The Management of the Past as a Resource in Conflict. L., 1996. P. 21.

ваны работы по обновлению экспозиций и реконструкции залов под нужды современного музея. Формирование бюджета на этот проект происходило не только за счет федерального правительства, но также на средства из местного муниципального бюджета, а также посредством привлечения финансирования со стороны бизнес-структур и частных пожертвований.

Как отмечают эксперты, например, сотрудник музея Висмар, в обоих городах получение статуса помогло привлекать внешнее, не государственное финансирование: «У нас есть целый ряд компаний, которые внесли вклад в наши проекты, благодаря статусу, например “EDEKA”. Также мы выиграли ряд грантов. Мне кажется, при решении, кому выделить финансирование, наш статус города Всемирного наследия сыграл не последнюю роль».

Схожая ситуация наблюдается и в Штральзунде, где сложилось свое сообщество, которое финансирует работы, связанные с сохранением Всемирного культурного наследия. Глава городского исторического музея отмечает, что статус способствовал развитию филантропии в локальном сообществе: “У нас есть особая группа граждан, которая помогает музею и историческим строениям в городе. Они передали много экспонатов в наш музей, а также они помогают найти финансирование, ищут гранты и программы, в которых город и музей могли бы участвовать. Это сообщество начало свою деятельность еще до получения городом статуса, но с ним стало легче привлекать финансирование, и они стали более активными”.

Средства из Фонда Всемирного наследия ЮНЕСКО поступают главным образом на объекты, находящиеся под угрозой исчезновения в более бедных странах, поскольку имеющиеся финансовые средства ограничены. В последние годы Фонд Всемирного наследия сократился и составил 2 471 580 долл. на 31.10.2019 г.¹⁵ Это немного для более чем 1000 объектов Всемирного наследия, включенных в список.

3.2. Конфликты по использованию территории ВКН

Получение статуса ВКН в обоих городах не сделало решение конфликтов об использовании территории исторического центра проще. Представление о том, что ЮНЕСКО как организация выступит непредвзятой стороной и поможет оказать влияние на желающих изменить здания в историческом центре, является неверным. Чем

¹⁵ World Heritage Fund. Statement of Compulsory Contributions as at 31 October 2019. San Francisco, 2019; World Heritage Fund. Statement of Compulsory Contributions as at 31 December 2018. San Francisco, 2018.

больше ЮНЕСКО расширяет список, тем тяжелее организации становится обеспечивать охрану каждого объекта Всемирного наследия.

Количество конфликтных ситуаций в связи со статусом ВКН увеличилось. “Работы у нас не стало меньше, стало только больше. Город экономически развивается, а значит приезжают новые люди, которые часто не знают, что такое Всемирное наследие и решают перестраивать дома в связи со своим усмотрением”, — описал ситуацию сотрудник отдела по консервации и реставрации Штральзунда. Факт не снижающегося уровня конфликтов, а его возрастания отмечают и авторы, занимающиеся исследованием других городов¹⁶. В связи со статусом ВКН сегодня представителям администрации требуется дополнительно отчитываться обо всех подобных конфликтах в своих отчетах перед ИКОМОС и федеральным центром. Два раза в год в оба города приезжают с проверкой экспертные группы, которые смотрят не только отчеты, которые местная администрация им направляет, но и на месте оценивают изменения, которые произошли с городом с их последнего визита. Как в случае с описанными выше конфликтными ситуациями по установке солнечных батарей, дополнительного влияния на разрешение этой ситуации со стороны ЮНЕСКО не было оказано.

Ограничения исследования

Статус города Всемирного наследия дает объектам ряд преимуществ, однако, мы не можем утверждать, что статус ВКН является единственным средством достижения определенных благ, описанных выше. Данное исследование основано на экспертных интервью и представляет собой обобщение представлений локальных экспертов о том, как повлиял и влияет статус ВКН на Висмар и Штральзунд. Однако каждое из благ, которые видят для себя жители этих городов, может быть недоступно другим городам со статусом ВКН в связи с иной экономической и социальной ситуацией. Например, мы не знаем, было бы выделено федеральное финансирование для проведения реставрационных работ в этих городах, если бы они не обладали этим статусом. Каждый из приведенных аспектов влияния статуса ВКН является результатом влияния ряда факторов, которые действуют в комплексе. Мы можем выделить только основные тенденции. В данном случае мы не можем с уверенностью сказать,

¹⁶ Poria Y., Ashworth G. Heritage tourism — current resource for conflict // Annals of Tourism Research. 2009. Vol. 36(3). P. 522–525.

что подобная ситуация сложится во всех городах, которые получат или получили статус.

Заключение

Концепция устойчивого развития и концепция городов Всемирного наследия обладают общей целью сохранения мира таким, каким он является сейчас, для наших потомков. В этой перспективе статус ВКН не противоречит реализации концепции устойчивого развития.

В схожих по структуре и историческому прошлому городах местная администрация во многих ситуациях принимает решения в пользу реализации программ ВКН, а не программ устойчивого развития. Основные результаты этого исследования позволяют сделать некоторые выводы о том, какие плюсы и минусы в обладании статусом города Всемирного наследия существуют для городской политики в рамках реализации концепции устойчивого развития.

Экономический рост и ВКН связывает в первую очередь развитие туристической сферы. Включение городов в список объектов ВКН оказалось положительное, но ограниченное влияние на привлечение туристов. Сезонность туристических потоков в эти города остается стабильной. Вместе с тем развитие нового туристического сектора экономики обладает своими недостатками. Такими, например, как вытеснение местных жителей из исторического центра города в связи с ростом цен на недвижимость, связанным со статусом ВКН. Статус города ВКН не обладает интегрирующей функцией для местного сообщества, однако, он помогает транслировать значимость местной культуры во “внешний мир”, например, федеральному правительству, которое выделяет средства для финансирования реставрационных работ.

Включение городов, обладающих статусом города ВКН, на общих основаниях в реализацию концепции устойчивого развития не представляется невозможным. Это связано в первую очередь с защитой окружающей среды. Так, в случае политического курса на сохранение культурного наследия мы сталкиваемся с ситуацией невозможности реализации на этой территории, например, программ по использованию альтернативных источников энергии, таких как ветрогенераторы. Их установка противоречит идеи сохранения исторического облика города. Однако установка солнечных панелей возможна при соблюдении определенных ограничений.

Если говорить о социальном развитии в городах, которые обладают статусом ВКН, то можно отметить, что есть предпосылки к тому, что данный статус способствует развитию филантропии.

Однако в целом не представляется возможным говорить о том, что статус снижает количество конфликтов в городе. Это связано с тем, что, хоть устройство городов ВКН представляет собой устойчивую модель землепользования, потребления и производства, которая складывалась на протяжении веков, однако эта модель не всегда подходит для удовлетворения потребностей современных жителей в меняющемся мире.

Городская администрация осознает издержки реализации программы ВКН и современные потребности горожан. Деятельность ЮНЕСКО может носить весьма ограниченный характер. Конфликтные ситуации с собственниками зданий в историческом центре не исчезнут с получением статуса ВКН. Городской администрации необходимо самостоятельно контролировать изменения, которые происходят на территории ВКН, даже если они помогают реализации концепции устойчивого развития.

В долгосрочной перспективе программа ВКН видится городской администрации более выгодной, чем реализация программ устойчивого развития, которую могут осуществлять города, где нет статуса ВКН. Кроме того, реализация программы ВКН не ограничивает полностью программы устойчивого развития, но позволяет использовать ее для территорий города, которые не обладают статусом ВКН и не находятся в буферной зоне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белозерова Ю.М. Современные тенденции повышения устойчивости туристского бизнеса путем использования экотехнологий // Вестник ГУУ. 2012. № 9–1. С. 91–96.

Кислицына О.А. Россия в мировых рейтингах качества жизни (благополучия) // Экономический журнал. 2016. № 43. С. 157–178.

Моисеев А.Д., Нарижний И.Ф. Сущность устойчивого развития экономических систем // Центральный научный вестник. 2017. № 2(19). С. 14–16.

Шульгин П.М. Историко-культурное наследие как особый ресурс региона и фактор его социально-экономического развития // Мир России. Социология. Этнология. 2004. Т. 13. № 2. С. 115–133.

REFERENCES

Bandyopadhyay R., Morais D.B., Chick G. Religion and identity in India's heritage tourism // Annals of Tourism Research. 2008. Vol. 35(3). P. 790–808.

Belozerova Yu.M. Sovremennye tendencii povysheniya ustojchivosti turistskogo biznesa putem ispol'zovaniya ekotekhnologij [Current trends in increasing sustainability of tourism business through the use of eco-technologies] // Vestnik GUU. 2012. Vol. 9–1. P. 91–96 (in Russian).

Brabec E., Chilton E. Toward an ecology of cultural heritage // Change Over Time. 2015. Vol. 5(2). P. 266–285.

Cuccia T. Is it worth being inscribed in the World Heritage List? The Baroque cities in Val Di Noto' (Sicily) // *Rivista Italiana di Economia Demografia e Statistica*. 2012. Vol. 66(2). P. 169–186.

Firth T.M. Tourism as a means to industrial heritage conservation: Achilles heel or saving grace? // *Journal of Heritage Tourism*. 2011. Vol. 6(1). P. 45–62.

Glasson J. A heritage city under pressure: visitors, impacts and management responses // *Tourism Management*. 1994. Vol. 15. P. 137–144.

Hassan N. Introducing cultural heritage into the sustainable development agenda // Proceedings of the Hangzhou International Congress, Hangzhou, China, 15–17 May 2013. Hangzhou, 2013. P. 1–6.

Jameson J.H. Management and interpretation of world heritage through community engagement // *Furnace*, the Postgraduate Journal of the Ironbridge International Institute for Cultural Heritage. 2016. Vol. 7. P. 6–12.

Jimura T. The impact of world heritage site designation on local communities — a case study of Ogimachi, Shirakawamura, Japan // *Tourism Management*. 2011. Vol. 32(2). P. 288–296.

Kislicyna O.A. Rossiya v mirovyh rejtingah kachestva zhizni (blagopoluchiya) [Russia in the World Ranking of Quality of Life (Welfare)] // *Ekonomicheskij zhurnal*. 2016. Vol. 43. P. 157–178 (in Russian).

Leggett J.A., Carter N.T. Rio+20: The United Nations Conference on sustainable development, June 2012 // CRS Report for Congress. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R42573.pdf> (accessed: 09.08.2020).

MacCannell D. The tourist. A new theory of the leisure class. Berkeley; Los Angeles; L., 2013.

Moiseev A.D., Narizhnij, I.F. Sushchnost' ustojchivogo razvitiya ekonomiceskikh system [The essence of sustainable development of economic systems] // *Central'nyj nauchnyj vestnik*. 2017. Vol. 2(19). P. 14–16 (in Russian).

Nocca F. The role of cultural heritage in sustainable development: multidimensional indicators as decision-making tool // *Sustainability*. 2017. Vol. 9(10). P. 1–27.

Opoku A. The role of culture in a sustainable built environment. *Sustainable Operations Management*. Cham, 2015. P. 37–52.

Poria Y., Ashworth G. Heritage tourism — current resource for conflict // *Annals of Tourism Research*. 2009. Vol. 36(3). P. 522–525.

Shul'gin P. M. Istoriko-kul'turnoe nasledie kak osobyj resurs regiona i faktor ego social'no-ekonomiceskogo razvitiya [Historical and cultural heritage as a special resource for the region and a factor in its socio-economic development] // *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*. 2004. Vol. 13. N 2. P. 115–133 (in Russian).

Throsby D. Culture in sustainable development: insights for the future implementation of art. 13 // *Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions*. UNESCO: Sydney, Australia. Sydney, 2008. P. 1–17.

Tunbridge J.E., Ashworth G.J. Dissonant heritage // *The Management of the Past as a Resource in Conflict*. L., 1996.

World Heritage Fund. Statement of Compulsory Contributions as at 31 December 2018. San Francisco, 2018.

World Heritage Fund. Statement of Compulsory Contributions as at 31 October 2019. San Francisco, 2019.

Yang C.H., Lin H.L., Han C.C. Analysis of international tourist arrivals in China: the role of World Heritage Sites // *Tourism Management*. 2010. Vol. 31(6). P. 827–837.

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-1-239-250

КОНЦЕПЦИЯ СОУЧАСТВУЮЩЕГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ГЕНРИ САНОФФА

Д.Д. Абагеро, соискатель кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматривается концепция соучаствующего проектирования американского урбаниста и специалиста в городском планировании Генри Саноффа. Приведен историко-социологический контекст формирования концепции соучаствующего проектирования. Ключевым эпизодом в становлении концепций соучастия определяется спор в теории архитектуры между функциональным модернизмом в лице Л. Корбюзье и индивиду-ориентированными концепциями городского планирования, оформленными в трудах П. Геддеса, Э. Говарда, Дж. Джекобс, Л. Мамфорда и Я. Гейла. Автор рассматривает концепцию соучаствующего проектирования как концептуальное углубление индивиду-ориентированных теорий, проявившееся в обосновании не только учета потребностей жителей города в городском планировании, но и необходимости их участия в городском проектировании. Ключевыми посылками формирования концепции соучаствующего проектирования, как отмечает автор, являются культура партиципации и политика соучастия. Культура соучастия отстаивает позицию индивида как действующего субъекта и как производителя социальных и культурных смыслов. Политика соучастия основывается на партиципаторной демократии и идее активного вовлечения гражданского общества в управлеченческие процессы. В статье рассматриваются базовые принципы концепции соучаствующего проектирования Г. Саноффа и механика их реализации.

Ключевые слова: Генри Санофф, городское проектирование, политика соучастия, культура соучастия, соучаствующее проектирование, гуманистическое городское планирование.

THE CONCEPT OF COLLABORATIVE DESIGN BY HENRY SANOFF

Abagero Daniel D., Post-Graduate Student of the Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: abagero-dany@mail.ru

* Абагеро Даниэль Джемалович, e-mail: abagero-dany@mail.ru

The article deals with the concept of participatory design proposed by the American urban planning specialist Henry Sanoff. The author provides with historical and sociological context of the formation of the concept of participatory design. The key episode in the development of the concept of participatory design is defined by the dispute in the theory of architecture between functional modernism in the person of L. Corbusier and individual-oriented concepts of urban planning, which were formed in the works of P. Geddes, E. Howard, J. Jacobs, L. Mumford and J. Gehl. The author considers the concept of participatory design as a conceptual deepening of individual-oriented theories, resulting in the justification of not only taking into account the needs of city residents in urban planning, but also the need for their participation in urban design. As the author notes, the key premises of forming the concept of participatory design are the culture of participation and the policy of participation. The culture of participation defends the position of the individual as an active subject and as a producer of social and cultural meanings. The policy of participation is based on participatory democracy and the idea of active involvement of civil society in management processes. The article discusses the basic principles of the concept of participatory design by G. Sanoff and the mechanics of their implementation.

Key words: Henry Sanoff, urban design, participatory politics, participatory culture, participatory design, human planning.

Историко-социологической предпосылкой формирования концепции соучаствующего проектирования является “один из наиболее важных споров в теории архитектуры XX века”¹ между французским архитектором швейцарского происхождения Л. Корбюзье и канадско-американской урбанисткой и активисткой Дж. Джекобс. Американский исследователь Дж. Скотт в своем труде “Благими намерениями государства” отмечает, что данный спор является дискуссией “между высоким модернизмом и местными практиками за привилегированную точку зрения “сверху” или “изнутри”, определяющую принципы формирования городского пространства”².

Исходная посылка теоретических взглядов Дж. Джекобс заключается в идее о том, что анализ городского пространства и городское планирование необходимо осуществлять с позиции отдельно взятого человека — пешехода и жителя города. Дж. Джекобс рассматривает город как пешеход, который каждый день ходит по нему. Такой подход резко противопоставляется классическому модернизму в городском планировании, пионером которого являлся Л. Корбюзье. Данный подход предполагает функциональное сегментирование

¹ Сивков Д.Ю. Иммунитет в камне: архитектурная теория Петера Слотердайка // Социология власти. 2014. № 2. С. 39.

² Скотт Д. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005. С. 24.

городского пространства — создание зон для разных социальных активностей: проживания, работы, досуга, деловых встреч, отдыха, шоппинга и т.п.

Л. Корбюзье критически оценивал и другие индивидуально-ориентированные концепции городского проектирования. Так, Л. Корбюзье критиковал одного из представителей британской школы “проектировщиков городского пространства”³ Э. Говарда и его концепцию “города-сада”. Л. Корбюзье считал, что “Город-сад с социальной точки зрения является своего рода наркотиком: он разбивает коллективный ум, инициативу, наэлектризованный, силу воли; он распыляет в мельчайшие и бесформенные песчинки всю человеческую энергию... Если вы желаете сузить кругозор у народа, давайте займемся дезурбанизацией, если же, напротив, есть стремление расширить его кругозор и придать ему силу идти наравне с веком, то примемся за планировку, за концентрацию”⁴. Американский социолог Л. Мамфорд, напротив, называл город-сад одним из главных изобретений XX в.⁵

Признавая концепции, подобные концепции города-сада, утопичными и антипрогрессивными, Л. Корбюзье оставлял прогресс исключительно за крупными индустриальными городами: “Большой город управляет всем: миром, войной и работой. Большие города — это духовные мастерские, где создаются лучшие произведения вселенной”⁶. Так характеризуется концепция Л. Корбюзье, которая получила название “город — машина для жилья”⁷.

Таким образом, можно говорить об опосредованном, а в некоторых случаях непосредственном, теоретико-методологическом споре классического функционального модернизма в лице Л. Корбюзье и целым рядом гуманистических концепций городского планирования, в том числе теорий Э. Говарда⁸, П. Геддеса⁹, Дж. Джекобса¹⁰, Л. Мамфорда¹¹ и Я. Гейла¹². Данные концепции объединяет одна главная миссия — переориентация городского проектирования на

³ Осипова Н.Г. Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы. М., 2018. С. 38.

⁴ Корбюзье Л. Планировка городов. М., 1933. С. 29.

⁵ Вершинина И.А. Современные теории города: социологический анализ. М., 2019. С. 15.

⁶ Корбюзье Л. Указ. соч. С. 46.

⁷ Вильковский М. Социология архитектуры. М., 2010. С. 58.

⁸ Говард Э. Города-сады будущего. М., 1992.

⁹ Geddes P. Cities in evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics. М., 2011.

¹⁰ Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М., 2011.

¹¹ Mumford L. The city in history. N.Y., 1989.

¹² Гейл Я. Города для людей. М., 2012.

потребности жителей городов и построение комфортного, безопасного, экологичного и благоприятного для активизации коммуникативных процессов городского пространства.

Концепция соучаствующего проектирования продолжает миссию гуманистических концепций городского планирования и обосновывает важность не только учета потребностей жителей в городском проектировании, но и необходимость их непосредственного участия в процессе трансформации городской среды.

Концепция соучаствующего проектирования основывается на двух ключевых посылках: культура соучастия и политика соучастия.

Понятие “культура соучастия” возникает в конце XX в.¹³ Культура соучастия предполагает, что индивид, будучи в привычной роли потребителя социальных и культурных смыслов, получает доступ к роли производителя этих смыслов. “Системообразующим фактором для культуры соучастия является получение людьми доступа к производству культурных ценностей, творческой деятельности и коммуникации с единомышленниками”¹⁴. Культура соучастия формируется как антитезис культуре потребления.

Значимый вклад в концептуализацию и изучение культуры соучастия внес американский культуролог Г. Джленкинс. В своих исследованиях¹⁵ Г. Джленкинс изучал влияние медиатизации на культуру и коммуникацию. По мнению Г. Джленкинса, в XXI столетии индивид получает “беспрецедентный, невозможный ранее, доступ к производству контента, самовыражению”¹⁶. Если на протяжении большей части XX столетия сфера производства культурных продуктов и смыслов была сосредоточена вокруг элиты, то в современном обществе конца XX — начала XXI в. влияние медиа и социальных сетей заставляет пересмотреть трактовку аудитории как пассивного потребителя информации. Благодаря появлению и популяризации блогинга и социальных сетей каждый из нас в той или иной мере становится автором разного рода продуктов — фото, текстов, блогов, музыки, видео и т.п.

Согласно Г. Джленкинсу, культура соучастия является идеальной конструкцией, распространение которой желательно в социальной сфере, экономике, политике и культуре. Развитие культуры соучастия происходит как следствие процесса демократизации в раз-

¹³ Самыгин С.И., Кротов Д.В., Шилина Н.А. Субкультуры и культуры соучастия — сходство и различие // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8–9. С. 123.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Джленкинс Г. Конвергентная культура. М., 2019. С. 30.

¹⁶ Там же. С. 32.

личных сферах общественной жизни, в том числе затрагивающего сферу политики в области городского планирования.

Политика соучастия базируется на принципах партиципаторной демократии, которая предполагает коллективный и децентрализованный механизм принятия решений во всех областях общественной жизни. Партиципаторная демократия позволяет членам общества принимать участие в общественной жизни и повышает значимость общественного мнения в принятии решений относительно актуальных проблем.

Как отмечают исследователи, партиципаторный подход — “это одна из возможностей создания социального механизма, в рамках которого реализуются комплексные задачи: организации взаимодействия, взаимного обучения городских властей и потребителей социальных услуг; выработки и реализации в этой сфере решений, способствующих максимальной активизации собственных ресурсов граждан и домохозяйств; принятия солидарной ответственности за такие решения”¹⁷.

Основу соучаствующей демократии составляют два принципа:

– коллективная модель принятия решений, предполагающая обеспечение возможности для граждан участвовать в процессе в той мере, в которой они пожелают. Данная модель предполагает децентрализацию не только субъекта принятия решений, но и распределения ответственности: не только власти и официальные лица ответственны за принятые решения, но и все лица, которых касаются решения. При этом решения затрагивают не только политическую сферу, но и любые сферы общественной жизни, которые влияют на жизнь индивида;

– участие в принятии решений предполагает не только формат голосования, но и другие виды вовлечения населения и каналы получения обратной связи — дискуссии, встречи и т.п.

Развитие принципов культуры и политики соучастия непосредственно затронуло городское планирование, что проявилось в возникновении концепции соучаствующего проектирования.

Автором концепции соучаствующего проектирования является американский специалист в сфере городского проектирования Генри Санофф. Главная миссия деятельности Г. Саноффа заключается в создании эффективных механизмов вовлечения жителей в проекты развития городской среды, в рамках которых горожане имеют реальный доступ к принятию решений.

¹⁷ Ивашиненко Н.Н. Партиципаторный подход в решении проблем населения // Народонаселение. 2012. № 2 (56). С. 17.

Г. Санофф определяет соучаствующее проектирование как “процесс проектирования с вовлечением жителей, местных сообществ, активистов, представителей административных структур, локального бизнеса, инвесторов, представителей экспертного сообщества и других заинтересованных в проекте сторон для совместного определения целей и задач развития городской территории, выявления истинных проблем и потребностей людей, совместного принятия решений, разрешения конфликтов и повышения эффективности проекта”¹⁸. Данный подход формируется как противопоставление городскому проектированию по модели “сверху-вниз”, в рамках которой весь процесс проектирования контролируется муниципалитетом и жителей “запускают” в уже сформированную среду.

Соучаствующее проектирование является не только механизмом вовлечения в городское проектирование, но и выступает площадкой для эффективного сотрудничества представителей разных категорий населения — бизнесменов, властей, экспертов, активистов и жителей города. Например, практика соучастия в России начала набирать популярность после 2010-х гг. вместе с применением методов краудсорсинга для решения городских проблем¹⁹. Краудсорсинг представляет собой привлечение творческих и интеллектуальных ресурсов населения для решения актуальных социальных проблем. Популяризация данного подхода в городском проектировании происходит на фоне все большего признания архитекторами, урбанистами и властями необходимости привлечения интеллектуальных ресурсов горожан для эффективного решения городских проблем.

Соучаствующее проектирование как механизм включения в городское пространство применяется в различных сферах управления городами: дизайне городской среды, градостроительном проектировании, сборе геоданных, а также в сфере промышленных и информационных технологий в городском пространстве. Следует отметить, что одним из первых схожую идею в социологии развивал британский теоретик П. Геддес, который обосновал городское планирование по принципу работы с сообществом²⁰.

Механизм участия в городском управлении сопровождается возникновением коллективного интеллекта, который формируется в ходе группового взаимодействия.

¹⁸ Санофф Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов. Вологда, 2015. С. 4.

¹⁹ См. подробнее: Абагеро Д.Д. Социальные механизмы включения индивида в коммуникативное пространство города // Социодинамика. 2020. № 2. С. 35–45.

²⁰ Geddes P. Cities in evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics. М., 2011.

Г. Санофф отмечает, что необходимость в применении данного подхода к городскому планированию актуализируется “при изменении менталитета экспертов, властей, когда становится отчетливой необходимость привлечения городского сообщества к городскому планированию”²¹.

Соучаствующее проектирование как технология включения индивида в коммуникативное городское пространство базируется на следующих принципах:

- коллективное формирование повестки дня — городское сообщество работает не с готовым перечнем проблем города, но совместно с экспертами определяет актуальное проблемное поле;
- обеспечение равного права на соучастие и вовлечение максимального числа жителей города, которых затрагивает та или иная городская проблема;
- поиск наиболее оптимальной формы организации партиципаторно-коммуникативного процесса;
- учет потребностей, мнений, мотиваций и идей участников городского сообщества;
- донесение до участников сведений о том, как их вклад в обсуждение повлиял на принятые решения и итоговый результат²².

Одним из наиболее важных направлений соучаствующего проектирования в деятельности Г. Саноффа была ревитализация малых городов²³. Ревитализация представляет собой “оживление” и восстановление отдельных сегментов городской среды. Целью ревитализации является восстановление пригодности городских территорий и объектов для проживания и социальной активности. Ревитализация городской среды как механизм включения в городское пространство, с одной стороны, привлекает жителей для решения проблем, а с другой стороны, сопутствует социальной активности на ревитализированных территориях. В своем труде Г. Санофф выделяет четыре подхода²⁴ к ревитализации городской среды:

Категориальный подход концентрируется на решении одной городской проблемы за проект. Данный подход не учитывает взаимосвязь с другими сферами города и направлен на решение конкретной задачи. Как правило, данный подход к ревитализации осуществляется федеральными и региональными властями без участия горожан.

²¹ Sanoff H. Community participation methods in design and planning. N.Y., 2000. P. 27.

²² Санофф Г. Указ. соч. С. 5–6.

²³ Sanoff H. Integrating Programming, Evaluation and Participation in Design. Brookfield, 1992. P. 67.

²⁴ Санофф Г. Указ. соч. С. 7–8.

Обобщающий подход направлен на решение нескольких задач в рамках одного проекта. Данный подход учитывает состояние городской среды в целом, однако все еще не устанавливает соответствие с ценностями городского сообщества и жителей города.

Интегративный подход предполагает максимальное вовлечение жителей в определение направлений трансформации городской среды и учет их потребностей. Интегративный подход объединяет конкретные проблемы с их социальным, политическим и аксиологическим контекстом, характерным для локального сообщества.

Подход, основанный на диалоге, концентрируется на работе с жителями города по выяснению их ценностей и понимания, каким образом эти ценности способствуют или ограничивают достижение целей в рамках проекта. Ревитализация в рамках данного подхода начинается с диалогов с жителями по ценностям сообщества, после чего определяется последующий регламент городских трансформаций.

Анализ рассмотренных подходов к ревитализации показал, что они выделены по двум критериям: учет состояния городской среды в целом и степень вовлечения интеллектуальных и ценностных ресурсов жителей города. На наш взгляд, наиболее эффективным, с точки зрения вовлечения в городское пространство, является подход, основанный на диалоге. Данный подход учитывает не только мнения жителей города, но исторический контекст формирования локального сообщества и разделяемые жителями города ценности. Ревитализация объектов и территории, которая осуществляется в рамках подхода, основанного на диалоге, отчетливо обеспечивает донесение до городского сообщества значимость их роли в трансформации городской среды, что повышает вовлеченность в городскую жизнь и проблемы.

Вышеперечисленные подходы представляют собой обобщенные модели взаимодействия локальных сообществ с властями и экспертами. В то же время, методология соучаствующего проектирования была реализована посредством конкретных процедур и методов, в том числе:

- экскурсий для специалистов, позволяющих более детально изучить исторический контекст развития города;

- дизайн-интенсивов, в рамках которых дизайнеры-эксперты моделировали проект реновации объектов с участием представителей сообществ, чью жизнь непосредственно затрагивает проект. Применялись различные методики графического моделирования, в рамках которого инициативным гражданам предлагалось разработать дизайн-концепции для усовершенствования городской среды;

- фокус-групповых исследований и воркшопов по предметным областям городских проблем, в ходе которых участников делили на малые группы по отдельным проблемам с последующей общей дискуссией для выработки стратегии действий;
- контент-анализа документов и материалов средств массовой информации, в которых уже содержатся предложения по трансформации изучаемого объекта;
- интервью с экспертами в городском планировании, в программу которых включаются вопросы от представителей локальных сообществ;
- конференций, в рамках которых представители локальных сообществ публично презентуют проекты трансформации городской среды;
- наблюдений за объектом проекта, осуществляемых очно в полевых исследованиях или с помощью средств видео-фиксации. Наблюдение позволяет анализировать социально-демографический состав посетителей того или иного объекта и оценить востребованность с точки зрения посещаемости²⁵.

Методы, обозначенные выше, различались по степени формальности процесса — от дискуссии за чаепитием и экскурсий до структурированных интервью с строго определенным регламентом. Применяя вышеобозначенные методы, под руководством Г. Саноффа были спроектированы публичные пространства в г. Бенгалоу (Австралия), в г. Охия, Нанао (Япония), г. Ричмонд, Дарем (США), г. Кордова (Мексика), Рио-Де-Жанейро (Бразилия) и т.д²⁶.

Необходимо подчеркнуть, что последователи концепции соучаствующего проектирования активно внедряли данные практики и в России. Адептом данной методологии в России стала междисциплинарная исследовательская команда архитекторов и урбанистов “Проектная группа 8”²⁷. Именно данный исследовательский коллектив в сотрудничестве с самим Г. Саноффом перевел и издал его труд на русском языке. Особый интерес деятельность данной исследовательской группы составляет по причине того, что в рамках своих проектов они использовали принципы, разработанные Г. Саноффом, применительно к реалиям российских городов. В частности, были ревизитализированы публичные пространства городов в Республике Татарстан.

²⁵Санофф Г. Указ. соч. С. 12–98.

²⁶ Там же.

²⁷ Проектная группа 8. Общественные пространства для людей и с людьми. URL: <http://www.8architects.com/index> (дата обращения: 28.04.2020).

Таким образом, культура и политика партиципации представляют собой организующий принцип социального вовлечения, обосновывающий позицию индивида как активного субъекта, производителя и участника социальных и культурных процессов. Развитие принципов партиципаторной демократии и соучастия в городском проектировании и культуре способствует активному вовлечению жителей города в решение городских проблем. Партиципация в сфере культуры непосредственно вовлекает в коммуникативное пространство в городе, а политика соучастия способствует включению индивида в процесс трансформации городского пространства.

Концепция соучаствующего проектирования стала действенным механизмом повышения эффективности городского планирования и улучшения городской среды по ряду причин.

Во-первых, соучастие в городском планировании создает эффективные каналы взаимодействия местных жителей с городскими властями и экспертами, а результатом такого взаимодействия становится повышение информационной компетентности жителей относительно городских проблем. Соучаствующее проектирование является примером достижения социального консенсуса в городском планировании, включающее в себя трехстороннее сотрудничество власти, экспертов (урбанисты, социологи, архитекторы и дизайнеры) и местного сообщества. В частности, необходимым условием эффективного городского планирования такой консенсус признавал Дж. Рикверт²⁸.

Во-вторых, политика трансформации городской среды, опиравшаяся на потребности жителей города, увеличивает вероятность создания инклюзивных публичных пространств.

В-третьих, применение качественных социологических методов во взаимодействии с жителями позволяет провести углубленный анализ ценностного аспекта в потребностях жителей и применить результаты данного анализа для формирования публичных пространств с высокой социальной активностью.

В-четвертых, привлечение к трансформациям городской среды жителей способствует осознанию ими важности их потребностей и их вклада в развитие города, что укрепляет городскую идентичность.

Концепция соучаствующего проектирования стала одним из ключевых драйверов демократизации городского проектирования

²⁸ Rykwert J. The seduction of place: the city in the twenty-first century. L., 2000.

и получила дальнейшее развитие в трудах У. Уайта²⁹, К. Спинуцци³⁰ и Р. Хестера³¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Abagero D.D. Социальные механизмы включения индивида в коммуникативное пространство города // Социодинамика. 2020. № 2. С. 35–45.

Вершинина И.А. Современные теории города: социологический анализ. М., 2019.

Вильковский М. Социология архитектуры. М., 2010.

Гейл Я. Города для людей. М., 2012.

Говард Э. Города-сады будущего. М., 1992.

Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М., 2011.

Дженкинс Г. Конвергентная культура. М., 2019.

Ивашиненко Н. Н. Партиципаторный подход в решении проблем населения // Народонаселение. 2012. № 2. С. 16–22.

Корбюзье Л. Планировка городов. М., 1933.

Осипова Н.Г. Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы. М., 2018.

Проектная группа 8. Общественные пространства для людей и с людьми. URL: <http://www.8architects.com/index> (дата обращения: 28.04.2020).

Самыгин С.И., Кротов Д.В., Шилина Н.А. Субкультуры и культуры соучастия — сходство и различие // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8–9. С. 120–124.

Санофф Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов. Вологда, 2015.

Сивков Д.Ю. Иммунитет в камне: архитектурная теория Петера Слотердайка // Социология власти. 2014. № 2. С. 39–55.

Скотт Д. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005.

REFERENCES

Abagero D.D. Social'nye mehanizmy vkljuchenija individua v kommunikativnoe prostranstvo goroda [Social mechanisms of the inclusion of the individual in the communicative space of the city] // Sociodinamika. 2020. N 2. S. 35–45 (in Russian).

Dzhekobs D. Smert' i zhizn' bol'shih amerikanskikh gorodov [Death and life of large American cities]. М., 2011 (in Russian).

Dzhenkins G. Konvergentnaja kul'tura [Convergent Culture]. М., 2019 (in Russian).

Geddes P. Cities in evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics. М., 2011.

Gejl Ja. Goroda dlja ljudej [Cities for people]. М., 2012 (in Russian).

Govard Je. Goroda-sady budushhego [Garden-cities of the future]. М., 1992 (in Russian).

Hester R. Community Design Primer. Mendocino, 1990.

²⁹ *Whyte W. Participatory action research. Newbury Park, 1991.*

³⁰ *Spinuzzi C. The methodology of participatory design // Technical Communication. 2005. N 2. P. 163–174.*

³¹ *Hester R. Community design primer. Mendocino, 1990.*

Ivashinenko N.N. Partisipatornyj podhod v reshenii problem naselenija [A participatory approach in solving population problems] // Narodonaselenie. 2012. N 2. S. 16–22 (in Russian).

Korbjuz'e L. Planirovka gorodov [City planning]. M., 1933 (in Russian).

Mumford L. The city in history. N.Y., 1989.

Osipova N.G. Zapadnaja sociologija v XX stoletii: kljuchevye figury, napravlenija i shkoly [Western sociology in the XX century: key figures, trends and schools]. M., 2018 (in Russian).

Proektnaja gruppa 8. Obshhestvennye prostranstva dlja ljudej i s ljud'mi [Project group 8. Public spaces for people and with people]. URL: <http://www.8architects.com/index> (data obrashhenija: 28.04.2020) (in Russian).

Rykwert J. The seduction of place: the city in the twenty-first century. L., 2000.

Samygin S.I., Krotov D.V., Shilina N.A. Subkul'tury i kul'tury souchastija — shodstvo i razlichie [Subcultures and cultures of complicity — similarities and differences] // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshhestvennye nauki. 2017. N 8. S. 1–8 (in Russian).

Sanoff H. Integrating programming, evaluation and participation in design. Brookfield, 1992.

Sanoff G. Souchastvujushhee proektirovanie. Praktiki obshhestvennogo uchastija v formirovaniii sredy bol'shih i malyh gorodov [Collaborative Design. Practices of public participation in shaping the environment of cities and towns]. Vologda, 2015 (in Russian).

Sanoff H. Community participation methods in design and planning. N.Y., 2000.

Sivkov D. Ju. Immunitet v kamne: arhitekturnaja teorija Petera Sloterdajka [Immunity in stone: the architectural theory of Peter Sloterdijk] // Sociologija vlasti. 2014. N 2. S. 39–55 (in Russian).

Skott D. Blagimi namerenijami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchshenija uslovij chelovecheskoj zhizni [Good intentions of the state. Why and how projects to improve human conditions have failed]. M., 2005 (in Russian).

Spinuzzi C. The methodology of participatory design // Technical Communication. 2005. N2. P. 163–174.

Vershinina I.A. Sovremennye teorii goroda: sociologicheskij analiz [Modern theories of the city: a sociological analysis]. M., 2019 (in Russian).

Vil'kovskij M. Sociologija arhitektury [Sociology of architecture]. M., 2010 (in Russian).

Whyte W. Participatory Action Research. Newbury Park, 1991.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-1-251-262

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ США В ОЦЕНКАХ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

С.Н. Большаков, докт. полит. наук, докт. эконом. наук, проф., проректор ГАО ВО ЛО “Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина”, Петербургское ш., 10, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 196605*

В статье рассматриваются актуальные проблемы функционирования демократических институтов в США. Анализируются последствия выборов президента и их влияние на общественное мнение. В условиях растущего напряжения по отношению к демократии во всем мире и демократическим ценностям, граждане США обычно соглашаются с важностью демократических идеалов и ценностей, которые важны для Соединенных Штатов. Результаты исследования также демонстрируют осознание американским обществом объективного наличия необходимой критики. Большинство респондентов подчеркивает свои знания об основных фактах о политической системе и демократии в США. Большинство опрошенных респондентов говорит, что необходимы “значительные изменения” в фундаментальной структуре органов исполнительной власти американского правительства, чтобы оно эффективно работало в нынешнее время.

В статье констатируется сложность происходящих внутриполитических процессов в США, наличие существующих противоречий и раскол общественного мнения относительно стабильности демократических механизмов функционирования политической системы США. Сложность религиозных, национальных, социальных и иных противоречий общественного развития подняла на поверхность общественных дискуссий комплекс проблем динамики политического развития и государственного механизма управления.

Ключевые слова: демократия, политическая система, политический процесс, государственное управление, общественное мнение.

THE POLITICAL MECHANISM OF GOVERNANCE IN THE UNITED STATES PUBLIC OPINION ASSESSMENTS

Bolshakov Sergey N., Dr. Polit. Sciences, Dr. Economy. Sci., Prof., Vice-Rector of GAO VO LO “Leningrad State University named after A.S. Pushkin”, Petersburg highway, 10, St. Petersburg, Russian Federation, 196605, e-mail: Snbolshakov@gmail.com

* Большаков Сергей Николаевич, e-mail: Snbolshakov@gmail.com

The article discusses the current problems of functioning democratic institutions in the United States. The consequences of presidential elections and their influence on public opinion are analyzed. In the face of growing tensions toward world democracy and democratic values, US citizens usually agree on the importance of democratic ideals and values that are important to the United States. The results of the study also demonstrate the awareness of American society of the objective existence necessary criticism. Most respondents emphasize their knowledge of basic facts about the political system and democracy in the United States. The majority of respondents said that "significant changes" are necessary in the fundamental structure of the executive bodies of the American government in order for it to work effectively at the present time.

The article states the complexity of the ongoing domestic political processes in the United States, the existence of existing contradictions and the split of public opinion regarding the stability of democratic mechanisms of the functioning of the US political system. The complexity of religious, national, social and other contradictions of social development brought to the surface of public debate a complex of problems of the dynamics of political development and the state mechanism of government.

Key words: *democracy, political system, political process, government, public opinion.*

Многие исследователи политической системы США отмечают усиление процессов децентрализации государства как определенный объективный процесс, связанный с расширением масштабов и государства, и функций государства, и активизации роли государства как перераспределительного механизма национального дохода. Новейший период американской истории характеризуется политикой децентрализации, когда центральное правительство сосредоточивает свою деятельность на задачах внешней политики, обороны, обеспечения социальных гарантий обществу¹. В период президентства Дж. Буша-старшего проведены реформы по сокращению государственного аппарата управления, снижение уровня федерального контроля над расходованием федеральных ресурсов получаемых штатами и т.п.²

В последующие периоды правления демократов активизировался потенциал рыночных механизмов, институционализировались условия роста конкурентоспособности страны, динамики ее развития. В последующее время республиканские администрации Белого дома сосредоточились на реализации государственной политики, базиру-

¹ Миронюк М.Г. Современный федерализм. Сравнительный анализ. М., 2008. С. 136–143.

² Quigley C.N. Constitutional democracy // Center for Civic Education. 2018. URL: <http://www.civiced.org/resources/publications/resource-materials/390-constitutional-democracy> (accessed: 09.01.2019).

ющейся на усилении самостоятельности штатов, местных органов власти в осуществлении социально-экономической политики, поощрении деловой активности бизнеса³.

Различные исследования, активно проводимые многими организациями в США (Университет Рочестера, Йельский университет, Дартмутский колледж и др.), в том числе на основе результатов репрезентативных социологических работ негативно оценивают развитие американской демократии⁴. Дж. Кэри и С. Стоукс делают однозначный вывод о снижении эффективности американских демократических институтов: их опрос экспертов-политологов зафиксировал, что 15% из них считают последние выборы “мошенническими”⁵. Также исследование С. Стоукс из Йельского университета показало, что по мнению экспертов, единственный принцип, по которому наблюдается существенное улучшение, заключается в “расследовании правоохранительными органами деятельности государственных должностных лиц или их партнеров, которое свободно от политического влияния или вмешательства”⁶. Все это доказывает сложность и определенную проблематичность функционирования демократических институтов США, полярность общественного мнения, расколотого президентскими выборами 2016 г.

Стабильность работы “двуихтактного” партийного механизма США была нарушена сложными и политически-активными президентскими выборами в 2016 г. На выборах 58-го президента США победил кандидат от республиканской партии, бизнесмен-миллиардер Д. Трамп, набрав 306 голосов избирателей, против 232 голосов избирателей за Х. Клинтон, представителя партии демократов. Сама предвыборная компания и стратегия ее проведения обеими партиями в США акцентировали внимание многих политологов, исследователей в сфере государственного управления на возможных недостатках не только самих процедурных элементов избирательной системы, сколько на недостатках функционирования политической системы США, адекватности исполнительной и представительной системы США вызовам времени⁷.

³ Миронюк М.Г. Указ. соч.

⁴ Stone T. The Trump kleptocracy. The presidency is officially a cash grab — and a pitstop on the way to autocracy // Medium politics. URL: <https://medium.com/s/story/the-trump-kleptocracy-969c3ef9b4b3> (accessed: 30.12.2018).

⁵ Stokes S.C., Clayton K.P., Helmke G. American democracy after Trump’s first year // Bright Line Watch. 2018. 8 Febr.

⁶ Ibid.

⁷ Wike R., Fetterolf J. Liberal democracy’s crisis of confidence // Journal of Democracy. 2018. N 29 (4). P. 136–150.

В условиях растущего напряжения по отношению к демократии во всем мире и демократическим ценностям граждане США обычно соглашаются с важностью демократических идеалов и ценностей, которые важны для Соединенных Штатов. Но по большей части американцы видят, что страна не справляется с этими идеалами внутри страны, согласно новому исследованию мнений о сильных и слабых сторонах ключевых аспектов американской демократии и политической системы⁸.

Интересным представляется анализ результатов опроса общественного мнения о проблемах демократии и политической системы США, осуществленного известным исследовательским центром в Вашингтоне “Pew center”, который был проведен в социальных сетях с 29 января по февраль 2018 г., с охватом выборки 4656 респондентов США, опрос был дополнен телефонным опросом 7–14 марта 2018 г. среди 1466 респондентов США⁹.

Результаты исследования показывают активность публичной критики политической системы США, охватывающей всевозможные аспекты: от неспособности государства привлечь к ответственности выборных должностных лиц до отсутствия прозрачности правительства. 30% респондентов соглашаются с политической действительностью американской политической системы, даже если не во всем согласны с политической, фактически сложившейся ситуацией в США.

Результаты социологических исследований, проведенных исследовательским центром “Pew center” в США, демонстрируют существенные недостатки, которые охватывают большую часть основных элементов механизма американской демократии. Подавляющая часть опрошенных американцев (84%) говорит, что очень важно, чтобы “уважались права и свободы всех людей”, менее половины респондентов (47%) говорят, что этот показатель описывает США “очень хорошо” или “в некоторой степени хорошо”; немногого больше респондентов (53%) ставят негативные/отрицательные оценки¹⁰.

Несмотря на эту критику большинство американцев подчеркивают, что демократия работает в Соединенных Штатах на высоком уровне, хотя относительно немногие респонденты говорят, что она работает “очень хорошо”. В то же время существует широкая общественная поддержка для внесения радикальных изменений в

⁸ The public, the political system and American democracy // Trust, Facts, and Democracy. Pew Research Center. URL: <http://www.people-press.org/2018/04/26/the-public-the-political-system-and-american-democracy/> (accessed: 09.01.2019).

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

политическую систему США: 61% американцев подчеркивают, что необходимы “существенные изменения” в “фундаменте и структуре” правительства США, чтобы оно работало более эффективно в настоящее время¹¹.

Общественное мнение посыпает смешанные сигналы о том, как следует изменить американскую политическую систему, и никакие конструктивные предложения в настоящее время не привлекают поддержку двухпартийного механизма США. С точки зрения того, как много специфических аспектов политической системы США оказывают влияние, этим выражается недовольство сложившейся политической системой: и республиканцами, и демократами¹².

Большинство респондентов США (74%) отмечает, что военное руководство в США публично не поддерживает конкретно какую-то партию, и почти столько же (73%) респондентов отмечает, что демократический принцип “люди могут свободно и мирно протестовать” описывает США максимально конкретно.

В целом, как показывает проведенное в 2018 г. социологическое исследование “Pew center”, существует определенное несоответствие между установками общественного мнения на перспективы американской демократии и представлениями американского общества о том, выполняются ли демократические установки. Что касается 23 исследованных индикаторов, оценивающих демократию, политическую систему и выборы в целом в Соединенных Штатах, — каждый из показателей широко воспринимается общественностью как важный: по 8 индикаторам из 23 большинство респондентов США говорит, что в США с демократией “все очень хорошо”¹³.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать определенные выводы. Так, в частности, исследование продемонстрировало наличие смешанных оценок респондентами изменений в политической системе США¹⁴. Социологический опрос зафиксировал тренды возможных изменений в организации и восприятия общественностью институтов представительной демократии в Соединенных Штатах. Большинство американцев категорически отвергают идею внесения поправок в Конституцию, преследующих своей целью предоставление штатам с большим населением большего числа мест в Сенате США, существует незначительная поддержка расширения

¹¹ The public, the political system and American democracy.

¹² The partisan divide on political values grows even wider // Trust, Facts, and Democracy. Pew Research Center. URL: <http://www.people-press.org/2017/10/05/the-partisan-divide-on-political-values-grows-even-wider/> (accessed: 09.01.2019).

¹³ The partisan divide on political values grows even wider; The public, the political system and American democracy.

¹⁴ The public, the political system and American democracy.

состава Палаты представителей. Большинство респондентов США (55%) поддерживает изменение способа избрания президентов, чтобы президентом становился тот кандидат, который получил бы наибольшее количество голосов по всей стране, а не большинство в Коллегии выборщиков.

Рис. 1. Демократия в США: идеи и ценности. Исследование “Pew center” USA. 2018. N=4656¹⁵

Большинство респондентов США отмечает, что Президенту Д. Трампу не хватает уважения к демократическим институтам. Менее половины опрошенных респондентов (45%) фиксируют, что Дональд Трамп уважает демократические институты и традиции страны, а 54% говорят, что он “не слишком уважает” и “не уважает” демократические институты и традиции США. Эти концептуальные расхождения во взглядах простых американцев раскололи общество по партийно-политическим и идеологическим признакам. Большинство респондентов среди консервативных республиканцев (55%) отмечают, что Д. Трамп в “большой” степени уважает демократические институты страны; большинство либеральных демократов (60%) говорят, что он “вообще не уважает” эти традиции и институты.

Важным выводом является то, что респонденты отмечают рост эффективности организации работы правительства США и федеральных политиков в целом, но не на местном уровне. При этом значительное число респондентов США положительно оценивает

¹⁵ The public, the political system and American democracy.

деятельность местного правительства (на уровне штатов) — 67%, а не федерального правительства (35%). Кроме того, есть существенное удовлетворение респондентов США качеством кандидатов, баллотирующихся в Конгресс и на местных выборах. При этом данные демонстрируют определенное противоречие в оценках недавних кандидатов в президенты: так, только 41% респондентов отмечает, что качество кандидатов в президенты на последних выборах в США было “достойным”.

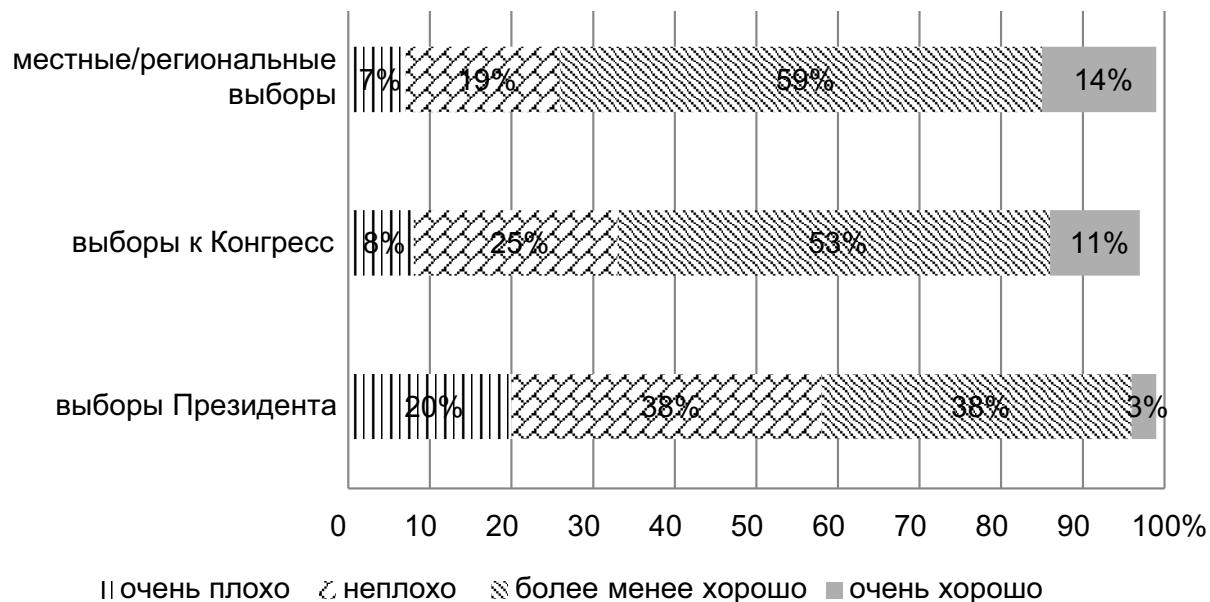

Рис. 2. Представления о качествах кандидата на выборах.
Исследование “Pew center” USA. 2018. N=4656¹⁶

Результаты исследования показывают негативные оценки тональности политической дискуссии на последних президентских выборах¹⁷. Только четверть американцев говорят, что “тон дебатов среди политических лидеров является уважительным” и этот показатель положительно описывает политическую систему страны. Тем не менее, общественность более высоко оценивает общие взгляды на тональность и дискурс политического процесса: 55% опрошенных американцев говорят, что слишком много людей “легко обижаются” из-за языковых особенностей и тональности СМИ, которые используются в выборной полемике; 45% респондентов отмечают, что общество должно быть более осторожным в использовании особенностей и тональности выражений, чтобы “не обидеть” иных участников в процессе полемики.

¹⁶ The public, the political system and American democracy.

¹⁷ Ibid.

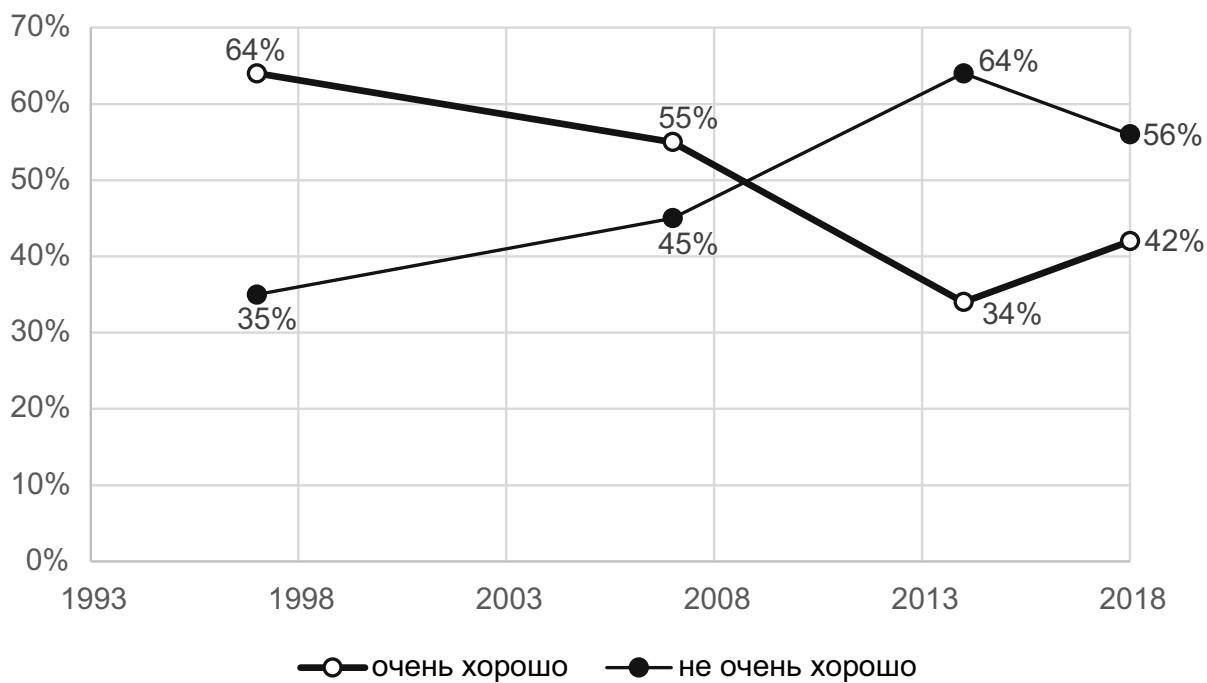

Рис. 3. Оценка уверенности и политического здравого смысла избирателей США. Исследование “Pew center” USA. 2018. N=4656

Результаты исследования также демонстрируют осознание американским обществом объективного наличия необходимой критики. Обращаясь к недостаткам политической системы, американцы выделяют и ряд критических факторов: только 39% респондентов говорят, что “избиратели осведомлены о кандидатах и проблемах”, что общество “очень хорошо” или “в недостаточной степени хорошо” осведомлено о кандидатах и проблемах. Кроме того, большинство респондентов (56%) подчеркивает, что “в меньшей степени” или “совсем не уверены” в политической объективности (мудрости) как общества в целом, так и “простого” американца. Тем не менее, это процесс снижения негативных оценок, которые были зафиксированы в начале 2016 г., когда 64% респондентов были “в меньшей степени уверенности” или зафиксировали отсутствие уверенности в политической объективности общества. После президентских выборов респонденты из партии республиканцев стали более уверенными в политической объективности общества¹⁸.

Исследование также продемонстрировало, что большинство респондентов США уверено в наличии значительного политического влияния у тех, кто жертвует больше денег на выборы. Подавляющее большинство (77%) поддерживает ограничения на объемы политических пожертвований, которыми отдельные представители общества и организации могут профинансировать избирательные

¹⁸ The partisan divide on political values grows even wider.

кампании. И почти две трети респондентов (65%) считают, что новое законодательство может быть эффективным в снижении роли пожертвований (денег) в американском политическом процессе.

Рис. 4. Важность приоритетов для “хорошего” гражданина США.
Исследование “Pew center” USA. 2018. N=4656¹⁹

Преобладающее большинство респондентов подчеркивает, что очень важно участвовать в голосовании/избирательном процессе, пользоваться правом голоса, платить налоги и всегда соблюдать требования законов, что и означает быть “хорошим гражданином”. Половина простых американцев отмечает, что очень важно знать клятву верности, 45% говорят, что очень важно протестовать против действий правительства, если они, по мнению простого американца, являются неправильными. 36% респондентов подчеркнули, что демонстрация американского флага является важным признаком “хорошего гражданина своей страны”.

Большинство респондентов подчеркивает свои знания об основных фактах, о политической системе и демократии в США. Подавляющее большинство правильно определяет понятия конституционного права, гарантированные Первой поправкой к Конституции, знает роль Коллегии выборщиков в США. Меньшее количество респондентов знает, как голосует Сенат США, менее половины имеет

¹⁹ The public, the political system and American democracy.

представление о количестве голосов, необходимых для того, чтобы получить большинство в Сенате.

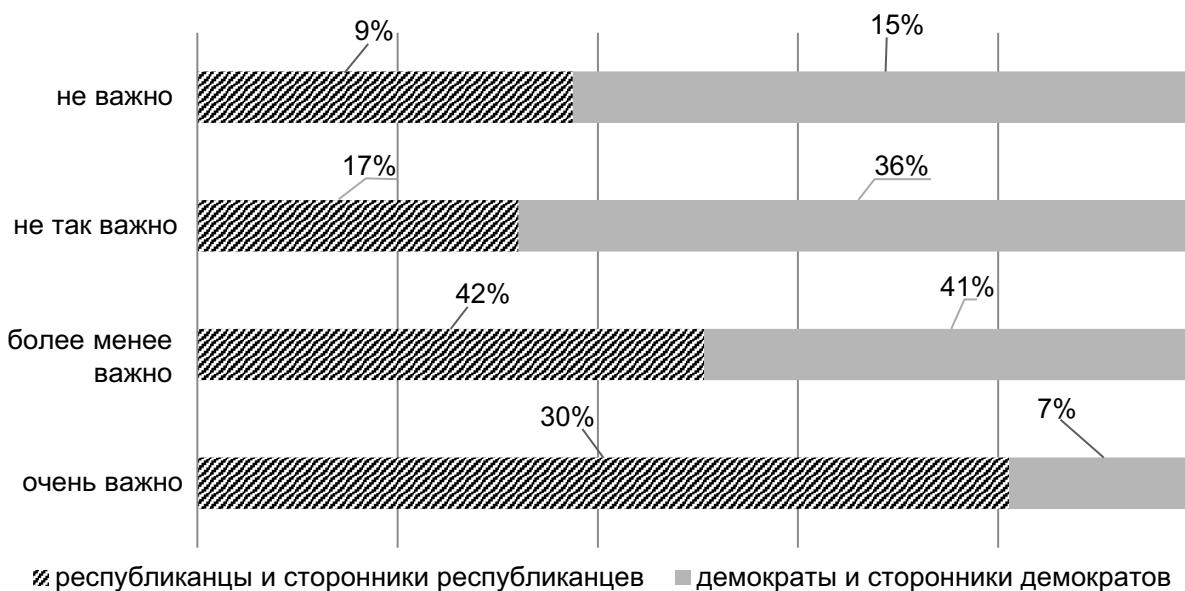

Рис. 5. Большинство демократов одобряют серьезные изменения в организации исполнительной власти — Правительства.
Исследование “Pew center” USA. 2018. N=4656

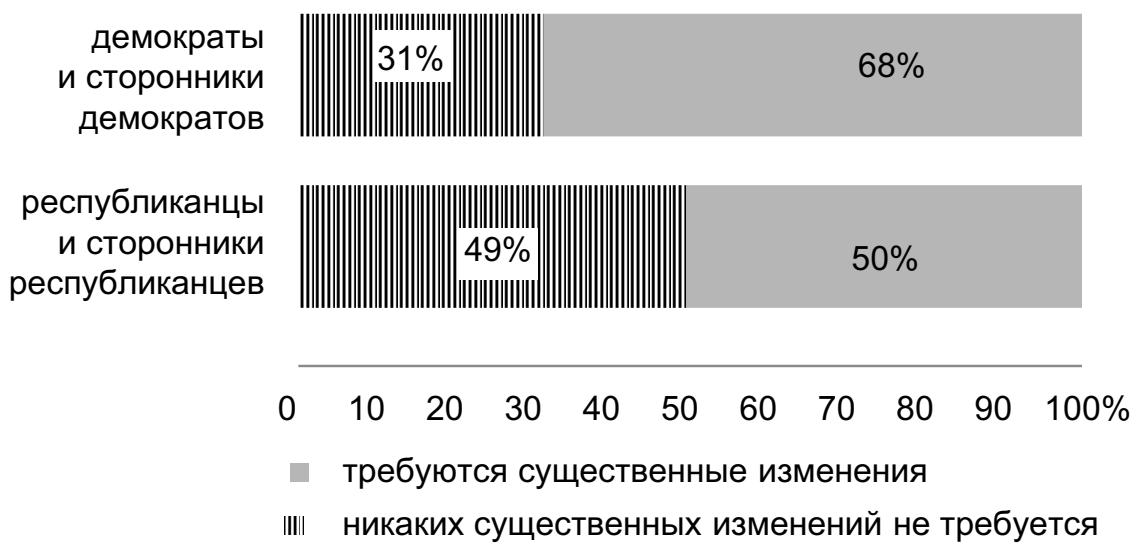

Рис. 6. Мнения респондентов об изменении правительства США.
Исследование “Pew center” USA. 2018. N=4656

В целом, большинство респондентов считает, что демократия США работает, по крайней мере, “в большей степени хорошо”. Тем не менее, большинство опрошенных (61%) говорит, что необходимы “значительные изменения” в фундаментальной структуре органов исполнительной власти американского правительства, чтобы оно эффективно работало в нынешнее время. Когда просят респондента сравнить политическую систему США с политическими системами

других развитых стран, менее половины оценивают ее как “выше среднего” или “лучшую в мире”.

Исследования демонстрируют, что две трети американцев (58%) дают высокие оценки функционированию демократических институтов в США — сумма оценок “очень хорошо” или “несколько хорошо”, из них 18% респондентов отмечают, что демократия в США работает “очень хорошо”.

Респонденты, относящиеся к сторонникам республиканцев, имеют более позитивное мнение о демократии США, чем респонденты-демократы: 72% сторонников республиканцев считают, что демократия в США работает, по крайней мере, “в большей степени хорошо”, из них 30% опрошенных говорят, что демократические институты работают “очень хорошо”. Среди демократов и сторонников демократов 48% подчеркивают, что демократия в США работает, “несколько хорошо”, и 7% из них говорят, что она функционирует “очень хорошо”.

Проведенный анализ позволяет говорить, что среди демократов чаще, чем среди сторонников республиканцев, раздаются голоса поддержки необходимости существенных изменений в структуре государственного управления и структуры правительства США: так, оценки разнятся более чем в два раза (68 к 31%). Респонденты-демократы отмечают, что необходимы значительные изменения. Мнения респондентов-республиканцев разделились поровну: 50% считают, что в структуре правительства необходимы значительные изменения, а 49% считают, что нынешняя структура государственного управления “хорошо” отражает национальные задачи страны и не нуждается в значительных изменениях.

Общественное мнение по-разному оценивает политическую систему США по сравнению с оценками других развитых стран. Примерно четыре из десяти опрошенных подчеркивают, что политическая система США является лучшей в мире (15%) или уровень “выше среднего” (26%); большинство американцев ставит политической системе США средние оценки (28%) или ниже среднего (29%) по сравнению с другими развитыми странами. Прочие национальные институты и общественные организации США, в том числе военные, а также уровень жизни и научно-технические достижения получают более высокую оценку респондентов, чем функционирующая политическая система.

Результаты социологического опроса зафиксировали, что респонденты среди республиканцев примерно в два раза чаще, чем среди демократов, отмечали однозначное преимущество политической системы США: то, что она является лучшей в мире или ее уровень

“выше среднего” (58 против 27%). Подобных дифференцированных оценок и пристрастий в 2012 г. в общественных мнениях американцев не было зафиксировано.

В заключение необходимо констатировать сложность происходящих внутриполитических процессов в США, наличие существующих противоречий и раскол общественного мнения относительно стабильности демократических механизмов функционирования политической системы США. Сложность религиозных, национальных, социальных и иных противоречий общественного развития подняла на поверхность общественных дискуссий комплекс проблем динамики политического развития и государственного механизма управления. Подобной дифференциации политического фона общественных дискуссий в США ранее исследователями не наблюдалось, что в настоящее время является богатой почвой как для анализа происходящих в американском обществе процессов, так и для взвешенной оценки состояния социально-политической сферы США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Mironyuk M.G. Современный федерализм. Сравнительный анализ. М., 2008.

REFERENCES

Azari J., Masket S. The 4 types of constitutional crises // ABS News. 2017. 09 Febr. URL: <https://fivethirtyeight.com/features/constitutional-crisis/> (accessed: 30.12.2018).

Mironyuk M.G. Sovremennyj federalizm. Sravnitel'nyj analiz [Modern federalism. Comparative analysis]. М., 2008 (in Russian).

Quigley C.N. Constitutional democracy // Center for Civic Education. 2018. URL: <http://www.civiced.org/resources/publications/resource-materials/390-constitutional-democracy> (accessed: 09.01.2019).

Sargent G. An uncivil war: taking back our democracy in an age of Trumpian disinformation and thunderdome politics. N.Y., 2018.

Stokes S.C., Clayton K.P., Helmke G. American democracy after Trump's first year // Bright Line Watch. 2018. 8 Febr.

Stone T. The Trump kleptocracy. The presidency is officially a cash grab — and a pitstop on the way to autocracy // Medium Politics. URL: <https://medium.com/s/story/the-trump-kleptocracy-969c3ef9b4b3> (accessed: 30.12.2018).

The partisan divide on political values grows even wider // Trust, Facts, and Democracy. Pew Research Center. URL: <http://www.people-press.org/2017/10/05/the-partisan-divide-on-political-values-grows-even-wider/> (accessed: 09.01.2019).

The public, the political system and American democracy // Trust, Facts, and Democracy. Pew Research Center. URL: <http://www.people-press.org/2018/04/26/the-public-the-political-system-and-american-democracy/> (accessed: 09.01.2019).

Wike R., Fetterolf J. Liberal democracy's crisis of confidence // Journal of Democracy. 2018. N 29 (4). P. 136–150.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-1-263-278

ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

О.А. Игумнов, канд. пед. наук, доц., доц. кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО “Московский педагогический государственный университет”, просп. Вернадского, д. 88, каб. 505, г. Москва, Российская Федерация, 119571*

В статье представлены результаты исследований внутренних факторов формирования социального капитала российских организаций. Данная проблема рассматривается с точки зрения предлагаемой автором концептуально-теоретической модели, понимающей социальный капитал как специфический управленческий ресурс, на формирование которого оказывает влияние совокупность внешних и внутренних факторов.

Автор отмечает определенную противоречивость проведенных исследований, в частности, неоднородность социальных групп, негативно влияющую на формирование организационного социального капитала в силу отсутствия общей склонности к просоциальному поведению.

Анализ структурного аспекта социального капитала с использованием данных о социальных сетях отражает в большей степени его реляционную составляющую, характеризуя социальные сети с точки зрения содержания и силы связей. В статье выделены типичные ограничения проведенных исследований (ограниченность показателей, неполнота охвата различных аспектов социального капитала, стремление рассматривать организационный социальный капитал как сумму индивидуальных капиталов, недостаточные размеры выборки), обусловливающие их фрагментарность и описательность.

Автором отмечена особая роль системы корпоративной социальной ответственности и социальной политики как фактора формирования социального капитала организации. В качестве фактора формирования социального капитала определена также и корпоративная культура, рассматриваемая как независимый и самостоятельный компонент функционирования организации.

Ключевые слова: социальный капитал, корпоративная социальная ответственность, корпоративная культура, социальная политика, ингрупповой коллективизм, институциональный коллективизм, деловая культура, аффилиация.

* Игумнов Олег Александрович, e-mail: oleg_igumnov@mail.ru

RUSSIAN ORGANIZATIONS SOCIAL CAPITAL FORMATION INTERNAL FACTORS

Igumnov Oleg A., Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Associate Professor of the Economic Theory and Management Department of Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University, prosp. Vernadsky, 88, office 505, Moscow, Russian Federation, 119571, e-mail: oleg_igumnov@mail.ru

The article presents the results of Russian organizations social capital formation internal factors studies. This problem is considered from the conceptual-theoretical model proposed by the author point of view which assumes to consider social capital as a specific management resource the formation of which is influenced by a set of external and internal factors.

The author notes a certain inconsistency of the research in particular heterogeneity of social groups which negatively affects the formation of organizational social capital due to the lack of a general tendency to pro-social behavior.

The analysis of the structural aspect of social capital using data on social networks reflects to a greater extent its relational component characterizing social networks in terms of content and strength of connections.

The article highlights the typical limitations of studies (such as indicators limitation, incompleteness of coverage of social capital different aspects, the aspiration to consider the organizational social capital as the sum of the individual capitals, insufficient sample sizes) contributing to their fragmentation and the narrative.

The author notes the special role of corporate social responsibility system and social policy as a factors in organization social capital formation process. Corporate culture is defined as a factor of social capital formation as well. It is considered as an independent component of organization functioning.

Key words: social capital, corporate social responsibility, corporate culture, social policy, in-group collectivism, institutional collectivism, business culture, affiliation.

Социальный капитал организации признается российскими исследователями как важный организационный ресурс и фактор ее эффективности¹. Однако число достаточно глубоких и качественных эмпирических исследований, которые бы позволили судить о социальном капитале российских организаций, сравнительно невелико.

¹ См., например: Базалеев О.А. Социальный капитал как фактор управления. Дисс. ... канд. соц. наук. Саратов, 2002; Белкин В.Н., Белкина Н.А., Антонова О.А. Стимулирование развития социального капитала предприятия // Вестник Челябинского государственного управления. Экономические науки. 2016. № 2. С. 102–114; Ланцман А.В. Социальный капитал как фактор повышения эффективности управленческой деятельности. Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2007; Салихов Б.В., Лунева Е.В. Социальный капитал как фактор инновационного развития предприятия: Монография. М., 2011; Сидорина Т.Ю. Социальный капитал организации и социальная политика российского предприятия // Журнал исследований социальной политики. 2007. № 3. С. 319–334.

Рассмотрим основные известные исследования подобного рода с точки зрения представленной концептуально-теоретической модели.

В исследовании, проведенном А.В. Каравай и основанном на анализе данных социологических исследований ИС РАН за 2003–2005 гг., предпринята попытка оценить социальный капитал российских работников². Хотя объектом исследования выступают не организации как таковые, оно косвенно свидетельствует и о некоторых важных аспектах организационного социального капитала. Социальный капитал рассматривается автором как воспринимаемая способность использовать свои социальные связи для получения определенной помощи, т.е. затрагивает, прежде всего, реляционный аспект социального капитала на индивидуальном уровне.

Наиболее важный результат исследования заключается в выявлении структуры социального капитала по уровню его индивидуальной ценности, а также ключевых различий между социальным капиталом работников и руководителей.

Используемая А.В. Каравай классификация является, на наш взгляд, крайне спорной (например, устройство детей в хорошую школу или поиск хорошего врача рассматриваются как факторы удовлетворения социальных потребностей), однако исследование показывает, что для работников характерно доминирование самых простых и незатратных форм социальной поддержки, тогда как руководители обладают заметно большим доступом к более ценным и дефицитным возможностям социальных связей, таким как доступ к должностным лицам, карьерные возможности или получение в долг крупных сумм³.

Отметим, что обе группы являются крайне неоднородными, и в каждой из них присутствует значительное число тех, кто вообще не обладает социальным ресурсом (25% рабочих и 16% руководителей). В обеих группах выявлена очевидная зависимость между наличием и качеством социального капитала и адаптационными возможностями индивидов в условиях экономического кризиса.

С точки зрения внутриорганизационного социального капитала данное исследование важно, прежде всего, как показатель существенной неоднородности персонала организации с точки зрения индивидуального социального капитала каждого члена коллектива. Такая неоднородность очевидна как между работниками и руководителями, так и внутри каждой группы в отдельности. При этом, исходя из общетеоретических соображений, можно заключить, что на организационный социальный капитал высокая степень неодно-

² Каравай А.В. Социальный капитал российских рабочих и их установки в отношении его накопления // Мониторинг общественного мнения. 2016. № 3. С. 1–15.

³ Там же. С. 5–6.

родности индивидуального капитала оказывает негативное влияние, поскольку при отсутствии общей склонности к просоциальному поведению будет способствовать реализации преимущественно эгоистических стратегий использования доступных социальных связей.

Если в предыдущем исследовании изучался реляционный компонент социального капитала, то социологи из Пермского госуниверситета попытались оценить структурный аспект социального капитала ряда пермских промышленных предприятий⁴. Используя методологию социологического опроса, авторы проанализировали социальные сети, в которых участвуют работники, с точки зрения их размера, числа участников и ресурсов, доступ к которым ими обеспечивается. На наш взгляд, такая трактовка выходит за рамки собственно структурного компонента социального капитала и в большей мере отражает его социальное (реляционное) измерение, поскольку характеризует социальные сети с точки зрения содержания и силы связей.

Согласно результатам исследования, существует явная зависимость между силой связи и размером социальной сети: если медианное значение для социальных сетей с наиболее сильными связями составило два человека, то для сетей с относительно слабыми связями (глубокое знакомство и инструментальная поддержка) показатель равен шести⁵. Этот результат, на наш взгляд, является достаточно тривиальным, поскольку напрямую вытекает из самого понятия силы связей и природы социальных отношений, в которых участие во взаимодействии является ограниченным ресурсом.

Отметим, что полученные авторами данные сами по себе имеют ограниченную ценность, если не учитывать собственно структурный компонент социального капитала. Оценить ценность и эффективность сложившихся социальных сетей невозможно без учета общей численности сотрудников, численности конкретных подразделений, организационной потребности во внутриструктурном взаимодействии и т.п. Тем не менее, тот факт, что размер социальных сетей с наиболее сильными и наиболее слабыми связями различается в три раза, является полезным эмпирическим фактом, который может использоваться в дальнейших сравнительных исследованиях. С точки зрения организационного социального капитала ценность имеют, прежде всего, именно относительно слабые связи, способные вы-

⁴ Германов И.А., Плотникова Е.Б., Булгакова Д.А. Структурный социальный капитал работников российских промышленных предприятий: опыт эмпирической оценки // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 135–145.

⁵ Там же. С. 139.

полнять инструментальные функции (обмен знаниями и опытом, совместное решение рабочих задач и т.п.).

Авторы оценили также общее восприятие работниками социальных отношений и готовность участвовать в социальных обменах различного рода. Большинство опрошенных (80%) оценило отношения в коллективе как положительные, что соответствует преимущественно “женским” ценностям, характерным для российской деловой культуры (измерение “маскулинность” в модели Г. Хоффстеде). В сопоставлении с результатами, полученными А.В. Каравай, авторы выявили существенную неоднородность работников с точки зрения включенности в социальные сети: полноценно участвуют в двусторонних обменах 57–59% опрошенных, полностью из них исключены 14–19%, остальные участвуют в асимметричных обменах.

Рост числа тех, кто исключен из социальных обменов, в сравнении с предыдущими периодами, авторы связывают с ростом индивидуализма, что, на наш взгляд, является неверной трактовкой. Индивидуализм как таковой способствует участию в социальном обмене с малознакомыми людьми, если сопровождается формированием системы правил⁶. Скорее, в данном случае мы имеем дело с той же динамикой усиления асимметрии между отношениями аффилиации и отношениями обмена, которые проявляются в увеличении разрыва между специфичным и генерализованным доверием, отмеченном на макроуровне⁷ и которое корректнее интерпретировать в терминах соотношения ингрупового и институционального колLECTIVизма.

Наконец, авторы анализируют интенсивность связей и участие в обмене в зависимости от положения в организационной структуре. Согласно результатам, участие в обменах наиболее распространено среди работников одного подразделения как по горизонтали (70–76%), так и по вертикали (56–65%). Взаимодействие с работниками других подразделений встречается значительно реже (27–38%), а с руководителями (вне своего подразделения) — еще реже (15–25%)⁸.

На наш взгляд, такие результаты хорошо интерпретируются в терминах используемой нами концептуальной схемы, основанной на выделении трех типов социальных отношений, и свидетельствуют о выраженной склонности к формированию достаточно небольших

⁶ Allik J., Reale A. Individualism-collectivism and social capital // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2004. Vol. 35. P. 29–49.

⁷ Алмакаева А.М., Волченко О.В. Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 4. С. 283–284; Кондратьева Е.В. Типы социального капитала и экономическое благосостояние: оценки для России // Мир экономики и управления. 2018. № 4. С. 42–54.

⁸ Германов И.А., Плотникова Е.Б., Булгакова Д.А. Указ. соч. С. 141.

и замкнутых социальных подсистем внутри организаций со слабой включенностью во внешние взаимодействия. Однако подобный вывод требует дополнительных сравнительных исследований.

В работе И.Б. Олимпиевой и др. также уделяется внимание социальному капиталу организации с учетом ее внутренней структуры⁹. Несмотря на то что работа носит преимущественно методологический характер, авторы на примере крупной российской ТНК обосновывают необходимость учета разных уровней социального капитала в организационном контексте: уровень подразделения, компании и группы компаний.

С содержательной точки зрения, авторы выделяют три общих компонента социального капитала: доверие, взаимодействие и нормы. Ограничимся полученным ими выводом о существовании выраженных различий в социальном капитале на разном уровне в крупной российской ТНК. Интегральный показатель социального капитала на уровне подразделения (0,46) оказался заметно выше социального капитала компании в целом (0,35) и особенно группы компаний (0,14)¹⁰.

Одновременно исследователи выяснили, что для рядовых сотрудников, как правило, характерен более высокий уровень социального капитала, чем для менеджеров, а показатели уровня социального капитала различались в несколько раз. Последний факт представляет особый интерес, поскольку напрямую свидетельствует о важности корпоративной культуры, управленческих практик и других организационных факторов. Более высокий уровень социального капитала на уровне подразделения лишь частично отражает естественное замыкание социальных контактов и интеракций этим уровнем.

На наш взгляд, учитывая, что сами по себе интеракции — лишь один из элементов социального капитала (в нашей терминологии — структурный), полученные авторами данные могут свидетельствовать и об упомянутой выше склонности российской деловой культуры к формированию преимущественно небольших социальных сетей на основе отношений аффилиации. Важным ограничением исследования И.Б. Олимпиевой и др. является типичное для большинства исследований отсутствие явно сформулированного представления о социальном капитале, основанном на иерархических отношениях. Косвенно о проблеме его формирования свидетель-

⁹ Олимпиева И.Б., Кондаков А.А., Ежова Л.В., Слободской А.Л. Социальный капитал: аналитические подходы и возможности измерения на уровне организации // Петербургская социология сегодня. 2014. № 1–1. С. 10–41.

¹⁰ Там же. С. 36.

ствует более высокая оценка социального капитала компании среди сотрудников, чем среди менеджеров.

Отдельные аспекты организационного социального капитала изучались и в ряде других эмпирических исследований. Структурный аспект социального капитала ряда промышленных предприятий Пермского края стал предметом исследования Е.Б. Плотниковой и И.А. Германова¹¹. Авторы, основываясь на результатах опроса и глубинных интервью, пришли к выводу о положительной связи между включенностью работников в социальные сети и корпоративной лояльностью, однако отсутствие детального описания количественных результатов не позволяет содержательно интерпретировать этот вывод. Одновременно авторы продемонстрировали значимость разделяемых ценностей и организационных целей, фактически отражающих когнитивный аспект социального капитала, однако представленные количественные данные, к сожалению, также недостаточно конкретизированы и обоснованы.

Когнитивный аспект социального капитала организации стал предметом исследования Д.Б. Демчука, проведенного в рамках психологической парадигмы¹². Однако как показывает более детальный анализ, автор использовал шкалы, которые затрагивают не столько когнитивный, сколько реляционный аспекты социального капитала (в терминах нашей концептуальной модели) и, что еще более существенно, исследование было проведено на примере студенческих групп, а потому вряд ли может рассматриваться как характеристика социального капитала российских профессиональных организаций.

На примере четырех промышленных предприятий Челябинской области В.Н. Белкин, Н.А. Белкина и О.А. Антонова выявили значительные межорганизационные различия в оценке работниками взаимоотношений в коллективе и удовлетворенности отношениями с непосредственным руководителем, однако общий баланс оценок был положительным¹³. Поскольку в обоих случаях речь шла о характере социальных отношений на локальном организационном уровне, полученные данные подтверждают результаты других исследований и соответствуют “женскому” ценностному профилю российской деловой культуры и запросу на стабильные и позитивные социальные отношения именно в локальном контексте.

¹¹ Плотникова Е.Б., Германов И.А. Роль социального капитала в формировании управленческой активности трудового поведения // Вестник Тюменского государственного университета. 2018. № 3. С. 43–58.

¹² Демчук Д.Б. Измерение когнитивного социального капитала в организации: подходы и методы // Социальная и экономическая психология. 2017. № 2. С. 165–184.

¹³ Белкин В.Н., Белкина Н.А., Антонова О.А. Указ. соч. С. 102–114.

В другой работе авторы, используя модель из 24 различных параметров “социальной сферы”, выявили положительную связь между уровнем руководящего персонала крупного завода и оценкой ее благоприятности¹⁴. Однако поскольку используемый набор параметров оказался чересчур широким и охватывал самые разные аспекты “социальной сферы”, от корпоративной лояльности до повышения квалификации и удовлетворенности оплатой труда, на наш взгляд, он не позволяет с достаточной специфичностью охарактеризовать именно социальный капитал и его общепризнанные компоненты. Кроме того, исследование было направленного исключительно на руководящий состав и не содержало вопросов, которые можно интерпретировать как показатель структурного аспекта социального капитала.

Авторы также предприняли попытку установить связь социального капитала (понимаемого как благоприятность “социальной сферы”) с уровнем трудовой мотивации и инновационной активностью. Из-за отсутствия конкретных показателей статистической связи в исследовании невозможно достоверно установить такие зависимости, однако авторы выявили, что ранг руководителей также положительно связан с уровнем трудовой мотивации, и предположили, что недостаточно высокий уровень инновационной активности и инициативности работников связан не только с проблемами материального стимулирования, но и недостаточным социальным капиталом. Хотя такое мнение разделяют и другие специалисты¹⁵, приходится констатировать, что достоверных эмпирических данных, содержательно раскрывающих указанную связь в российских условиях, в данное время нет.

В ряде исследований рассматривается внешний социальный капитал организаций. Например, тюменские специалисты на основе проведенного социологического опроса изучили функционирование предпринимательских сетей и пришли к выводу о том, что прочные социальные связи во внешней среде, в том числе коррупционные, действительно играют существенную роль в обеспечении устойчивости фирм, получении доступа к важной информации и снижении рисков¹⁶. В работе В.А. Бондаренко и О.В. Сулименко на примере оффшорного программирования (связи с зарубежными

¹⁴ Белкин В.Н., Белкина Н.А., Антонова О.А., Бочкаева И.В. Теоретико-методологические основы социального капитала организации. Екатеринбург, 2011.

¹⁵ Салихов Б.В., Лунева Е.В. Указ. соч.

¹⁶ Давыденко В.А., Тарасова А.Н., Зыков В.В. Предпринимательские сети и социальный капитал в российских бизнес-организациях (на примере эмпирических исследований фирм малого и среднего бизнеса в Уральском федеральном округе) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 6. С. 171–176.

компаниями) социальный капитал рассматривается как механизм экспорта человеческого капитала¹⁷, что, на наш взгляд, является некорректной трактовкой, поскольку она необоснованно “смешивает” индивидуальный, организационный и общественный уровни социального капитала.

Низкий уровень доверия предпринимателей во взаимодействии на рынке выявлен в исследовании Л.В. Халиковой¹⁸, что соответствует общим оценкам низкого уровня общественного доверия в стране. Отдельные аспекты социального капитала российских предприятий рассматривались и в некоторых других исследованиях¹⁹.

Обобщая весь комплекс доступных на сегодняшний день данных о состоянии организационного капитала российских предприятий, нельзя не отметить его крайне фрагментарный и преимущественно описательный характер. Типичные ограничения имеющихся исследований заключаются в недостаточности используемых показателей, неполноте охвата различных аспектов социального капитала, в особенности с точки зрения типов формирующих его социальных отношений, стремлении рассматривать организационный социальный капитал как простую сумму индивидуальных капиталов разных категорий работников, небольших размерах выборки, дефиците обоснованных выводов о связи социального капитала с организационной эффективностью, крайне разнородных подходах к определению, структурированию и операционализации ключевых понятий.

Особенно отметим проблему неполноты охвата различных аспектов социального капитала. Попытки оценить отдельные составляющие, такие как доверие или удовлетворенность социальной средой, хотя и приносят определенную пользу, но с точки зрения раскрытия сущности проблемы социального капитала сравнительно бесполезны. Это объясняется тем, что социальный капитал, именно как капитал и организационный ресурс, может выполнять свои

¹⁷ Бондаренко В.А., Сулименко О.В. “Человеческий” и “социальный” капитал: особенности вывоза из России // Концепт. 2015. № 24. URL: <http://e-koncept.ru/2015/75299.htm>

¹⁸ Халикова Л.В. Доверие как социальный фактор развития малого предпринимательства: Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2008.

¹⁹ См., например: Балезина Е.А., Булгакова Д.А. Влияние внутриорганизационного доверия на инновационные установки работников: социологический анализ на примере промышленных предприятий г. Перми // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2017. № 1. С. 388–394; Галезник И.А., Черненко И.М., Кельчевская Н.Р. Неформальные отношения на рынке труда и их влияние на доверие работников и их удовлетворенность работой // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2016. № 33-1. С. 165–176; Тарасова А.Н., Андрианова Е.В. Проблема доверия в отношениях “работодатель — работник” // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 647. URL: www.scienceeducation.ru/111-10358

функции только во всех своих аспектах. Например, доверие среди сотрудников предприятия не имеет никакой организационной ценности, если оно не встроено в систему внутренних коммуникаций по критически значимым векторам взаимодействия (например, внутриорганизационных) и не воплощается в конкретных деловых практиках обмена профессионально значимой информацией, обучении, коопeração и т.д.

Тем не менее, имеющиеся данные позволяют предположить, что для российских предприятий в целом характерны модели организационного социального капитала, тяготеющие к формированию локальных сетей социальных связей и отношений аффилиации, во многом в ущерб эффективным горизонтальным и вертикальным связям за пределами ближнего круга. Такие результаты согласуются с особенностями национальной деловой культуры, ориентированной на высокую дистанцию власти, приоритет ингрупового, а не институционального коллективизма, а также общему сравнительно неблагоприятному состоянию общественного доверия.

Указанное обстоятельство, а также тот факт, что имеющиеся свидетельства показывают, что между разными организациями может наблюдаться значительный разброс в значении показателей социального капитала, обосновывают актуальность и необходимость изучения конкретных организационно-управленческих решений, способных влиять на формирование различных аспектов социального капитала организации. Исследования, посвященные управленческим механизмам формирования социального капитала российских предприятий, также носят достаточно ограниченный характер. Несмотря на то что система HR-менеджмента, корпоративной социальной ответственности, организационного проектирования и другие компоненты современного управления, безусловно, воздействует на условия и возможности развития социального капитала, последний редко становится объектом целенаправленного воздействия.

Например, проблемам источников и институтов формирования социального капитала посвящено диссертационное исследование О.В. Поляковой²⁰, однако тот факт, что в нем изучается социальный капитал на индивидуальном уровне и на базе опроса студентов, не позволяет рассматривать данную работу с организационно-управленческой точки зрения.

В более ранней диссертационной работе А.В. Ланцман, рассматривая источники формирования социального капитала, фактиче-

²⁰ Полякова О.В. Формирование и реализация социального капитала в российской экономике. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Йошкар-Ола, 2013.

ски смещает объект изучения с организации на общество в целом, а среди собственно организационно-управленческих механизмов называет только корпоративную этику и отдельные способы учета социального капитала работников в системе HR-менеджмента, не приводя, к сожалению, каких-то эмпирических свидетельств их эффективности или способа действия²¹.

В исследованиях Т.Ю. Сидориной формирование социального капитала связывается с социальной политикой предприятия²². На наш взгляд, это обоснованная постановка вопроса, поскольку социальная политика и КСО являются институтами, непосредственно воздействующими на трудовые отношения и общие условия социального взаимодействия организации, однако они, безусловно, охватывают и другие аспекты организационного функционирования, не связанные с социальным капиталом, а потому такие взаимосвязи требуют дополнительных уточнений²³.

Одна из наиболее структурированных попыток описать организационные инструменты формирования социального капитала российской организации предложена В.Н. Белкиным, Н.А. Белкиной и О.А. Антоновой²⁴. Авторы группируют такие инструменты в три категории: корпоративную культуру, организационный капитал (организационная структура, бизнес-процессы и пр.) и лидерство. В данном случае важным представляется признание необходимости комплексного подхода к развитию социального капитала с учетом, в том числе, создания организационного и процессного “базиса” развития социального капитала. Однако, к сожалению, представленная схема не конкретизирует механизмы реализации отдельных компонентов социального капитала организации, а также их взаимосвязь, и носит исключительно поисковый, концептуальный характер, не подкрепляясь эмпирическими свидетельствами.

Корпоративная культура, хотя и является независимым и самостоятельным компонентом организационного функционирования, может рассматриваться как фактор формирования социального капитала. Особенствам корпоративной культуры российских предприятий посвящено довольно много исследований, и некоторые из них затрагивают вопросы ее влияния на командную работу,

²¹ Ланцман А.В. Указ. соч.

²² Сидорина Т.Ю. Указ. соч. С. 319–334.

²³ Игумнов О.А. Теоретические аспекты генезиса концепции корпоративной социальной ответственности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2012. № 7(126). С. 74–83.

²⁴ Белкин В.Н., Белкина Н.А., Антонова О.А. Указ. соч. С. 102–114.

корпоративную лояльность и другие составляющие социального капитала²⁵.

Работа В.Н. Белкина и др. — одна из немногих, которые прямо рассматривают корпоративную культуру как основной источник социального капитала организации²⁶. Однако этот тезис, на наш взгляд, не вполне обоснован эмпирически, в том числе из-за отмеченной выше чрезмерно широкой интерпретации понятия “социальный капитал” и тенденции к игнорированию других важных компонентов социального капитала (прежде всего, структурных) и условий его формирования. Более того, в ходе эмпирического исследования авторы фактически рассматривают корпоративную культуру как часть социального капитала, что очевидно противоречит изначальному тезису²⁷.

Таким образом, можно заключить, что в настоящее время отсутствует сколько-нибудь системный и эмпирически обоснованный взгляд на развитие социального капитала организации механизмами корпоративной культуры, который бы учитывал как его сложную внутреннюю структуру, так и другие организационные механизмы, без реализации которых целенаправленное управление социальным капиталом как организационным ресурсом не представляется возможным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алмакаева А.М., Волченко О.В. Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 4. С. 283–284.

Аненко С.В. Формирование новой организационной культуры в современной России: социологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. М., 2006.

Базалеев О.А. Социальный капитал как фактор управления: Дисс. ... канд. соц. наук. Саратов, 2002.

Балезина Е.А., Булгакова Д.А. Влияние внутриорганизационного доверия на инновационные установки работников: социологический анализ на примере промышленных предприятий г. Перми // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2017. № 1. С. 388–394.

²⁵ Аненко С.В. Формирование новой организационной культуры в современной России: социологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. М., 2006; Зродников А.В. Механизмы формирования, воспроизведения и изменения организационной культуры: социологический аспект: Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Нижний Новгород, 2007; Литвина С.А., Шрайбер Н.Ю. Опыт трансформации организационной культуры на основе систематических исследований // Психология в экономике и управлении. 2016. № 1–2. С. 25–35; Лысиков М.В. Формирование презентативной организационной культуры: социологический анализ: Дисс. ... канд. соц. наук. Саратов, 2011; Ященко Г.В. Корпоративная культура во внутриорганизационном социальном управлении: Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2007.

²⁶ Белкин В.Н., Белкина Н.А., Антонова О.А., Бочкаева И.В. Указ. соч. С. 58.

²⁷ Там же. С. 107.

Белкин В.Н., Белкина Н.А., Антонова О.А. Стимулирование развития социального капитала предприятия // Вестник Челябинского государственного управления. Экономические науки. 2016. № 2. С. 102–114.

Белкин В.Н., Белкина Н.А., Антонова О.А., Бочкаева И.В. Теоретико-методологические основы социального капитала организации. Екатеринбург, 2011.

Бондаренко В.А., Сулименко О.В. “Человеческий” и “социальный” капитал: особенности вывоза из России // Концепт. 2015. № 24. URL: <http://e-koncept.ru/2015/75299.htm>

Галезник И.А., Черненко И.М., Кельчевская Н.Р. Неформальные отношения на рынке труда и их влияние на доверие работников и их удовлетворенность работой // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2016. № 33–1. С. 165–176.

Германов И.А., Плотникова Е.Б., Булгакова Д.А. Структурный социальный капитал работников российских промышленных предприятий: опыт эмпирической оценки // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 135–145.

Давыденко В.А., Тарасова А.Н., Зыков В.В. Предпринимательские сети и социальный капитал в российских бизнес-организациях (на примере эмпирических исследований фирм малого и среднего бизнеса в Уральском федеральном округе) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 6. С. 171–176.

Демчук Д.Б. Измерение когнитивного социального капитала в организации: подходы и методы // Социальная и экономическая психология. 2017. № 2. С. 165–184.

Зродников А.В. Механизмы формирования, воспроизводства и изменения организационной культуры: социологический аспект: Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Нижний Новгород, 2007.

Игумнов О.А. Теоретические аспекты генезиса концепции корпоративной социальной ответственности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2012. № 7(126). С. 74–83.

Каравай А.В. Социальный капитал российских рабочих и их установки в отношении его накопления // Мониторинг общественного мнения. 2016. № 3. С. 1–15.

Кондратьева Е.В. Типы социального капитала и экономическое благосостояние: оценки для России // Мир экономики и управления. 2018. № 4. С. 42–54.

Ланцман А.В. Социальный капитал как фактор повышения эффективности управленческой деятельности. Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2007.

Литвина С.А., Шрайбер Н.Ю. Опыт трансформации организационной культуры на основе систематических исследований // Психология в экономике и управлении. 2016. № 1–2. С. 25–35.

Лысиков М.В. Формирование репрезентативной организационной культуры: социологический анализ: Дисс. ... канд. соц. наук. Саратов, 2011.

Олимпиева И.Б., Кондаков А.А., Ежова Л.В., Слободской А.Л. Социальный капитал: аналитические подходы и возможности измерения на уровне организации // Петербургская социология сегодня. 2014. № 1–1. С. 10–41.

Плотникова Е.Б., Германов И.А. Роль социального капитала в формировании управленческой активности трудового поведения // Вестник Тюменского государственного университета. 2018. № 3. С. 43–58.

Полякова О.В. Формирование и реализация социального капитала в российской экономике. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Йошкар-Ола, 2013.

Салихов Б.В., Лунева Е.В. Социальный капитал как фактор инновационного развития предприятия: Монография. М., 2011.

Сидорина Т.Ю. Социальный капитал организации и социальная политика российского предприятия // Журнал исследований социальной политики. 2007. № 3. С. 319–334.

Тарасова А.Н., Андрианова Е.В. Проблема доверия в отношениях “работодатель — работник” // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. URL: www.scienceeducation.ru/111-10358

Халикова Л.В. Доверие как социальный фактор развития малого предпринимательства: Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2008.

Ященко Г.В. Корпоративная культура во внутриорганизационном социальном управлении: Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2007.

REFERENCES

- Allik J., Realo A. Individualism-collectivism and social capital // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2004. Vol. 35. P. 29–49.*
- Almakaeva A.M., Volchenko O.V. Dinamika social'nogo kapitala v Rossii [Dynamics of social capital in Russia] // Monitoring obshhestvennogo mneniya. 2018. N 4. S. 283–284 (in Russian).*
- Anenko S.V. Formirovanie novoj organizacionnoj kul'tury' v sovremennoj Rossii: sociologicheskij analiz: avtoref. diss. ... kand. socz. Nauk [Formation of a new organizational culture in modern Russia: sociological analysis: author. diss. ... cand. social sciences]. M., 2006 (in Russian).*
- Balezina E.A., Bulgakova D.A. Vliyanie vnutriorganizacionnogo doveriya na inno-vacionny'e ustanovki rabotnikov: sociologicheskij analiz na primere promy'shlennyy'x predpriyatiy g. Permi [The influence of intra-organizational trust on the innovative attitudes of workers: a sociological analysis on the example of industrial enterprises in Perm] // Social'ny'e i gumanitarny'e nauki: teoriya i praktika. 2017. N 1. S. 388–394.*
- Bazaleev O.A. Social'ny'j kapital kak faktor upravleniya. Diss. ... kand. socz. Nauk [Social capital as a management factor. Diss. ... cand. social sciences]. Saratov, 2002 (in Russian).*
- Belkin V.N., Belkina N.A., Antonova O.A. Stimulirovaniye razvitiya social'nogo kapitala predpriyatiya [Stimulating the development of the social capital of the enterprise] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo upravleniya. E'konomicheskie nauki. 2016. N 2. S. 102–114 (in Russian).*
- Belkin V.N., Belkina N.A., Antonova O.A., Bochkaeva I.V. Teoretiko-metodologicheskie osnovy' social'nogo kapitala organizacii [Theoretical and methodological foundations of the social capital of the organization]. Ekaterinburg, 2011 (in Russian).*
- Bondarenko V.A., Sulimenko O.V. “Chelovecheskij” i “social'ny’j” kapital: osobennosti vy’voza iz Rossii [“Human” and “social” capital: features of export from Russia] // Koncept. 2015. N 24. URL: <http://e-koncept.ru/2015/75299.htm> (in Russian).*
- Davy'denko V.A., Tarasova A.N., Zy'kov V.V. Predprinimatel'skie seti i social'ny'j kapital v rossijskix biznes-organizaciyax (na primere e'mpiricheskix issledovanij firm malogo i srednego biznesa v Ural'skom federal'nom okruse) [Entrepreneurial networks and social capital in Russian business organizations (on the example of empirical studies of small and medium-sized businesses in the Ural Federal District)] // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2012. N 6. S. 171–176 (in Russian).*
- Demchuk D.B. Izmerenie kognitivnogo social'nogo kapitala v organizacii: podxody' i metody' [Measuring cognitive social capital in an organization: approaches and methods] // Social'naya i e'konomicheskaya psixologiya. 2017. N 2. S. 165–184 (in Russian).*

Galeznik I.A., Chernenko I.M., Kel'chevskaya N.R. Neformal'nye otnosheniya na rynek truda i ikh vliyanie na doverie rabotnikov i ikh udovletvoryonnost' rabotoj [Informal relations in the labor market and their impact on employee confidence and job satisfaction] // *Ekonomika i upravlenie v XXI veke: tendencii razvitiya*. 2016. N 33–1. S. 165–176 (in Russian).

Germanov I.A., Plotnikova E.B., Bulgakova D.A. Strukturnyj social'nyj kapital rabotnikov rossijskix promyshlennix predpriyatiij: opyт e'mpiricheskoy ocenki [Structural social capital of workers of Russian industrial enterprises: experience of empirical assessment] // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psixologiya. Sociologiya*. 2018. Vy'p. 1. S. 135–145 (in Russian).

Igumnov O.A. Teoreticheskie aspekty' genezisa koncepcii korporativnoj social'noj otvetstvennosti [Theoretical aspects of the genesis of the concept of corporate social responsibility] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika*. 2012. N 7(126). S. 74–83 (in Russian).

Karavaj A.V. Social'nyj kapital rossijskix rabochix i ikh ustannovki v otnoshenii ego nakopleniya [Social capital of Russian workers and their attitudes towards its accumulation] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya*. 2016. N 3. S. 1–15 (in Russian).

Kondrat'eva E.V. Tipy' social'nogo kapitala i e'konomicheskoe blagosostoyanie: ocenki dlya Rossii [Types of social capital and economic welfare: estimates for Russia] // *Mir e'konomiki i upravleniya*. 2018. N 4. S. 42–54 (in Russian).

Lanczman A.V. Social'nyj kapital kak faktor povysheniya effektivnosti upravlencheskoj deyatel'nosti. Diss. ... kand. e'kon. Nauk [Social capital as a factor in improving the efficiency of management. Diss. ... cand. econom. sciences]. M., 2007 (in Russian).

Litvina S.A., Shrajber N.Yu. Opyт transformacii organizacionnoj kul'tury' na osnove sistemicheskix issledovanij [Experience of transformation of organizational culture on the basis of systematic research] // *Psixologiya v e'konomike i upravlenii*. 2016. N 1–2. S. 25–35 (in Russian).

Ly'sikov M.V. Formirovanie reprezentativnoj organizacionnoj kul'tury': socio-logicheskij analiz: diss. ... kand. socz. Nauk [Formation of a representative organizational culture: sociological analysis: diss. ... cand. social sciences]. Saratov, 2011 (in Russian).

Olimpieva I.B., Kondakov A.A., Ezhova L.V., Slobodskoj A.L. Social'nyj kapital: analiticheskie podxody' i vozmozhnosti izmereniya na urovne organizacii [Social capital: analytical approaches and measurement capabilities at the organizational level] // *Peterburgskaya sociologiya segodnya*. 2014. N 1–1. S. 10–41 (in Russian).

Plotnikova E.B., Germanov I.A. Rol' social'nogo kapitala v formirovaniyu upravlencheskoj aktivnosti trudovogo povedeniya [The role of social capital in the formation of managerial activity of labor behavior] // *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. N 3. S. 43–58 (in Russian).

Polyakova O.V. Formirovanie i realizaciya social'nogo kapitala v rossijskoj e'konomike. Avtoref. diss. ... kand. e'kon. Nauk [Formation and implementation of social capital in the Russian economy. Author's abstract. diss. ... cand. econom. sciences]. Joshkar-Ola, 2013 (in Russian).

Salixov B.V., Luneva E.V. Social'nyj kapital kak faktor innovacionnogo razvitiya predpriyatiya: Monografiya [Social capital as a factor in the innovative development of an enterprise: Monograph]. M., 2011 (in Russian).

Sidorina T.Yu. Social'nyj kapital organizacii i social'naya politika rossijskogo predpriyatiya [Social capital of an organization and social policy of a Russian enterprise] // *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*. 2007. N 3. S. 319–334 (in Russian).

Tarasova A.N., Andrianova E.V. Problema doveriya v otnosheniyax "rabotodatel' — rabotnik" [The problem of trust in the relationship "employer — employee"] //

Sovremenny'e problemy' nauki i obrazovaniya. 2013. N 5. S. 647. URL: www.scienceeducation.ru/111-10358 (in Russian).

Xalikova L.V. Doverie kak social'nyj faktor razvitiya malogo predprinimatel'stva: avtoref. diss. ... kand. socz. Nauk [Trust as a social factor in the development of small business: author. diss. ... cand. social sciences]. Kazan', 2008 (in Russian).

Yashhenko G.V. Korporativnaya kul'tura vo vnutriorganizacionnom social'nom upravlenii: avtoref. diss. ... kand. socz. Nauk [Corporate culture in intra-organizational social management: author. diss. ... cand. social sciences]. Rostov-na-Donu, 2007 (in Russian).

Zrodnikov A.V. Mexanizmy' formirovaniya, vosproizvodstva i izmeneniya organizacionnoj kul'tury: sociologicheskij aspekt: avtoref. diss. ... kand. socz. nauk [Mechanisms of formation, reproduction and change of organizational culture: sociological aspect: author. diss. ... cand. social sciences]. Nizhnij Novgorod, 2007 (in Russian).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Общие требования к рукописям, предлагаемым для опубликования в журнале “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”

Материалы, представленные на рассмотрение для публикации в журнале, обязательно должны соответствовать тематике журнала (основные тенденции современного социального развития и изменения, методологические и теоретические проблемы современной социологии и политологии, конкретные области социологического и политологического анализа, исследования проблем и специфики современного общества и институционального порядка, политических процессов, вопросы социальной и государственной политики, социального и организационного менеджмента).

Все материалы должны представлять собой самостоятельное научное исследование (то есть должны содержать вклад автора в постановку и разработку выбранной для научного исследования проблемы). В целях обеспечения качества публикуемых материалов и соблюдения авторских прав все поступающие статьи проходят проверку через систему “Антиплагиат”.

Материалы должны быть актуальными (содержать элементы научной и информационной новизны).

Рукопись обязательно должна соответствовать принятым в журнале техническим требованиям к оформлению. В случае соответствия требованиям предлагаемая статья может быть рассмотрена в редакции и отправлена на рецензирование (экспертную оценку), а при необходимости может быть обсуждена на редколлегии. В последующем будет принято решение о возможности/невозможности публикации рукописи с учетом публикационных планов журнала.

Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. По вопросам, связанным с публикацией представленных в редколлегию материалов, необходимо обращаться по электронной почте vestnik@socio.msu.ru, Vestnikmgu18@mail.ru

Желающие опубликовать статью в журнале “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”, могут присылать материалы в № 1 (январь–март) — до 20 августа,
в № 2 (апрель–июнь) — до 20 ноября,
в № 3 (июль–сентябрь) — до 20 февраля,
в № 4 (октябрь–декабрь) — до 20 мая
каждого года.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи не возвращаются. Гонорар авторам за публикацию рукописей не выплачивается.

Плата с авторов (в том числе с аспирантов) за публикацию рукописей не взимается.

**Рукописи, подаваемые в журнал,
должны соответствовать следующим требованиям**

Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде (в том числе рисунки (диаграммы, графики, схемы и т.п.)).

Все предоставляемые в редколлегию материалы должны содержать:

- 1) название статьи на русском и английском языках;
- 2) сведения обо всех авторах на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора, город, страна, индекс. Авторская транслитерация ФИО должна учитывать то обстоятельство, что ее изменение, возможно, затруднит поиск прежних публикаций автора, которые перестанут учитываться в перечне его работ (то есть необходимо транслитерировать ФИО так, как в загранпаспорте или в предыдущих работах, т.е. унифицировать).
- 3) аннотации на русском и английском языках (не менее 200–250 слов каждой);
- 4) ключевые слова (6–8 слов/словосочетаний) на русском и английском языках;
- 5) основной текст. К рассмотрению принимаются материалы и статьи преподавателей и научных сотрудников объемом от 1 авторского листа (40 тыс. знаков) до 1,3 авторского листа (приблизительно 53 тыс. знаков). Объем аспирантских статей от 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков). (Указано общее число знаков вместе с пробелами, знаками рисунков, оформительскими страницами);
- 6) список литературы в конце статьи (число русскоязычных работ + число работ на иностранных языках = 20–30). Отсутствие пристатейного списка литературы может стать причиной отказа в рассмотрении статьи.

Список литературы помещается после основного текста статьи, и оформляется следующим образом:

- а) список литературы на русском языке (по алфавиту (кириллическому) без нумерации). Этот список имеет подзаголовок “Список литературы”;
- б) второй список имеет подзаголовок “References”. Этот список в свою очередь включает в себя транслитерацию (по системе BSI. При создании транслитерации возможно использование программы транслитерации текста, к примеру, translit.net) и перевод на английский вышеупомянутого списка литературы на русском языке, а также список литературы на иностранных языках (транслитерация русскоязычных работ + список работ на иностранных языках, все общим списком по алфавиту (латинскому)).

Более подробно требования к оформлению статей представлены на сайте журнала <http://vestnik.socio.msu.ru/jour> Там же можно посмотреть образцы оформления ссылок, списков литературы и т.п.

Кроме того, на сайте есть электронная форма, с помощью которой необходимо подать статью в редколлегию.

*С уважением,
редколлегия журнала “Вестник Московского университета.
Серия 18. Социология и политология”*